

Николай Мельниченко

Кто есть кто

**На диване
президента Кучмы**

Annotation

В 2002 году, находящийся тогда в США бывший офицер президентской охраны Николай Мельниченко выпустил книгу под названием "Кто есть кто на диване Президента Кучмы", в которую поместил расшифровки сделанных им записей разговоров Леонида Кучмы с высокопоставленными чиновниками. Во вступительном слове Мельниченко заявляет, что ему нелегко было принять решение об осуществлении записей Кучмы, и сделал это после того, как увидел низкий интеллектуальный уровень высшего руководства страны.

Книгу продемонстрировал на пресс-конференции в Киеве депутат Верховной Рады, глава комиссии по расследованию убийства журналистов Георгия Гонгадзе и Игоря Александрова Григорий Омельченко.

"Лексикон и интересы наших чиновников были аналогичны бандитским. "Наезды", "разборки", "бабло", "замочить", "опустить", "кинуть" - это наиболее приемлемые выражения из потока матерщины", - сказано в книге. - Это было потрясение".

Мельниченко также говорит, что писать разговоры Кучмы было легко из-за плохой организации охраны первого лица государства.

"Охрана была столь безалаберна, что под диваном Кучмы можно было спрятать, условно говоря, не только диктофон, а полагаю музыкальный центр", сказано в книге.

Николай Мельниченко, чьи первые записи были обнародованы в ноябре 2000 года, обвинил Президента и ряд высших государственных чиновников в коррупции, фальсификации президентских выборов 1999 года и других тяжких преступлениях.

Кучма признал факт прослушивания, но утверждает, что пленки сфальсифицированы.

В качестве приложения размещены отрывки из книги Владимира Цвиля “В центре “кассетного скандала”. Рассказ очевидца”, Владимир Цвиль бывший консул Украины в Мюнхене, бывший помощник Александра Мороза. В книге автор в которой в собственной интерпретации описывает неизвестные прежде детали. Дан ряд примечаний о похищении и убийстве Георгия Гонгадзе и самоубийству бывшего министра внутренних дел Юрия Кравченко по состоянию март 2011 года из открытых источников.

-
- [Николай Мельниченко](#)
 - [Полная версия](#)
 - [Леонид Кучма](#)
 - [ИЗБРАННЫЕ АФОРИЗМЫ](#)
 - [ТЕХНОЛОГИЯ БЕСПРАВИЯ](#)
 - [ГАРАНТ БЕЗЗАКОННОСТИ](#)
 - [СБОРЩИК](#)
 - [ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВУАЙЕРИЗМ](#)
 - [ДИВАННАЯ ГЕОСТРАТЕГИЯ И КОМПРОМАТ НА ПУТИНА](#)
 - [ПОРЯДОК И ПОРЯДОЧНОСТЬ](#)
 - ["БЕСПРЕДЕЛЬНЫЙ" ПРЕЗИДЕНТ](#)
 - [Николай Азаров](#)
 - [ИЗБРАННЫЕ АФОРИЗМЫ](#)
 - [Украинский суд. Бессмысленный и беспощадный](#)
 - [НЕУДАВШИЙСЯ ПАРТОРГ](#)
 - [ПРЕССА ПОД НАЛОГОВЫМ ПРЕССОМ](#)
 - [СЛАДКАЯ ЖИЗНЬ](#)
 - [ВОСПИТАТЕЛЬ](#)
 - [ЦАРЕДВОРЕЦ](#)

- [АЗАРОВА ИСПОРИЛ КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС](#)
- [Игорь Бакай](#)
- [ТАК СТАНОВЯТСЯ ПРЕЗИДЕНТАМИ](#)
- [БАКАЮ ЗАКОН НЕ ПИСАН](#)
- [ВЫСОЧАЙШАЯ "КРЫША"](#)
- [СПОНСОР ЛИТВИНА](#)
- [УДОЧКИ ПОДАНО, ЛЕОНИД ДАНИЛОВИЧ!](#)
- [Леонид Деркач](#)
- [Избранные афоризмы](#)
- [ТЕЛЕВИДЕНИЕ ДЛЯ "ВОРОВ В ЗАКОНЕ"](#)
- [ПИАРЩИК](#)
- [ЕВРЕЙСКИЙ ЗАГОВОР](#)
- [ЗАКАЗ ПРИНЯЛ!](#)
- [ЗАГОВОР ПЕНСИОНЕРОВ](#)
- [КАК "КОШМАРЯТ" КОРРУПЦИЮ В УКРАИНЕ](#)
- [Сергей Довгань](#)
- [Георгий Гонгадзе](#)
- [ОБОРЗЕЛИ](#)
- [АНТОЛОГИЯ СМЕРТИ](#)
- [ЕСЛИ ДРУГ ОКАЗАЛСЯ ВДРУГ...](#)
- [ВНЕ ЗАКОНА](#)
- [СЛЕПАЯ ФЕМИДА](#)
- [ЗАМЕТАЯ СЛЕДЫ](#)
- [УБИЙСТВЕННЫЙ СМЕХ](#)
- [Борис Холод](#)
- [ИЗБРАННЫЕ АФОРИЗМЫ](#)
- [Юрий Кравченко](#)
- [ИЗБРАННЫЕ АФОРИЗМЫ](#)
- [РЭКЕТИР С ГАЛУНАМИ](#)
- [ДЕФЕКТИВНЫЙ ДЕТЕКТИВ](#)
- [ЕСТЬ ЛИ ЧЕСТЬ У МУНДИРОВ?](#)
- [КРИМИНАЛЬНЫЙ ТАЛАНТ](#)
- [Алексей Кучеренко](#)
-
- [Валерий Малев](#)
- [НЕ ТОЛЬКО "КОЛЬЧУГА"](#)

- [Александр Кузьмук](#)
- [Виктор Медведчук](#)
- [ИЗБРАННЫЕ АФОРИЗМЫ о Медведчуке и Суркисе:](#)
- [УКРАИНСКУЮ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЮ](#)
- [ОБЪЕДИНЯЮТ СУДИМЫЕ ГРАБИТЕЛИ И АГЕНТЫ](#)
- [КГБ](#)
- [МЕДВЕДЧУК И СУРКИС - "АВТОРИТЕТЫ В ЗАКОНЕ"](#)
- [ИМПЕРИЯ СДПУ\(О\).](#)
- [Александр Мороз](#)
- [Вячеслав Пиховшек](#)
- [ИЗБРАННЫЕ АФОРИЗМЫ](#)
- [ЭТИ НЕСНОСНЫЕ ЯНКИ...](#)
- [ЛЮБИТЬ ИНЫХ - ТЯЖЕЛЫЙ КРЕСТ](#)
- [Михаил Потебенько](#)
-
- [Дмитрий Выдрин](#)
- [Александр Зинченко\[4\]](#)
- [Виктор Янукович](#)
- [Приложение.](#)
- [Отрывки из книги. Часть 1.](#)
- [Глава 2.](#)
- [Глава 3.](#)
- [Глава 4.](#)
- [Глава 5.](#)
- [Отрывки из книги. Часть 2.](#)
- [Отрывки из книги. Часть 3.](#)
- [Глава 2. Брошенный в Чехии.](#)
- [Отрывки из книги. Часть 4.](#)
- [Глава 2. Детектор лжи.](#)
- [Отрывки из книги. Часть 5.](#)
- [Глава 2. Моравская сказка](#)
- [Отрывки из книги. Часть 6.](#)
- [Глава 2. Новые герои.](#)
- [Глава 3. Майор и журналисты.](#)
- [Отрывки из книги. Часть 7.](#)
- [Глава 2. Возвращение в Украину.](#)

- [Глава 3. СБУ: в борьбе за записи Мельниченко.](#)
 - [Отрывки из книги. Часть 8.](#)
 - [Глава 2. Знакомство с Президентом.](#)
 - [Глава 3. Прогулка в Конча-Заспе.](#)
 - [Отрывки из книги. Часть 9.](#)
 - [Глава 2. Вокруг “оригинального прибора”.](#)
 - [Отрывки из книги. Часть 10.](#)
 - [Глава 2. Контракт с DOORUA.Inc.](#)
 - [Глава 3. Баден-Баден: письмо Президенту.](#)
 - [Отрывки из книги. Часть 11.](#)
 - [Глава 2. Страсбург: битва за Украину.](#)
 - [Глава 3. Саакашвили, суши и «Колизеум».](#)
 - [Глава 4. В кругу друзей.](#)
 - [Отрывки из книги. Часть 12.](#)
 - [Глава 2. Вена. Полмиллиона за пиво.](#)
 - [notes](#)
 -
 -
 -
 -
-

Николай Мельниченко

**Кто есть кто. На диване
президента Кучмы**

Полная версия

УВАЖАЕМЫЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ!

Я представляю вам первый сборник документов, подготовленный на основе записей разговоров в рабочем кабинете президента Украины Леонида Кучмы, деятельность которого документировалась мной на протяжении двух лет. Подлинность записей удостоверена экспертизами лаборатории Федерального бюро расследований США, и не оспаривается нигде в мире, кроме как официальными властями в самой Украине.

Сторонники Кучмы обвиняют меня в государственной измене. Поверьте, решение задокументировать разговоры президента, а затем обнародовать записи и уехать из страны, было невероятно тяжелым. Десятки ночей я не спал, отвечая себе на вопрос, правильно ли я делаю.

Попробуйте поставить себя на мое место. Когда я пришел на работу в подразделение охраны Кучмы, чиновники администрации президента казались мне серьезными и принципиальными государственными мужами. Передо мной оживали всем знакомые телевизионные образы. Но проводя много времени непосредственно рядом с охраняемыми объектами, я очень быстро испытал настоящее потрясение. Они вели себя гораздо грубее и мыслили гораздо примитивнее, чем большинство моих знакомых и друзей – простых людей. Лексикон и интересы наших чиновников были аналогичны бандитским.

"Наезды", "разборки", "бабло", "замочить", "опустить", "кинуть" – это наиболее приемлемые выражения из потока матерщины. Президент Украины, никого не стесняясь, принимал роскошные подарки,

обсуждал детали нелегальных финансовых операций, приказывал уничтожить своих политических оппонентов – зачастую простых людей, которые не побоялись критиковать действия властей.

Это было потрясение. Я не хотел жить с раздвоенным сознанием. Я офицер, моя задача – обеспечение государственной безопасности, я присягал на верность народу Украины. И я понял, что самая большая угроза моему народу – это система власти, продажная, интеллектуально ограниченная, работающая только на себя, которая ради самосохранения готова лгать и убивать. Эта система несостоятельна с профессиональной точки зрения – и одним из аргументов является то, что я в течение ряда лет без всяких помех записывал разговоры в самом охраняемом кабинете государства. Охрана была столь безалаберна, что под диваном Кучмы можно было спрятать, условно говоря, не только диктофон, а полагаю, целый музыкальный центр.

Я далек от мессианства, я не считаю себя избранным, который призван "изгнать торговцев из храма". Я выполнял свой служебный долг, когда установил диктофон в кабинете президента. Тем более, что согласно процессуальным нормам, аутентичная запись преступления может выступать доказательством в любом суде.

Вначале я полагал собрать несколько записей и передать их в суд. Однако по изучении разговоров Кучмы с подчиненными, стало очевидно, что судебная система контролируется президентом, точно также как и все руководство правоохранительных органов. Круговая порука, при которой улики против преступника возвращаются к нему же в руки. Я не видел другого выхода, кроме как передать записи авторитетному политику, и покинуть страну.

Я обратился к Александру Морозу потому, что его оппозиция властям вызывала наибольшее раздражение Кучмы. Судя по записям, в Украине, по счастью, есть политики с достойной репутацией, на которых подручные Кучмы не могут подготовить компромат. Мороз – один из таких политиков, к тому же он лидер крупной партии и фракции в Верховной Раде.

Признаюсь, был уверен, что Кучма, осознав, что теперь система власти, которую он строил, оказалась разоблачена, попытается найти какой-либо политический компромисс с оппозицией. Назначит, как минимум, досрочные выборы и подаст в отставку. Однако Кучма не меняется и ничему не учится. Он предпочел остаться президентом, с которым уже два года предпочитают не здороваться лидеры ведущих стран Европы и Америки.

Прочитав эту книгу, вы поймете механизм современной украинской власти. Власти, которая тяжело больна, и нуждается в хирургической операции по удалению главного источника болезни – к сожалению, это глава государства.

Прошу прощения за сохранение в книге некоторых матерных выражений. Они оставлены только там, где иначе текст утрачивает связность и логику. По-другому наша властная "элита" не изъясняется. Русский язык в качестве единого выбран потому, что суржик, на котором изъясняется президент и большинство его посетителей, к нему все-таки ближе. Также я немного откорректировал стилистику отдельных фраз, а именно – согласование времен и родов, которые зачастую путают собеседники. Материалы для каждой главы подобраны из различных записей, которые появились, либо скоро появятся в звуковом варианте в Интернете. Подборка характеризует личности Кучмы и его команды.

Я публикую эти материалы не ради гонораров. Я хочу, чтобы у меня на родине все понимали причины, по которым мне пришлось уехать.

Я пишу, чтобы вернуться.

Николай Мельниченко, 2002 г.

Леонид Кучма

Президент Украины. Основной фигурант "кассетного" скандала и всех политических кризисов последних восьми лет. Кучма зарекомендовал себя как выдающийся аппаратный работник, но о его компетентности как главы государства можно судить по состоянию дел в стране. Украинская экономика находится на одном из последних мест в Европе, реальные доходы населения по сравнению с 1990 годом снизились в 10 раз.

Международные финансовые эксперты считают, что инвестиции в Украину более рискованы, чем во многие азиатские и африканские страны. Отечественные и зарубежные предприниматели, которые работают на украинском рынке, открыто заявляют о чрезвычайном уровне коррупции чиновников, – ни один пустяк не делается без "подарка". Политическая система в стране, по официальной оценке лидеров Европейского союза является "игрой в демократию".

О Кучме пишут и говорят неизмеримо больше, чем о любом другом украинце. В стране, где персонификация власти приобретает масштабы идолопоклонства, по-другому быть не может. Чем же оправдано со стороны всех телеканалов и сотен газет почитание президента, которому по всем социологическим опросам доверяет

не более 5% граждан, а 45-50% выступает за его отставку?

Ответ можно найти в записях Николая Мельниченко. Вот о чем говорят высшие чиновники, когда перед ними нет телесуфлера. Вот что они делают, когда им не надо разыгрывать на публике роли благодушных "отцов нации". Вот истинный уровень интеллекта и культуры, когда речи их пишут не опытные писаки, а непосредственно диктофон.

После ознакомления с большим объемом записей, становится понятно, что не стоит поспешно призывать к суду над Кучмой. Вначале нужна судебно-психиатрическая экспертиза. Мания преследования, постоянный страх заговоров, многочасовое ежедневное изучение всех аспектов жизни сотен людей по материалам оперативного наблюдения, резкие и внезапные вспышки гнева, полная неспособность спокойно воспринимать критику. Он не верит людям, потому что привык верить только данным "прослушки". Он приказывает убивать, потому что боится диалога.

Кучма – аппаратчик советской школы, его жизненные стереотипы сформированы командно-административной системой, и узлы проблем он привык не распутывать, а рубить. Записи показывают византийскую атмосферу взаимных доносов чиновников, неуклюжие попытки завоевать благосклонность владыки, подношения роскошных "подарков" и физическое уничтожение диссидентов. В стране прогрессирует только карательная система. Кучма неспособен осознать, что политическое взаимодействие и гражданский мир нельзя наладить с помощью шпионажа, и что рейды налоговой милиции не способствуют подъему бизнеса.

ИЗБРАННЫЕ АФОРИЗМЫ

"Ты посади его к уголовникам, пускай..."

Об арестованном бизнесмене Борисе Фельдмане

"Почему на государственном уровне только я гавкаю на Россию - уже несколько заявлений сделал?"

О необходимости установить прагматичные отношения с Россией

"Или ты, бл..., в тюрьме будешь сидеть, или ты должен дать голоса"

О методике агитации председателей колхозов на президентских выборах

"Это ж подонки твои судьи! Я должен ехать к ним и давать свидетельства! Поэтому возьми этого судью, за яйца подвесь, пусть повисит одну ночь"

О решении донецкого судьи вызвать Кучму в суд в качестве свидетеля

"Какая-то мания, бл... Уже даже политбюро, а он как Леонид Ильич Брежнев. Такой орган высокий"

О лидере СДПУ(О), ныне главе администрации президента Медведчуке, ежедневно мелькающем на всех телеканалах

Уже после начала "кассетного" скандала весь мир смог удостовериться из первых уст, что человеческая жизнь для Кучмы – это расходный материал. 4 октября 2001 года украинские военные уничтожили пассажирский лайнер, погибло 78 человек. Комментарий Кучмы этой трагедии для телевидения прозвучал еще циничней, чем диктофонная запись. Ироничные слова президента Украины: "Бывают трагедии и больших масштабов", с возмущением

цитировали все зарубежные средства массовой информации. Украинский МИД принес официальные извинения, но сразу распространилось мнение, что психически полноценный человек так аморально высказываться не может. Записи Мельниченко – это не сенсация. Это диагноз.

ТЕХНОЛОГИЯ БЕСПРАВИЯ

Механизмы удержания власти Кучма разрабатывает самостоятельно. Поскольку популярностью он не пользуется, президент использует правоохранительные органы как основной политический инструмент. Одной записи разговора с главой Налоговой администрации Азаровым, который состоялся между первым и вторым туром голосования на президентских выборах 1999 года, достаточно, чтобы охарактеризовать систему президентской власти в Украине, и степень ее легитимности. Вот так Кучма сидит на "троне". О какой всенародной избранности можно говорить? Демократия по-украински – это очень жестокая игра.

КУЧМА: Ты должен собрать всех своих, бл..., налоговиков, по районам – ну, хотя бы областным. И предупредить: кто в районе проиграет выборы, тои после выборов работать не будет. Ни одного не оставим. Ты ведь должен сесть с каждым председателем (колхоза – Ред.), и сказать: "Или ты, бл..., в тюрьме будешь сидеть, или ты должен дать голоса". Так или нет?

АЗАРОВ: Я понимаю, все будет.

КУЧМА: Я сейчас скажу Кравченко. А ты потом скажешь, чтобы они вместе, с каждым председателем колхоза...

АЗАРОВ: Хорошо, от начальников райотдела?

КУЧМА: (по телефону говорит с Кравченко): У меня Азаров. Значит, тут же такой механизм работы. У них практически на каждого председателя колхоза есть дело (уголовное – Ред). Их надо в каждом районе собрать, чтобы начальник милиции и начальник налоговой службы... И сказать: хлопцы, если вы не даете столько, сколько надо, то завтра вы все будете

там, где вам надо... Ну, надо собрать кроме западных областей (*Западная Украина не поддерживала конкурента Кучмы во втором туре коммуниста Симоненко* – Ред.). А эти, центральные – Херсонская, Кировоградская, Черниговская, эти области надо... Чтобы они четко знали, играть мы больше не будем. Эти ж суки председатели колхозов... Я вчера сказал, все ж помещики-бароны. После выборов самый жестокий порядок. Мы не должны расслабляться.

Второе, мы должны выиграть с хорошим преимуществом. Это тоже важно. Понимаешь. Когда говорят – там два-три процента, это не выигрыш. Потому мы должны так, чтоб те сели на одно место и сказали: "Сегодня протестный электорат, – это же те, что голосовали за тебя. В демократических странах президенты, чтобы выиграть выборы обращаются к народу. А украинский президент обращается к главе Службы безопасности Деркачу".

КУЧМА: Милиция серьезно должна поработать, значит, налоговая... Надо, чтоб с каждым председателем колхоза, в каждом селе приехал налоговый и сказал: дорогой товарищ, ты ж прекрасно представляешь, сколько у нас материалов для того, чтобы ты завтра оказался в местах не столь отдаленных... А там же на каждого председателя колхоза можно найти более чем достаточно... Да или нет? Наверно да. Поэтому милиция, значит. Служба... все они должны, значит, распределиться и серьезно поговорить с каждым председателем колхоза. Это они, стараются, значит, устраивают... Село ж там голосует против. С церковью надо еще раз серьезно поговорить, чтобы они соответствующие мероприятия проводили. Более, так сказать, активно.

Подручные Кучмы отчитываются, как им удастся манипулировать результатами голосования. При этом Деркач рассказывает, что несмотря на якобы

"всеобъемлющую поддержку", которую получил Кучма, люди голосовали за других кандидатов, несмотря на все угрозы. СБУ славится строгой дисциплиной, но даже сотрудники Деркача на самом деле проголосовали за оппозицию.

ДЕРКАЧ: Мы после выборов почистим это... Ну, скажем, если воинская часть стратегического назначения, напрямую подчиняется СБУ. Вся за Морчука! Вся за Марчука! *(Нынешний секретарь Совета национальной безопасности Марчук в 1999 году был соперником Кучмы на президентских выборах – Ред.).* Институт сухопутных войск... Я думаю, что, Леонид Данилович, надо дать прямое задание Генеральному прокурору, он дал на места... Вот там, где "закраснело", пусть пригласит председателя колхоза. Для бе-се-ды! Ну, чего мы власть должны терять! Если мы власть, то это же наш инструмент власти, – прокуратура.

КУЧМА: Прокуратура и милиция.

У Кучмы все-таки есть свой стабильный электорат – это заключенные тюрем и лагерей. На всех выборах они почему-то стопроцентно поддерживают власть, которая их посадила и содержит в жутких условиях. Быть может, это идеализм, но скорее...

КУЧМА: Ты знаешь, Медведчук говорил по Виннице там тюрьма есть.

КРАВЧЕНКО: Есть, да...

КУЧМА: И сказал, чтобы голосовали за такого-то...

ГАРАНТ БЕЗЗАКОННОСТИ

Правоохранительная система уничтожена. И звонок "сверху" стал лучшим, а подчас и единственным алиби преступника. Вот как получает приказы наша Фемида, в лице генерального прокурора Потребенько.

КУЧМА: Я вас приветствую, Михаил Алексеевич. В Тернопольской области Зборовский район есть. Глава администрации там был директором птицефабрики. Сегодня прокуратура поднимает вопрос – у него злоупотребления на 12 тысяч гривен – так на целый район скандал... Ну, дадите мне потом. Но пока прыть им поумерьте.

Права на бесправие уже не существует. Судебная система занимает подчиненное положение к исполнительной власти, и подвергается мощному давлению властей. В беседе с Кравченко президента возмущает малейшая самостоятельность судей.

КУЧМА: Там же Бойко, падлюка (бывший председатель Верховного суда – Ред.). Я ж передал дело в другую область, так Верховный суд. Бойко взял и отменил.

КРАВЧЕНКО: Ну с Бойко надо решать что-то. Я думаю, что вы план уже имеете, его надо выгонять. Вы же знаете под кем судебная система. Они решают все проблемы (полномочия суда вызывают у Кравченко ярость – Ред.). Каждое дело мы сопровождаем в рассмотрении, и если не берем судью в клещи, или не пугаем, то он ломается...

Не менее красноречивый разговор о судебной системе произошел между Кучмой и губернатором Донецкой области Януковичем. Тема: арест донецкого адвоката Салова, которого милиция схватила только за то, что у него нашли листовки с антипрезидентскими

лозунгами. "Дабы другим неповадно было", донецкие власти решили посадить человека в тюрьму по обвинению в... клевете! На тот момент в уголовном кодексе только двух европейских стран – Украины и Беларуси, сохранялись статьи за умышленное распространение заведомо ложной информации.

Кучма лично контролировал ход незаконного процесса, о котором стало широко известно международным правозащитным организациям. Салова продержали восемь месяцев в чудовищных условиях украинской тюрьмы, а затем осудили на пять лет заключения! Выступления украинских и зарубежных политиков, абсурдность жестокого приговора привели к полному оправданию Салова Верховным судом за отсутствием доказательств преступления! Записи свидетельствуют, что издевательства над человеком санкционировал лично президент.

КУЧМА: Я тебя приветствую. Жив-здоров? У тебя есть такое дело по Салову? Адвокат.

ЯНУКОВИЧ: Есть. Он нашебуршил там.

КУЧМА: Пошебуршил. По нему уголовное дело там за распространение неправдивой информации. Это с декабря месяца (1999 года – Ред.). Крутил, крутил ваш судья, и вернули дело назад, и сказали: "Это надо рассматривать не как распространение, а как оскорбление президента". Это ж подонки твои судьи! Я должен ехать к ним и давать свидетельства! Поэтому возьми этого судью, за яйца подвесь, пусть повисит одну ночь.

ЯНУКОВИЧ: Понял. Мы разберемся.

КУЧМА: Судьи вообще, бл...

ЯНУКОВИЧ: Ну, они подонки. Председатель суда у меня там не надежный. Его надо менять.

КУЧМА: Ну я думаю, теперь вы разберетесь, чтоб он на всю жизнь запомнил.

СБОРЩИК

Кучма замкнул на себя контроль над основными институтами государственного управления. Он стал хозяином "всего". Он и гарант, он и арбитр, он получает миллионные дивиденды только за несколько слов, брошенных по телефону. "Подарки" сыпятся на него со всех сторон. Почему-то большинство посетителей и собеседников считают, что к президенту нельзя обращаться с пустыми руками. Ну и заносят сувениры. Кто антиквариат, достойный Эрмитажа, кто пакет акций гигантского завода.

При этом Кучму нельзя назвать менеджером или коллекционером. Он всегда предпочитает политическую эффективность экономической целесообразности. Вместо открытой приватизации с привлечением зарубежных инвесторов и реальных денег в бюджет, Кучма раздает государственное имущество приближенным олигархам, чиновникам, членам семьи. Запись разговора с губернатором Сумской области Владимиром Щербанем, осень 2000 года.

ЩЕРБАНЬ: Относительно приватизации акционерного общества, Леонид Данилович. Тут я сейчас коснусь одной темы – "Химпром" наш сумской (одно из крупнейших производственных объединений страны – Ред.). Значит, это очень интересное предприятие. Оно единственное у нас, которое делает суперфосфат, нет такого ни в России, ни в западном регионе. Оно будет приватизироваться, мы боимся, что его растянут неизвестно кто (мысль продать завод солидному инвестору собеседникам в голову не приходит – Ред.). Есть предложение такое. Я все равно вам благодарен буду за работу и так далее. Я хотел бы,

чтобы кто-то принимал участие в этом проекте из ваших (*приближенных – Ред.*). Я готов 25 процентов отдать, и одну акцию "золотую" (*контролирующую – Ред.*), кому скажете. И по каждому предприятию, какое интересно, мы отдадим, кому скажете. Пусть детям и внукам, это все равно жизнь, Леонид Данилович.

КУЧМА: Я Ющенко (*премьер-министр – Ред.*), Бондарю (*глава Фонда государственного имущества – Ред.*) и вам написал, что приватизацию проводить по согласованию с губернаторами. Получил? Работай.

ЩЕРБАНЬ: Я также письмо дам. Я тогда по "Нефтепродукту" (*также крупное предприятие – Ред.*), я тоже акции кому скажете дам.

Каждый посетитель кабинета ищет способ удивить президента чем-нибудь ценным и изысканным. Вот мэру Одессы Руслану Боделану в мае 2000 года эта ответственная миссия успешно удалась.

БОДЕЛАН: Побеспокоил вас. Держите вот. Вот это унция золота (*мера измерения драгоценных металлов, порядка 30 грамм-Ред.*).

КУЧМА: Да? Ну, это видно. Чья это? Стандарт кокой-то?

БОДЕЛАН: Да, это стандарт унции.

КУЧМА: Ух ты! Тут еще и женщина!

БОДЕЛАН: Да, как женщину, ха-ха. Людмиле Николаевне (*жене Кучмы – Ред.*) я привез, как говорят специалисты, одну очень серьезную вещь.

КУЧМА: Ну ты даешь!

БОДЕЛАН: Говорят, это XVIII век, не то Испания, не то Италия, с какой-то своей родословной и прочее. Я думаю, что только жена президента имеет право с нее есть потому, что остальным это...

КУЧМА: Хе-хе-хе. Ладно, спасибо. Ну, как дело?

БОДЕЛАН: Леонид Данилович, если можно, ну, такой вопрос -и экономический, и финансовый, и прочее. Я вам потом хочу еще одну просьбу высказать.

Это вот, скажем, есть такое, наклеывается вот (*шелестит бумагами, передает Кучме - Ред.*) Финансируют это, конечно, хлопцы из-за границы, а работают с моим сыном. Я почему решил с вами поговорить. Если вам понравится, тогда вы скажите.

КУЧМА: (*изучая бумаги*): Ну, какую-то программу под эти деньги.

БОДЕЛАН: Ну, так мы готовы сделать вклад в любое дело, какое – вы скажите просто. Наличными хотите?

КУЧМА: Не-е! То... Надо какое-то дело.

БОДЕЛАН: Ну, так как скажите. Единственно, чтобы я знал, с кем работать. Тот раз, вы помните, был Пустовойтенко. Вы ему сказали, Пустовойтенко все сделал, а сейчас я не знаю...

КУЧМА: Ну, с Литвином. Кому я должен поручение еще дать?

БОДЕЛАН: Да тут, Леонид Данилович, не нужно даже писать. Это просто нужно кому-то сказать, что, вот, работай (*всего унция золота, и некий коммерческий проект, без всякого технико-экономического обоснования получает государственную поддержку - Ред.*).

Скромный слуга народа не стесняется принимать многомиллионные дары, достойные музейных экспозиций. Запись разговора Кучмы с неизвестным бизнесменом, чей голос продолжает идентифицироваться, свидетельствует о том, что у Кучмы дома подобралась шикарная музейная коллекция. В приложение к драгоценному сувениру щедрый незнакомец передал описание экспоната в солидных выставочных каталогах. Гость проявил редкую деликатность, вручив подарки уже после обсуждения своих деловых запросов.

НЕИЗВЕСТНЫЙ: В прошлом году из Италии притащил вот эту вот (слово неразборчиво). Выдурил

его у этого, антикварщика одного. И было принято решение, что дарим вам (слово неразборчиво).

КУЧМА: Ко дню Независимости дар президенту и естественно, президент подарит ее в музей, или как будет решено.

НЕИЗВЕСТНЫЙ: Это уникальная вещь. В 350 тысяч оно оценена, и я привез. К тому же это первый случай, когда к вам завозят Эрмитаж. Леонид Данилович, это ж наш подарок вам, чтобы вы распорядились этой вещью. Сказали, что это раритет. Уникальнейшая вещь. Леонид Данилович, я вам принципиально скажу. Мне уже предсказывал один какой-то (*одно слово неразборчиво*). Она не должна быть у меня. Она должно быть в Украине. Леонид Данилович, вот эти вещи стоят столько, сколько вы скажете. Никогда они нигде не продавались. Вы скажете миллион – миллион. Пять – пять. Оно так стоит.

КУЧМА: (тяжело вздыхает)

НЕИЗВЕСТНЫЙ: Леонид Данилович, я знаю, что если самому не сказать, так никто может и не заметить. Вот список всего того, что я подарил за последние три года. Это неоспоримый факт. Это действительно. Я не претендую на мецената, на спонсора, но я это действительно делал. (*Бизнесмен оставляет подарки Кучме, разговор заканчивается по-дружески – Ред.*).

Судя по записям, "подарки" для Кучмы не являются выражением благодарности за доброе внимание или звонок нужному человеку. Ведь стоит ему захотеть, он и так получит все, что надо – Украина страна богатая, на президенте не экономит. Взятки стали частью "дворцового" обычая, элементом ритуала. Интересно было бы взглянуть на собрание личных "подарков" Кучмы, которое ежедневно обновляется драгоценными подношениями. Разговор Кучмы с Януковичем 12 мая 2000 года.

ЯНУКОВИЧ: И политически было бы очень сильно, Леонид Данилович, если бы вы подписали указ о создании музея промышленности на Украине, в Донецке. Пусть там, грубо говоря, три копейки под это дело, там будет выделено, мы сами там будем заниматься, но это будет история.

КУЧМА: Хорошо, давай.

ЯНУКОВИЧ: История президента Кучмы.

КУЧМА: Ну, брось ты. *(Когда его достоинства оценивают "должным" образом, Кучма не обижается. Учитесь губернаторы, тонким пиар-ходам! Теперь вы понимаете, почему Кучма симпатизирует честному Януковичу! – Ред.)*

ЯНУКОВИЧ: Леонид Данилович. Я вам дарю "Голанд-Голанд".

КУЧМА: Что такое?

ЯНУКОВИЧ: "Голанд-Голанд" – лучшее ружье в мире. Да, "Голанд-Голанд"! Значит, я уже был у Людмилы Николаевны, отвез, оно там. *(Взятка с доставкой на дом! Гениально! Янукович – самый "непотопляемый" губернатор! – Ред.)*

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВУАЙЕРИЗМ

Самой потрясающей чертой Кучмы, которая отражена в записях, является его подозрительность. Заговоры мерещатся со всех сторон, враги окружают, друзей нет... И вместо гимнастики для ума – ежедневные сводки материалов наружного наблюдения и прослушивания всех без исключения, предоставленные из многих силовых ведомств. Кучму интересует любая конфиденциальная информация относительно тысяч людей, которые зачастую не имеют какого-либо политического веса.

Но это неважно для любознательного президента, обожающего вникать в подробности интимной жизни своих сограждан, своих оппонентов, своих ближайших сотрудников. Объяснить страсть Кучмы к поиску грязи и компромата должны очевидно не политики, а медики. Обычно пожилые люди любят смотреть телесериалы, а президент вместо "мыльных" опер часами (!) копается в бумажках, сплетнях, подслушанных телефонных звонках, чужих семейных проблемах. Мы опускаем все многочисленные фрагменты, сопровождаемые скабрёзными комментариями. Кроме одного, интересного тем, что Кучма изучает интимную жизнь своего нынешнего главы администрации Медведчука. Вот уровень понимания Кучмой задач государственной безопасности, которые он ставит перед главой СБУ Деркачом.

ДЕРКАЧ: *(показывает материалы прослушивания):* Это Суркис свои счета тут, по счетам говорит: "Это Аня". Мы сейчас проверяем. У них есть счета на Кипре. Помните, я вам показывал тогда, что когда Суркис разводился, так они звонили туда, чтобы те, которые у него счета...

КУЧМА (*перебивает*): Разводился?

ДЕРКАЧ: Ну, счета эти развели с этой... у него эта девочка была.

КУЧМА: Ну, он мог бы жить с этой девочкой, а с той не разводиться.

ДЕРКАЧ: Ну, дело в том что...

КУЧМА (*перебивает*): А что, Медведчук развелся? Он же не развелся, живет с этой?

ДЕРКАЧ: Ну, как же?! Он сожителем живет, а не живет. А этот живет. У этого она уже в положении. Дело в том, что у них счета, и тогда Медведчук провел процесс, чтобы банки деньги, которые у Суркиса, чтобы взяли их, как можно меньше оставили. Чтоб, если делиться с женой – это ж еще когда было, еще в прошлом году, – чтоб делиться меньше было, там со счетов снимали деньги.

Надо отдать должное президенту в том, что он с подозрением относится ко всем своим приближенным. Кучма презирает и вассалов и фаворитов.

КУЧМА: Гавриш (на то время вице-спикер Верховной Рады, ныне лидер пропрезидентской фракции – Ред.), блядь, он пустой, блядь, как барабан.

КРАВЧЕНКО: Ну, то что пустой,- это действительно. Мне кажется, что воли нет абсолютно.

КУЧМА: Абсолютно.

Великодушие не входит в число президентских добродетелей. Крупный бизнесмен Евгений Червоненко был одним из приближенных к Кучме людей, оказывал всевозможную поддержку президенту. Червоненко и его команда поддерживали курс премьер-министра Ющенко, отнюдь не переходя в оппозицию. Но Кучма терпит только тех, кто лично ему предан.

КУЧМА: За Червоненко пускай берется. Пусть за брата расплачивается.

КРАВЧЕНКО: Ну, у него там коммерческие структуры...

КУЧМА: Да...

КРАВЧЕНКО: Поэтому я хочу пройтись по западным, повстречаться, посмотреть, как там они видят перспективу.

Кучма очень одинокий человек. Друзей у него нет. Еще со студенческих времен он дружил с Владимиром Горбулиным, который какое-то время был одним из наиболее влиятельных политиков Украины, секретарем Совета национальной безопасности и обороны. Горбулин, который хорошо знает Кучму и его семью, однажды прилюдно сравнил судьбу президента с трагедией короля Лир. Стоило фавориту покинуть место у трона, и отношение к нему меняется.

АЗАРОВ: Года два назад, когда мы серьезно занялись "Ва-банком", потому что он был одним из жульнических банков, на меня вышел Горбулин Владимир Павлович, вот. Ну, он мне говорит, что вот "Ва-банк", понимаешь, оказывает большую спонсорскую помощь..."

КУЧМА: Какую?!

АЗАРОВ: Хуй его знает.

КУЧМА: Я Горбулина знаешь, чего отсюда выгнал?

АЗАРОВ: Лоббировал?

КУЧМА: Страшно! Он потерял, блядь, совесть. Я его поэтому убрал. (Даже странно слышать такие оценки от Кучмы, который спокойно принимает взятки в миллионы долларов. Неужели Горбулин мог брать больше? – Ред.).

Впрочем, Леонид Данилович любит манипулировать образами. Он возмущается в телевизоре тем, что народные депутаты занимаются бизнесом. Но совершенно не пытается искоренить законными методами эту проблему. Потому что именно контроль над бизнесом делает депутатов пропрезидентского крыла управляемыми марионетками. На собрании депутатов пропрезидентских фракций после избрания

нового парламента, Кучма открыто задал вопрос: "Ну, что, все хотят бизнесом заниматься?"

АЗАРОВ: 386 народных депутатов являются основателями 3954 предприятий. 25 процентов импорта и около 10 процентов экспорта контролируется нашими народными депутатами. *(С пафосом – Ред.)*.

Нужно ли ожидать от наших народных избранников, что они будут болеть за государство, так сказать, и народ.

КУЧМА: Хе! Бомба, блядь. На меня же все обиделись, когда я сказал, что депутаты *(слово неразборчиво)*. *(Кучма публично называл депутатский корпус Украины "ненормальными" и "свиньями необрезанными" – Ред.)*.

АЗАРОВ: Правильно вы сказали! Сейчас эти довыборы *(имеются в виду довыборы в Верховную Раду – Ред.)*. Рвется криминал в том числе. Нам надо посмотреть, Леонид Данилович, надо жестко все сказать. Нельзя народному депутату заниматься бизнесом. Это вообще нонсенс.

ДИВАННАЯ ГЕОСТРАТЕГИЯ И КОМПРОМАТ НА ПУТИНА

Представление о внешней политике президент имеет самое поверхностное. Оценки ситуации за рубежом поражают своей шаблонностью. Анализировать политические проблемы президент просто не умеет, и набраться чужих мыслей неоткуда. "Прослушка" помогает для внутреннего употребления. Но Держак не мог записать патрону разговоры, скажем, Клинтона или Шредера. Поэтому главный дипломат мыслит крайне закомплексовано. Вот набор его суждений.

КУЧМА: Меня недооценивает сегодня Россия – это первое. Недооценивает Грузия. Я вот сегодня с Бальцеровичем (бывший премьер-министр Польши - Ред.) встречался. Значит, не будет Запад защищать и поддерживать, значит, Украину, не оглядываясь на Россию. На первом месте у них стоит Россия. А мы, вместо того, чтобы сгруппироваться и показать, что мы хотим сделать серьезные шаги, ну, президент сделал несколько шагов, а дальше. Что дальше? Что, снова будут кричать, что президент плохой, но никто же ничего не предлагает. Я тебе скажу, что Украина всегда проигрывала, потому что было огромное количество предателей, которые служили то России, то полякам. И сегодня так.

КУЧМА: Так что давайте, давайте работать. Сегодня на уровне Кабинета Министров можно поднять таможенные пошлины на российские товары. Что они подняли, блядь, на нас, а мы молчим? Я уже сколько раз говорил Ющенко: "Почему мы не делаем по принципу: поляки выгнали 5 человек и россияне выгнали (имеется

в виду случай, когда по обвинению в шпионаже Россия и Польша объявили персонами нон грата ряд дипломатов – Ред.). Почему те подняли на 20 процентов (импортные пошлины на украинские товары – Ред.), а мы молчим?" Почему на государственном уровне только я гавкаю на Россию – уже несколько заявлений сделал?

"Гавкать" на Россию Кучма после начала "кассетного" скандала на самом деле не решался. Москва осталась единственной надеждой и опорой дискредитировавшей себя власти. Вместе с тем, компромат на Путина украинские спецслужбы собирали точно так же, как и на других "друзей" президента. 13 мая 2000 года в Вадуце, столице Лихтенштейна, был арестован адвокат Рудольф Риттер. Западная пресса со ссылкой на компетентные источники связывала Риттера с международным наркокартелем. Говорилось, что Риттер отмывал огромные средства через Россию, и его деловым партнером в Петербурге был Владимир Путин, в свое время сотрудник петербургской городской мэрии. Глава СБУ Деркач хвастается Кучме эксклюзивным компроматом на Путина. А Леонид Данилович размышляет вслух, чего бы такого попросить у Путина в обмен на добытые материалы. Запись от 2 июня 2000 года уже вызвала огромный резонанс в российской прессе.

ДЕРКАЧ: Леонид Данилович, мы вот тут у немцев интересную информацию вытянули. Значит, арестован вот такой вот деятель.

КУЧМА (читает): Риттер, Рудольф Риттер.

ДЕРКАЧ: Да. И по делу на этих, на контрабанду наркотиков.

КУЧМА (читает): Директор... получишь...

ДЕРКАЧ: Вот они, документы. Вот они вынули и документы. Вот здесь и Вова Путин.

КУЧМА: Это про Путина?

ДЕРКАЧ: Значит, россияне вот это все выкупили. Вот эти все документы. Остались только у нас. Я думаю, что Патрушев (*директор Федеральной службы безопасности России* – Ред.) будет пятнадцатого-семнадцатого. Вот это ему для работы... Ну, а у себя будем хранить. Они тут где-то хотят все закрыть. Это вам так бросим сюда его, да?

4 июня 2000 года компромат на Путина было решено использовать как сильный козырь в отношениях с Кремлем.

ДЕРКАЧ: Теперь, Леонид Данилович, значит, с американцами то, что в отношении...

КУЧМА: Только под запись по Патрушеву передавать! Это действительно ценные материалы или нет?

ДЕРКАЧ: По этому...

КУЧМА: По Путину.

ДЕРКАЧ: Да. Там имеется очень много ценного. Это действительно фирма, которая...

КУЧМА: Нет, ты мне скажи, это Путину передать или сказать ему, что у нас есть материалы? Как договорились с... (*имя неразборчиво* – Ред.).

ДЕРКАЧ: Ну, можно. Но он все равно поймет, откуда мы взяли материалы.

КУЧМА: Я скажу: "Служба безопасности!" и плюс...

ДЕРКАЧ: Он тебе сказал: "Он, я передал вам".

КУЧМА: Я скажу, что у Службы безопасности нашей есть интересные материалы. Я не буду ему даже передавать.

ДЕРКАЧ: И сказать, что мы выбрали из Германии, и все, что было, значит, у нас (*одно слово неразборчиво* – Ред.) отдали. Больше ни у кого нет. Да? Теперь, я подготовил все документы по Путину и отдал вам.

КУЧМА: Видимо, если будет необходимость. Я не говорю, что я буду лично отдавать. Может, ты Патрушеву отдашь?

ДЕРКАЧ: Нет, ну я просто, как мы примем решение, все равно отдавать надо. Потому, что они все эти документы выкупили по всей Европе, потому что только у нас остался. Эта спецслужба в Германии, мы раньше начали (*одно слово неразборчиво* – Ред). Поэтому он очень заинтересован.

КУЧМА: А может я скажу, что у нас есть документы, подлинные факты в Германии. Я вдаваться не буду.

ДЕРКАЧ: Ага.

КУЧМА: Скажу: "Дайте поручение своим, пускай с нашей службой свяжутся". А когда они с тобой свяжутся, скажешь: "Я президенту отдал, блядь. Забрать у него никак не могу".

ДЕРКАЧ: Хорошо.

КУЧМА: Поиграть надо тоже.

ПОРЯДОК И ПОРЯДОЧНОСТЬ

Любые решения в экономике страны проходят под знаком закручивания гаек. Но при этом правила игры остаются разными для всех. Абстрактные слова о "порядке" не подкрепляются на практике. Как тут не вспомнить агитационный плакат Кучмы образца 1994 года – "Порядок и порядочность"! Экономическая система подвержена манипуляции, но не саморегуляции. Мы приводим яркий образец определения президентом народнохозяйственной стратегии, весьма показательный с точки зрения характеристик действующих лиц. Запись разговора Кучмы с Азаровым и Копыловым, вновь назначенным председателем правления "Нефтегаза", которому выдают инструкции к действию 15 июля 2000 года.

АЗАРОВ: (к Копылову – Ред.). Бывают такие моменты – выборы и Россия. По всем остальным – жесткая чистка и жесткий порядок (имеется в виду, что махинации и выкачивание средств из "Нефтегаза" возможны в период избирательной кампании, или при необходимости рассчитаться с Россией – Ред.).

КУЧМА: Абсолютно точно. Надо расчистить. Поприглашать всех, кто там это самое, и сказать: "Хлопцы, руки на стол, и рассчитывайтесь", или в тюрьму или передать дело в прокуратуру. И все. И никакой жалости. А ведь там осталось, больше, чем достаточно.

КОПЫЛОВ: Ну, там же счета у Бакая, значит (наивный Копылов не понимает, что слова "навести порядок" не предполагают, что при этом должно пострадать президентское окружение – Ред.).

АЗАРОВ: Так что, не забирать? Забирай. Потому что легче вся работа будет (имеется в виду, что новый

глава Национальной акционерной компании должен взять под контроль финансовые потоки НАКа, и отстранить от работы банки, через которые отмывал деньги Бакай – Ред.). Единственно, нужно будет определить серьезно базу, которую... (одно слово неразборчиво – Ред.).

Практически все наши банки находятся под контролем отдельных лиц. То Суркиса, то "Итеры", и пошли-пошли (то есть банки контролируются украинскими и российскими олигархами – Ред.). С мелочевкой же нельзя такое серьезное дело делать (то есть работать в НАКе – Ред.).

КУЧМА: Нет, ну я не настолько, так сказать, Россию знаю. Но знаю ее, так сказать, имидж банковский. Ну, а так что, Матвиенко ставить? (хозяин крупнейшего украинского "Проминвестбанка", личный друг Кучмы – Ред.).

АЗАРОВ: Матвиенко тоже с Гришей Омельченко (народный депутат, выступает с разоблачениями Кучмы и его окружения – Ред.). Ну, с Матвиенко в любом случае можно работать.

КУЧМА: Конечно, он за крупные банки.

КОПЫЛОВ: Но, может быть, [банк] "Украина"?

КУЧМА: Но он же банкрот. (Кучма говорит о банкротстве "Украины" за год до ее краха, и не принимает меры для защиты интересов полутора миллионов вкладчиков – Ред.).

КОПЫЛОВ: Я понимаю. Я думал узнать, какая перспектива по программе. Будет ли он держать этот банк или не будет (имеется в виду, будет ли премьер-министр Ющенко выдавать кредиты для спасения банка – Ред.).

АЗАРОВ: Ну, 600 миллионов долгов – это...

КУЧМА: Там вопрос стоит Международного валютного фонда. Давят на нас, чтобы мы объявили его банкротом. Мы пока не соглашаемся.

КОПЫЛОВ: Так мне не понятно. Отхватить такой кусок...

АЗАРОВ: Основные долги за газ находятся в Украине. Мне докладывают, что "Славянский" отхватил векселей на 260 миллионов! Причем, я думаю, что это не последний. Мне просто пока не докладывают по другим банкам (*вексельные и другие неденежные схемы расчетов заводят в тень большую часть украинской экономики – Ред.*). Конечно, нужно людей из среднего звена брать из регионов. Пока он скурвится, он свое дело сделает.

КУЧМА: Да, абсолютно точно.

"БЕСПРЕДЕЛЬНЫЙ" ПРЕЗИДЕНТ

Профессиональные любители Кучмы говорят, мол, есть недостатки у гаранта Конституции, но кто не без греха. Главное – приказать убить человека "мягкосердечный" президент не способен. Как заметил в своем интервью влиятельный олигарх Андрей Деркач, сын бывшего шефа СБУ, "если запереть вас в комнате с девушкой, то мало ли чего вы наговорите". Очень надеемся, что своей жене Деркач никогда не говорит наедине того, о чем Кучма с Азаровым рассуждали 24 мая 2000 г.

АЗАРОВ:...Теперь мы ж с Риги привезли по Фельдману (арестованный бизнесмен близкий к Юлии Тимошенко – Ред.). Он там вообще сейчас тактику избрал такую: на допросах -полностью молчание. Других показаний не дает: "Я не помню, я не знаю, и так далее".

КУЧМА: Ты посади его к уголовникам, пускай...

АЗАРОВ: Леонид Данилович, ну, вы знаете что, значит, я вам не рассказывал по Запорожью. Там добились и уволили, так сказать, прапорщика, который организовывал "кидания" (на бандитском и милицейском жаргоне это означает неограниченное применение силы к задержанному – Ред.). Они сидели в одном СИЗО. Они обменивались информацией. Тоже нашего наркоторговца засекли и выгнали его. (Судя по всему агентов Азарова арестованные разоблачили в камерах – Ред.). Все остальные этапом идут сюда. Здесь у него комфортные условия, такое наше законодательство. Ни к каким уголовникам не подсадишь, если мы хотим, чтобы потом на суде не

было осложнений, чтобы суд прошел без сучка, без задоринки. (*Имеется в виду, что следы "кидания" будут на суде очень заметны* – Ред.). Руководитель, конечно, колоссальный, завязки денежные крутятся, по большому счету как-то надо этот бардак все-таки мочить, мочить, мочить. Жестко очень.

КУЧМА: Иначе нельзя, сегодня если попустишь. Если мы банк "Славянский" сейчас отпустим – пиздец тебе. (*Фельдман был одним из хозяев "Славянского"* – Ред.). Будут над нами смеяться, больше ничего.

Николай Азаров

Глава Государственной налоговой администрации Украины. Один из самых приближенных к президенту Кучме людей. Обладает сильными организаторскими способностями и высокой компетентностью в финансово-экономических вопросах. Однако в своей работе Азаров опирается на нормы закона и справедливости настолько, насколько это совпадает с интересами Кучмы. ГНАУ является основным механизмом командно-административной системы управления украинской экономикой. Кучма с помощью налоговых органов может осуществлять давление, причем в явном противоречии с законом, на любые предприятия и организации, что уже стало обычной практикой.

Налоговое право в Украине достаточно сложно и несовершенно, а судебные процессы против незаконной деятельности ГНАУ никогда не завершаются в пользу истцов. На время проведения налоговых инспекций деятельность проверяемого предприятия полностью парализуется, а число таких проверок ничем не ограничивается. Это делает бесперспективным сопротивление бизнесменов властям. И дает в руки ГНАУ фактически неограниченный контроль над всеми

видами предпринимательства. Не случайно, фискальные органы характеризуются тотальной коррумпированностью своих сотрудников, с чем сталкивается подавляющее большинство украинских граждан.

Широко распространена практика вымогательства и шантажа предпринимателей сотрудниками ГНАУ. Бизнесмены не скупятся на взносы во внебюджетные фонды налоговой администрации. Азаров использует возглавляемую им государственную структуру для борьбы с политическими противниками Кучмы, и для укрепления собственной финансово-политической группировки. Азаров добился назначения на пост Генерального прокурора Украины своего ставленника Святослава Пискуна, и располагает практически неограниченной свободой действий.

ИЗБРАННЫЕ АФОРИЗМЫ

"Меня попросили собрать всю эту пиздобратию - они ж все гетманы! Их трудно сколачивать!"

О руководстве Партии регионов.

"Я на каждой коллегии снимаю по двадцать-тридцать человек с работы. Тогда система работает".

Об организации работы в Государственной налоговой администрации.

"Спрашивают зарплату. Перечислили - все, никто не работает".

Об организации работы в ГНАУ.

"Я хочу улучшить жилищный вопрос. Я буду всегда благодарен вам".

Просьба к Кучме о приобретении за государственный счет дорогостоящей квартиры в личное пользование.

"Налоговая всегда заинтересована, чтобы были налоги больше. Почему? Потому что налоговая, кроме фискальных функций, она выполняет и свои функции. Тогда на поклон не к кому будет идти, если будут рассчитываться".

Губернатор Донецкой области Янукович о произволе налоговой администрации. Это честное мнение тем более ценно, что Азаров является партнером Януковича.

Украинский суд. Бессмысленный и беспощадный

Произвол налоговых органов в Украине стал возможен потому, что Кучма и его окружение полностью развалили судебную систему в стране. Судебная власть потеряла независимость, поскольку кроме подкупа судей, власти не останавливаются даже перед угрозами физической расправы. Судьи являются наиболее незащищенной категорией государственных служащих, и некоторые из них стали исполнителями чужой воли. Поэтому в Украине каждое решение судьи, которое идет в разрез с интересами властей, считается резонансным. Ведь степень риска для судьи очень высока.

Пример – скандальное отстранение от должности в 2001г. председателя Печерского районного суда г. Киева Замковенко, и возбуждение против него уголовного дела сразу после того, как в этом суде был принят ряд болезненных для властей решений. Как организовывается "нужное" для Кучмы и Азарова судопроизводство, ясно из их разговора, состоявшегося приблизительно в конце августа-начале сентября 2000 г.

Тема – проведение через суд обвинительного приговора против группы руководителей банка "Славянский". "Славянский" активно сотрудничал с бизнес-структурами Ю.Тимошенко. Сразу после ее назначения в правительство В. Ющенко в 2000 г., банк был разгромлен украинскими силовыми органами. Чтобы гарантировать рассмотрение дела в абсолютно

подконтрольном суде, Азаров решил вменить арестованным дачу взятки должностным лицам.

АЗАРОВ: Значит, Леонид Данилович, какая сейчас ситуация по банку "Славянский". Мы хотели бы еще вменить им взятку, так как там у них есть взаимное дело. Почему мы это хотели сделать? Потому что вот эти статьи позволяют рассматривать это дело в районном суде. Причем, по юрисдикции, устанавливаемой Генеральной прокуратурой. Это будет любой район. На районный суд наши возможности влияния достаточно ограничены. Мы уже договорились, мы провели судебный (*одно слово неразборчиво*).

КУЧМА: Ну, можно его в этом самом рассмотреть суде... Как его?... Печерском.

АЗАРОВ: Значит, у нас тактика такая. Мы договорились с Луганским судом. Мы уже с делом познакомили практически председателя суда, судью они уточнят, вот. Сумеет ли варьировать. Ну, там же приехал в Луганск кто-то из Киева... А попробуйте в Киеве любой районный суд проконтролировать. Днем там "накачки", где-то еще чего-то. А Луганск в этом отношении... Но чтобы передать в областной суд, нужна квалификация соответствующая. Вот поэтому вменяем ему еще и взятку.

И еще один разговор Азарова и Кучмы показывает их отношение к отечественной Фемиде. Сумской областной суд принял решение взыскать с налоговой администрации ущерб в сумме 200 миллионов гривен, нанесенный целому ряду предприятий незаконными налоговыми проверками. За этим последовали, мягко говоря, критические оценки как самого судьи, так и главы Верховного Суда Виталия Бойко. Азаров жалуется, что судьи осмеливаются принимать решения против власти, и замечает, что решения суда он не собирается выполнять.

АЗАРОВ: Вот этот вот долбоеб-судья, он так на минуточку задумался, что такое...

КУЧМА: Это долбоеб, блядь, председатель Верховного Суда (Бойко – Ред.).

АЗАРОВ: Да. Ну, что такое 200 миллионов взыскать? Теперь, неужели на этого судью, предположим, губернаторы наши не имеют никаких средства воздействия?

КУЧМА: Имеют, конечно! Щербань (*губернатор Сумской области, известен авторитарными методами руководства, любыми средствами поддерживает свою почти неограниченную власть – Ред.*) оторвет, блядь, голову, блядь, через...

АЗАРОВ: Ну, пока же он не отрывает эти головы.

КУЧМА: Ну, так я скажу Щербаню.

АЗАРОВ: Причем, пишет: "Определение обжалованию не подлежит". Мы не собираемся выполнять это решение суда. Конечно, не будем его выполнять.

КУЧМА: Ну, в октябре месяце координационный комитет. Я хочу по Верховному Суду пройти, блядь, таким самым... (*Чтобы установить контроль над Верховным судом, Кучма и Азаров развернули масштабную кампанию давления и запугивания судей, причем отчасти им удалось достигнуть результатов – Ред.*)

НЕУДАВШИЙСЯ ПАРТОРГ

Летом 2000 г. Азаров решил оформить свое колоссальное политическое влияние в виде вновь созданной Партии регионов, которую возглавил лично. В ПР быстро стали записывать всех подряд, поскольку активистами партии были сотрудники ГНАУ. Спустя два месяца после появления на свет, Азаров заявил, что партбилет ПР получили 400 тыс. человек!

Однако на парламентские выборы в 2002 г. Партия регионов не осмелилась пойти самостоятельно, полностью растворившись в пропрезидентском блоке. В разговоре Кучмы с Азаровым в середине августа 2000 г. Николай Янович рассказывает о совещании лидеров новой партии. Кучма не доверяет самым близким своим сподвижникам, и подозревает Азарова в том, что он без его ведома налаживает контакты с другим приближенным – Марчуком, секретарем Совета национальной безопасности и обороны. Азаров оправдывается. Разговор характерно показывает систему взаимных доносов в окружении президента, и манеру Кучмы подозревать всех и каждого неизвестно в чем.

АЗАРОВ: Если вы заговорили об агентуре, есть тут один, Леонид Данилович, маленький момент. Значит, 9 августа, когда отмечали ваш день рождения, значит, вот эти народные депутаты, лидеры партий всех, которые объединяются (*в Партию регионов влились четыре маленьких пропрезидентских партии – Ред.*), они созвонились со мной...

КУЧМА: Я знаю, что потом приехал сюда Порошенко (*лидер Партии солидарности, впоследствии из ПР перешел в блок Ющенко "Наша Украина" – Ред.*) с этим самым... из национальной безопасности (*Марчук – Ред.*).

АЗАРОВ: Вот, Леонид Данилович, теперь уже ваша агентура неправильную информацию дает. Вот теперь ваша агентура дает неправильную информацию. Это мне Владимир Михайлович (*Азаров подозревает в доносе Литвина – на то время главу администрации президента – Ред.*)... Я ему на другой день позвонил и говорю: "Петро санкционировал встречу или нет?". Он говорит: "Да нет, конечно". Я говорю, что ее и не было, этой встречи. Я не мог на эту встречу пойти без вашей воли. Теперь как обстояло дело. Пока просто, так сказать, чтобы вы...

КУЧМА: Так это не моя агентура. Это ваша. Это мне сказал Ландык (*известный донецкий бизнесмен, один из лидеров Партии Регионов – Ред.*).

АЗАРОВ: Хо! Ландык, что Марчук к вам приезжал?

КУЧМА: Да! Говорит: "Там приперся Марчук".

АЗАРОВ: Это или вы перепутали, или он перепутал. Значит, как обстояло дело. Вот просто две минуты, чтобы вы... Значит, ну, где-то часов в двенадцать собрались все у меня, кроме Пети Порошенко. И я у Сережи (*помощник Азарова – Ред*) спрашиваю: "А где Петро"? "Да он где-то там отстал. Сейчас приедет". "Ну, давай я ему позвоню". Тут он сам звонит и говорит: "Янович, а можно я приеду к вам с Марчуком?" Все сидели на балконе за столом, выпивали. Я говорю, что "Виктор (*неизвестный участник разговора – Ред*), может?..." Он отвечает: "На хуй он нужен? Ты деликатно скажи ему, что так и так, мол, ну, зачем он тут нужен?" Ну, он обиделся (*имеется в виду Порошенко – Ред*), потом минут через двадцать еще раз перезвонил: "Николай Янович, ну, мне не удобно. Я его уже пригласил". Я говорю: "Или ты вообще не приезжаешь, или приезжаешь один". Хорошо. Через какое-то время он приезжает. Сели мы все, сидим: Ефим (*Звягильский, известный донецкий бизнесмен, бывший и.о. премьер-министра Украины, фигурант многих уголовных дел –*

Ред) Рыбак, Семиноженко, Ландык, я. (*Перечислены все лидеры Партии регионов – Ред.*). Черновецкий (*известный киевский бизнесмен – Ред.*), еще там кто-то, я уже забыл, человек десять. Никакого Марчука там не было. Никакой встречи не было. Я просто к тому, Леонид Данилович, что если меня уже попросили собрать эту пиздобратию – они же все гетманы. Их же знаете, как трудно их...

КУЧМА: Я прекрасно это знаю.

АЗАРОВ: Сколачивать! Вот мы сели, пять часов спорили, кто из них будет руководить. Потом, чтобы избежать конфликта, предложили, чтобы я руководил. Лучше же на кого-то показать, чем самому. Я говорю. "Ребята, хлопцы, на этой должности я же не могу быть".

КУЧМА: Конечно. (*ГНАУ имеет настолько низкий авторитет в Украине, что по социологическим данным, если бы Азаров сохранил за собой место лидера, партия при любых условиях проиграла бы выборы. Вскоре после этого разговора Азаров был вынужден оставить руководство ПР – Ред.*)

ПРЕССА ПОД НАЛОГОВЫМ ПРЕССОМ

Украинская демократия остается фикцией, потому что не работают основные демократические институты – в первую очередь, независимость от власти средств массовой информации. Те немногие издания, которые позволяют себе выражать протест действиям Кучмы, находятся под угрозой закрытия из-за опасности налетов налоговой милиции. Распространена практика ареста расчетных счетов издания под предлогом проверки. Попытки опротестовать произвол блокируются длительными судебными тяжбами. В 2000-м году президент попытался уничтожить оппозиционную газету "Сільські вісті", самую популярную газету Украины (почти 700 тысячный тираж). Ее счета были заблокированы в течении восьми месяцев.

КУЧМА: "Сільські вісті" как там?

АЗАРОВ: А что "Сільські вісті"? "Сільські вісті" сидят без копейки. Абсолютно. Как они вообще еще существуют?

КУЧМА: Что защищает их?

АЗАРОВ: Ну, если они сидят без копейки! Зарплату шесть месяцев люди не получают. Ну им кто-то подбрасывает.

КУЧМА: Но газета выходит.

АЗАРОВ: Выходит. Есть запасы бумаги. Вот единственное, что надо теперь спросить с господина "Издательство "Пресса Украины". Какого хера он печатает, если ему не платят? У него же счета газеты заблокированы.

Запись разговора Л. Д. Кучмы с Азаровым 11 сентября 2000 г.

АЗАРОВ: Леонид Данилович, значит, по "Сільським вістям". Требуется ваше указание. Этот же дурак Олейник (*директор типографии "Пресса Украины" - Ред.*)! К нему пришли. Спокойно ему говорят: "Так и так. Два миллиона должна. Ты что печатаешь? Они ж тебе не платят второй месяц. Если ты будешь печатать, так мы, значит, будем выставять налоговые обязательства. Порядок такой, по закону. Так что ты прекращай. Тогда у нас никаких претензий не будет.

КУЧМА: Олейник? Ну, сейчас снимем на хуй.

АЗАРОВ: Ну, вот я Владимиру Михайловичу (*Литвин, на то время руководитель администрации президента - Ред.*) сказал: "Доложи это президенту, чтобы он знал". Вот такой он поганый человек. Нормальной беседы не понимает.

КУЧМА: Я там написал поручение Жулинскому (*на то время вице-премьер-министр по вопросам гуманитарной политики*). Пусть... Я же думаю, что Жулинский, хватит ума, сделает.

АЗАРОВ: Значит, Леонид Данилович, у меня такое предложение. Если уже начали давить, значит, вы должны додавить.

КУЧМА: Я Жулинскому четко сказал...

АЗАРОВ: Шаг вперед - шаг назад, он просто, так сказать...

КУЧМА: Да не, его нужно просто задушить.

АЗАРОВ: Да, поэтому мы такую линию продолжаем. (*Издательство и газета подверглись целой серии рейдов налоговой милиции, и только вмешательство иностранных правозащитных организаций, а также скандал после убийства Георгия Гонгадзе позволили остановить репрессии - Ред.*)

СЛАДКАЯ ЖИЗНЬ

Украинский бюджет выполняется весьма оригинально: государство выполняет финансовые обязательства не согласно закону, а выборочно. В бюджете ежегодно перевыполняются только статьи расходов на администрацию президента и ликвидацию чрезвычайных ситуаций. Налоговая администрация также получает финансирование не пропорционально с реальным наполнением бюджета, а по собственному графику, в отличие от социальных и экономических программ.

АЗАРОВ: Теперь госбюджет. У меня с ними (*правительство Ющенко* – Ред.) противоречия идут в таком плане. Значит, у нас порядок финансирования в этом году такой, что ставит наше финансирование в зависимость от доходов бюджета. Значит, Минфину это не нравится. Все должно быть, так сказать... Таким образом хотят, чтобы мы ходили и просили, отчитывались постоянно.

Я вас прошу наложить резолюцию: "Сохранить действующий порядок финансирования".

ВОСПИТАТЕЛЬ

Карательный аппарат налоговых органов сам существует только благодаря жесткой репрессивной системе управления, созданной Азаровым. При этом Николай Янович вынужден признавать, что большая часть его сотрудников имеет низкую квалификацию и недобросовестно относится к своим служебным обязанностям. Это отмечается в записи разговора Кучмы с Азаровым в августе 2000 г. В беседе также речь идет об экстренной финансовой помощи наличной валютой для поддержки российского президента Путина в ходе президентских выборов в 2000 г., а также схемы зачета этих средств в счет погашения государственного долга Украины перед Россией. Эта информация уже вызвала волну публикаций в российской прессе.

АЗАРОВ: Леонид Данилович, вот у нас коллегия. Я на каждой коллегии, на каждой коллегии 20-30 человек снимаю с работы. Тогда система работает. Радова (*бывший заместитель Азарова* – Ред.) убрал, потому все это дело...

КУЧМА: Ну, понятно.

АЗАРОВ: Чтобы спрос какой-то был, чтобы ответственность была, чтоб задание ставилось. Спрашивают зарплату. Перечислили – все, больше никто не работает.

КУЧМА: Ну, а куда все потоки пошли денежные? Разберетесь сами. Мы перед выборами в России, по просьбе Путина, заплатили, значит, не знаю там 50 или сколько миллионов, или 60 миллионов долларов. Ну, которые наличные. Один кредит дал экспортно-импортный банк и еще кто-то дал.

АЗАРОВ: "Украина", банк "Украина".

КУЧМА: Да? Банк "Украина"?

АЗАРОВ: Да. (Банк "Украина" был одним из крупнейших и системообразующих банков страны. Однако в 2001 г. "Украина" обанкротилась вследствие безответственной кредитной политики, причем пострадали интересы полутора миллионов вкладчиков. Финансовые ресурсы банка использовались нецелевым образом, в качестве оперативного фонда для различных политических проектов ближайшими сотрудниками президента Кучмы, которых Генеральная прокуратура не осмеливается привлечь к ответственности – Ред.)

КУЧМА: Если он (Путин – Ред.) правильно рассчитал с экспортно-импортным банком, он миллиона два выиграл заодно.

АЗАРОВ: Нет, он отдал, мне сказали, что он отдал миллионов 20 из 30-ти.

КУЧМА: Ну, так уточни. Первое, я сам могу уточнить, если тебе не дают. Ты должен знать, сколько засчитала Россия. Я убежден, и когда меня просили, мне сказали, что засчитали не 53,7 миллионов, а засчитали перемножить на пять.

АЗАРОВ: Наоборот.

КУЧМА: Наоборот! То есть списали долг намного больше.

АЗАРОВ: Намного больше.

КУЧМА: Так вот он это намного больше (два слова неразборчиво). И эта разница...

АЗАРОВ: Во взаимных расчетах.

КУЧМА: Во взаимных расчетах. И эта разница пошла куда? Рассчитывались через "Итеру" (дочерняя компания российской нефтегазовой монополии "Газпром" – Ред.), чтобы не через РАО "Газпром*. Изымали сразу через офшорные зоны. Так? Ну, чтоб ты знал.

ЦАРЕДВОРЕЦ

Азаров умеет выбирать время, чтобы нанести удар по противнику. То есть по другим президентским фаворитам, которые тоже зубами держатся за свой кусок власти. Следующий диалог показывает, что налоговая применяет закон только в тех случаях, когда на то есть политическая воля самого президента.

АЗАРОВ: Значит, по Закарпатыю. Я там заменил начальника налоговой милиции.

КУЧМА: Я тебе еще раз говорю, должны быть твои люди, а не чьи-то другие (*власть в Закарпатье контролируется партией Медведчука СДПУ(О)* – Ред.).

АЗАРОВ: Значит, у меня есть больные такие три вопроса: я вам откровенно говорю – это Киевская (*область* – Ред). Там начальник налоговой милиции Засухи (*в смысле работает под контролем губернатора Засухи* – Ред). Как только я пошел ему навстречу, мне надоело с ним воевать, просто с Засухой. Значит, уже год я не имею серьезных резонансных дел по Киевской области, рано или поздно я их обоих уберу.

КУЧМА: Ты их предупреди.

АЗАРОВ: Я их предупреждал. А лучше бы, если б этого начальника куда-нибудь но повышение забрать (*борьба с коррупцией по-украински!* – Ред.).

КУЧМА: Это по Киевской области?

АЗАРОВ: По Киевской. Теперь Львовская область (*начальник львовской областной налоговой администрации – брат Виктора Медведчука, главы администрации президента* – Ред). Сергей Медведчук старается, нет вопросов, но эта область тоже может принести большие неприятности. Но Витя (*Медведчук* – Ред) очень болезненно воспринимает на этот счет. Он просто воспринимает это как... И вот теперь в

Закарпатье. Три области, где у меня плохо контролируется ситуация. Значит, в Закарпатье действительно – это друг, сват даже этого Миши Рябца (*председатель Центральной избирательной комиссии, имеет прочные связи с закарпатской элитой – Ред*). Я вот дал ему, то ж выборы были, то референдум был и так далее, и так далее. Последний раз Миша мне истерику устроил, когда я на него приказ подписал, Рябец полчаса мне по телефону закатывал истерику: "Как вот такого заслуженного генерала, прекрасного человека, сверхпорядочного ты освободил. Ты идешь на поводу у Медведчука", и так далее, и так далее.

КУЧМА: У Медведчука?

АЗАРОВ: Да. И вот Леонид Данилович не в курсе дела, там назревает взрыв. Там очень ненормальная ситуация в Закарпатье. Вот я прошу... За ним же ни одного дела. Ну давай мы его... От того, что он порядочный, хороший, твой сват, друг. Ну на минуту отвлечемся, покажи, пожалуйста, хоть одно резонансное дело. Это же граница, там контрабанда.

КУЧМА: Там страшное... И лес вывозят со страшной силой.

АЗАРОВ: Да, поэтому я говорю: Миша, не настаивай. Мы с Волыни взяли нормального хлопца...

КУЧМА: Ты ставь туда человека и не вздумай согласовывать с этим самым кадры (*имеется в виду Рябец – Ред*).

АЗАРОВА ИСПОРТИЛ КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС

Ну, а как обставляет свой спартанский быт сам Николай Янович? Сейчас мы можем узнать, как Азаров подыскал себе новую квартиру на Печерске. За счет "жидов", – жильцов, в согласии которых очистить их квартиры Азаров не сомневается. Он умеет делать предложения, от которых нельзя отказаться.

АЗАРОВ: Леонид Данилович, у меня есть ряд вопросов личных. Мы не успеем в конце. Значит, первый вопрос у меня такой. Я с Литвином разговаривал уже. Вот. Я хочу как-то улучшить жилищный вопрос. У нас двухкомнатная квартира. Пятьдесят квадратных метров площади. На Печерске. Четвертый этаж. Значит, ну, такое, я же посмотрел, с Деркачем поговорил, и тот себе взял квартиру на этой (*три слова неразборчиво*). Там есть две квартиры еще. Трехкомнатная, конечно, громадная, сто восемьдесят квадратных метров.

КУЧМА: Трехкомнатную квартиру просишь?

АЗАРОВ: Да. Сто восемьдесят квадратных метров общей площади.

КУЧМА: Общей?

АЗАРОВ: Общей. Не полезной, а общей. Они сейчас там в таком состоянии, что без перегородок, без ничего. Ну, там жидов поднять из этих квартир. Там, ну, я спрашиваю, Леонид Васильевич, как ты поменялся, значит. Ну, он мне рассказал схему.

КУЧМА: Ну, заплатил деньги.

АЗАРОВ: Схема эта меня не устраивает. Я не хочу такую схему. Вот. Схема выглядит очень простой. Я могу свою квартиру, которая у нас сейчас есть, отдать то ли в администрацию президента, то ли там в

администрацию района, вот. Администрация, взяв эту мою квартиру, купит мне квартиру, предположим, на этой площади. Учитывая, что приобретение этой квартиры будет осуществляться государственной организацией, цена ее примерно, как у моей последней квартиры, то есть ни администрация, значит, никто не потеряет. Я в таком случае становлюсь в позицию такую независимую. Если этот вопрос я сдам администрации, а администрация выкупит у этого, так сказать, деятеля, то это будет нормально. Вот если вы такое добро дадите...

КУЧМА: Я не возражаю.

АЗАРОВ: Я буду всегда благодарен вам. Ну, просто, Леонид Данилович, я так думаю, что, ну, пятьдесят квадратных метров квартира.

КУЧМА: Давай.

Игорь Бакай

Бакай – имя нарицательное в украинском бизнесе и в украинской власти. Человек с интеллектуальным уровнем выпускника лесотехнического техникума стал мультимиллионером, одним из богатейших людей Украины. Об огромных заповедниках и роскошных дворцах Бакая в Украине, о принадлежащей ему и его семье недвижимости на престижных зарубежных курортах известно всей украинской элите, украинским и американским правоохранительным органам. Бакай прославился гостеприимством и грандиозными фестивалями, которые он закатывал для сотен гостей.

Этот образ современного Лукулла омрачается тем фактом, что вся легендарная роскошь и щедрость Бакая оплачивалась за счет государственных средств. Игорь Михайлович сделал состояние, используя в личных целях служебное положение. Будучи председателем правления Национальной акционерной компании "Нефтегаз Украины", он ввел в систему воровство – несанкционированный отбор транзитного российского газа, и закупал для государства энергоносители по завышенным ценам через цепочку посреднических фирм. Поставил под личный контроль работу большинства украинских нефте- и газодобывающих предприятий.

Финансовая деятельность "Нефтегаза" была выведена из легального сектора, поскольку применялись в основном неденежные формы расчетов (векселя и взаимозачеты). Массовыми явлениями в работе НАК стало нецелевое использование и необоснованное списание государственных средств. Все это в целом, открыло поле для широких махинаций и нанесло Украине ущерб в сотни миллионов долларов. На момент отставки Бакая, государственный долг за энергоносители перед Россией составлял свыше одного миллиарда четырехсот миллионов долларов! Однако несмотря на волну общественной критики и скандальные результаты проверки деятельности "Нефтегаза Украины", Бакай не только не привлечен к ответственности, но до сих пор входит в высшие эшелоны власти. Причина этой вседозволенности и безнаказанности одна – Бакай долгие годы был одним из главных финансистов президента Леонида Кучмы.

Афоризмы

"Он был мудаком, он им и останется".
Характеристика Бакая, данная Азаровым

ТАК СТАНОВЯТСЯ ПРЕЗИДЕНТАМИ

Бакай был одним из главных спонсоров президентской кампании Кучмы в 1999 году. Он – один из немногих посвященных в теневую финансовую деятельность президента Украины. О том, какими суммами благоуговоренных у государства денег Бакай делился с Леонидом Даниловичем, мы можем узнать из финансового плана президентской кампании Кучмы в октябре 1999 года, который обсуждают сам президент, Бакай, и руководитель избирательного штаба Александр Волков.

КУЧМА: Ты понимаешь, дальше деньги на хуй не нужны! Я был вынужден обращаться к таким людям, что лучше бы я к ним не обращался. Уже ж прошу: хлопцы, помогите! Сегодня ж осталось двадцать дней. Сегодня надо же наращивать позитивы, еб твою мать! *(Прямо перед выборами правительство погасило задолженности по зарплате и пенсиям – Ред.).*

БАКАЙ: Надо, чтобы вы мне поставили задание конкретней и более точно. И я найду источники для этого, как только вы признаете. Леонид Данилович, до этого мы перечислили 48 миллионов 800 гривен, и 10 миллионов 4 тысячи 957 долларов. Это было сделано моими заместителями, проверенными через его начальников штабов для оплаты Юре *(Юрий Левенец, украинский политехнолог, главный разработчик кампании Кучмы – Ред.)*. После этого нами было уплачено 4 миллиона долларов "живыми" *(в данном случае имеются в виду наличные деньги – Ред.)*, но они говорят, что там 100 тысяч не хватало. Я не буду спорить... Мы донесли эти 100 тысяч.

КУЧМА: Мне делать нехуй, чтобы смотреть твои счета! Игорь, если ты собираешься жить не в Украине, а в какую-то другую страну выезжать, то ты же понимаешь, что это совсем не то. Если мне собирается яйца морочить все время, то ты же понимаешь, я не из тех людей, которые дают, чтобы яйца морочили. Ты мне Игорь, я тебе в глаза смотрю, а ты мне говорил, что я вам обеспечу 250 миллионов долларов на избирательную кампанию. Они сейчас нужны!

БАКАЙ: *(обращается к Волкову)* 48 миллионов гривен и 14 миллионов долларов, что ты подтверждаешь...

ВОЛКОВ: А я лишь подтверждаю 12.

БАКАЙ: Это вообще не разговор – 12 или 14!

КУЧМА: Ну ладно – 12 или 14 меня не ебет.

ВОЛКОВ: Сейчас нужно минимум 25 миллионов... Вчера нужно было.

БАКАЙ: *(Волкову):* Во вторник я тебе отдам 25 миллионов. До вторника – 25 наличными. (Оцените масштабы теневых финансовых потоков, недаром международные организации продолжают считать нас страной, где процветает отмывание грязных денег – Ред.).

КУЧМА: До этого нужно в первом туре выиграть. Будь готовым двадцать на второй круг.

БАКАЙ: Я отдам свои. Но я хочу, чтоб вы все просто знали, что все деньги, которые просто это, все мои... *(И не разверзлись врата налоговой, и никто не удивился, что у государственного служащего в чемодане могут храниться 25 миллионов долларов! "Своими" деньгами Бакай считал финансы "Нефтегаза" – Ред.)*.

БАКАЮ ЗАКОН НЕ ПИСАН

Разумеется, деньги для президентских выборов Кучмы делались не из воздуха, а изымались у государства. И Леонид Данилович полностью в курсе этой технологии. Сам Бакай жаловался патрону на правительство Ющенко, которое пыталось поставить "Нефтегаз" в законные рамки.

БАКАЙ: По мне уже создана комиссия. Я уже статей двадцать нарушил законов Украины.

КУЧМА: Комиссия чья?

БАКАЙ: Ну, в МВД – городской УБОП (*управление по борьбе с организованной преступностью – Ред.*), по распоряжению Кабинета Министров по трем уголовным делам. Первое – это по "Центрзападэнерго". Я там прохожу как нарушитель за то, что я продавал газ для "Центр-западэнерго" за 80 долларов, который я тоже получал за 80 долларов, за которые со мной рассчитывались расчетом с Россией тоже по 80 долларов. То есть я убытка никакого не нанес, и доказать, что я здесь не прав – это совершенно невозможно. Но они... это Юля (*Тимошенко – Ред.*) дает запросы, каждый день по 2-3 запроса, во все разные органы... и в прокуратуре создана по мне следственная комиссия.

КУЧМА: Это неправда, никакой следственной комиссии нет.

БАКАЙ: Но они мне говорят, что создана следственная комиссия по "Запад-центрэнерго", там прохожу, пояснительная записка, все расклады. Они слушают секретные материалы, и все сразу дают документы читать. Я просто не могу сейчас дать на руки потому, что они очень секретные и находятся, вот, в разработке. Мне их читали. Я же к каждому делу,

которое на меня сейчас, я же готов. К каждому вопросу готов.

ВЫСОЧАЙШАЯ "КРЫША"

О том, кто именно является главным покровителем Бакая, и откуда он достает чемоданы с миллионами, известно всем руководителям украинских правоохранительных органов. Поэтому приведенная беседа главы ГНАУ Азарова с Кучмой, записанная летом 2000 года, весьма показательна. "Борец" с теневыми капиталами и теневым отмыванием денег, очень вежливо спрашивает разрешения проверить деятельность президентского фаворита, который по оперативным данным снова украл у государства десятки миллионов долларов.

Отношение к "провинившемуся" отцовское, словно к неумемному ребенку-бедокуру. Президент в который раз дает грозную команду проверить очередную незаконную операцию "шалуна". Сейчас мы знаем – никакого наказания Бакай не понес, и наоборот, продолжает "работать" на нефтегазовом рынке через сохранившиеся посреднические структуры.

АЗАРОВ: Леонид Данилович, последний вопрос. Значит, мне, к сожалению, трудно вам это говорить – к тому же неприятно. Бакай по одной схеме – а таких схем немало, уже весной этого года отмыл 37 миллионов. Схема простая. "Укргаздобыча" заключает договор с украинской нефтяной страховой компанией, которую возглавляет сам Пустовойтенко. *(Бывший премьер-министр Пустовойтенко, также один из приближенных президента, владеет многими коммерческими структурами в энергетическом бизнесе. Также является "неприкасаемым" президентским фаворитом – Ред.).* Договор страховой на 670 миллионов рублей *(очевидно не рублей, а гривен – Ред.)*, и буквально за проценты, за взнос, отдает ей вот эти

сверх 20 миллионов... Эта страховая компания за 33 миллиона продает вот это вот за 8-10 миллионов... Целая структура с дисконтом почти 87 процентов. За четыре миллиона, а... продает за пять... Поскольку это делают одни и те же люди, это сложно вычислить. За ними – несуществующие структуры, которым они продают эти векселя. Вот на этом этапе идет вывод живых денег из торгового оборота Украины. *(Азаров описал обычную схему работы Бакая в "Нефтегазе" – Ред.)*

КУЧМА: Через "Укргазбанк"?

АЗАРОВ: Через "Укргазбанк", да. "Укргазбанк" платит за эти векселя при вексельной сумме 19 миллионов... платит 5 миллионов. Они не платят ничего. *("Укргазбанк" контролирует партнер Бакая В.Горбаль, который также не понес никакой ответственности за эту незаконную операцию, и при поддержке властей стал в 2002 году народным депутатом Украины – Ред.)*

КУЧМА: Слушай, бери за жопу! Кстати, мне на этот банк уже Копылов *(в свое время – заместитель Азарова в ГНАУ, на период разговора был главой "Нефтегаза" – Ред.)* жаловался. Он через него перечислял деньги в Туркмению, а он *(банк – Ред.)* ни хуя не отдает.

АЗАРОВ: Да. Поэтому, если вы одобряете...

КУЧМА: Даю добро!

АЗАРОВ: То я без всякого шума начинаю всю эту кампанию...

Никаких уголовных дел по фактам, изложенным Азаровым, в течении двух лет открыто не было. Была лишь собрана очередная порция компромата. Так решили сами Кучма и Азаров, хотя факты воровства были очевидны.

АЗАРОВ: В течение года-полтора порядок уже наводится. Что бы там о нас за границей ни писали, чтоб там ни выступали. Тут однозначно. Теперь, значит, по "Нефтегазу". Я пригласил Бакая, как мы с вами

договорились, показал ему вот эти схемы, это мои люди делали, которым я доверяю. Переговорил с Александром Михайловичем (*Волковым – Ред.*), выяснил сколько ж там поступило (*имеется в виду в избирательный фонд президента – Ред.*), и сказал дословно следующее. Значит, Игорек (*Бакай – Ред.*), ну ты минимум, ну так миллионов сто положил в карман. Минимум. Я понимаю, конечно, что, значит, я тебя подставлять не буду (*кража у государства каких-то ста миллионов долларов в глазах Азарова не Бог весть какая потеря, но обвинение Бакая автоматически означает обвинение Кучмы – Ред.*). Я тебе даю две недели, ну месяц... Я ему показал все эти схемы – уничтожь, так сказать, все эти бумаги, которые свидетельствуют прямо или косвенно о всех твоих делах. Ты делал тупо и глупо. И я показал, что он делал тупо и глупо. Ну, сейчас уже это дело прошло. Он говорит мне: отзовите всех – у нас же там налоговый пост. Отзовите всех. Я отозвал... Мудак он, Леонид Данилович. Он был мудаком, он им и останется.

КУЧМА: Да дорогой, я с тобой согласен.

АЗАРОВ: Я говорю, можно ж было по уму делать все это- нет. Он делал так, что любой тупой ревизор увидит тупую схему расчетов.

СПОНСОР ЛИТВИНА

Бакай использовал всевозможные схемы незаконного присвоения государственных финансов. Размах его деятельности приобрела потому, что Игорь Михайлович, как человек щедрый, включал в теневые операции своих "ангелов-хранителей". Он был фактически одним из спонсоров всемогущего президентского помощника Владимира Литвина, ныне председателя Верховной Рады Украины. В записях отмечена теневая деятельность основной фирмы по отмыванию украденных денег – общества с ограниченной ответственностью "Новые наукоемкие технологии".

Бакай Внес 40 тыс. гривен в уставной фонд "ННТ", а Литвин – 41,6 тыс., что сделало их основными учредителями этой подставной конторы. С капиталом в 160 тысяч фирма имела оборот в десятки миллионов долларов! Деятельность хозяев "ННТ" была предметом специального парламентского запроса, который украинские правоохранительные органы оставили без внимания. Партнеры оформляли на себя патенты на изобретения, а затем за десятки миллионов долларов "Нефтегаз" был вынужден их выкупать! Например, Литвин, профессиональный историк, и Бакай,

профессиональный лесник, которые совершенно несведущи в технических вопросах, числятся "изобретателями" "Способа вибрационного контроля машин"... Никто не привлечен к ответственности, хотя как видно из разговора Азарова с Кучмой от 24 мая 2000 года, все материалы для возбуждения уголовного дела собраны.

АЗАРОВ: Да, сейчас мы это дело раскручиваем... Леонид Данилович, с этим "Нефтегазом". Я должен вам доложить, а там какое вы решение примете. Значит, нахимичил Бакай немало и Диденко (*ставленник Бакая, недолго исполнял обязанности главы НАК, действовал в том же ключе, что и Бакай, но в чуть меньших масштабах и с лучшим юридическим обеспечением – Ред.*) Ну вот, скажем, при "Нефтегазе" есть "УкрНИИгаз" в Харькове. Ну какие-то 16 посредников у него есть. Значит, через этих посредников он... обществу "Новые микротехнологии" города Киев за 52 тысячи долларов... "Нефтегаз" потом перепродал все. (*Речь идет о приобретении "УкрНИИгаз" предметов интеллектуальной собственности, которые посредник затем перепродает НАКу за колоссальную сумму, это одна из типичных форм отмыкания денег. – Ред.*).

КУЧМА: Что за фирма?

АЗАРОВ: Я не знаю, что за фирма сейчас занимается. Потом "Нефтегаз" перекупает за 184 миллиона гривен и перечисляет платежами там на счета фирмы "ННТ", а она мгновенно...

КУЧМА: За 184 миллиона гривен? Ой, бля.

АЗАРОВ: И она мгновенно же в банк. А там от 5 до 40 миллионов платят за эти... Затем эта фирма, затем эта фирма... (*Азаров показывает Кучме схему аферы – Ред.*).

КУЧМА: Так что, они у своего института не могли поинтересоваться, и что это за структура, разобраться.

АЗАРОВ: Со всеми там разберемся. Значит, эта фирма перечисляет, осуществляет, обналичивается. Значит, что эта фирма-двойник делает, а это те же самые схемы Бакая. Платили сами себе.

КУЧМА: Ой-ой-ой!

АЗАРОВ: Я так деликатно с Диденко поработал... Но на 22 марта то же самое продолжается, я сначала подумал, хотя наши фирмы, всех их я знаю. И вот за это я абсолютно... я в первый раз слышу.

КУЧМА: Он на себя работал.

АЗАРОВ: Это 100% на себя, потому что, ну вот то, что они делают с "Украиной"! Пока это неофициальные материалы, поэтому смотрите как?

КУЧМА: Диденко пригласи и скажи, тебя же пока из тюрьмы выпустили, пока условно (*в тот момент германская прокуратура уже возбудила дело против Диденко и его партнера народного депутата Жердицкого – Ред.*), возвращай эти деньги (*имеется в виду, что группа Бакай-Диденко не возвращала кредиты банку "Украина" – Ред.*). Ну кого-то вместо Диденко. Пустовойтенко? (*Пустовойтенко рассматривался в качестве преемника Бакай и Диденко на посту главы "Нефтегаза" – Ред.*). Поговорили, поговорили. Я ему сказал: Иван Степанович (*Кучма оговорился – Пустовойтенко Валерий Павлович – Ред.*), бросай партию и иди, а так, чтобы финансировать НДП (*Пустовойтенко возглавляет Народно-демократическую партию – Ред.*), и на этом все спекулировали в Украине, он не хочет просто, ну не хочет, а потом, способен ли он разобраться с тем бардаком?

АЗАРОВ: Бардак там, конечно, капитальнейший, и утечка информации. Делают же абсолютно дико и глупо. Перечислить за какую-то херню такие громадные деньги, тут же перечислить на обналичивающие структуры, и тут же снять. И сидит спокойно. Думает, что никогда в жизни не найдет это! Просто идиот, по-

другому я назвать не могу. *(Бакай не идиот, он был уверен в своей безнаказанности, ведь до сих пор эта афера не получила судебно-правовой оценки – Ред).* Ладно, я с Диденко...

КУЧМА: Ты давай, от себя.

АЗАРОВ: Ну, это нормальный человек, он будет пахать, он будет заниматься тем, чем ему положено заниматься *(сейчас Диденко учит немецкий язык в ганноверской тюрьме, куда попал по обвинению в хищении средств в особо крупных размерах – Ред).*

КУЧМА: А когда это делалось?

АЗАРОВ: Это делалось в последнее время. Причем, это 100% на себя. Потому что, когда мы с Александром Михайловичем *(Волков, главный организатор избирательной кампании Кучмы в 1999 году – Ред.)* сели, то реально было на избирательную кампанию передано Бакаем, это составило примерно половину того, а это никак не учитывалось. 184 миллиона даже Волкову не показали *(Волков оказывал Бакаю политическую и лоббистскую поддержку – Ред.)*.

КУЧМА: Ну какие же суммы...

АЗАРОВ: Конечно, я просто знал, что это жулик, и я его давно знаю. В свое время он попался по "Республике" *(корпорация Бакая, замешанная в ряде афер – Ред).* Они так и висят 70 миллионов, пожалели его *(ничего себе жалость за государственный счет – Ред).*

УДОЧКИ ПОДАНО, ЛЕОНИД ДАНИЛОВИЧ!

Причины, по которым Бакай получает постоянное отпущение грехов у своего покровителя, очевидны для всех. Они повязаны с президентом совместными аферами, рыбалками, подарками, общим образом мышления. Игорь Михайлович блестяще ублажает Кучму, и его беседу 17 апреля 2000 года мы помещаем в сборник как образец "придворного" этикета. Это "рецепт" достижения успеха в современной Украине, это пример "работы" президентских фаворитов. Они ездят на лимузинах с гордо поднятой головой... Всегда готовые смахнуть пыль с подошв сюзерена своими мозолистыми языками.

БАКАЙ: Леонид Данилович, я тут выезжаю на природу и ловлю рыбу. У вас сейчас Путин (*российский президент прибыл с визитом на следующий день – Ред.*), потом в среду Кабмин, потом в четверг Совет национальной безопасности, а посмотрите, какая погода стоит на улице. Может, на удочку одну двадцать-тридцать килограммов рыбы за час ловится. Честное слово (*Бакай и "честное слово" – какое необычное сочетание – Ред.*). Там корабль мы организовали. Ну, так хорошо все сделали.

КУЧМА: Ну, давай.

БАКАЙ: Просто посидите на свежем воздухе, Леонид Данилович, и посидите с удочкой, то что вы любите. Сейчас наилучшая рыбалка в году... Там сейчас такая ситуация в Кабмине, вы просто не знаете. Боятся об этом говорить. Например, Ющенко пишет проект постановления Кабинета Министров. Через некоторое время выходит на него Юля, и он через день пишет:

"Отозвать это поручение". И так проходит пять-десять поручений. Он дает, о потом отзывает. *(Для Бакая критика Ющенко и Тимошенко это не просто дань моде в администрации президента, а крайняя нужда. Правительство Ющенко отстранило группировку Бакая от многих финансовых потоков в энергетике – Ред.).*

КУЧМА: Я даже выступаю против нее, когда она делает то, что... *(слово неразборчиво – Ред.).*

БАКАЙ: Она Ющенко, скажем, было совещание и она говорит: "Витя, что ты делаешь?" Так что, Леонид Данилович, на пятницу, может соберемся?

КУЧМА: Да.

Леонид Деркач

Народный депутат Украины, бывший глава Службы безопасности. На протяжении трех лет его руководства СБУ, служба активно занималась обеспечением коммерческих проектов Деркача, его сына Андрея, и их деловых партнеров. Целое управление СБУ было направлено специально на слежку и сбор информации за политическими партиями, проведение несанкционированных операций против оппозиционных политиков. Велась специальная оперативная разработка оппозиционных журналистов. При Деркаче одной из основных статей доходов СБУ стала нелегальная торговля оружием по всему миру.

Связей с лидерами международного криминального бизнеса Леонид Васильевич не афишировал, но и не стеснялся. Он открыто заявил о своих симпатиях к знаменитому на весь Интерпол международному "авторитету" Семену Могилевичу, что стало настоящей сенсацией. Неслучайно, шеф СБУ не стал авторитетом для своих подчиненных, что показали результаты голосования в частях СБУ на президентских выборах 1999 года. Все прощалось Деркачу, потому что он был абсолютно предан президенту Кучме, и выполнял любые его приказы. По иронии судьбы Деркач, будучи сотрудником советского КГБ, специализировался на

обеспечении защиты информации, за что даже получил боевой орден.

Но слишком уж увлекся Леонид Васильевич бизнесом и политикой, чтобы защитить информацию в президентском кабинете. Когда 28 ноября 2000 года Александр Мороз выступил с разоблачениями Кучмы и его окружения, СБУ пыталось сделать все, лишь бы заблокировать развитие скандала. Сам глава ведомства заявил, будто майора Мельниченко не существует в природе, и что человек с такими данными никогда не числился в президентской охране, и что записать разговор президента в кабинете даже теоретически невозможно. После начала "кассетной" истории, Деркач оказался под шквалом общественной критики, и кроме того Кучма понял,- это человек, который неспособен выполнять свои прямые служебные обязанности. Однако отставка не стала опалой. При поддержке властей Деркач прошел в Верховную Раду Украины. Сейчас он уже не отрицает факт записей.

Избранные афоризмы

"Политиками становятся - такое чудо. Некоторые сводки, Леонид Данилович, листов по пятнадцать. Все что угодно, вплоть до портянок. И все кому-то что-то рассказывают".

О тотальном прослушивании государственной элиты.

"Чего мы власть должны терять! Если мы власть, то это же наш инструмент власти, - прокуратура".

О необходимости угрожать открытием уголовного дела против нежелающих поддержать Кучму.

"Американцы все равно ж по коррупции кошмарят там, и корреспонденты приезжают. Теперь, из олигархов кого? Кто там нас наеб? Кого можно под американцев отдать? Пусть они их побеждают".

О необходимости представить зарубежной прессе "козла отпущения" на которого можно повесить все коррупционные скандалы в Украине.

ТЕЛЕВИДЕНИЕ ДЛЯ "ВОРОВ В ЗАКОНЕ"

Главной задачей украинских правоохранительных органов является борьба с политической оппозицией. Поэтому чиновники не стесняются сращивания государства с криминальными группировками. Поскольку бандиты не участвуют в демонстрациях протеста и активно поддерживают коррумпированную власть, Кучма с организованной преступностью не борется, он только внешне от нее дистанцируется. Это видно на примере его разговора с Деркачом, на то время главой СБУ. На Первом канале украинского телевидения, в эфире телекомпании "Эра", принадлежащей сыну Деркача Андрею, появился сюжет и интервью с известным киевским криминальным авторитетом "Киселем".

При подготовке передачи журналисты использовали оперативные видеосъемки СБУ, где "авторитет" дружески общается с министром внутренних дел Кравченко. Сюжет являлся очевидно имиджевым для "Киселя". Он показал, что нормальные отношения с бандитом поддерживают все главные "борцы с преступностью". Кучму шокировал отнюдь не тот факт, что Кравченко поддерживает неофициальные отношения с "Киселем", а Деркач даже обеспечивает "авторитету" пиар. Он возмущен, что противоречия в его команде и связи с криминалом выставлены на свет.

КУЧМА: Слушай, ты в субботу смотрел на "Эре", там Нестеренко, журналист, как-то там называлась передача. Смотрел или нет?

ДЕРКАЧ: По "Киселю"?

КУЧМА: Конечно!

ДЕРКАЧ: Да, значит.

КУЧМА: А что это вы, такие материалы передали Деркачу малому.

ДЕРКАЧ: Я ничего не...

КУЧМА: Там же рядом этот самый, и Кравченко! Что он, подает, это же Андрея передача! Ты, что, хочешь, чтобы тебя Кравченко снова на хуй послал, и с тобой больше не здоровался, или как?

ДЕРКАЧ: Леонид Данилович! Ну что такое тут? Мы с Кравченко в нормальных отношениях! *(Конфликт между Кравченко и Деркачем только обострялся. Десятки сотрудников СБУ и МВД занимались слежкой друг за другом и сбором компрометирующих данных – Ред.)*

КУЧМА: *(кричит)* Ну что ж показали по всему телевидению, украинскому! По государственному каналу! Я же сколько раз выгонял этого самого, Деркача малого, из этого самого. Там же сейчас Долганова нет, заместитель исполняет обязанности *(имеется в виду, что во время выпуска передачи отсутствовал президент Национальной телерадиокомпании Долганов – Ред.)*. Он говорит, "меня взяли за горло". Не имел права показывать! Леня! Что у вас творится? Если на государственном канале "Киселя" показывают рядом с этим самым Кравченко? Так же можно показать кого угодно! Как народ это самое? Что это президент держит министра, который с уголовными людьми обнимается! *(Историю замяли. В дальнейшем на ТРК "Эра" благополучно вышло интервью с одним из лидеров российской и международной организованной преступности Сергеем Михайловым – "Михасем". Будучи главой СБУ, Деркач в одном из своих интервью очень уважительно отозвался о деятельности другого, не менее известного "авторитета" – Семена Могилевича. Есть ли в Украине мафия? Вернее, а где ее в Украине нет? – Ред.)*

ПИАРЩИК

Деркач превратил СБУ в инструмент политической борьбы. И поэтому работал на Кучму еще и в качестве политтехнолога. Маленький, но любопытный фрагмент свидетельствует, как глава правоохранительного ведомства планирует вбросить компромат на украинских политиков через российскую газету.

ДЕРКАЧ: Да там же ее только 70 тысяч (экземпляров) по Москве расходуется. А я еще хочу сделать через "Московский комсомолец" (российская газета – Ред.) перепечатку, среди молодежи чтобы разошлось. Вы санкционируете это, чтоб я знал. Если да, то...

ЕВРЕЙСКИЙ ЗАГОВОР

Одно из наиболее впечатляющих и шокирующих наблюдений на основании записей в президентском кабинете – это масштабы незаконной слежки и подслушивания. Кучма заставил правоохранительные органы собирать компромат на всех сколько-нибудь известных людей. Исключения не делались даже для самого близкого окружения. На основании этих данных, зачастую тенденциозно подобранных, Деркач постоянно раскрывал заговоры против своего патрона. Заговоры – это любимая игра Кучмы, который подозревает всех и вся. Учитывая сильные антисемитские чувства президента (с огромной неохотой он принял в свою семью еврея Виктора Пинчука), было ясно, что Деркач не мог не раскрыть "еврейский заговор". В этом разговоре Кучмы с Деркачом обсуждаются материалы оперативного наблюдения и подслушивания разговоров.

ДЕРКАЧ: А вы знаете, вы знаете, я собрал там, значит, улики, которые отвечают за... вот мы всю информацию. Давайте мы её обобщим, и в общем то президент должен. Такое впечатление, что идет планомерно и в России, и у нас, и в Молдове. Вот на дне всегда. Там где-то сверху контролируется, там, значит, идет Суркис (*один из активных сторонников Кучмы – Ред.*), там Рабинович (*гражданин Израиля, имеет бизнес в Украине, связан с международной преступностью – Ред.*), там Березовский (*Борис Абрамович в свое время оказал сильную поддержку Кучме – Ред.*). Вот эта вот вся команда и они потихоньку, потихоньку, обволакивают вот это всё. Вот я вам просто приведу то, что я говорил по Роднянскому (*генеральный продюсер украинского телеканала "1+1" и российского "СТС" – Ред.*), что он при

штабе там, да? Вот нате, почитайте. Гриша просит Роднянского. Вы посмотрите, что он у него просит. Ведь это ж не просто. То есть вот. (*Шелест бумаги*).

КУЧМА: Ну ничего себе! (*Шелест бумаги*).

КУЧМА: Ну, это надо работать с ним!

ДЕРКАЧ: Это Бродский и вся эта еврейская компания. Ну, тут да... Так она, если нужно прижать. Так она...

Подслушивание всех вокруг было одной из основных тем докладов Деркача. Судя по записям, можно сделать вывод, что это интересует Кучму больше всего. Глава СБУ крайне редко и вскользь касается вопросов, которые действительно относятся к сфере государственной безопасности. На первом месте стоят "придворные" интриги и внутривластные интересы.

ДЕРКАЧ: И Сумы, и что хотите. И Запорожье, кокс, и энергетика. Это Григоришин (*гражданин России, крупный украинский бизнесмен – Ред.*), по Запорожью который. (*Кучма продолжает читать, Деркач очевидно стоит рядом и комментирует*)

ДЕРКАЧ: Политиками становятся – такое чудо. Некоторые сводки, Леонид Данилович, листов по пятнадцать. Все что угодно, вплоть до портянок. И все кому-то что-то рассказывают. Ужас какой-то. Но они уже знают, как – вот референдум был положительный – как прикинуть, как сделать, чтобы механизмы отрабатывать. (*Кучма читает*). Тут нам дали... с Пайфером (*в то время посол США в Украине – Ред.*) и Морозом (*лидер оппозиционной Социалистической партии – Ред.*) по сегодняшнему дню. Там такое дело, что... (*Кучма читает бумаги*). Они собирались, вот, перед референдумом. Волков собирал свою партию (*"Демократический союз" – Ред.*) и вам, наверное, тоже не говорил, вот, натихаря. Но там такое совещание было, и они говорят, что смысл есть такой: на следующие президентские выборы мы вместе с СДПУ

вместе поддерживаем Медведчука в президенты, а самым большим конкурентом будет Медведчуку Ющенко, поэтому сегодня будем его топтать на завтра.

Вот в этой сводке Суркис, значит. Это Суркис с Пиховшеком, с Григоришиным (*крупный бизнесмен, в то время партнер Суркиса - Ред.*), вот это Пиховшек с Бродским (*бизнесмен, председатель партии "Яблуко", друг Медведчука и оппонент Кучмы - Ред.*). Там разговоры такие, в общем, ребята...

КУЧМА (*читает бумаги*): По Юле (*Тимошенко - Ред*)? Угу.

ДЕРКАЧ: Они там слушают Юлю и через "Комсомолку", через "Известия" и все эти статьи там готовят, а Пиховшек обыгрывает это здесь через телевидение. Леонид Данилович, вам дать полную информацию, сколько приватизировали эти ребята? Сколько у них в управлении на Украине вообще всего?

КУЧМА: Давай. 6 июня 2000 года Деркач докладывал Кучме о результатах прослушивания секретаря Совета национальной безопасности и обороны Украины Марчука.

ДЕРКАЧ: Леонид Данилович, это вот тот, что разговаривал из Лондона, вот этот, с Марчуком. Это о вас. (*Кучма читает*).

ЗАКАЗ ПРИНЯЛ!

Борьба с оппозицией ведется всеми средствами. В том числе – с помощью физического устранения неудобных. Адвокаты президента утверждают, что в разговорах о Гонгадзе нет приказа убивать. Но Кучме не надо давать таких приказов, он просто говорит подчиненным, что тот или иной человек ему мешает. Один из ярких примеров отражен в записи разговора Кучмы с Деркачом. В 2000 году народный депутат Александр Ельяшкевич, один из активных оппозиционеров, подвергся нападению в людном месте в центре Киева. Нападавший не был пьян, и не пытался что-либо похитить у депутата, а с ходу нанес несколько ударов в голову, которые вызвали сильное сотрясение мозга и другие тяжелые повреждения, которые повлекли длительную госпитализацию депутата. Ельяшкевич сразу обвинил в покушении украинские власти. Но доказательства заказного характера преступления появились только после обнародования записей Николая Мельниченко. Сейчас Александр Иванович получил политическое убежище в США.

Разговор Кучмы и Деркача шел при включенном телевизоре, где шла прямая трансляция заседания Верховной Рады. В этот момент на сессионном

заседании Верховной Рады Украины выступал Ельяшкевич, известный своими остроумными замечаниями в адрес президента и его окружения. Услышав речь Ельяшкевича, Кучма прерывает беседу с Деркачем.

КУЧМА: (очень громко, в состоянии крайнего возбуждения): Ото, бля, еще жиденыш, блядь! (Ельяшкевич продолжает выступать, а Кучма и Деркач мгновенно начинают говорить тихо)

КУЧМА: Он допросится.

ДЕРКАЧ: Ебнуть его!

КУЧМА: Ебнуть! Пусть! Пусть еврейка возьмут жида!

ДЕРКАЧ: Возьмут и сделают. Что ему в конце концов. Прибьют и скажут: "Мудак!" (Незадолго до нападения, в сессионном зале Верховной Рады Суркис заявил Ельяшкевичу в присутствии свидетелей, что тот "доиграется и получит трубой по голове" – Ред.).

КУЧМА: Пусть жида жид! Ну, я соглашаюсь. (Называется фамилия человека, которому поручается непосредственно организовать нападение – Ред.)

ДЕРКАЧ: Поспешим!

Психическая неуравновешенность Кучмы и его явно больная реакция очевидны, если посмотреть по стенограмме выступления Ельяшкевича, насколько безобидные слова он произносил: "Уважаемые коллеги, я прошу минуту внимания. То, что сегодня происходит в сессионном зале, следствие тех многочисленных ошибок, которые допущены народными депутатами Украины. И я прошу председательствующего Ивана Степановича Плюща объявить сейчас перерыв в заседании и провести консультации с руководителями всех фракций. Сейчас стоит очень важный вопрос: о повестке дня сессии. Я думаю, что без учета мнения меньшинства народных депутатов по этой проблеме работа Верховной Рады не будет эффективной. Иван

Степанович, ко мне подходили представители двух фракций – социалистической и селянской – с просьбой от их имени попросить о перерыве в работе заседания".

В этот момент спикер парламента Иван Плющ начинает комментировать одно из только что прозвучавших предложений Ельяшкевича (об объявлении досрочного перерыва в заседании для проведения консультаций между руководителями всех парламентских фракций – Ред.). Возбужденный из-за этого Кучма, в свойственной ему стилистической манере, громко говорит о том, что спикеру необходимо тянуть время и не объявлять перерыв до положенного по регламенту времени: "До двенадцати затяни, еб твою мать!"

На мгновение прервавшийся разговор Деркача и Кучмы продолжается опять тихо:

ДЕРКАЧ: Ему хана буде!

КУЧМА: Готовишь все вопросы.

ДЕРКАЧ: К какому нужно числу?

КУЧМА: На следующий день.

ДЕРКАЧ: Хорошо. Дома будет!

КУЧМА: Добивай! Он, блядь, получит, жидок!

Кучма пытается связаться по телефону с первым вице-спикером Медведчуком. Ельяшкевичу через восемь минут после предыдущего выступления вновь предоставляется слово для выступления. Его выступление слушают в президентском кабинете. В этот момент раздается реплика.

ДЕРКАЧ: Вот он получит!

В этот момент Кучма наконец начинает по телефону разговор с Медведчуком.

КУЧМА: Слушай! Надо б не делать досрочный перерыв. До двенадцати дотянуть, иначе они будут праздновать победу. Завалят все. Ни в коем случае. Тяни. Любые там вопросы. Хорошо. (Выступление Ельяшкевича продолжается – Ред.).

КУЧМА: Пусть его побьют! Сука обнаглел!

ЗАГОВОР ПЕНСИОНЕРОВ

Для поддержания престижа игра в заговоры стала для Деркача привычным спектаклем. Летом 2000 года огромный резонанс вызвал первый и единственный в истории Украины "антигосударственный заговор", организованный Союзом советских офицеров. Специальный пресс-релиз оповещал, что Союз готовится к масштабному нападению на стратегические объекты с целью свержения конституционного строя! Смехотворность очередной сенсации стала ясна всему миру, когда оказалось, что Союз офицеров представляет собой полтора десятка больных пенсионеров, которые на домашней карте отметили расположение одной воинской части. Немощные люди не смогли бы свергнуть власть даже в гастрономе... Запись показывает, как Деркач пугал Кучму новым заговором. Обвинения в суде против пенсионеров рассыпались в прах.

КУЧМА: Что это такое?

ДЕРКАЧ: Ну, Союз.

КУЧМА: Советских офицеров. И вооружен как повстанческая армия. Надо арестовать всех (изучает документы). Всех забрать!

ДЕРКАЧ: Забрать всех, этих оставить, а потом часть выпустить. Тут можно все. Все противозаконно, то есть, к насильственному свержению существующего строя.

КАК "КОШМАРЯТ" КОРРУПЦИЮ В УКРАИНЕ

На фоне постоянных докладов Деркача о результатах политической слежки, хотелось найти какой-нибудь отчет о разоблачении хоть какого-то коррумпированного чиновника. Не нашлось таких. Мы, конечно, раскроем большую государственную тайну, но... Коррупционеров в Украине не разоблачают, а назначают. Уважаемые поклонники эстрадной сатиры, отвлекитесь от будничных хлопот, прочтите с выражением (лучше в дуэте), сюжет о борьбе с коррупцией по-украински, записанный в мае 2000 года. Перед вами блестящее и законченное произведение с массой интонационных оттенков. Это грустный смех. Мы даем его на закуску главы о Деркаче как последний акт театра абсурда. Поверьте, Жванецкому не под силу выдумать подобный шедевр!

ДЕРКАЧ (абсолютно серьезным деловым тоном):...И теперь последнее. Значит, американцы все равно ж по коррупции "кошмарят" там, и корреспонденты приезжают. Я думаю, Матвиенко Анатолия надо "сдать" (имеется в виду передать компромат – Ред.). Мороза, Лазаренко, Ткаченко, Агафонова. (Перечислены деятели оппозиции и бизнесмены, конфликтующие с властями – Ред.). Теперь вот Дурдинца, как бывшего председателя... (Василий Дурдинец – бывший председатель Национального бюро расследований, созданного для борьбы с коррупцией – Ред.). Пусть тоже немножко "покошмарят"? Или не стоит?

КУЧМА (глубокомысленно): Да нет, Дурдинца не надо.

ДЕРКАЧ (*весьма озабоченно*): Черномырдин шалит. Сейчас еще одна фирма "Лыбедь" хочет опять свои товары пропускать только через него.

КУЧМА (*резко взрываясь*): Ну так бери его за жопу!

ДЕРКАЧ (*почтительно*): Это его фирма. Его не трогать?

КУЧМА (*повышает голос*): Да чего там не трогать!

ДЕРКАЧ (*с готовностью*): Нет, я имею в виду по американцам.

КУЧМА (*внезапно успокаивается*): Ну, можешь трогать. (*Прощайте совместные баньки, пьянки, гулянки, "сдаст" Кучма "друга Витю – Ред.*).

ДЕРКАЧ (*азартным тоном*). Теперь, из олигархов кого? Кто там нас наеб? Кого можно под американцев отдать? Пусть они их побеждают.

КУЧМА (*снова взрывается, почти кричит*): Ну, Юлю-то они не трогают!? Юлю Тимошенко не трогают же!

ДЕРКАЧ (*задумчиво*): Не трогают. Ну, может тогда опустить "ЕЭСУ"? (*Фирма Тимошенко – Ред.*).

КУЧМА (*зычным голосом*): Конечно! Опускай!

ДЕРКАЧ (*с готовностью*): Кого еще?

КУЧМА (*досадливо*): Ну, слушай, Суркисом они и так занимаются, бляди!

ДЕРКАЧ (*уверенно*): Ну, Суркиса они съедят, они его на конец предвыборной кампании президентской... Его и Волкова.

КУЧМА (*заинтриговано*): А что они собираются там?

ДЕРКАЧ (*небрежно*): Ну, будут они против Гора. Значит, по нашим подсчетам где-то 80-85%, что Гор не пройдет.

КУЧМА (*потрясение*): Да ты что?!

ДЕРКАЧ (*со скромным достоинством*): Да, там кампания мощная. Наши ребята там крутятся. Поэтому мы через одного юриста, мы немножко с сыном Буша там натихаря ведем.

КУЧМА (*озабоченно*); Ну, слушай, нам и так, что будет с этим самым... Мы же тоже...

Сергей Довгань

На данный момент не является сколько-нибудь серьезной политической фигурой. До 2000 года был лидером Селянской партии, ближайшим соратником председателя Верховной Рады Александра Ткаченко. В 1999 году сыграл свою единственную заметную и важную политическую роль – в развале "каневской четверки", объединения оппозиционных Кучме кандидатов в президенты, в том числе Ткаченко.

Довгань возглавлял избирательный штаб Ткаченко, и настаивал, что у последнего якобы огромные шансы стать президентом. Основным кандидатом оппозиции в 1999 году выступал лидер Социалистической партии Александр Мороз. После того как "четверка" не выдвинула его единым кандидатом и распалась, стало очевидно, что Кучма выиграет выборы, поскольку кандидат коммунистов Петр Симоненко, который вышел во второй тур выборов, заранее не имел шансов на победу.

Разговор в кабинете Кучмы, происшедший летом 2000 года, показывает, что действия Довганя на выборах были политической игрой, согласованной с президентом. Он отчитывается перед президентом о результатах "работы", и слова Кучмы раскрывают механизм борьбы с "четверкой". После выборов и незаконного снятия Ткаченко с поста главы ВР, Довгань разорвал с ним отношения.

Мы приводим беседу также потому, что здесь указывается любопытный факт: Кучма рассказывает о наличии в личной собственности нескольких гектаров земли. В то время как в своей декларации о доходах президент указал всего пять "соток" земли. Конечно, учитывая уровень материального достатка Кучмы, эти гектары – мелкий компромат. Но это еще одно яркое свидетельство официального вранья.

КУЧМА (помощнику в селектор): Дурик есть?
(Входит Довгань)

КУЧМА: Какие люди, еб твою...

ДОВГАНЬ: Хе-хе. Мы договорились с вами о тактике, что моя задача была, чтобы Мороз был это самое. Мы же сидели много (имеются в виду многочисленные совещания "четверки" – Ред.). Я же знал, что все будет так, как кончится.

КУЧМА: Ну вот, у меня до сих пор только одна мысль: неужели Ткаченко такой, так сказать, абсолютно "нулевой", что он не мог предвидеть, что ни при каких обстоятельствах, ни при каких, он не мог быть президентом.

ДОВГАНЬ: Да я не знал, что он такой, ну, я не хочу слово "дурной" использовать, поскольку он старше по возрасту. Значит, мы тогда здесь говорили. Я им говорю, что мы идем на выборы. Вы говорите, что вы знаете, вот, критиковать президента...

КУЧМА: Я ему сам говорил: после выборов.

ДОВГАНЬ: Ну, нет возражений – после выборов.

КУЧМА: В порядке дискуссии. Ну, скомпрометировал себя сам Ткаченко, видишь. Что ему надо было?

ДОВГАНЬ: Совершенно верно.

КУЧМА: Был начальником. Я его поддержал.

ДОВГАНЬ: Вы для него столько сделали. Он же работал. Мороза нужно было держать. И его, конечно,

держали. Петро (*Симоненко, лидер КПУ – Ред.*) держал. Мы с той стороны, и я считаю, что нормально.

КУЧМА: Мороз, слушай... Сто процентов было ясно, что Симоненко, как минимум, будет вторым.

ДОВГАНЬ: Ну, там, скажем, кинулись, что там была "четверка" и так дальше за Мороза.

КУЧМА: У Симоненко страх постоянный.

ДОВГАНЬ: Симоненко сам по себе не подходит. Кроме того, было решение в два часа ночи отдать голоса Ткаченко Морозу. В 9 часов уже было политбюро и я Ткаченко сказал: "Свяжись с журналистами и скажи, что ты пошутил". Он так и сказал. На неделе мне говорит: "Собирай актив". Это было уже в четверг. Собираем, проводят Мороза, а хлопцы уже готовы. На Мороза как "навязались", он выскочил и ушел от нас. То есть задача вся была выполнена. Когда мы пошли, скажем, до Марчука (*также один из участников "четверки" – Ред.*)... Да что Марчук? Марчук ничего не сделает. А дальше, я-то понимал главную идею, что надо поддерживать.

КУЧМА: То, что Ткаченко выступил в целом в поддержку Симоненко, сработало в минус Симоненко.

ДОВГАНЬ: Ну, я не знаю, как оно сработало, но все сделано правильно. Но в результате оказалось, что мы организовываем борьбу против президента Кучмы. В соответствии с договоренностью. Считаю, что так и было.

КУЧМА: Нужно понять: уже коммунизма строить не будем.

ДОВГАНЬ: Леонид Данилович, ну я ж не коммунист и не социалист.

КУЧМА: Ну, я так говорю. Уже всё, значит. Россия – всё. Если бы Россия еще так где-то, так сказать, тут бы писк был страшный. А так – всё. Россия пошла (*имеется в виду, что коммунисты не являются правящей партией в России – Ред.*).

ДОВГАНЬ: Ну, вы ж тоже их знаете. То, что осталось от коммунистов – там остатки самых неудачников.

КУЧМА: Конечно.

Георгий Гонгадзе

Известный украинский журналист. 16 сентября 2000 года был похищен неизвестными, а спустя несколько недель его обезглавленное тело было обнаружено в лесу под Киевом. Гибель Георгия всколыхнула украинское общество, и вызвала массовые акции протеста против президента Кучмы.

Убийство стало началом системного кризиса украинской власти, получившего название "кассетный скандал". Гонгадзе не был лидером оппозиции, он занимался политической журналистикой. В октябре 1999 года, во время участия в ток-шоу "Эпицентр" президента Кучму, Леонида Даниловича вывели из равновесия вопросы Гонгадзе о причинах коррупции в украинской власти. Большой резонанс имела работа Георгия на радио "Континент" и в Интернет-издании "Украинская правда".

Десятки сотрудников силовых ведомств проводили незаконные операции против одного человека, и более всего поражает, что вся "вина" журналиста состояла исключительно в его газетных статьях!

Вместо поиска оружия, наркотиков, борьбы с теневыми капиталами, система работала против законопослушного гражданина, который просто

высказывал свое мнение о существующей власти! Из записей понятно, что Гонгадзе стал жертвой настоящей мании преследования, которой, увы, подвержен престарелый правитель 48 миллионной европейской страны.

Материалы, достоверность которых доказана, свидетельствуют, – убить Георгия могли только по приказу высших государственных чиновников. Прокуратура заявила "о чисто криминальном характере преступления". Да какой бандит смог бы приблизиться незамеченным к журналисту, который находился под плотным наблюдением СБУ и МВД? Уже не говоря о том, чтобы незаметно похитить, вывезти за пределы Киева, профессионально убить, закопать, затем перезахоронить тело, обработать труп химическим составом для ускорения процессов разложения, – согласно данным экспертизы?

ОБОРЗЕЛИ

Обзоры прессы для Кучмы готовил его помощник, Литвин, ныне председатель Верховной Рады. От него Кучма получал статьи Георгия, вместе с конкретными рекомендациями по устранению "проблемы". Судя по разговору, состоявшемуся где-то в мае 2000 года, незаконное воздействие на журналиста было в понимании собеседников абсолютно нормальным.

КУЧМА: Мне давай этого самого, по "Украинской правде", нужно решать, что с ним делать. Он просто "оборзел" уже. "Украинская правда"- тут просто конечно уже "оборзел". Подонок, грузин, грузин этот.

ЛИТВИН: Гонгадзе или как его?

КУЧМА: Гонгадзе. Ну кто-то же его финансирует?

ЛИТВИН: Ну, он активно сотрудничает и с Морозом, и с "Гранями" (*оппозиционная газета* – Ред.).

КУЧМА: В суд может дать, пусть юристы, да подать в суд. Этим же прокуратура занимается?

ЛИТВИН: Я думаю, Кравченко сказать, чтобы они другими методами подействовали.

КУЧМА: Депортировать его в Грузию и выкинуть там на хуй. Отвезти его в Грузию и кинуть. Чеченцы нужно чтобы украли, и выкуп.

АНТОЛОГИЯ СМЕРТИ

Кучма и его сторонники говорят, что первый обличительный фрагмент пленок, обнародованный 28 ноября 2000 года, где президент требует похитить Гонгадзе, не является доказательством. Дескать, не убить же просил. На самом деле, слова Кучмы отнюдь не были плодом минутного раздражения. Мы приводим шокирующие подробности специальных операций против журналиста, которые незаконно проводились СБУ и МВД в течение по крайней мере трех месяцев!

Записи свидетельствуют: работа Гонгадзе крайне раздражала не только Кучму, но и его подручных. В июне 2000 года в российской прессе, с которой имеет деловые контакты Андрей Деркач, сын главы СБУ, появилась статья, преподносящая "наследника" в качестве нового украинского "Путина". Этот материал вызвал массу язвительных комментариев в оппозиционных изданиях, в том числе – в "Украинской правде". 12 июня 2000 года по приказу Кучмы незаконную оперативную разработку Гонгадзе начинает СБУ.

ДЕРКАЧ: Леонид Данилович, почитайте буквально две минуты. Это кто организовал эту статью, что следующий украинский Путин – это Андрей Деркач. Ну, это вот Гонгадзе.

КУЧМА: Гонгадзе это? Так вы ж ему пиздец можете сделать?

ДЕРКАЧ: Да, так все, пиздец ему. Я его, блядь, задрочу. Гонгадзе ещё скотина. (*Шелест бумаги – показывает Кучме статью*). Я просто, чтобы вы просто знали, то, что он написал эту статью – то всё дурь и она никому не нужна, но вот что он делает (*потрясает, как эти "государственные мужи" боятся вызвать малейшие*

сомнения у Кучмы, как они озабочены своим имиджем в глазах неуравновешенного человека – Ред.). Я его всё равно задрочу за вас и за себя. Вот написал вот такие вот стишки... не читайте, грязь это. (Кучма читает). Ну вот... газету интернетовскую мы ею будем давить.

КУЧМА: Гонгадзе не, я не читаю. Разберись с ним как следует.

ДЕРКАЧ: Гонгадзе поставлю на место.

ЕСЛИ ДРУГ ОКАЗАЛСЯ ВДРУГ...

Гражданская позиция журналиста вызывала недовольство многих посетителей президентского кабинета. Такова мода. Ругали Гонгадзе в том числе и те люди, которые поддерживали с ним внешне приятельские отношения. Например, известный журналист Пиховшек часто приглашал Георгия в свою авторскую программу "Эпицентр". Оказывается, за улыбками, рукопожатиями, веселыми беседами стояла откровенная неприязнь.

ПИХОВШЕК: В одном "Эпицентре" кто-то – а, это был Гонгадзе, грузин – начал кричать против президента. Вот это наша мелкотравчатость такая.

Под воздействием "добрых" советчиков Кучма, и так серьезно страдающий от заговоров, подозрений и происков бесчисленных врагов, стал воспринимать статьи журналиста как еще одну "государственную измену". На незаконную слежку за Гонгадзе и "Украинской правдой" были направлены оперативные подразделения сразу трех силовых ведомств (!). Следующая беседа с Деркачом проходит уже в разгар незаконной операции против журналиста в июле. Очевидно, что Кучма лично контролирует это дело.

КУЧМА: Приветствую! Я только прочитал это, значит, "Украинская правда"...

ДЕРКАЧ: А? Да эта сука, этот. Ведем дело, сейчас по всем каналам его слушаем, все связи его близкие выявляем.

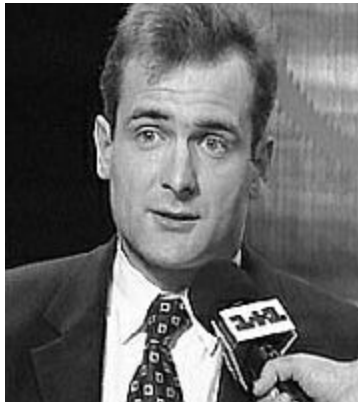
КУЧМА: Я слышал, что он с Морозом там тоже.

ДЕРКАЧ: Это он Евгению Кирилловичу (Марчук, секретарь Совета национальной безопасности и обороны – Ред.), на самом деле (два слова неразборчиво). (Шелест бумаг). Да мы сейчас

отрабатываем оперативно, и потом подключим и КРУ (контрольно-ревизионное управление – Ред.), и налоговую вместе, и "растянем" (имеется в виду, окажут давление с помощью целого ряда государственных структур – Ред.).

КУЧМА: Хорошо, все оставь (имеется в виду бумаги – Ред.)

ВНЕ ЗАКОНА

"Гонгадзефобия" Кучмы прогрессировала день ото дня. К охоте на журналиста Кучма подключил и министра внутренних дел. В начале июля Георгий обнаруживает за собой открытую слежку. Он обращается к неизвестным преследователям, которые не прячась называют себя сотрудниками милиции. На их машине служебные номера службы криминального поиска МВД. Гонгадзе помещает эти факты в обращении к генеральному прокурору Украины Потебенько. Однако министр Кравченко уже давно принял заказ к исполнению. 10 июля 2000 г. он отчитывается перед заказчиком.

КУЧМА: Чтобы я не забыл, этот самый же, грузин этот.

КРАВЧЕНКО: А я, мы работаем по нему. Значит...

КУЧМА: Я говорю: вывезти, выкинуть, отдать чеченцам, пусть выкуп.

КРАВЧЕНКО: Мы продумаем. Мы сделаем так, как положено.

КУЧМА: Или привезти туда, раздеть, без штанов оставить, пусть сидит.

КРАВЧЕНКО: Сегодня мне докладывали, мы там ему делаем установочку. Изучаем, где он ходит, как

ходит. Мы немножко так, немножко нужно изучить, а потом мы сделаем. У меня сейчас команда боевая, орлы такие, что сделают все, что хочешь. Данилыч, значит, вот такая ситуация. *(В личном подчинении министра внутренних дел находились несколько специальных подразделений, которые были тщательно законспирированы. По неофициальным данным, Георгий был похищен и убит бойцами отряда "Сокол" – элитного штурмового отряда – Ред.)*.

Разговор 30 августа 2000 г. сразу начинается с доклада о результатах наружного наблюдения за журналистом.

КУЧМА: Гонгадзе там?

КРАВЧЕНКО: Послезавтра, послезавтра. Мы сегодня там вскрыли. Все, что вы поручали, – все работаем. Думаю, что через Гонгадзе *(одно слово неразборчиво – Ред.)* есть. И там будет решено, как оно получится, но мы все окончательно. Я там посмотрел еще его материалы, из Интернета повытягивали.

СЛЕПАЯ ФЕМИДА

Обращение в прокуратуру оказалось безрезультатным. Открытая слежка действительно исчезла, но на самом деле наблюдение не снималось. А проверять номера машины, которые прокуратура получила в заявлении Гонгадзе, никто не стал. Запись от 11 сентября 2000 года показывает почему.

КУЧМА: Я тебя приветствую. Чтобы я не забыл. Гонгадзе продолжает.

КРАВЧЕНКО: Да, я сейчас. Мы там прокололись. Значит, написал жалобу генеральному прокурору. Но я думаю...

КУЧМА: Кто?

КРАВЧЕНКО: Он. Немножко я тут прокололся. Но я теперь думаю, почему прокололся. Я грешу на замначальника по оперативной города Киева, Опанасенко. Ну, что Опанасенко... Ну, у меня тут группа – она закрыта, так? *(Речь идет о законспирированном спецподразделении – Ред.)*. Опанасенко через своих начал "пробивать", что это за машины и написал Потребенько, значит, жалобу.

КУЧМА: Кто? Опанасенко?

КРАВЧЕНКО: Нет, нет – Гонгадзе. Ну, тут он указывает номера, которые уже уничтожены, значит, год тому назад. Я немножко тут тактику меняю, потому что я просто хочу поэтому, я хочу убрать этого Опанасенко. У меня закрались сомнения, когда мне доложили аж туда, в Киргизию, что Опанасенко интересуется номерами. Приезжаю, говорят, жалоба есть. Я его сделаю, Леонид Данилович. Я сделаю! Я просто, чтобы оно не то не получилось... Но он будет сделанный. Он тут пишет, что это "может быть расчет за мои дела" *(фраза из обращения Георгия к*

генеральному прокурору - Ред.). Я Гонгадзе не выпускаю, потому что для меня этот вопрос уже тоже... В экипаже есть контакты. Я за ним сейчас бросил наружное наблюдение. Я хочу его контакты изучить.

КУЧМА: А у Гонгадзе есть там команда - тридцать там что ли, строчат эту грязь.

КРАВЧЕНКО: Нет, три человека. У меня есть они. У меня все они есть. Но я хочу с него начать. Ну, я еще посмотрю по реакции, как генеральный (*прокурор - Ред.*) отреагирует. Мандражируют, номера снимают, так что я не знаю.

КУЧМА: Ну, а чего генеральный должен на каждую блядь?...

КРАВЧЕНКО: Ну, это же заявление.

КУЧМА: Ну и что - заявление.

КРАВЧЕНКО: Ну, я посмотрю, как они будут реагировать.

КУЧМА: Почему каждая срань должна писать на генерального прокурора?

Воспитательную беседу с генеральным прокурором Потебенько Кучма не стал откладывать в долгий ящик. Прокуратура ответила Георгию, что его жизни никто не угрожает сразу после того, как президент пожаловался Потебенько.

КУЧМА: А-о-о! Видишь, на меня сейчас, блядь, пишут - просто ужас. Какая-то есть "Украинская правда", тут. Как куклы тут сидят.

ЗАМЕТАЯ СЛЕДЫ

Наиболее красноречивым подтверждением причастности властей к гибели Гонгадзе являются лживые и непоследовательные заявления и действия "правоохранительных органов" в ходе "расследования". Делалось все, лишь бы доказать непричастность президента к скандалу. Кучма цинично говорил, что "раскрытие убийства – дело чести" (!), что "привлечены лучшие специалисты".

Выражал соболезнования матери и жене Георгия, редактору "Украинской правды" Алене Притуле. Но у себя на диване он не притворялся. И соратники его поддерживали, сочувствуя столь неприятным обвинениям в убийстве человека. Деркач, прекрасно знавший, кто заказал журналиста, увидел в общественном резонансе очередной, на сей раз "американский заговор", возмущаясь вниманием зарубежной прессы и дипломатов к этой истории. Уже два года "американский заговор" тиражируется пропрезидентскими СМИ, но... Кучма по-прежнему ищет благосклонности у Вашингтона, и пытается вернуть утраченное доверие.

ДЕРКАЧ: Тут американцы очень зашевелились. Подогревают эту обстановку. Гонгадзе (жена – Ред.) к корреспондентам привела этого иностранца – мы сейчас его устанавливаем, – и тот говорит: "Ну, раскручивайте, раскручивайте эту ситуацию". Вот. И пресс-атташе посольства тоже позванивает в разные инстанции и раскручивает эту ситуацию (*Гонгадзе был лично знаком с послом США в Украине Стивеном Пайфером, и сотрудниками пресс-службы* – Ред.).

КУЧМА: Ну, американцы всегда наиболее паскудно себя ведут. Конечно, сейчас постараются использовать

для накручивания.

ДЕРКАЧ: Но вчера по телевизору, я когда посмотрел, как жена его (*Гонгадзе* – Ред.) по СТБ (*телеканал* – Ред.) говорила.

КУЧМА: Слушай, она как будто бы, знает, какие коники он...

ДЕРКАЧ: Да, она так говорит: "Ты если слышишь нас, так мы тебя ищем". То есть она не то чтобы всхлипывала со слезами, а так.

КУЧМА: Не видно, что удрученная. Хе-хе.

ДЕРКАЧ: Не видно. Да, теперь...

КУЧМА: Я тебе (*имя неразборчиво*) покажу, выглядела хуже, чем жена. (*Смеются*). (*Этот диалог, происшедший в то время, когда тема исчезновения Георгия была главной новостью всех средств массовой информации, нуждается не в политической, а в клинической оценке* – Ред.).

УБИЙСТВЕННЫЙ СМЕХ

Последним фактом, который доказывает, что президент Кучма был с самого начала прекрасно осведомлен о судьбе журналиста, является его высказывание в беседе с генеральным прокурором Потебенько, которая состоялась буквально примерно 18-19 сентября. В это время прокуратура говорила, что Гонгадзе скорее всего, куда-то уехал и никого не предупредил. Затем сыщики летали по всем городам Украины, и даже за границу – в Грузию. Убийцу не нашли и не допросили. Ему докладывали.

ПОТЕБЕНЬКО: Тут Гонгадзе пропал...

КУЧМА: В Чечне, чеченцы его выкрали (*смеется*).

Примечание (март 2011) по делу о похищении и убийстве журналиста Георгия Гонгадзе^[1].

Борис Холод

Бывший глава Национального совета по телевидению и радиовещанию. Входит в число почитателей Кучмы. Холод не является какой-либо самостоятельной политической фигурой, и не имеет никакого авторитета в журналистике и менеджменте СМИ. Беседа с ним от 17 апреля 2000 года просто очень показательный взгляд на подневольного чиновника, который озабочен не обеспечением нормальной работы телевидения и радиовещания, а тем, как заткнуть рот всем недовольным деятельностью патрона, как получить государственный лимузин получше, и государственную дачу побольше. Очень показательное пренебрежительное отношение Кучмы, – он общается с вассалом.

ИЗБРАННЫЕ АФОРИЗМЫ

"У нас такая клоака"

Так оценил Холод деятельность возглавляемого им же Совета по телевидению и радиовещанию.

"Ну, обормоты! Вы кому-то там деньги даете? Таял же кто-то берет! А там же нужно поставлять электроэнергию за счет государства..."

О руководстве телеканалов, которое за бесценок получает лицензии на вещание в самом Нацсовете.

"У меня же информационное пространство, за которое отвечает президент! А я же отвечаю за него"

Обоснование просьбы о получении государственной дачи

КУЧМА: Как работа?

ХОЛОД: Уж три месяца. У нас там такая клоака – я извиняюсь. Леонид Данилович, вы тогда говорили, когда всех собирали. Вот я им каждый день, два раза в неделю провожу встречу и с этого начинаю.

КУЧМА: Им бы не работать, а пиздеть, елки-палки!...

ХОЛОД: Леонид Данилович, вы меня знаете. У меня, если такая... я всегда начинаю утром в 6 часов свой рабочий день зарядкой и купанием. У меня же информационное пространство, за которое отвечает президент! А я же отвечаю за него.

КУЧМА: Ну, ладно. Дальше, я скажу, чтобы дали тебе это. А сейчас мы там почистим все дачи. Повыгоняем оттуда тех, кто уже...

ХОЛОД: Да, да, да. Так я про дачи там написал. Про дачи я написал! Я, чтобы пораньше, в 6 часов, покупаться нужно.

КУЧМА: Да, еб твою мать! (*Есть ли у Холода хоть какое-то чувство собственного достоинства? – Ред.*).

ХОЛОД: Там вчера Княжицкий (*некогда возглавлял оппозиционный телеканал СТБ, затем входил в состав Нацсовета – Ред.*). Я говорю: "Ты видишь, что в Москве случилось? Вы видели? По проекту было пять каналов, а там пятнадцать в России. Вы знаете, сколько на нашей (*слово неразборчиво, очевидно речь идет о системе ретрансляции телесигнала – Ред.*). Тоже пять! Так когда ты его купил? Кому ты деньги давал? (*Оппозиционное руководство телеканала СТБ было вынуждено подать в отставку, когда власти лишили СТБ права вещания на якобы используемой без оплаты радиочастоте – Ред.*). А там же ТВ висит у нас. "Интер" (*телеканал группы Медведчука-Зинченко – Ред.*) висит. "1+1" висит (*также пропрезидентский телеканал, контролируется Медведчуком и Волковым – Ред.*), ЮТУ (*телеканал Виктора Пинчука, крупнейшего олигарха, зятя Кучмы – Ред.*) висит.

КУЧМА: И все на дурного.

ХОЛОД: Надурняка все! (*Холод подтверждает, что в полном объеме за использование ретрансляторов и радиочастот не платит ни один телеканал, то есть давление на СТБ имело заказной характер – Ред.*). А когда-то был такой Аксененко (*также бывший член Нацсовета, глава маленькой телекомпании – Ред.*)... Он через секретариат Верховного Совета провел вопрос (*получения лицензии – Ред.*) на 45 процентов дешевле, чем государственные висят эти тарелки. Я сегодня полдня хожу в таком состоянии. Слушайте, ну, извините, обормоты. Что же это такое?! Вы кому-то там деньги даете? Там же кто-то берет! А там же нужно поставлять электроэнергию за счет государства...

КУЧМА: Конечно, все за счет государства. А сами только...

ХОЛОД: А сами да, да... Если будет такая возможность, сегодня уже на четыре года вместе с президентом глава Национального совета по вопросам телевидения (*Холод наивно надеялся удержаться в теплом кресле четыре года, а просидел меньше двух* – Ред.), так я думаю, когда-то там станет вопрос, так вы мне дадите. Я буду уже членом Совета национальной безопасности (*эта абсурдная переоценка Холодом собственной значимости в то время как его посылают мотом, очень развеселила Кучму* – Ред).

КУЧМА: (Смеется).

ХОЛОД: Так должно быть. Это же я за безопасность отвечаю.

КУЧМА (со смехом): Абсолютно точно! Это серьезная работа.

Юрий Кравченко

Бывший министр внутренних дел. Один из самых доверенных людей Кучмы. При Кравченко МВД стало дееспособной структурой, которая остановила волну преступности в середине девяностых годов. Но взяв под контроль преступные группировки, украинские правоохранительные органы взяли на себя многие бандитские "полномочия". Более того, ряд жизнестойких криминальных объединений даже усилились, сумев договориться с властями. И в таких областях как Донецкая, Луганская, Винницкая, сегодня трудно определить кто имеет больший вес – местный губернатор или местный "авторитет". Ничего удивительного тут нет, ведь основной задачей, которую ставил МВД президент Кучма, была не ликвидация мафии и коррупции, а уничтожение политической оппозиции. Занявшись политикой, Кравченко направил свои усилия на построение собственной финансово-политической группировки. Система внебюджетных фондов, куда "благодарные" предприниматели без устали перечисляют огромные средства, питают милицейский спрут.

Кравченко имел репутацию "жесткого" политика. Так его даже величали официально. А те граждане,

кого милиция ставила по другую сторону баррикад, называли Юрия Федоровича "беспредельщиком". Любое недовольство Кучмы тем или иным человеком Кравченко воспринимал как личное оскорбление, и личную обиду. Для решения таких "проблем" Кравченко создал несколько законспирированных подразделений, сотрудники которых выполняют приказы не глядя в уголовный кодекс. Именно одна из таких команд и подозревается в убийстве Георгия Гонгадзе. Кравченко был первым президентским фаворитом, который понял, что отрицать достоверность пленок неразумно. Выступая в парламенте сразу после обнародования обличительных записей Александром Морозом, министр не подтвердил, но главное – не опроверг аутентичности своего голоса. На вопрос депутата, узнает ли он свой голос на пленке Мельниченко, Кравченко ответил: "Пусть решает экспертиза!"

Примечание. Юрий Кравченко погиб от двух выстрелов в голову 4 марта 2005 года. Официальная версия смерти Юрия Кравченко — самоубийство. В тот день Юрий Кравченко был приглашен в Генеральную прокуратуру для дачи показаний по делу Гонгадзе. Объявляя об этом по телевизору, генпрокурор Святослав Пискун не сообщил статус приглашенного. Потом уже выяснилось, что Юрий Федорович вызывался как свидетель.

ИЗБРАННЫЕ АФОРИЗМЫ

"У меня есть такие орлы, и методы их, у них же нет ни морали, ничего нет".

Кравченко о сотрудниках спецподразделения милиции, которые подчинялись лично министру.

"Каждое дело мы сопровождаем в рассмотрении, и если не берем судью в клещи, или не пугаем, то он ломается".

О системе давления МВД на судей.

"Я же знал, что он гнида! Ну, что-то в нем не то... Ну, например, собираются. Решают, по сколько скинуться. Значит, он никогда ни копейки не дает".

Обоснование отставки генерала милиции Чернышева с поста заместителя министра внутренних дел Украины.

РЭКЕТИР С ГАЛУНАМИ

Методы давления на людей, которые осмеливались выступать против власти, сам Кравченко описывает Кучме в докладе от 12 июня 2000 г. Алексей Подольский, помощник народного депутата Украины Сергея Головатого, председателя комитета Парламентской ассамблеи Совета Европы, распространял на улице листовки, где критиковались действия Кучмы. Он был среди бела дня в центре Киева похищен подручными Кравченко, вывезен за город, и жестоко избит. В отличие от Георгия Гонгадзе, Подольскому повезло – он выжил. А организаторы похищения весело смаковали подробности бандитского налета.

КРАВЧЕНКО: Значит, позавчера он один очутился аж в Сумской области, тот, который активно распространял листовки. Значит, там его так отталмачили (*смеется* – Ред). Кричит: "Я не виноватый. Это Головатый!" (*заливается смехом* – Ред.). Ну, приехал он домой, а там, значит, загорелась еще и дача и двери сгорели...

КУЧМА (*со смехом*): У кого?

КРАВЧЕНКО (*хохочет*): У него!

КУЧМА: (*после того как оба отсмеялись* – Ред). Понятно. А ты их оценил? А как получилось, что он сам оказался в Сумской, или его отвезли?

ДЕФЕКТИВНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Хотя Кравченко провел мудрую кадровую селекцию, преступления почему-то не стали раскрываться. Вроде уже и преступники аккуратные, добросовестные попались...

КРАВЧЕНКО: Значит, я тогда докладывал, и прокурор говорил по Гетману (*один из крупнейших украинских финансистов, убит в 1998 году* – Ред). Что мы имеем? Вот эта киевская группа. Значит, мы разблокировали их компьютер. В компьютере буквально где-то 15-20 страниц, что думали убить "банкира". На площадке – не получилось. Значит, убили в подъезде. У меня вызывает сомнения, для чего было заносить эти материалы в компьютер. Они себя, вроде, документируют. Ну, называют "банкир". Банкир у нас один – убитый. И получается, что дом кабминовский, значит, без охраны, то есть вписывается в систему. Сейчас мы их взяли хорошо, капитально. Идет работа по всем направлениям. Ну, если Гетман пойдет, то, в принципе, все заказные убийства у нас, Леонид Данилович, у нас раскрыты, начиная с 93-го... (*дело об убийстве Гетмана до сих пор не передано в суд, а вот заказных убийств заметно прибавилось* – Ред.).

ЕСТЬ ЛИ ЧЕСТЬ У МУНДИРОВ?

"Честь мундира" в Украине является главным фактором, который определяет поведение чиновников в любой ситуации. Если в конфликт замешаны интересы высокопоставленных лиц, объективного решения добиться почти невозможно. Огромный резонанс в Украине вызвало убийство известного певца Игоря Билозира. Он погиб в результате драки в кафе, став жертвой нападения пьяного сотрудника Службы безопасности (!), которому не понравилось, что Билозир с друзьями пел песни на украинском (!) языке. Убийца оказался к тому же сыном полковника министерства внутренних дел. Следствие всячески блокировалось самими правоохранительными органами, официально поддерживалась версия, что в инциденте виновен Билозир (!). Только под угрозой массовых акций протеста, убийцы были привлечены к уголовной ответственности (причем по некоторым данным, на скамью подсудимых попали далеко не все). Особенности следствия ясны из отчета Кравченко перед Кучмой:

КРАВЧЕНКО: У нас возникает напряжение по Львову. Я вам докладывал, что был избит Билозир. Это такой народный артист, алкаш. Избит был работником оперативной части СБ войсковой. Конфликт вышел из-за украинского языка. "Ты почему поёшь на украинском языке?". Билозир пел. Ну, короче, тот его ударил головой. Он долго был в реанимации, вчера умер. Завтра похороны. Раскручивается антироссийская кампания, достаточно серьезно раскручивается. Значит, Хмара (*народный депутат Украины, оппозиционер* – Ред.), он же там идет депутатом по избирательному округу, и там серьезные есть такие опасения, чтобы оно

не перекинулось в какие-то антироссийские настроения. Один из тех, кто бил, ну, он не долго был в той группе, значит, сын заместителя начальника УВД Львова, 27-28 лет парню. Ну, я не знаю. Для отца, ну что ж, двадцать восьмой год. Ну, совершил сын. Но отец тут причем? Что, он отвечает за здорового оболтуса? Поэтому сейчас там большая часть таких средств делается, чтобы это "причесать", но все время там ситуация может... *(министр озабочен не тем, как посадить убийцу в тюрьму, а тем, как бы его оправдать! - Ред.)*

КРИМИНАЛЬНЫЙ ТАЛАНТ

Раскрываемость преступлений сильно зависит от интеллекта не только сыщиков, но и бандитов. "Тупых" сажают, а "талантливых" берегут. Киевский "авторитет" "Кисель" известен своими дружескими отношениями со многими представителями властной элиты, в том числе – с Кравченко. Он на свободе, ибо – "талантлив". Почтайте запись от 3 июля 2000 г.

КРАВЧЕНКО: Ну, Леонид Данилович, ну, тут мы так. Ну, у нас тут подходы несколько другие. Если он бандит, то, э-э-э, то пусть сидит, да. Тут совсем тупой.

КУЧМА: А "Кисель" талант имеет? (Ах, какая добрая подначка от гаранта законности – Ред.)

КРАВЧЕНКО: "Кисель" – да. Он тут имеет голову и...

КУЧМА: Бродского (известный бизнесмен и политик, которого Кучма и Кравченко терпеть не могут – Ред.) друг, по-моему.

КРАВЧЕНКО: Да, он друг Бродского. Но он тогда, когда к Бродскому начали, начал от него отходить и даже не лез. (Имеется в виду 1997-98 годы, когда власти буквально пытались уничтожить Бродского – Ред.).

КУЧМА: По Гонгадзе есть, кроме того, что он работает с Морозом – он же для Мороза пишет в "Гранях" – что его финансирует Бродский. (Кучма сознательно "подначивает" Кравченко "разобраться" с

Гонгадзе, поскольку Бродский был личным врагом министра – Ред.).

КРАВЧЕНКО: Ну, это такая скотина, что может быть. Я не удивлюсь, если у них там есть и с социалистами связь. Ну, мы тут с ним разберемся. Я думаю, что это...

КУЧМА: А Бродский – это ж Медведчук и Суркис. Так сейчас они же с другой стороны. Я же помню тогда игру, вокруг этих "Киевских ведомостей" (*газета, которая принадлежит группе Бродского и группе Медведчука – Ред.*). А сейчас я почитал их разговоры...

КРАВЧЕНКО: У них было не такая методика. Они создают проблему, а потом вроде идут к человеку помогать, а потом оно получается, что человек становится зависим. И вот таким образом они где-то... То есть это большой спектакль на такой почве, я не знаю, национальной. Они разыгрывали, и оно попадалось. Это такое дело. Сколько это ни хитрили...

Впрочем, Кравченко иногда действительно пытался заняться своими профессиональными обязанностями. Вот пример крупномасштабной милицейской операции в Винницкой области, которая приобрела широкий резонанс. МВД решило уничтожить группировку Владимира Продиуса, областного "авторитета", который контролирует многие предприятия региона, и даже содержит свою фракцию в областном совете.

КРАВЧЕНКО: Значит, что у нас по Виннице делается. Скажу честно, что для меня это тоже новость, что там такое болото. Сейчас там работает Мельников (*генерал милиции – Ред.*), и я думаю, что на этой неделе мы раскроем этот... Но ситуация намного сложнее... Значит, экономику области захватил некий Продиус, вор в законе. Значит, магазины в центре Винницы его. Рынки его. Вода "Регина" его. Несколько предприятий его. Значит, это была одна связка с бывшим мэром или губернатором, евреем (*имеется в виду Дмитрий*

*Дворкис, член партии СДПУ(О) – Ред.). Потом этот отошел от дел. У него был там конкурент, вор в законе, и с ним он конкурировал, тоже не давал, значит, развернуться. Вот этого парня подорвали. Он фактически был "шестеркой" у этого вора в законе и выбивал долги. Значит, по информации, которая прошла, мы задержали тех, кто обливал бензином. (Речь идет о резонансном преступлении, когда одну из жертв сожгли заживо в лифте – Ред.). Сегодня мы должны знать, кто за этим стоит. Но я все-таки послал Харламова (заместитель министра – Ред.), 6 человек группу, взял с республики самых опытных, значит, и задание – уничтожить экономику этого Продиуса. Ну, бандит командует в области. Это оно выросло тогда год за годом на противоречиях между Матвиенко (*бывший губернатор области, противник СДПУ(О) – Ред.*) и губернатором. И выросло! Значит, арестовали мы 60 человек, разных бригадиров там...*

КУЧМА: Где, в Виннице? 60 человек?!

КРАВЧЕНКО: 60 человек.

КУЧМА: Еб твою!

КРАВЧЕНКО: Значит, сняли с работы, Леонид Данилович, семь руководителей областного звена. Значит, трех заместителей начальника областного УВД снял, начальников служб и двух начальников райотделов. А сейчас посылаю туда...

КУЧМА: Ну, они же видели все это?

КРАВЧЕНКО: Так я же за это и снимаю. Оно, вроде, тихое болото, а в тихом болоте живет все это кодро. И сейчас еще берем – Бородин (*в то время заместитель министра – Ред.*) послезавтра вызовет всех, заслушает по результатам деятельности – и возьмем еще 4-5 небольших областей. Донецк, Днепропетровск, Киев, а те, как Черкасы, Полтава, Винница – они, вроде, тихие, там не убивают, не стреляют... Поэтому по Виннице, я думаю, что за месяц мы расчистим серьезно. Ну,

задание поставили, чтобы его посадить. Думаю, что мы найдем, за что его посадить. Ясно, что бандит не может... Это приблизительно такая ситуация, как по Крыму возникла, что бандюга командовал. Так и тут. Отсюда и власть там пригибается, потому что у него была группа спортсменов, значит, мастера спорта по боксу. И оказывается, что этот BMW, который выловили в шахте, – это не первый случай. Это у них модно было бензином обливаться машины, поджигать, ну, оно было вроде разборок, и оно не доходило, не набирало такого резонанса. Так что по Виннице, я думаю, мы разберемся, ну, и публично я сказал, что мы сняли тех начальников и, я думаю, мы там поснимаем еще. Чистку проведем капитальную. Я слышал кличку Продиус, – вор в законе. Вор в законе, который понял, что есть экономика и можно оббирать, а не красть, чтобы снова не садиться в тюрьму.

КУЧМА: Ясно.

Каков результат этих грозных решений очистить область от криминала? Где победные сводки и реляции? Спустя два года группировка Продиуса по-прежнему контролирует Винницкую область. Сам "авторитет" продолжает ездить на "мерседесах" со спецсигналами ГАИ, а постовые по-прежнему отдают ему честь. Какими средствами он смог договориться с чиновниками? Вернее, каков был объем этих средств? Сейчас Продиус решил делать политическую карьеру. Представьте, какие он смог получить рекомендации, если известный криминальный "авторитет" поступил в... Академию государственного управления при президенте Украины (!!!). Как заметил один из народных депутатов из Винницкой области: "поступление Продиуса в президентскую академию в Украине, это все равно, что зачисление Аль Капоне в стажеры Белого дома в США". Впрочем, объективно говоря, появление на государственной службе такого управленца как

Продиус, вряд ли запятнает репутацию украинского чиновничества сильнее, чем это сделало нынешнее поколение государственных мужей.

Примечание. Интервью Алексея Подольского корреспонденту «Сегодня» Александру Корчинскому 3 ноября 2010 года и выступление Алексея Подольского в программе Шустер LIVE на Первом национальном канале 25 марта 2011 года
[\[2\]](#).

Алексей Кучеренко

Бывший губернатор Запорожской области. Крупный бизнесмен в сфере энергетики. Был деловым партнером Игоря Бакая и Александра Волкова. В интервью британской "Файненшл таймс" рассказал как с использованием векселей и взаимозачетов его фирма "Бари" "заработала" пятьсот миллионов долларов. Неоднократно пытался стать политическим деятелем, был народным депутатом, но кроме постоянных метаний от одной политической группы к другой ничем не запомнился. Ежегодно финансировал по два-три амбициозных политических проекта, но все они проваливались. Волков пролоббировал столь вожаденное Кучеренко назначение губернатором Запорожской области. Однако при Кучеренко проблем в Запорожье не уменьшилось, поскольку он не сумел наладить контакт с местной элитой, и вместо решения хозяйственных задач сосредоточился на приватизации стратегических предприятий области. Спустя восемь месяцев Кучма отправил его в отставку. Пример Кучеренко еще раз доказывает, что олигарх неспособен управлять государственным аппаратом. Беседа Кучмы с Кучеренко интересна не столько как демонстрация известных моральных качеств собеседников, сколько

как характеристика проблем одной из наиболее развитых областей Украины.

ИЗБРАННЫЕ АФОРИЗМЫ

"Если бы я в парламенте еще месяц посидел, я бы там с ума сошел".

О двух годах своей депутатской работы.

"Они не могут тут работать, поскольку они не знают, кому сколько дать, чтобы их не "кинули".

Об иностранных инвесторах, которые опасаются участвовать в украинской приватизации.

КУЧЕРЕНКО: Леонид Данилович, когда вы мне о губернаторстве сказали, я сказал "да", потому что, если бы я там еще месяц посидел, я бы там с ума сошел.

КУЧМА: В парламенте? Хи-хи.

КУЧЕРЕНКО: Я вопросов никаких не раздувал. Я поехал и могу сейчас сказать, что более-менее разобрался. Основную причину мы в прошлый раз обговаривали. Я понимаю, что там боятся ответственности, поскольку там необходимо отвечать за все, что творится в области. Но когда я не понимаю, какие ваши реальные действия в области, то их нет. Что я имею в виду? Облэнерго – я уже говорил. Труба (газопровод, Кучеренко имеет в виду общее значение – контроль за поставками газа на предприятия области – Ред.) – не понятно чья. И они – Ющенко и Юля (Тимошенко – Ред.) – скажут, что они будут руководить. Да они никогда не смогут руководить. Они смогут просто централизовать. Она сможет, и там...

КУЧМА: И она давит всех, чтобы они заключали договор.

КУЧЕРЕНКО: Да, давит всех. Поставила так, что... А я что должен делать? А облэнерго сейчас что делать?

Он у них деньги отбирает, у таких заводов, как "Днепрспецсталь", ферросплавного, алюминиевого... (При этом публично Кучеренко поддерживал политику Ющенко, и не выступал против Тимошенко – Ред.). Я сделаю, но как это возможно? Если где-то очень законно делать, то это будет...

КУЧМА: Нет, это не бизнес.

КУЧЕРЕНКО: А можно так... жестко можно. Так жестко ему сказать, что "Витя..."

КУЧМА: Абсолютно. Ему так напиши заявление: "Иди на хуй!" Если не будешь, то будет хуже.

КУЧЕРЕНКО: Я так это и вижу. Я это понимаю. Что я еще хочу сказать? Налоговая (администрация – Ред.) – я не хочу жаловаться, но чтобы у нее какую-то информацию получить, она говорит: "С Азаровым договоритесь..."

КУЧМА: Указ бери, и если налоговая тебя посылает к Азарову, внеси предложение по людям, и я его подпишу. Понял? Они подконтрольны. Это написано в моем указе. Кроме службы безопасности, у них есть отдельные законы. Поэтому каждый – финансовые все службы, КРУ – они все подконтрольны.

КУЧЕРЕНКО: Понял. У меня нет пока претензий к ней, но она... Я понимаю, что это команда, которая действует жестко. Я ей еще раз дам, если она не поймет, то тогда...

Технология удержания власти стала основным критерием оценки работы государственного аппарата. Профессиональные качества руководителя ничего не стоят, если он не умеет организовать избирательную кампанию в интересах президента.

КУЧМА: Посмотрите на главу каждой администрации с точки зрения показателей, и как он президентские выборы провел. Как референдум прошел. Мы это еще не довели до конца. Поснимали многих к чертям. Я же предупреждал.

Самым важным периодом губернаторства Кучеренко была приватизация Запорожского алюминиевого комбината (ЗАЛК). Губернатор лично участвовал в продаже завода, поскольку через посреднические структуры владел значительными активами. Различные группы влияния действовали в интересах российских корпораций. Обращает внимание отношение Кучмы к приватизации стратегических предприятий, которые по мизерным ценам передаются компаниям, интересы которых лоббируют те или иные чиновники. И это воспринимается в порядке вещей. Открытых тендеров с привлечением иностранных инвесторов не проводится. Кучеренко лоббировал вариант продажи завода группе "Сибал", и все силы бросил на борьбу с оппонентами.

КУЧЕРЕНКО: Они получили факс от Кабмина, чтобы поставить председателем наблюдательного совета Ермилова (очевидно речь идет о ЗАЛКе – Ред.). Они его поставили, но на тех же сборах Куратченко (бывший губернатор Запорожской области, сменил Кучеренко – Ред.) получил доверенность от фонда госимущества. Здесь особая роль фонда госимущества, и я хотел бы, чтобы вы поверили мне, что я не хочу ни с кем расправляться...

КУЧМА: Он слабый на передок.

КУЧЕРЕНКО: На передок слабый! Он, как специалист, хорош, но он очень слабый. Они ему делают вот так, и он – вот так. Его роль очень и очень отслеживается. Его роль, я вам говорил, 25 процентов переслал, нам было отдано за 2.5 миллиона долларов. (Кучеренко рассказывает Кучме о схеме приватизации Запорожского ферросплавного завода, в которой принимал участие губернатор Куратченко и чиновники фонда государственного имущества. Высокорентабельное предприятие было продано за бесценок – Ред.). Это Бондарь сделал (глава Фонда госимущества – Ред.), и не нужно ничего больше делать.

Его роль отслеживается в "Запорожьеоблэнерго". Он дал такие поручения – они ему эти бумаги пробили, – что Куратченко – да, он поставил там Ермилово...

КУЧМА (звонит Бондарю): Але! Добрый день. У меня Кучеренко. Он с тобой встретится, так что ты давай, работай. Значит, снова-таки, не так, как мы продавали. На подходе... *(одно слово неразборчиво – Ред.)* завод, чтобы мы не продали так, как ферросплавный, за 2.5 миллиона. Ну, договорились. Спасибо, *(обращается к Кучеренко – Ред.)*. А я не знал, что ферросплавный... Я знал, что Пустовойтенко *(бывший премьер-министр – Ред.)* отдал "Запорожсталь" Хмельницкому *(один из близких семье Кучмы олигархов, на то время народный депутат – Ред.)*, а тот отдал практически Соросу *(известный американский филантроп и финансист, в настоящее время свернул все коммерческие операции в Украине так как в ходе "кассетного" скандала выступил против Кучмы – Ред.)*.

КУЧЕРЕНКО: Они там просто клевали. У них был мизерный пакет акций. И они растрезвонили, что они такие великие акционеры, и на этом сыграли.

КУЧМА: Он же перед утверждением премьера отдавал. *(В ноябре 1999 года, когда формировался новый состав правительства, Кучма вновь выдвинул кандидатом действующего премьера Пустовойтенко. Чтобы обеспечить поддержку фракций Пустовойтенко передал в управление финансово-политическим группам целый ряд важнейших предприятий. Подкуп не помог, но результатов этой операции никто не отменил. "Запорожсталь" за бесценок получил Хмельницкий, в то время один из лидеров Партии зеленых. Впоследствии Хмельницкий продал этот пакет акций за 60 миллионов долларов – Ред.)*

КУЧЕРЕНКО: И есть совершенно пристойные иностранцы, и можно 2-3 компании привезти. Они не могут тут работать, поскольку они не знают, кому

сколько дать, чтобы их не "кинули". (Очень точная формулировка системы украинского государственного управления. Если не знаешь кому и в каком размере давать взятку, то всегда проиграешь – Ред.). Если им создать условия, пусть они принимают участие.

Вместо того, чтобы строить прозрачную саморегулирующуюся экономику, Кучма пытается решить все проблемы с помощью чисток чиновного аппарата. Этим начинаются и заканчиваются президентские экономические реформы. Кучма знает, что его фавориты крадут деньги государственного бюджета, уклоняются от уплаты налогов. Но это не снижает к ним доверия. Разговор Кучмы с Кучеренко.

КУЧМА: Посмотри на команды, которые работают в "Запорожстали", "Криворожстали". Там же процентов как минимум 30 прячут. (Металлургический комбинат "Запорожсталь" контролируется группой зятя президента Виктора Пинчука, а "Криворожсталь" – первым вице-премьер-министром Олегом Дубиной – Ред).

КУЧЕРЕНКО: С каждой тонны металла 25 долларов не поступает в Украину (Кучеренко это знает не понаслышке – Ред).

КУЧМА: Прячут.

КУЧЕРЕНКО: Где-то 800 миллионов тонн они делают за год. Нефть не можем купить, поскольку... (одно слово неразборчиво) Путину дает, а покупают их компании. "Midland"- это компания, которая покупает, на этом варит и потом, так сказать... дальше оно идет по своим компаниям. А хлопцы в Англии сидят и деньги собирают. Очень хорошая схема.

КУЧМА: Нужно сделать на каком-нибудь серьезном примере и показать, что они обкрадывают Украину. Фирмы там, а небо копят у нас. (Никаких разоблачений и расследования фактов мошеннической, по оценке Кучмы, приватизации в Запорожской области, сделано

не было. По-прежнему открытые тендеры по продаже украинских предприятий не проводятся – Ред.).

КУЧЕРЕНКО: Я полностью с вами согласен. И энергетику высасывают нашу (*анекдот: Кучеренко возмущается бизнесменами, которые высасывают нашу энергетику – Ред.*). Когда они покупают по каким-то своим схемам электроэнергию, то все расчеты ложатся на внешний долг Украины.

Валерий Малев

Один из наиболее авторитетных украинских специалистов по машиностроению, возглавлял компанию "Укрспецэкспорт" – основного экспортера украинского оружия. Малев был одним из крупнейших бизнесменов, входил в окружение Кучмы, был деловым партнером Бакая и Литвина во многих теневых операциях. В конце февраля 2002 года в Украине стали известны сенсационные детали новых расшифровок Мельниченко. А именно: разговор Кучмы с Малевым о продаже комплекса радиотехнической разведки "Кольчуга" в Ирак. "Кольчуга" – уникальная система, способная улавливать и распознавать радиосигналы воздушных и наземных целей на дистанции до 800 километров. Причем комплекс работает, не излучая радиоволны, в пассивном режиме, что не позволяет его запеленговать.

Такой сложной боевой техникой располагают только несколько стран в мире. В марте 2002-го прошла информация, что разговоры Кучмы серьезно обеспокоили РУМО – разведывательное управление министерства обороны США, расследующее обстоятельства исчезновения в иракском небе двух новейших беспилотных самолетов-разведчиков "Предэйтор". Разведчики строились по технологии "Стелс", которая делала невозможным их обнаружение

иракской противовоздушной обороной, которая к тому же была давно разгромлена.

В 1990 году американцы применили против Ирака самолеты "Стелс" первого поколения. Несмотря на ожесточенное сопротивление иракцев, в боях был потерян только один "Стелс", причем иракские радары его так и не засекли. Машину сбили после визуального обнаружения на малой высоте, и эта потеря была списана на неизбежную случайность. Разведчики "Предэйтор" нового поколения действуют только на больших высотах, и даже теоретически блокадный Ирак не имеет технических возможностей, чтобы хотя бы заподозрить появление "Предэйтора" в воздухе. Тем не менее самолеты бесследно исчезли, не подав сигналов о неполадках. Представитель американской военной разведки заявил, что Ирак располагает "Кольчугами".

Хотя текст записей Мельниченко еще не был известен широкой публике, президент Кучма на пресс-конференции счел необходимым опровергнуть "глупые" слухи о возможности любых незаконных контактов со страной-изгоем. По странному стечению обстоятельств, через пару недель после пресс-конференции Малев погиб в автокатастрофе на пустынном шоссе. Он больше всех знал, с кем Украина торговала оружием, и на чьи счета поступали деньги. Об этом свидетельствует запись от 10 июля 2000 г.:

МАЛЕВ: Есть вопрос для спецоперации. Обратились, вышли на нас – Ирак, через нашего посредника иорданского, на закупку четырёх "Кольчуг". И сразу предлагают за них 100 млн. долларов.

КУЧМА: Что такое "Кольчуга"?

МАЛЕВ: "Кольчуга" – это станция пассивного обнаружения воздушных целей.

КУЧМА: Кто делает?

МАЛЕВ: "Топаз" (*донецкое предприятие, на котором производятся системы радиотехнической разведки, в*

том числе "Кольчуги" – Ред.). Стоимость ее... Четыре штуки – это комплекс. За комплекс – 100 миллионов долларов.

КУЧМА: Без иорданца можете продать?

МАЛЕВ: Значит, Леонид Данилович, это надо, чтобы входил Леонид Васильевич (*Деркач* – Ред.) со спецоперацией. Посмотреть структуру экспорта, которая у нас была в Ирак с нашей территории... Там КРАЗы... в ящиках. Посмотреть, чем промаркировать эти ящики. То есть все должно идти отсюда в ящиках туда. А туда мы пошлем с чужими паспортами людей, которые произведут там монтаж, наладку.

КУЧМА: Так там же шестой флот барражирует (*американский шестой флот патрулирует в Средиземном море, и производит досмотры судов с подозрительными грузами, согласно резолюции ООН, запрещающей продажу оружия в ряд стран Ближнего и Среднего Востока* – Ред.). А то еще оттуда нас проверять будут.

МАЛЕВ: А кто там будет проверять? Ну мы ж не продаем туда новое. Я имею в виду Иорданию. Не продаем. Посмотрим внимательно...

КУЧМА: Хорошо.

МАЛЕВ: Хорошо. Спасибо.

Примечание. Обстоятельства гибели Валерия Малева [\[3\]](#).

НЕ ТОЛЬКО "КОЛЬЧУГА"

Украинское оружие пользуется большой популярностью в арабских странах. Та же "Кольчуга" неоднократно выставлялась на крупнейших ближневосточных международных ярмарках боевой техники "АИДЕКС" и "СОФЕКС", в работе которых принимают участие покупатели из стран, поддерживающих террористические организации. В том числе – из Ирака. "Укрспецэкспорт" и СБУ торговали со странами-изгоями нелегально, в обход международных санкций. О масштабах сделок кроме Кучмы знает только один свидетель. Разговор шефа СБУ Деркача с Кучмой от 2 мая 2000 года.

ДЕРКАЧ: И вот еще, Леонид Данилович, провели вот эту операцию, продали "Грады" через Египет (*БМ-21 "Град" – реактивная система залпового огня, обеспечивающая сплошное поражение целей на площади в два гектара, дальность стрельбы до 70 км – Ред.*).

КУЧМА: Да, да, да.

ДЕРКАЧ: Вот, прошло это все в Иран. Вот в Иране (*шелестит бумагой, очевидно демонстрируя схему – Ред.*) сцепились там еще с американцами... Вот базы... Вот они формируют свои ракеты.

Александр Кузьмук

Народный депутат, бывший министр обороны. Абсолютно предан президенту. В разгар "кассетного" скандала, заявил, что "армия на стороне президента". Хотя в воинской присяге о президенте нет ни слова. Кузьмук построил бизнес-структуры, которые эксплуатируют хозяйственные нужды вооруженных сил. Профессиональные и моральные качества Кузьмука стали очевидны после того, как в 2000 году во время учений боевая ракета поразила жилой дом (3 человека погибло), а в 2001 также в ходе маневров был сбит российский гражданский самолет (78 человек погибло). Кузьмук всякий раз лгал о непричастности военных к этим трагедиям, пока под давлением доказательств ему не пришлось уйти в отставку. Он полностью сохранил доверие и уважение Кучмы.

При поддержке властей прошел в Верховную Раду. Победа на выборах крайне непопулярного министра была организована по-армейски четко. На территории сельского округа, где выдвигался Кузьмук, Генеральный штаб провел внеплановые учения, и перебросил на местный полигон части двух дивизий (!) Александр Иванович получил почти стопроцентную поддержку избирателей в камуфляже. Кузьмук не

научил армию воевать и стрелять, потому что он учил солдат только политическим технологиям. Доказательство – беседа с Кучмой 17 апреля 2000 г.

КУЗЬМУК: По референдуму – не подвели. Как при ЦК КПСС – 99,97 (процентов – Ред.). *(На апрельском референдуме власти инсценировали массовую поддержку предложений Кучмы по изменению государственного устройства – Ред.).*

КУЧМА: Ха-ха.

КУЗЬМУК: Как начал в субботу принимать доклады, что сто процентов войскового состава, и у меня на шестнадцатое осталось. И соседи – каждая семья имела задачу повести за руку соседнюю семью. Вот. Ну, и правильно очень мы сделали одно – 57 военных заводов. Чтоб всех этих мужиков на неделю загнать... Что мы сделали? Когда мне пошли доклады в среду, что не хватает бюллетеней – их мало давали *(бюллетеней никогда не хватает, чтобы обеспечить результат в 99,97 процента – Ред.)*, я обратился ко всем, написал и предложил всем губернаторам, что давайте, хлопцы, помогите, чтобы мы проголосовали. Все, нет вопросов. Мы сейчас анализируем по каждому вопросу: как было голосование. По каждому вопросу девяносто и больше девяносто. Вот. Удалось что? Самый сложный вопрос – что такое двухпалатный парламент?

КУЧМА: Да. Хе-хе.

КУЗЬМУК: Ну и перестарались. Что ж вы, не знаете? Сказано, что... И получилось – нормально. Четвертый вопрос – 84,8. Третий вопрос – 90,7. Второй вопрос – 90,3. И первый вопрос – 86. Вот такие показатели. *(В отчете комиссии, которая установила причины ошибочного уничтожения российского лайнера над Черным морем, было отмечено, что часть ПВО, проводившая стрельбы, не имела боевой практики два года (I). А голосовали правильно... – Ред.).*

Виктор Медведчук

Глава администрации президента Украины. Лидер партии СДПУ(О). Входит в число крупнейших украинских олигархов, один из наиболее приближенных к Кучме политиков. Энергичный лидер с прекрасными организаторскими способностями, высококвалифицированный юрист. Ради поставленных целей не останавливается ни перед чем. В молодости, согласно данным СБУ, МВД и Генеральной прокуратуры, восемь месяцев провел в местах лишения свободы за нанесение тяжких телесных повреждений и хулиганство.

Сделал себе карьеру, пользуясь покровительством органов советского КГБ, который назначал его адвокатом на процессы диссидентов. Бывший высокопоставленный сотрудник КГБ Деркач, говорит в записях о том, что Медведчук был завербован и выполнял задания под псевдонимом "Соколовский". Известен тем, что не признает политических компромиссов, вследствие чего СДПУ(О) не имеет серьезных политических союзников, и сумела настроить против себя почти все украинские партии. Основным партнером Медведчука в политике и бизнесе является Григорий Суркис, народный депутат Украины, почетный

президент Федерации футбола Украины. Суркиса Кучма называл олигархом не только у себя на диване, но и в своих интервью. Суркис – человек со специфической деловой репутацией, имеющий тесные связи с криминальными кругами.

В записях Кучма, Кравченко, Деркач, Азаров нередко касаются незаконных махинаций тандема Суркис-Медведчук. Их империя строится на использовании административных рычагов для получения тех или иных кусков украинского бизнеса. Причем эсдеки не инвестируют деньги в производство, и максимально эксплуатируют основные фонды полученных предприятий. В записях раскрывается криминальное, по мнению правоохранителей, прошлое и настоящее тандема. Известны случаи, когда конкуренты обоих олигархов теряли не только доходы, но и жизни.

К людям Медведчук относится безразлично. Уничтожение украинскими военными российского авиалайнера Медведчук прокомментировал на заседании комитета "Кризис 2005" ничуть не менее цинично, чем президент: "Москальский самолет сбил украинскую ракету". Этот "анекдот" был с улыбкой преподнесен десяткам журналистов. СДПУ(О) малоэффективно тратит огромные деньги на поддержание своего имиджа в Украине и за рубежом. Попытавшись войти в Социнтерн – объединение европейских левых партий, Медведчук оказался единственным социал-демократом, "левоцентристом", который прилетел на форум на личном самолете.

Эсдеков (о), естественно, в Европе не признали партией защитников интересов рабочего класса и интеллигенции. Записи показывают, что Медведчук не имеет никакой опоры не только в украинском обществе, но и среди властной элиты. Хотя на отчеты "силовиков" всегда оказывала влияние "придворная" конъюнктура,

большинство характеристик в их данных совпадают. Кучма с большим подозрением следил за деятельностью группы СДПУ(О), учитывая неуголимое стремление Медведчука добиться властных полномочий. Может ли президент назначать на высшие руководящие посты людей, оперативные дела на которых в 10 раз толще их официальных биографий? И которых сам Кучма называет преступниками? Президент Кучма может все. Объем компромата на Медведчука позволяет полностью контролировать весь его бизнес и политические контакты. Эсдеки достаточно запятнаны, их репутация и их будущее неотделимы от репутации и будущего самого Кучмы.

ИЗБРАННЫЕ АФОРИЗМЫ о Медведчуке и Суркисе:

"Когда есть пара миллиардеров, самое главное у них желание - перебрать на себя и всю власть. Вот это самое страшное. Я к Суркису и Медведчуку неплохо отношусь, но дело они сегодня стараются все скупить, но нигде ничего не вкладывают. В развитие же они не вкладывают ни хуя. Они все скупают, все подряд".

Кучма о системе работы Медведчука и Суркиса на приватизированных ими предприятиях.

"В криминальном мире таких называют "отморозками". Это убийства, да, кровь на руках должна быть".

Кравченко о методах борьбы Медведчука и Суркиса с конкурентами.

"Ну, моя супруга, когда Медведчука первый раз увидела, говорит, ты посмотри на одни только губы его. У него же губ нет, ниточки. Это, говорит, очень жестокий человек".

Впечатления о Медведчуке Людмилы Кучмы в изложении ее супруга.

"Я сделал инфраструктуру по Украине, где Суркис. У меня очень большая тревога. Эти масштабы еще серьезнее, на мой взгляд, чем до Лазаренко".

Оценка Кравченко уровня влияния империи Медведчука-Суркиса

"Медведчук провел процесс, чтобы банки деньги, которые у Суркиса, чтобы взяли их, как можно меньше оставили. Чтоб, если делиться с

женой - это ж еще, когда было, еще в прошлом году - чтоб делиться меньше было".

Деркач о житейской этике эсдеков.

УКРАИНСКУЮ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЮ ОБЪЕДИНЯЮТ СУДИМЫЕ ГРАБИТЕЛИ И АГЕНТЫ КГБ

Медведчук в тандеме отвечает за политическое прикрытие и лоббирование. Он направляет на эти цели мощный партийный аппарат. Располагая сильными связями в прокуратуре и налоговой администрации, в судебной системе, эсдеки могут решать свои бизнес-вопросы без оглядки на закон, и без опасений официального расследования.

Чем широко и пользуются. Суркис поддерживает футбольный имидж СДПУ(О). Он также отвечает за технологию реализации теневых бизнес-схем тандема, поддерживая тесные связи с целым рядом криминальных группировок. Один из докладов Деркача показывает масштаб влияния группировки, а также детали биографии, которые СДПУ(О) почему-то забыла указать в своих имиджевых материалах.

ДЕРКАЧ: Это вот такой вот справочный материал, чтобы... *(шелест бумаги, очевидно, передаются схемы - Ред.)*.

КУЧМА: Прокуратура центральная. Видимо, Гриша через бойцов своих... Я так понимаю, что работал, видимо, нецивилизованно...

ДЕРКАЧ: Да, но это уже шла эпопея, такая, что всех подряд там. А то, что у них в центральной... Работал, бабки под себя косил.

КУЧМА: Ну, да. Материал же не пошел *(имеется в виду, что прокуратура блокирует расследования,*

связанные с деятельностью Медведчука и Суркиса – Ред.). Ну, это делается не на Украине, я так понимаю.

ДЕРКАЧ: Да. Ну и сам Медведчук же по хулиганству тут проходил, а сейчас все документы, которые по хулиганству были, все эти дела распорошены, там почти одни крошки.

КУЧМА: Ну, что тут делать? Ну, это же нам известно, что он был и агентом КГБ стопроцентно.

ДЕРКАЧ: Кому известно? Вам известно, мне известно.

КУЧМА: Ну, а документы какие-то остались там у вас?

ДЕРКАЧ: Есть его псевдоним – "Соколовский". Каких-то документов, чтоб официальных – все спалили. Почему спалили? Потому, что даже когда он в Киевсовет шел в депутаты, то прямо вызывал работников Марчук (*бывший глава СБУ – Ред.*) и говорил: "Всех коптить, чтобы только был Медведчук на выборах". Это однозначно.

КУЧМА: Я так чувствую, что до сих пор Марчук на них влияние имеет.

ДЕРКАЧ: Влияние имеет и всегда может сказать: "Ты рот откроешь, я сделаю публикацию". Я просто говорю, что он может их, как это говорится, закопать просто. Но если они бояться афиши, то... И Суркис тоже ж, долго очень работал...

КУЧМА: Агентом?

ДЕРКАЧ: Да.

Медведчук информацию из Интернета о своем уголовном прошлом высмеял, но прямо не опроверг. Суркис благоразумно промолчал. Ведь о негероическом прошлом Медведчука и Суркиса было известно и другим украинским правоохранительным органам. Министр внутренних дел Кравченко обеспокоенный усилением своих конкурентов с уголовным прошлым, также

представил 10 июля 2000 года по распоряжению Кучмы досье на лидеров СДПУ(О).

КРАВЧЕНКО: Я думаю, что небезопасно допускать Медведчука к власти. Он характеризуется как самый жестокий. То есть человек, который не имеет абсолютно никаких преград. Это еще когда он первый раз шел в депутаты, я был заместителем министра по оперативной работе, владел документацией, ездил тут по колониям (*имеются в виду учреждения тюремной системы* – Ред.), и все такое прочее. Мы такую справку нашли по университету, что он получил двести шестую статью, часть вторую и сто сорок первую – грабеж и хулиганство. Восемь месяцев отбыл в местах лишения свободы.

КУЧМА: Да ты что?!

КРАВЧЕНКО: У меня эта справка есть. Она и сейчас дорогая. По материалам суда все вычистили. Это единственное, что мы нашли, – это доклад Шейнина из прокуратуры Союза в России. Справочка есть – Медведчук. И, оказывается, в университете тоже нет материалов, хотя я знаю, что этот ректор ему не симпатизирует. Симпатий не имеет особых, но смогли же все почистить. Там было несколько таких строчек, что "безжалостный в проявлениях", вот я формулировку уже сейчас, в проявлениях к жизни и смерти. Что абсолютно безжалостный. Вот такая характеристика была по Медведчуку.

МЕДВЕДЧУК И СУРКИС - "АВТОРИТЕТЫ В ЗАКОНЕ"

Связи с уголовным миром тандем эсдеков не сильно скрывает. Суркис налаживает взаимодействие не только с мелкими рэкетирами, но и со столпами международного криминального мира, такими как Семен Могилевич. Представитель Могилевича в Украине работает в киевском офисе Суркиса. Медведчук через суды обеспечивает безнаказанность коллег Григория Михайловича.

КУЧМА: Ты скажи, у Суркиса же криминал. Что еще нужно – их позакрывать всех...

КРАВЧЕНКО: Что можем, мы делаем. Но тут одно, чтобы вы четко представляли эту схему. Значит, я сейчас, я могу вам на следующую неделю подготовить. 50 процентов тех, кого мы закрывали и садили, выпускались судами. Суды практически работают по его указанию. И у меня...

КУЧМА: Медведчук тут проявляется, Суркис.

КРАВЧЕНКО: И не только Суркис. Я вам скажу, что фактически проблема большая по "Юности", по рынку (*крупнейший киевский оптовый рынок контролируется криминальными структурами, которые подчинены Суркису – Ред.*). У нас большая проблема по Троещине (*Троещинский оптовый рынок также получил "крышу" Суркиса – Ред.*), у нас большая проблема по группе "Киселя" (*известный криминальный "авторитет", старый друг Суркиса, сумел наладить хорошие отношения и с Кравченко – Ред.*), и там, где мы щипаем, даже не доходит до него. Только фигура такая попадает средняя, арестовываем, сидит там месяц-полтора, а судья – раз постановление об освобождении.

КУЧМА: Особенно, если Подольский район...

КРАВЧЕНКО: Ну, он еще играл по выборам, и президентским, и командует. Это тот, что охрану... Наверное, деньги есть...

КУЧМА: Деньги он получает у Медведчука (*речь идет о еще одном "авторитете", который работает с Суркисом – Ред.*).

КРАВЧЕНКО: Так что судебная система у них. Даже в разговорах такие, что там ведут, – что они могут там решать до прокуратуры. Пятьдесят на пятьдесят, могут решать в зависимости от ситуации. В МВД они не идут решать. Они вообще говорят, что это глухой номер. Это если только, значит, не складывается такая штука, что, мол, знают, по СБ некоторые парни там играют на них. Ну, я не знаю, какой процент. Так что, а судебная система. В принципе, там первый (*первый заместитель министра – на то время Николай Джига – Ред.*) мне говорил, что государственная налоговая администрация разбавлена тоже.

КРАВЧЕНКО: Так что эта группа, безусловно, опасная и...

КУЧМА: Главное, что у них нет возможности фискалить.

КРАВЧЕНКО: В криминальном мире таких называют "отморозками". И потом по Суркису у меня такая информация, что он "стрелки" организовывает.

КУЧМА: Что это такое?

КРАВЧЕНКО: "Стрелка" – это...

КУЧМА: Убийства.

КРАВЧЕНКО: Это убийства, да, кровь на руках должна быть. Просто никто же систематически не поднимает эти вопросы, и оно так, как мокрое горит, как говорят. Поэтому тут для стратегического задания, то только вам ведомо, как их использовать будем, но...

КУЧМА: Но в кресло народных больше, как Щербань нужно брать.

КРАВЧЕНКО: Но что расстановку сил в парламенте они заблокируют.

КУЧМА: Ну, да эти же все приватизированные Суркисом... офшоры уже ж все эти переведены. Показать там же и сделать ничего нельзя. Видите, как по Луганску, но что ж. Поэтому тут будет большая угроза. Малое дитя, а если они не просто крадут, а еще и ввиду политической власти, то они не оставят никого живыми. Ну, моя супруга, когда Медведчука первый раз увидела, сказала, что он очень...

КРАВЧЕНКО: А она у вас в целом индикатор.

КУЧМА: Говорит, ты посмотри на одни только губы его. У него же губ нет, ниточки. Это, говорит, очень жестокий человек.

ИМПЕРИЯ СДПУ(О)

Масштаб деятельности Медведчука и Суркиса впечатляет Кучму. Он с беспокойством наблюдает за тем, как они строят огромную империю, и проникается искренним уважением к криминальным талантам. 10 июля 2000 года Кравченко передал Кучме свое досье на Медведчука.

КУЧМА: Суркис и Медведчук платят конечно. Огромные деньги.

КРАВЧЕНКО: Да, там у них деньги большие. Мы материалы собираем. Будет час "Ч" – мы их...

КУЧМА: Мы не можем им отдать всю Украину.

КРАВЧЕНКО: Самое страшное то, что они с тем "Яблоком", с Бродским, а у тех уже есть региональные отделения, а в региональных отделениях – финансисты. Банкиры и держатели средств массовой информации. А это такая сетка. *(Кравченко имеет в виду, что в тот период Бродский имел тесные деловые контакты с Медведчуком, и отвечал за проведение пиар-кампаний против оппонентов СДПУ(О) – Ред.).* Вы знаете, если дать команду, чтобы в один день начали бить по кому-то, то региональная пресса начинает "подгавкивать".

КУЧМА: Я уже говорил, как Бродский пиздячит в "Киевских Ведомостях" *(Бродский управлял газетой "Киевские ведомости", акции которой контролируют эсдеки – Ред.).*

КРАВЧЕНКО: Да, так Бродский на третий этаж теперь. На третий этаж приходит, просматривает каждый номер и дает соответствующие указания. К настоящему времени он *(Медведчук – Ред.)* газету оставил за Бродским, так пусть они не рассказывают... Леонид Данилович, значит, по энергосистемам. Заведено восемь уголовных дел относительно тех

областей, которые проверяются. Значит, по нашим оценкам, ими не выплачено в бюджет где-то больше 400 миллионов гривен. По разным областным энерго – различные суммы пошли в офшорные зоны. Сейчас дела заведены.

КУЧМА: В основном, команда Суркиса (Суркис и Медведчук контролировали восемь областных энергокомпаний. Правительство Ющенко требовало от них выплаты поступлений в бюджет в полном объеме и в денежной форме. Несмотря на то, что задолженности по платежам в бюджет не были погашены, уголовные дела были прекращены – Ред.).

КРАВЧЕНКО: В основном. Процент девяносто.

КУЧМА: Из правительства доли (имеются в виду отчет о деятельности облэнерго – Ред.). Его (Суркиса – Ред.) частные компании по расчетам деньгами выглядят хуже всех.

КРАВЧЕНКО: На него есть. Я вам направил справку. Так по энергосистемам я вам скажу. Действительно так... какие идут проплаты. Например, собирают "Укрэнерго" за 96,1 миллион гривен, "Прикарпаттяэнерго" – 72 миллион гривен – это 68 процентов (Кравченко говорит о процентах сбора энергокомпаниями денег от потребителей. Подконтрольные эсдекам структуры задерживали платежи в бюджет, мотивируя это низкой платежной дисциплиной потребителей. Это служило аргументом для применения командой Суркиса взаимозачетов, векселей, и других неденежных инструментов для увода в тень "живых" денег – Ред.). Фактически, две трети шло в карман, и потом они прокручивались через офшорные зоны и уходили эти деньги. Так что тут посмотрим, как оно будет развитие событий. Но следствие запущено, и у вас есть соответствующая информация записана, что мы по этому делаем (МВД собрало все необходимые материалы, но следствие

было прекращено по личному указанию Кучмы. Впрочем данные содержатся в милицейских архивах – Ред.). И еще я сделал инфраструктуру по Украине, где Суркис. У меня очень большая тревога. Эти масштабы еще серьезнее, на мой взгляд, чем до Лазаренко. Если так, как они рассказывают, что вы власть отдаете или передаете, и они будут забирать, то у них есть все возможности сейчас.

КУЧМА: Я похож на того, кто власть отдаст?!

КРАВЧЕНКО: Нет, я в это не верю, я так для себе думаю, что "вы плохо знаете президента, он вам сразу ноги засунет в одно место, а потом будете один на другого смотреть". Леонид Данилович, ну, я могу так, если вы позволите. Я сейчас дам общую картину. Тут описание общих ресурсов. Значит, во-первых, я не хотел, чтобы печатать имена. Номер первый – это Медведчук. Номер второй здесь – Суркис. Номер третий – Шуфрич (*банкир, член команды Медведчука – Ред.*).

КРАВЧЕНКО: Значит, далее еще все пока так, но я все-таки хотел бы введение. Мы сняли то, что тут у нас будут результаты, там есть неплохие нынче выводы...

КУЧМА: Что это значит?

КРАВЧЕНКО: О, это я по телефону с ним говорил (*честный перед патроном Кравченко в расшифровке телефонных разговоров Суркиса указал и свой звонок – Ред.*). Это называем этого самого – Суркиса; первый – Медведчук, я просто там расшифровал... (*Весь разговор сопровождается шелестом бумаги и отрывочными репликами Кравченко, демонстрирующего документы – Ред.*).

КУЧМА: Тут дальше идут политические игры по Закарпатской области...

КРАВЧЕНКО: Я хочу, чтобы у вас было представление о различных позициях по государству. Я, возможно, их не полностью, так сказать, обрисовал, но я потихоньку работаю по каждой области. Самое

интересное, они в эти моменты, они, в принципе, через решения проводят то, чего нет. Они дурят всех подряд, работу гонят без платежей, без обязательных. Такое дело в Полесье. Вот, посмотрите, пожалуйста, это если необходимо на свет поднять. Я понимаю, что, возможно, у меня не все есть, но то, что у меня есть – это уже настораживает, и очень серьезно. То, что там есть средства массовой информации есть большой... Леонид Данилович, я не знаю на сто процентов, он там сидит, возможно, на каком-то проценте. Я вам даю общую картину – то, чем он сейчас владеет. Причем, я сейчас очень мягко проверяю. Я не лез туда, чтобы не возникало вопросов, что это что-то... с СБУ не давали претензий. А вот есть "Бруклин" (*фирма близкая эсдекам – Ред.*), там такой...

КУЧМА: Кусок.

КРАВЧЕНКО: Да, ну там есть схема. Единственное, надо понять, каким накрадено путем. "Бруклин" должен быть. И вот раз, ну, тут дали, где нельзя...

КУЧМА: По лесу пятнадцать долларов за куб (*Очевидно, Кравченко демонстрирует схемы незаконной вырубки и вывоза карпатского леса на экспорт. Этот бизнес также частично контролировался группой Медведчука. Массовая вырубка древесины проводилась без рекультивации леса, что привело к серии катастрофических наводнений в Закарпатье – Ред.*).

КРАВЧЕНКО: А еще тем больше, если взять те блоки. Я работаю там. Они где-то выбили около тысячи лицензий (*имеются в виду лицензии на вырубку, которые выдавались бесконтрольно – Ред.*). У него концентрируется большая часть...

КУЧМА: Ну и что? Мы можем навести порядок в этом плане?

КРАВЧЕНКО: Леонид Данилович, ну, можно навести. Это нужно четко начинать, по всему фронту лупить. Это начинать с лицензий, эту ревизию делать.

КУЧМА: А кто лицензии давал?

КРАВЧЕНКО: Лицензии служба давала. Лицензии тиражировались госадминистрациями. И теперь начинать лупить их финансовые потоки, то есть, нужна четкая позиция, чтобы и налоговая включалась, тут поддержать.

КУЧМА: Мы налоговую поменяем.

КРАВЧЕНКО: Тут нужно поднимать решения, где они освобождаются от уплаты налогов (*Государственный бюджет не получал доходов от вырубки леса, экспорт которого оценивался примерно до 100 миллионов долларов в год. Лесорубы зачастую работали нелегально, либо объясняли вырубку местными хозяйственными нуждами – Ред*). Я все-таки очень прошу вас познакомиться, будет картина более-менее такая, я еще раз говорю. Я не претендую, что это сто процентов объективно, но это даст вам представление о том, что там творится.

КУЧМА: Главное, что они нас считают совсем глупыми.

КРАВЧЕНКО: Леонид Данилович, они считают, что они уже хозяева. Я не хотел вам говорить, с вами так никогда не говорил. Я всегда знаю, что вы знаете, что вы делаете, и у вас все в руках. Но то, что они сейчас в наглую думают, что там "кидают" людей с Кировограда (*имеется в виду давление на руководство "Кировоградоблэнерго", которое оказывал Суркис для взятия под контроль предприятия – Ред*), чтобы им никто не мог попортить. Деньги в офшорах, Леонид Данилович (*приватизация восьми облэнерго была проведена Медведчуком через оффшорные компании, также за границу направлялись финансовые потоки энергетиков – Ред*).

КУЧМА: Еще и в офшорах...

КРАВЧЕНКО: Деньги в офшорах доставать очень тяжело. Это ситуация аналогичная с Лазаренко, мы

потом будем иметь горе такое, что ой-ой... Поэтому тут они нахально, вы ж видите. Я делаю анализ.

КУЧМА: Я им сказал, кто они мне такие. Да, а вот первый заместитель по организованной – их человек. Поэтому я в этом плане, я удивляюсь, что в Запорожье они влезли капитально, в алюминий они влезли капитально.

КРАВЧЕНКО: Еще они сумское объединение приватизировали за бесценок. Этот, блядь, сучонок. Вон еще смотрите, что такое, это Кировоград. Семьдесят пять миллионов гривен выкачивают наличными *(имеется в виду в оффшор направляются "живые" деньги "Кировоградоблэнерго", которая согласно отчетам своего руководства якобы не приносила дохода – Ред.)*. Ну, что же такое эти деньги для Кировограда? А, что говорить...

КУЧМА: С чего?

КРАВЧЕНКО: С облэнерго. Причем, как подъезжают: ставят к... не даешь девяносто восемь процентов, значит расстреливают. Ну, я со стороны смотрю – этот тип, наверное, не хуже, чем Лазаренко. *(Позиция Кравченко очень показательна для состояния нашей правоохранительной системы. Несмотря на вопиющие нарушения закона, министр ничего не смеет сделать против подозреваемых, пока не получит одобрение президента – Ред.)*.

КУЧМА: Ну, это же надо. Сотворить такую империю!

КРАВЧЕНКО: А тут уже не нужна партия. Тут легализованная жизнь. А тут по закону приватизируют. Как отбирать будем?

Александр Мороз

Лидер Социалистической партии. Один из главных оппонентов Леонида Кучмы. Выступление Мороза 28 ноября 2000 года и обнародование кассеты с записью приказа Кучмы убить известного журналиста Георгия Гонгадзе, стало началом мощного протестного движения против авторитарной власти. Мороз не поддается давлению президентских сил, хотя против Соцпартии силовые структуры Кучмы, судя по докладам, развязали широкомасштабные боевые действия. Многочисленные попытки найти компромат, приписать Морозу руководство каким-либо бизнесом, и даже обвинить его в терроризме, – что отражено в записях, – не увенчались успехом.

Именно поэтому, когда Николай Мельниченко решал, кому из политиков можно доверить правду о Кучме, он остановил свой выбор именно на лидере социалистов. Имя Мороза, постоянно упоминающееся в записях, всякий раз вызывает у Кучмы острую идиосинкразию.

Желание "разобраться" с Морозом – один из самых стойких навязчивых комплексов Кучмы. Президент регулярно интересуется результатами незаконных и несанкционированных операций украинских спецслужб против украинского политика, народного депутата.

Большинство отчетов Азарова, Деркача, Кравченко содержат упоминания об оперативной разработке Мороза. Свои рецепты нейтрализации влияния Соцпартии высказывали Кучме почти все завсегдатаи президентского дивана.

Запись разговора Кучмы с Кравченко 26 июня 2000 года:

КРАВЧЕНКО: Значит, по Морозу мы продолжаем. Мороз в субботу выходил на меня. Значит, звонит с выборов. Он же вообще никогда не звонил. "Юрий Федорович, значит, в Черниговской области есть село..." "Может есть, - говорю, - в чем дело?" "Там твои работники задержали автобус с детьми, которые едут на конкурс в Одессу или куда-то". Говорю: "Ну, так почему задержали? Может, автобус неисправный? Это одно дело". "Нет, это администрация дала команду потому, что там кто-то с кем-то в конфликте". Ну, я, конечно, дослушал и говорю: "Александр Александрович, у вас когда-нибудь вообще нормальные разговоры будут, или вы думаете, что ни у кого нет никаких заданий, только смотреть за Морозом, где Мороз имеет какие-то связи?" *(Министр не выбирает выражений в разговоре с народным депутатом Украины, главой парламентской фракции - Ред.)*. "Что это вы так на меня?" Говорю: "Да я ваших публичных выступлений столько наслушался, что, если бы мы все работали по Морозу, то о Морозе уже все бы забыли". *(Записи свидетельствуют, что против Мороза работала действительно вся команда Кучмы - Ред.)*.

КУЧМА: Хорошо.

В Службе безопасности незаконными операциями против Мороза занималось целое управление. Причем слежкой, прослушиванием, и запугиванием партийных активистов дело не ограничивалось. Деркач спланировал беспрецедентную провокацию, целью которой было отстранить Мороза от участия в

президентских выборах в октябре 1999 года. В записях Кучмы неоднократно отмечалось, что необходимо поддерживать раскол в рядах СПУ. Команде президента удалось создать ряд маргинальных политических объединений, которые имели целевую задачу распыления электората социалистов, и прямо дискредитировали самого Мороза. С 1996 года государственная пропаганда искусственно раскрутила проект Прогрессивной социалистической партии во главе с Натальей Витренко, которая ежедневно выступала на всех телеканалах с критикой Мороза, и представляла себя как самого радикального оппозиционера, "единственного противника власти". О степени ее искренности хорошо слышно на пленках.

КУЧМА: С Витренко надо встретиться.

ДЕРКАЧ: Витренко, значит, в 12 проводят. Она попросила утром, чтоб провели...

КУЧМА: Только, слушай, поменьше с ней, блядь. Не должен с ней ни этот самый...

ДЕРКАЧ: Никто!

КУЧМА: Я имею в виду – ни Волков, никто. (Кучма боялся, что многочисленные связи Витренко с президентскими фаворитами поколеблют ее "оппозиционный" имидж – Ред.).

НЕИЗВЕСТНЫЙ: Не! Не! Вот нас три человека и все.

КУЧМА: Да, и все. Пиздец! Потому, что утечка информации это по ней, блядь, ударит.

ДЕРКАЧ: Не-не-не... Значит, мы договорились, что сегодня в семь двадцать пустим телефильм, где Мороз, Симоненко и этот, Лазаренко... И она, вроде, говорит – я сама посмотрю и на пленуме скажу, куда ж вы меня толкаете?

КУЧМА: И надо раскрутить это самое, ту листовку...

ДЕРКАЧ: Витренко готова с вами встретиться, только скажите когда.

Однако виртуальная партия не смогла стать равным соперником для СПУ, и как кандидат в президенты Витренко проигрывала Морозу. Пропрезидентская суть ее политических инициатив была очевидна. Тогда власти решили уничтожить партию Мороза с помощью спецоперации.

КУЧМА: Мороза надо упрятать.

ДЕРКАЧ: Мороза – работаем...

КУЧМА: И вам надо собраться и решать с ним. (Дальше говорят вдвоём, присоединяется чей-то третий голос – Ред.).

ДЕРКАЧ:...Ну, это понятно, мы решим. Мы сами это решим.

"Окончательное решение" вопроса с Морозом было запланировано прямо накануне голосования на президентских выборах. И для этого не постеснялись пожертвовать своим самым ценным агентом. За три недели до дня голосования на президентских выборах, в городе Кривой Рог, во время встречи Витренко с группой поддержки, неизвестный кинул в толпу боевую гранату. Десятки людей, в том числе сама Витренко, получили серьезные ранения. Милиция мгновенно заявила о розыске подозреваемых, которыми были представлены активисты местного штаба Мороза. Социалист Сергей Иванченко был обвинен в совершении покушения, и тотчас у него на огороде были обнаружены слегка прикопанные в земле (причем без всякой упаковки и отпечатков пальцев), три автомата и два гранатомета! Государственные СМИ сразу после ареста объявили Иванченко убийцей, а Мороза – заказчиком преступления. СБУ сообщило, что все доказательства собраны, и дело быстро пойдет в суд. Суд затянулся на два года. А когда наконец он состоялся, то выяснилось – все обвинения против Иванченко строились только на его личных признаниях, как на сталинских процессах. Достоверных улик не

было! Подсудимый рассказал о чудовищных пытках, с помощью которых следователи выбили из него "признания". В записях разговоров Кучмы это утверждается однозначно. Суд утвердил приговор невиновному.

ДЕРКАЧ: Мороз не делает ничего. Значит, Мороз...

НЕИЗВЕСТНЫЙ: Значит, прекрасно идет по Иванченко. Идет полным ходом. Сейчас ещё вот эта неделя и всё. Там только единственное – судья любит с этим говорить, с Потребенько (*Генеральный прокурор. Суд неоднократно был вынужден требовать разъяснений прокуратуры по поводу недостаточности улик в деле Иванченко – Ред.*).

ДЕРКАЧ: Там эта вся адвокатура (*вопреки всем процессуальным нормам, адвокатов к Иванченко не допускали более месяца – Ред.*), будет кошмар ещё не по делу, значит, по чисто политической этой статье, а по убийству, покушению на убийство.

НЕИЗВЕСТНЫЙ: Ну, мы договоримся, наверно, с Потребенько, что если даже его помилует суд, то Потребенько его отстранит.

Несмотря на то, что судебный процесс против Иванченко проводил лояльный властям судья, даже он не смог признать достаточными те "доказательства" вины подсудимого, которые "белыми нитками" сшила СБУ. О методах незаконного и бесчеловечного выбивания показаний из очевидно невиновного человека, рассказывают организаторы процесса:

ДЕРКАЧ: По делу на Иванченко. Все там идет согласно плану. Пока никаких заторов нет.

КУЧМА: Заторов нет и результатов нет.

ДЕРКАЧ: Не, ну как. Когда он сидел (*в следственном изоляторе СБУ – Ред.*), и нам всем начал говорить, что его вроде бы облучают (*Иванченко заявлял о применении против него психотропных препаратов – Ред.*). Я говорю: переведите его в

следственный изолятор МВД. Посадили туда, там 20 или 30 человек (*имеется в виду в одной камере – Ред.*), он через 15 минут попросился, давать уже показания (*на первом судебном заседании Иванченко заявил, что все показания, которые он давал следствию, вырваны под пытками – Ред.*). И все. Говорю: не хочет там сидеть, – отправляйте в МВД (*милиция практикует выбивание показаний из задержанных путем помещения их в камеру с самыми опасными уголовниками – Ред.*). Сейчас дает показания.

(Общий смех).

КУЧМА: Так дает он уже показания?

ДЕРКАЧ: Подписывает все.

КУЧМА: Когда заканчиваете?

ДЕРКАЧ: Ну, в апреле (*2000 года –Ред.*) должны закончить.

КУЧМА: И нам надо в очередь все – и под товарища Мороза.

Вячеслав Пиховшек

Известный политический журналист, один из ведущих политических консультантов команды Кучмы. Пиховшек с удовольствием рассказывает о том, как служил в органах советского КГБ. При этом он сделал себе имя как поборник демократии и свободы слова.

Уже долгое время Пиховшек реализует себя как поклонник Кучмы, Медведчука, Волкова и ряда других личностей, которые со свободой слова ассоциируются весьма слабо. Один из штатных глашатаев идеологом, бытующих в администрации президента, толмач кучминских речей на телевизионный язык. Наиболее талантливый президентский пропагандист. Среди посетителей президентского дивана выделяется обилием лести и красивыми уверениями в беззаветной преданности.

ИЗБРАННЫЕ АФОРИЗМЫ

"Он абсолютно нормально себя чувствует, тем более, что украинские чиновники в целом не в такой уж форме хорошей находятся".

Рассказывая американцам о здоровье Кучмы.

"Леонид Данилович, я хочу, чтобы вы меня больше использовали. Я ж для вас".

Личная просьба к Кучме

"Я солдат революции. Как вы мне скажете, так я и буду делать потому, что вы решаете, где кто работает, и кто на каких местах работает".

Личное признание Кучме.

"Вы почти идеальный человек, возле которого можно работать, чтобы такие вещи делать".

В ответ на предложение формировать информационную политику для всех телеканалов в администрации президента.

ЭТИ НЕСНОСНЫЕ ЯНКИ...

Отношения с США всегда были головной болью Кучмы. Ему было трудно понять, почему Билл Клинтон жмет ему руку, но при этом ведущие американские средства массовой информации рассказывают о коррупции в Украине и преследовании оппозиционных политиков. Ведь украинское телевидение абсолютно лояльно к друзьям Кучмы, а тут какая-то демократия, свобода слова, короче, "контрреволюция одна". Пиховшек имеет контакты с рядом американских общественных организаций, и после своей поездки в США рассказывает Кучме о своих впечатлениях.

Здесь вновь доминирует теория заговора, который хитрые янки якобы плетут против Кучмы. Как видно, постоянное разоблачение антипрезидентских заговоров – основной мотив внутренней и внешней политики, как ее понимают на президентском диване. На Западе знают, что украинская власть сконцентрирована в руках одного человека. Поэтому зарубежные СМИ возлагают ответственность за украинские проблемы именно на Кучму.

Разговор с Пиховшеком произошел 24 марта 2000 года. В это время в западной прессе, и прежде всего в газете "Файненшл таймс", выходит серия статей о рискованных и сомнительных операциях украинского Национального банка. Публикации бьют по премьер-министру Ющенко. Однако аналитики за рубежом, отмечая недостатки в работе Ющенко, все-таки главную вину за безответственное управление экономикой возлагают на Кучму.

КУЧМА: И Юля там сидит (*Тимошенко, на тот период была вице-премьером по вопросам топливно-энергетического комплекса* – Ред.), каждый день

проводит это, значит, как загнать все потоки так, чтобы через ее карман проходили. А что же вы (*имеются в виду западные СМИ* – Ред.) о Юле ничего не говорите? Надо же начинать их бить. Материалы же на нее есть.

ПИХОВШЕК: Леонид Данилович, у них все что угодно можно купить за деньги.

КУЧМА: У кого?

ПИХОВШЕК: У американцев. И самое скверное, что можно любое обвинение напечатать, которое основано только на словах. Я убежден, что эта кампания (*об операциях НБУ* – Ред.) инспирирована с Украины. Кто-то закрутил головы с самого начала, чтобы они собрали эти материалы.

КУЧМА: Ну, я ж не думаю, что это сделал Медведчук.

ПИХОВШЕК: Нет, тут кто-то другой поработал... Я думаю, что первый "выхлоп" могли сделать из комиссии Суслова (*следственная комиссия Верховной Рады под руководством народного депутата Суслова изучала операции НБУ* – Ред.). Там и Мороз мог поработать, чтобы передать эти материалы.

КУЧМА: И Марчук мог поработать. (*В то время Марчук уже был близким к Кучме человеком, секретарем Совета национальной безопасности и обороны Украины. И вот она, степень доверия* – Ред.).

ПИХОВШЕК: И Марчук мог поработать. Марчук мог больше, чем Мороз (*Пиховшек именно в то время демонстрировал самые добрые отношения с Марчуком* – Ред.). Ну, и где тут самая большая опасность? Они могут играть и дальше. Они могут играть по пять, по шесть статей по Волкову (*на тот момент президентский фаворит, пользовался огромным неформальным влиянием, несмотря на открытое против него уголовное дело в Бельгии* – Ред.), а дальше на кого? Даже если у них нет информации, они могут просто придумать и написать, аргументируя это интересами государства. То

есть, я не знаю, как все это воспринимать, но нужно думать, чтобы как-то подать на них в суд и как-то это исправлять, потому что это очень опасная ситуация. Ну и Павла (*Лазаренко* – Ред.) там совсем загнали. Не дадут ему убежища. Программу защиты свидетелей на него могут распространить, но не дадут политического убежища. Это невозможно. Он не выгоден никому – ни республиканцам, ни демократам. Как его брать?

КУЧМА: Он просто дурной и больше ничего. Он не понимает, что продает честь – это первое. Эти люди никого и никогда не используют (*одно слово неразборчиво* – Ред.), так же?

ПИХОВШЕК: Ну, да. И он никогда не будет пользоваться уважением. Ну, чего они будут его защищать? Они его фактически должны посадить, потому что на "отмытые" деньги он купил многое. Это уголовное преступление. В списке олигархов у нас на первом месте стоит Бакай. Не знаю, что он там сделал против американцев, он для них как (*одно слово неразборчиво* – Ред.). Вторым идет Волков, я это Волкову уже сказал... Ну и третий – Суркис. Я ему сказал: "Думайте, в принципе, в каких вы там отношениях и что вы думаете делать".

КУЧМА: Прицепились к Бакаю. Скажите: почему? (*Кучма понимает, что любые обвинения против Бакая, в конечном счете являются обвинениями против него лично. В зарубежных СМИ махинации Бакая хорошо известны, поскольку его деятельность практически не имела юридического прикрытия* – Ред.)

ПИХОВШЕК: Не знаю. Может, какой-то расчет там был. Может... (*одно слово неразборчиво* – Ред.) купил, а может (*одно слово неразборчиво* – Ред.) два чемодана привез. Можно же и с таких пустяков сделать. Тем более что так, как он, 30 декабря в отеле "Киевский" коньяк (*неразборчиво* – Ред.). Его нужно держать (*конец 1999 года Бакай отметил грандиозной попойкой и*

вызывающими выходками, что получило широкую огласку – Ред). Но, с другой стороны, он не глупый. Он не ходит по коридору и не говорит, что он очень близок к вам. Относительно этого он чист. И еще много вопросов в Америке по поводу вашего здоровья. Я говорю: "А что, вам кто-то дает информацию, что он себя плохо чувствует, что ли? Я его видел. Он абсолютно нормально себя чувствует, тем более, что украинские чиновники в целом не в такой уж форме хорошей находятся". Но, к сожалению, поскольку они выделили для себя 4 страны – это Колумбия, Индонезия, Украина и еще какая-то страна, – их стремление держать в них своего человека при власти превышает все, что только можно.

КУЧМА: Видишь, я не сломался (*На основании вот таких абсурдно обоснованных теорий заговора, принимаются внешнеполитические решения!* – Ред).

ПИХОВШЕК: Нет, вы не ляжете. Вы же не такой человек. Это ж не то, чтобы поломаться. Это же принцип такой. А Ющенко – он готов на все: и поцеловать, если нужно, и все. Что я еще привез из Америки? Я встречался с американцами, которые очень отстаивают Ющенко. Он им предложил его защищать. Говорят, что это правительство больше антикучмовское, чем реформаторское. Я спрашиваю: "А почему ты так ставишь вопрос? Какая экономическая мотивация брать в правительство выдающегося украинского политика Серёжу Соболева (*один из лидеров партии либеральной партии "Реформы и порядок"* – Ред.), который облил грязью Кучму раз двадцать до выборов?" Он что, выдающийся экономист, без которого нельзя обойтись. Он что, умеет работать, как следует? Или это формирование новой политической элиты? Ну, они говорят, что, может, Ющенко, как политик, не очень разбирается. Ну, просто меня волнует тенденция, что вокруг него будут собираться все, кто против вас.

КУЧМА: Абсолютно (*Единственный критерий по которому Кучма и его окружение оценивают людей, это критерий личной преданности президенту – Ред*).

ПИХОВШЕК: И на его месте я бы, напротив, пошел к людям большого капитала и заручился их поддержкой. Это тоже не такой уж выгодный политический шаг, но тогда они будут его поддерживать.

КУЧМА: Он еще не использовал все свои возможности, развернул действия против Медведчука, а они такие-сякие...

ЭТИ НЕСНОСНЫЕ ЯНКИ...

Разговор с Пиховшеком от 24 марта 2000 года.

ПИХОВШЕК: Ну, я спрашиваю американцев: "Приведите мне факты, когда олигархи с помощью президента или вопреки президенту мешали Ющенко делать экономическую реформу. Только факты. Приведите факты, тогда уже можно будет говорить". Не могут дать такие факты. Я думаю, что там, у Лазаренко какие-то факты есть, но может они их не знают.

ПИХОВШЕК: Они добрались дальше, чем было здесь, в прессе. Они добрались, что мы финансировали танковый контракт (*вероятно, имеется в виду контракт на поставку украинских танков в Пакистан – Ред*). И

еще я спрашиваю: "Скажите мне точно: там есть деньги нашего президента, поскольку я хочу знать правду". Он мне, говоря, поклялся, что нет.

КУЧМА: Какие деньги?!

ПИХОВШЕК: Ну, там же о вас написали, что у вас и Волкова есть деньги. У американцев – в банках (*в зарубежной прессе регулярно появляются материалы о наличии заграничных банковских счетов семьи и ближайшего окружения президента Кучмы – Ред.*). Я им говорю: "Идите по следу. Нет там ничего. Президент не будет играть в такие мелкие дела, как через (*одно слово неразборчиво*) проводить какие-то деньги".

КУЧМА: Во-первых, я же не такой глупый. Если бы у меня где-то хоть вот столько было спрятано, уже бы съели.

ПИХОВШЕК: Да, уже съели бы давно.

КУЧМА: И только, значит, окружение – больше же меня ничего не компрометирует. (*Такое заявление свидетельствует о полном отрыве от общего потока информации. Главным объектом критики зарубежной и оппозиционной украинской прессы давно являются личные профессиональные и моральные качества самого Кучмы – Ред.*). И тем я говорю по Волкову: "Ну, скажите, пожалуйста, где он занимался во время деятельности"(*два слова неразборчиво – Ред.*)

ПИХОВШЕК: Да, никто же ничего не скажет. Ну, я разобрался в реальной причине, почему они постоянно льют грязь на Волкова, Медведчука и Суркиса. В основном, Волков и Суркис. Сейчас Медведчук немного затих, но Суркис – объект номер один. Я ему сказал: "Вы будьте осторожны, потому что там будет много..." Реально речь идет о том, чтобы избавить вас от максимального количества людей, которыми вы можете управлять, и, таким образом, сделать так, чтобы у вас было поменьше таких людей. Я спрашиваю: "А что с Пинчуком? Почему мы не видим его имени?" (*На то*

время один из крупнейших украинских олигархов, Пинчук уже фактически вошел в семью Кучмы, оформив брачные отношения с дочерью президента – Ред). Ответ был очень откровенный от людей ЦРУ, что ждем, пока он станет членом семьи президента, тогда и будем. Очень прагматичный расчет. Я говорю: "А почему? Ведь человек участвует в реальном производстве?" (*С помощью президента Пинчук получил почти монопольный контроль над трубопрокатной промышленностью Украины – Ред.*). Это ж реальный, а не какой-нибудь политический бизнес или что-то такое.

КУЧМА: За то, что он начал работать в том бизнесе с моей помощью, что ли?

ПИХОВШЕК: Ну, так. Я бы предложил, чтобы эти люди, которые в Америку приехали и там в бизнесе стали миллионерами, они никогда не состояли в украинских организациях, поскольку относятся к ним так, как и вы. Что они (*организации – Ред.*) только между собой и ругаются.

КУЧМА: Ну да, и только требуют денег.

ПИХОВШЕК: И только хотят денег и все! А те могут приехать, и с ними можно конкретно говорить.

КУЧМА: Давай. Давай, решайте по срокам и не затягивай.

ПИХОВШЕК: Ну, а ТСН (*информационная служба телеканала "1+1", которую возглавляет Пиховшек – Ред.*). Там одна половина уже за меня. Я с такой ситуацией там столкнулся (*Пиховшек превратил ТСН в пиар-подразделение администрации президента – Ред.*). Половина людей была приведена Ткаченко (*бывший руководитель информационной службы "1+1" – Ред.*). И эта половина людей, которую привел Ткаченко, он ею фактически манипулирует. А он сейчас с Ющенко. Но там есть еще "Новый канал" (*Ткаченко сейчас президент "Нового канала" – Ред.*). Там "Репортер" (*информационная служба "Нового канала", сейчас*

значительно сокращена в результате давления властей – Ред.) дает на вас то, что ему говорят. Но оно такое – только на киевскую аудиторию. Потому что они хотят быть со всеми добренькими. Они хотят быть пропрезидентскими, но они хотят быть и к остальным... *(Заслуженный журналист Украины Пиховшек возмущен тем, что его "незаслуженные" коллеги хотят подавать объективную информацию – Ред.)*. Леонид Данилович, ставьте задание. То, что я делаю в Америке, я буду делать в Европе. Леонид Данилович, вы же тоже заданий не ставили. Можно сделать какую комбинацию. Вы хотите что-то сделать. Я провожу работу. Вместе "раскочегарили" и... Вы и так уже приняли непопулярные решения, и только потому, что *(окончание фразы неразборчиво)*. А тут можно использовать телевидение. Сформировать общественное мнение, а потом проводить свои решения... Значит, в статье Ющенко, которую я достал в эмиграции – она должна была быть опубликована в "Нью-Йорк Таймс", но он не приехал и они не опубликовали – пять раз вас так подставил, что это вообще. *(Высший пилотаж "стукачества". Донос на статью, которая нигде не опубликована – Ред.)*.

КУЧМА: Ющенко?

ПИХОВШЕК: Да. И, значит, но 10 процентов рост валового национального продукта за два месяца! *(Ющенко не делал в то время подобных заявлений – Ред.)*.

КУЧМА: *(смеется)* Я же что хотел. Подпереть его серьезной организацией, чтобы он тянул всю работу. А он что?

ПИХОВШЕК: Он хочет быть добреньким для всех, а оно не выходит. Леонид Данилович, я хочу, чтобы вы меня больше использовали. Я ж для вас! *(Вячеслав может быть доволен, Кучма использует его на все сто процентов – Ред.)*.

ЛЮБИТЬ ИНЫХ - ТЯЖЕЛЫЙ КРЕСТ

Как ни "прессует" Кучма прессу, а все равно не может он увидеть на телеэкранах и газетных страницах безоблачное изображение радости и счастья страны, которую он реформирует. 4 июня 2000 года Кучма предлагает верному оруженосцу своей политики возглавить президентскую пресс-службу. Пиховшек изливает на любимого руководителя целые Гималаи обожания и почтения. Но использует все отговорки, чтобы остаться на телеканале. Кучма озвучивает концепцию подготовки пресс-службой ежедневных рекомендаций для всех СМИ по "правильному" освещению информации. Идею искусственного информационного поля реализовал Медведчук с помощью пресловутых "темников".

КУЧМА: Так старый вопрос, блядь: "Может пойдешь осенью где-нибудь или когда пресс-секретарем президента?"

ПИХОВШЕК: Во-первых, я солдат революции. Как вы мне скажете, так я и буду делать потому, что вы решаете, где кто работает, и кто на каких местах работает. Тут просто...

КУЧМА: Нужно подпитывать все время журналистов информацией, так или нет? Тогда они будут понимать, что есть пресс-служба, блядь, у президента, а не ловить где-то, платить деньги кому-то, хотя тут никакой, как говорится, тайны не представляет.

ПИХОВШЕК: Ну, вы посмотрите, Леонид Данилович, что просто вам виднее, где мне работать, я же возможно так, как вы говорите, понимаете?

КУЧМА: Ну, как. Я был бы благодарен, если бы ты пришел сюда работать. Там бы все было в безопасности (*имеется в виду на телеканале "1+1" – Ред.*), и им бы помогал, всем, не только им, а и со всеми каналами, так сказать...

ПИХОВШЕК: Вы почти идеальный человек, возле которого можно работать, чтобы такие вещи делать.

КУЧМА: Главное, можно действительно давать много чего, что тут в этой богадельне, так сказать, делается, а не прятать все это. Многие люди не знают, что делается в этом здании. А чего? Когда зять (*фамилия неразборчиво – Ред.*) работал секретарем обкома, директор Макаров (*в советское время директор завода "Южмаш", на котором Кучма сделал карьеру – Ред.*) известный там, ну а (*фамилия неразборчиво – Ред.*) с ним договорился. Секретарю парткома легче приводить руководителей, ставить так, чтобы ему дурно было, на парткоме пропесочить. (*Классический пример жизненных стереотипов Кучмы, который остается мыслями в "счастливых" семидесятих годах. Украинская журналистика, по понятиям Кучмы, должна выполнять функции заводской "многотиражки" – Ред.*).

ПИХОВШЕК: Только я вас хочу попросить, чтобы вы сказали лично Волкову, Суркису и Медведчуку (*инвесторы "1+1" – Ред.*): "Хлопцы, я у вас его забираю". Потому, что вы же знаете, что я не могу так... Когда вы скажете эти слова, тогда у меня будут формальные основания уйти с работы. Вы понимаете меня, а то ж вы знаете, как они умеют – сразу за шашки.

Михаил Потебенько

Народный депутат Украины, председатель Координационного комитета по борьбе с коррупцией и организованной преступностью при президенте Украины. В ходе "кассетного" скандала – генеральный прокурор Украины. Прокурор советской школы, где государственная необходимость стояла выше законности. Укрепил организационную структуру прокуратуры, усилил оперативный контроль за многими сферами преступности. Вместе с тем, не смог реализовать сведения о коррупции в высших эшелонах власти, поскольку не предпринимал никаких шагов без ведома президента.

Фактически все громкие расследования прокуратуры связаны с преступными действиями лиц, неугодных властям. ГПУ также активно проводила карательную политику президента в отношении оппозиции. Многие дела, которые возбуждала прокуратура против оппозиционеров, оказались фиктивными, не имели под собой доказательственной базы, и нередко рассыпались еще до суда.

С самого начала "кассетного" скандала Потебенько не столько искал исполнителей и организаторов преступления, сколько тратил время на доказательство

непричастности к нему каких-либо должностных лиц. Потебенько отстаивал чисто криминальную версию преступления, которая даже для неспециалистов была, очевидно, надуманной. Не только в Украине, но и за рубежом распространилось мнение, что прокуратура завела следствие в тупик. Власти были вынуждены признать провал расследования спустя два года, сразу после отставки Потебенько.

Теперь за нарушения в ходе следствия арестован районный прокурор, привлечен к ответственности следователь прокуратуры. В исполнении убийства подозревается группа высокопоставленных офицеров милиции, которая уже арестована.

"Милицейский" след убийства оппозиция указывала с самого начала.

ИЗБРАННЫЕ АФОРИЗМЫ

"На меня не было Мороза. Он бы, конечно, явно против меня повел, потому что он мне однажды сказал: "Вы продались!". Я не продаюсь, у меня есть свое мнение".

Потебенько не продается вопреки своему мнению. А цену этого мнения смотрите ниже

"Я никогда не был подхалимом, но я всегда занимал вашу позицию. Я всегда поддерживал, и чем бы это не закончилось, я никогда не позволю, чтобы против вас. Только за вас"!

Признание Кучме в своих симпатиях

Потебенько расследовал уголовные дела в соответствии с запросами патрона. За решетку попадали, кроме неугодных властям или олигархам лиц, только простые люди, которых прокурорская машина карала с бессмысленной суровостью. На заседании

коллегии Генеральной прокуратуры сам Потребенько рассказал несмешной анекдот, когда районная прокуратура передала в суд уголовное дело против школьного учителя по факту получения взятки в размере... десяти гривен! В разгар "кассетного" скандала, когда после Гонгадзе был цинично и открыто убит еще один оппозиционный журналист Игорь Александров, а следствие по громким заказным преступлениям зашло в тупик, Потребенько без стеснения заявил, что гордится успехами прокуратуры.

По его словам, украинские следователи обеспечили чуть ли не самый высокий в мире процент раскрываемости заказных убийств – 93 процента, тогда как в США этот показатель составляет всего 62. Об очень высокой латентной преступности в Украине, и о том, что в США не убивают безнаказанно журналистов, Потребенько не говорил. Быть может, он не знает, что в США генеральный прокурор не покрывает преступников? Разговор Потребенько с Кучмой показывает механизм работы нашей Фемиды.

ПОТРЕБЕНЬКО: Вот она бумажка – "Черноморнефтегаз" (*нефтегазодобывающую компанию контролирует бывший зять Кучмы и отец его внука Игорь Франчук – Ред.*). Значит, к вам обращались. Там "зависли" 62 миллиона. Если их предприятиям предъявить, то, конечно, эту организацию разгонят – это ясно. Они у вас были?

КУЧМА: Я первый раз слышу.

ПОТРЕБЕНЬКО: А мне сказали: "Леонид Данилович в курсе дела". Значит, за неуплату налогов. Недоимки практически. Так что делать? Ну, конечно, если 62 миллиона он высчитает.

КУЧМА: 62 миллиона, то он, конечно... Не знаю. Пусть выходит из ситуации сам (*Франчук – Ред.*).

ПОТРЕБЕНЬКО: Ну, я же тогда должен, если что-то, "газовать".

КУЧМА: Да я бы не развивал. Пусть... (*Недоимки "Черноморнефтегаза" никто не торопится взимать до сих пор – Ред.*)

Полное понимание у президента вызывают только политические дела. Там, где прокуратура проводит следственные действия против оппозиции, президент всегда с симпатией поддерживает любые инициативы. Кучма откровенно говорит, что открытие уголовного дела служит методом давления на диссидентов. Разговор Кучмы с Потребенько 17 апреля 2000 г.

ПОТРЕБЕНЬКО: У нас есть бумаги на Чобита (*на то время народный депутат Украины – Ред.*). И с одной, и с другой стороны. Вот это, что он написал, вы знаете, книжку выпустил.

КУЧМА: Я не читал...

ПОТРЕБЕНЬКО: Ну, он же там про Черкассы, что это переворот и так далее (*книга о борьбе властей против оппозиционного мэра Черкасс Олейника – Ред.*). И в то же время поступает другая уже – там Медведчука подписал (*большой резонанс имела книга Чобита о личности Медведчука, где содержалась масса разоблачительных материалов – Ред.*). Что с ним делать? Завести уголовное дело?

КУЧМА: Открыть дело. А чего еще?

ПОТРЕБЕНЬКО: Возня, конечно. Я чего? Единственное, чтобы из него героя не сделали.

КУЧМА: Да не, чего там!

ПОТРЕБЕНЬКО: Если бы было на этого Чобита, такая сволочь, негодяй (*имеется в виду – отсутствие компромата – Ред.*).

КУЧМА: Негодяй. Такую книжку, говорят, выпустил. Не дай Господи. Все-таки мандраж у него появится.

ПОТРЕБЕНЬКО: Конечно, его нужно остановить.

Прекрасную иллюстрацию моральным качествам прокурора дает его поведение в парламенте. Потребенько сразу после отставки стал депутатом по

списку Коммунистической партии. Однако при первом же вопросе, который вызвал противоречия между интересами президента и оппозиции, принял сторону Кучмы. Слова и симпатии к Компартии, которыми Потребенько сыпал перед выборами, оказались "хвальщью".

КПУ стала просто трамплином для получения депутатского мандата. Кучма знал об истинных взглядах Потребенько еще в 2000 году.

ПОТРЕБЕНЬКО: Так вот коммунисты – я действительно, ну, я же прокурор, я же должен глаза иметь, кто "против", но я же никогда не пойду с ними на сделку. Да, я стоял на позиции законности, я в нормальных отношениях с депутатами, но чтобы я где-то повел, кроме того, что я здесь пытаюсь где-то там влазить в этот вопрос... Если надо, я завтра всегда найду себе пристанище и тоже могу повести работу, и в том числе примкнуть куда-то для того, чтобы пройти только в парламент.

Дмитрий Выдрин

Известный украинский политолог. Наиболее известен тем, что работает с самыми разными политическими силами, постоянно переходя из одного лагеря в другой. Реализовывает политические проекты одновременно для таких непохожих фигур как Кучма, Медведчук, Бродский, Тимошенко. В данном разговоре с Кучмой в марте 2000 года вновь пытается предложить ему свои услуги. Весьма показательный диалог раскрывает нравственный и интеллектуальный потенциал собеседников. Выдрин и сейчас продолжает свое, мягко говоря, непоследовательное лавирование.

ВЫДРИН: Мне недавно удалось побывать в Германии и Штатах, посмотреть, как смотрят на Украину со стороны, как ее оценивают со стороны. Возникает такое ощущение, что есть – извините за комплимент, я не люблю комплименты – есть человек, который думает об общем, а есть несколько группировок, которые думают о своих корпоративных интересах.

Я с некоторыми этими группами пытался сотрудничать и работать, и мы имели целью найти возможность координации между двумя-тремя группами. Ну, вот, после двух лет бесплодных попыток

я понял, что это невозможно и у меня возникает как бы такое ощущение, что, может, оптимальный – путь Казахстана. Я несколько раз был в Казахстане и с большой симпатией наблюдаю. Мы в начале 90-х годов выделили из всех групп самую сильную и самую порядочную. Она работала под "крышей", как сейчас говорят, европейского банка. Им были даны большие возможности и большие права.

И потом под эту группу экономическую, когда они выглядели очень неплохо финансово, было создана партия, которая стала доминирующей партией в парламенте. И это очень приятно впечатляет, и почему мы не можем добиться так быстро такого же экономического развития и полной политической стабильности. Вот я набросал небольшие тезисы, в основном, в стратегической части.

КУЧМА: Они многие о себе хорошо думают, отрываясь от того, что думают о них внизу.

ВЫДРИН: Я думаю, что они пошли по верному пути и перехитрили компартию. Я со многими из них сотрудничал. И по структуре, и по стилистике они все квазикомпартии. Я думаю, сейчас время этому благоприятствует, создать партию, которая бы поглотила все другие партии. Президентскую партию, которая должна опираться на какую-то экономическую группу.

КУЧМА: Я и сам, ты знаешь, хотя я и понимаю, что мне эти пять лет нужно пройти, условно говоря. Но, тем не менее, значит, эти пять лет – надо на них смотреть с учетом, что правый фланг – просто ужас, настолько он разорван. Насколько он – ну, так про партии не говорят – коррумпированный, грязный.

ВЫДРИН: Я, вот, пришел, чтобы попросить у вас совета. Есть три-четыре группы, которые предлагают мне сотрудничество, но я хотел бы не совершать очередной раз ошибку, и с вашего благословения

работать с той группой, которая политически вам близка.

КУЧМА: Я думаю, что это правильно. Тебе же надо это, так сказать, окопаться, условно говоря. Значит, Юле дан сейчас исторический шанс показать в правительстве, что она что-то умеет. Значит, как сейчас видно даже невооруженным глазом, кроме составления схем, как обокрасть государство и вернуть свои долги, она ничего не может. Это первое. Не хватает, значит...

ВЫДРИН: Меня знаете, что удивило? У Юлии Владимировны есть страсть к различного рода совещаниям (*длительное время Выдрин был заместителем Тимошенко по партии "Батькивщина" – Ред.*). Складывается впечатление, что, приходя к власти, новые чиновники становятся еще более страшными, чем чиновники "совка" (*Пытаясь побольнее задеть Тимошенко, с которой он долго сотрудничал и сотрудничает до сих пор, Выдрин невольно задел "чиновника совка", но у Кучмы с чувством юмора дела обстоят еще хуже – Ред.*).

КУЧМА: Ну, она проводит по шесть совещаний в день. Причем, сидишь на совещании, закончилось оно, и думаешь: "Зачем ты пришел?" (*Уникальные мысли приходят в голову главы государства во время заседаний правительства – Ред.*). Оказывается, она потом журналисту дала интервью. Поэтому я не был сторонником назначать ее в правительство. Я Ющенко говорил: "Пойми, ее прошлое никуда не денется. Оно все время будет, так сказать, через разные дырки вылезать". Я ей говорю: "Юля, это такой у тебя шанс, как у Лазаренко был шанс. Покажи, что ты можешь честно работать на государство. Ладно, не забывай своих, но покажи, что ты можешь".

Кроме там громких заявлений, чрезвычайных положений нет ничего. Энергетика катится настолько быстро вниз, что сейчас мы находимся перед

катастрофой. Ядерного топлива нет, угля нет, важен газ российский. Поэтому я благословляю тебя. Хотел бы, если у тебя есть какие-то наработки или поработай еще, а *(фамилия неразборчива – Ред.)* сказал: "Я готов быть у тебя помощником".

ВЫДРИН: Я в папке дал там тезисы. Потом, если у меня был бы выбор, мне очень симпатичен Медведчук и он предлагает сотрудничество. Я связан обязательствами и с теми, и с другими. Поэтому, если вы скажете, я отвезу...

КУЧМА: Я считаю, что с Медведчуком можно работать. Он с любой точки зрения перспективный политик, как бы против него не говорили. На него тень Суркиса падает. Про Суркиса можно говорить все что угодно, но Суркис хоть часть денег не перевел в оффшорные зоны, а создал мощный клуб "Динамо". Так ведь? Когда на него говорят, покажите на любом другом виде спорта, на том же футболе, в каком-то городе или Киеве альтернативную команду создайте. Ситуацию аналогичную создайте. Потому что у нас привыкли обмазывать других грязью, но ничего сами не делают. *(Кучма знает, что знаменитый футбольный клуб "Динамо" существует на доходы от сомнительных финансовых операций. Знает со слов глав СБУ и МВД, что Суркис активно работает в криминальном бизнесе, однако популярный футбол в его глазах выглядит достаточным алиби – Ред.)*

ВЫДРИН: Хорошо. И еще у меня, может быть нескромный вопрос. Пару раз я слушал ваши принципиальные выступления и у меня, может быть, извините за наглость, сложилось впечатление, что я мог бы сделать чуть-чуть лучше. И если вам будет интересно, если у вас будут какие-то ключевые выступления, я хотел бы участвовать в этом деле.

КУЧМА: Договорились, я с удовольствием. С удовольствием буду эксплуатировать.

ВЫДРИН: Для меня это была бы большая честь.

КУЧМА: Значит, давайте через пару неделек встретимся и поговорим конкретно.

Александр Зинченко^[4]

Вице-спикер Верховной Рады. Один из лидеров партии СДПУ(О), влиятельный бизнесмен, хозяин телеканала "Интер". Зинченко сделал карьеру в советское время как видный деятель комсомольского движения. В начале перестройки комсомол направил его в журналистику. Но не писать, а проверять как пишут другие. Зинченко работал цензором в популярной газете "Комсомольская правда", а затем в телепрограмме "Взгляд". Обладая незаурядными деловыми качествами, с развалом Союза и комсомола ушел в бизнес, создал банковскую группу, а в 1996 основал телеканал "Интер". Сейчас "Интер" стал основным рупором пропаганды СДПУ(О). Зинченко и его деловой партнер, банкир Игорь Плужников, формируют один из двух руководящих тандемов партии. Они поддерживают тесные политические контакты с тандемом Суркис-Медведчук.

Зинченко не имеет "беспредельной" репутации в отличие от ряда своих коллег-эсдеков. Но служит Кучме верой и правдой. Разыгрывая демократа и дружески общаясь с журналистами, Александр Алексеевич поддерживает на "Интер" режим жесткой цензуры. Будучи главой парламентского комитета по свободе слова, Зинченко регулярно давал президенту предложения, как эту свободу поставить под контроль.

ИЗБРАННЫЕ АФОРИЗМЫ

"Общественное мнение когда-то станет и на вилы вас поднимет. Оно потерпит, потерпит, а потом это закончится трагедией".

О своих коллегах-олигархах.

"Николай Янович, ну, давайте, в конце концов, как-то в паре все это делать. Вы наехали формально, а потом, значит, съехали. Ничего хорошего не произошло. Надо если уже наезжать, то наезжать..."

Предложение Кучме об ужесточении борьбы с оппозиционными СМИ.

"Витя, ты же обрати внимание, задача-то была поставлена правильно: левоцентристская партия, левоцентристская социальная защита. Ну, скажи, где декларация на 6 миллионов?"

Упрек Медведчуку, который возглавляет социал-демократическую партию и декларирует доходы в 6 миллионов гривен в год.

"У нас, конечно, есть абсолютно "оторванные" люди, но постепенно все лучше и лучше".

О кадровом составе СДПУ(О), подбор которого Зинченко ведет в партии.

"Хотят государство наебывать за счет этого самого, за счет Леонида Даниловича?! Да пошли они на хуй".

Кучма Азарову о факте уклонения Зинченко и Плужникова от уплаты налогов на сумму в 16 миллионов гривен.

Интересен уровень понимания Кучмой и Зинченко свободы слова в Украине. Собеседники полагают, что прессой можно и нужно манипулировать, причем осуществляя давление с помощью правоохранительных

органов. Они откровенно говорят о положении внутри нынешней партии власти – СДПУ(О). Об этом свидетельствует запись разговора в мае 2000 года.

ЗИНЧЕНКО: Есть несколько таких уже набежавших проблем и пару более серьезных, если будет время, потом обсудим. Из набежавших – это две даты: 6 июня – день журналистов, и я бы внес предложение попробовать инициировать, вы знаете, проблема свободы слова, журналисты и так далее. Все время она катится, весь этот мир от американцев, да кому не лень там все.

КУЧМА: Самое страшное, что мы сейчас больше (*слово неразборчиво* – Ред.), чем они там. (*Кучма считает, что в Украине большая свобода слова, чем на Западе!* – Ред.).

ЗИНЧЕНКО: Совершенно верно.

КУЧМА: Я ж в десятку как попал тех этих самих (*В 2000 году одна из международных правозащитных организаций включила Кучму в десятку "врагов прессы" во всем мире* – Ред.). Я ж знаю, что работала там же украинка одна, которая является там координатором, блядь. Платят деньги, записывает и все. (*И тут заговор* – Ред.).

ЗИНЧЕНКО: Я не знаю, если будет возможность переговорить с главой администрации (*имеется в виду львовская областная администрация* – Ред.), вообще чего-то они там стали рекордсменами по наездам на печать. Там прикрыли "Наше радио", там этот скандал с "Экспрессом", причем, газета 350 тысяч экземпляров. Ну, а сейчас еще за "Вильну Украину", вот вчера они наехали на "Вильну Украину". Ну, я так думаю, что они не понимают одну вещь: если они хотят наезжать на свободу, значит, "Сельские вести" вот это, "Киевпост" это (*Зинченко называет оппозиционные издания* – Ред.). Есть же другой метод, есть же экономические совершенно рычаги. Поднимите там аренду в два раза,

поднимите еще, так сказать. (*Напоминаем, это говорит на то время глава парламентского комитета по свободе слова – Ред.*).

КУЧМА: А то, что по "Сельским вестям" налоговая – это правильно. (*Без санкции суда налоговая администрация почти на год блокировала счета этой оппозиционной газеты – Ред.*).

ЗИНЧЕНКО: Это правильно!

КУЧМА: Там такой разврат, там же такие грубые нарушения. Нельзя же это дело. (*В "Сельских вестях" регулярно появляется критика Кучмы и его окружения – Ред.*).

ЗИНЧЕНКО: Я Азарову, ну, когда после всего этого: "Вы знаете, Николай Янович, ну, давайте, в конце концов, как-то в паре все это делать. Вы наехали формально, а потом, значит, отъехали. Ничего хорошего не произошло. Надо если уже наезжать, то наезжать..." (*Кстати, в качестве вице-спикера Зинченко сейчас продолжает курировать в Верховной Раде вопросы свободы слова – Ред.*). Я сказал: "Свобода слова не может же быть до безумия там".

КУЧМА: Конечно, господи.

ЗИНЧЕНКО: И еще один, значит, я все-таки думаю: если мы подумаем над тем, как все-таки презентовать 6 июля, значит, для того, чтобы встретиться неформально, ну, вот перед маем, 6 маем, можно было бы с западными (*журналистами – Ред.*) встретиться, (*два слова неразборчиво*) с Клинтоном. Ну, вот такую неформальную беседу провести. Я к чему говорю, вот у меня есть свой, так сказать, опыт. Ира (*Геращенко, руководила информационной службой "Интера" – Ред.*), значит, чтобы не менять отношения, когда я ее попросил поехать тогда с вами в поездку, она говорит: "Ну, мне так не хочется, я же свободный журналист", и так далее. Прошло, она 15 раз уже с вами ездила. Большого сторонника, чем Ирина в коллективе точно

нет (*Вскоре Геращенко покинула "Интер" вместе с группой сотрудников – Ред.*). Она настолько общается, вот поездки, выступления, реальная работа. Они же видят, кто у нас языком болтает, а у кого реальная работа. Настолько Ирка стала ярым сторонником. И надо как бы попытаться втянуть 6-7 журналистов первой руки вот в такое неформальное личное общение. Что у нас делают властные структуры? Они обычно предлагают встречу перед лекторами. Честно говоря, ни у Кулебы особого авторитета нет, ни у Боденчука нет (*журналисты, которые обслуживают президентскую пропаганду – Ред.*). Журналисты пишут все равно совершенно по-другому. Значит, если у меня есть там, в коллективе, условно говоря, вот Сафин и Геращенко – два человека. С их мнением потом намного легче...

КУЧМА: Я вчера сказал этому самому, блядь: "Надо прекратить то, что я беру только одну камеру и одного журналиста". (*Имеется в виду – в официальные поездки – Ред.*). А Ющенко поехал в Америку, взял человек 30 журналистов.

ЗИНЧЕНКО: Ну, там эта Зарудная (*пресс-секретарь Ющенко – Ред.*) очень серьезно работает, очень серьезно. Она настолько сейчас рвет и мечет, и он так чисто в общественном мнении иногда, ну, просто продвигает свои проекты. Я вот одну вещь не любил: как удалось быстро навязать общественному мнению разделить страну на, условно говоря, Суркис и Медведчук – олигархи и Ющенко. Тимошенко – не олигарх. Ну, в течение одного месяца. (*В первую очередь потому, что это соответствует действительности – Ред.*).

КУЧМА: Я вчера об этом говорил Медведчуку, говорю: "Ребята, вы недооцениваете. Смотри, как эта команда сработала, это команда Ющенко сработала". Как в "Зеркале недели" по свободе слова собирают журналистов самых, самых оппозиционных – шваль,

блядь, извиняюсь, там есть и талантливые журналисты. Ну, какая-то Коробова (*известная оппозиционная журналистка – Ред.*), черноротая. А грузин там этот.

ЗИНЧЕНКО: Гонгадзе.

КУЧМА: Гонгадзе. Рахманина (*известный оппозиционный журналист – Ред.*), говорят, там уже вытаскивают везде, забирают его оттуда.

ЗИНЧЕНКО: Я с ним еще раз серьезно подумаю. У нас же там есть это, есть Юрчук (*известный журналист, перешел в пропрезидентскую прессу – Ред.*), которого можно вытащить, есть Рахманин (*продолжает работать в "Зеркале недели" – Ред.*), которого можно вытащить. Вообще с ними нужно работать спокойно, неформально, и они постепенно изменятся. Можно эту тему провести. Я вообще думаю, что журналистам, если бы можно было чуть-чуть почаще встречи не с первыми лицами. Не нужно встречаться со мной, с Роднянским (*продюсер канала "1+1" – Ред.*) формально не нужно проводить. Какой бы не был рот такой жесткий у Кондратючки (*Кондратюк, известная журналистка, шеф бюро российского ОРТ в Украине – Ред.*), но она не позволит выйти за параметры потому, что она все-таки уже введена в командную игру, и всех можно подтащить. Постараться втащить в командную игру, и они будут играть. Это Юлия уже не будет, но бог с ней.

КУЧМА: Юлия Мостовая (*одна из наиболее влиятельных фигур украинской журналистики, заместитель главного редактора "Зеркала недели" – Ред.*).

ЗИНЧЕНКО: Да, ну, там близость к Морозу и все эти, да бог с ним. Потом я тоже вот посмотрел, что еще сделать.

Разговор состоялся в мае 2000 года

ЗИНЧЕНКО: Помните, вы мне задавали вопрос там Ющенко, потом Симоненко и так далее. Есть одно размышление: вот сегодня оппозиция, я внимательно анализировал, что удерживает вот это 30% (масштаб коммунистического электората на то время – Ред.) влияния Компартии у нас на сегодня. И как это ни странно, больше удерживает то, что о них не знают. Я оказался на эфире – Симоненко оппонировал в программе "Право выбора", никакой реакции на Симоненко не было. Он слабый, он проигрывает дискуссию, проигрывает дискуссию, проигрывает аргументы.

КУЧМА: Я знаю, что они 24-го числа пригласили Чиж (глава госкомитета по информационной политике – Ред.) с Морозом.

ЗИНЧЕНКО: Да, с Морозом. Пусть они потихонечку, открыв рот им, впадают в процессы всемирного масштаба. Да нет этого всемирного масштаба, они самые обычные люди. Вот я хочу, чтобы не перегнуть, буду внимательно следить, если будут какие-то...

КУЧМА: Тем более Россия всегда подает этого самого главного коммуниста. Он всегда почему-то орет, кричит.

ЗИНЧЕНКО: Шандыбин, совершенно верно. Но он на экранах – и ничего страшного. И уже у Зюганова образ такой рыхлый немножко, он несобранный, выражения

подбирает ну, такие, специфические, которые действуют отрицательно. И бывает, что они там коммунисты чуть ли не единственные борцы за власть трудящихся.

КУЧМА: Я согласен. Но только не под тем углом, как мы раскручивали эту самую...

ЗИНЧЕНКО: Витренко. Ну, нет.

КУЧМА: Мы же тогда ее раскрутили.

ЗИНЧЕНКО: Да, но тогда получилось – еле убежали.

КУЧМА: Да, тогда надо было раскрутить ее противоречия с этим самим (Морозом – Ред.).

ЗИНЧЕНКО: Да. Что значит искусственный рейтинг? Вот искусственно держался, потом убрали, и ровно через месяц рухнула. Второй вопрос: это, ну, всегда чувствовали поддержку, Леонид Данилович, огромное вам спасибо, я думаю, что два проекта, которые делаются сегодня, благодаря вам, стал на ноги и сегодня уже серьезный и влиятельный канал. По партии удалось, ну, вы же знаете, что у нас партия всегда, мы с Игорем вкладывали и Гриша с Виктором. Сейчас третий проект, Игорь с ушами, что называется, ушел, значит.

КУЧМА: Сбербанк?

ЗИНЧЕНКО: Сбербанк.

КУЧМА: В партии, я понимаю, что проблемы есть.

ЗИНЧЕНКО: Я сразу, у нас одна проблема. Большого противоречия никогда не было, и нет, мы все-таки очень много, три года вложили для того, чтобы построить структуру. Сегодня 125 тысяч (членов партии – Ред.), организационным строением партии занимаюсь я. Я уже пропахал...

КУЧМА: Я все время корректно говорю: "Хлопцы, слушай, не стартуйте раньше времени, умерьте пыл". Медведчуку надо быть более корректным в парламенте, в том числе с Плющем (спикером ВР – Ред.), блядь. Не должен забывать, кто есть глава парламента, не лезть на первый канал потому, что это вызывает у того же

Плюща, блядь, его аж, колотит, блядь. Приватизировал уже первый канал с Марченко (известная журналистка УТ-1, известна своими отношениями с Медведчуком – Ред.) вместе. Это ж издеваются, это ж есть темы для разговоров, понимаешь? И когда он заставляет, чтобы передавали поздравления лидера социал-демократов участникам войны, ну, не правильно, понимаешь?

ЗИНЧЕНКО: Не правильно.

КУЧМА: У Виктора – вроде ж умный человек, блядь, – а на это блядь не хватает. Какая-то мания, блядь. Уже даже политбюро, а он как Леонид Ильич Брежнев. Такой орган высокий.

ЗИНЧЕНКО: Ну, вот это главное противоречие, которое у нас есть, одно, оно (слово неразборчиво – Ред.) в том, что, знаете, если можно, еще одну минуту. Что вообще получилось? Значит, партия имела свои центральные задачи. Мы стали строить партию на левом центре, т.е. мы должны выиграть генеральное сражение у коммунистов. Постепенно эта задача решается, т.е. мы вместо левого ортодоксального звена собираем левый центр, который займет и вытеснит коммунистов и будет совершенно управляем. Социально защитная функция будет у нас, но она будет совершенно управляема, не ортодоксальна. Теперь, партия уже заняла, 125 тысяч – это серьезная организация. У Виктора сегодня есть явный перекося с тем вот, я абсолютно с вами согласен, фактажем неформального лидера.

Я ему, значит, говорю: "Витя, ты сегодня там третий или второй. (СДПУ(О) постоянно заказывала рейтинги влияния политиков, где ведущие места занимал Медведчук – Ред.). Скажи, у тебя есть возможность куда отступить?" Все. Потому, что если ты передвигаешься с третьего на пятое, это будет всем говорить как катастрофа в партии какая-то. Зачем вообще это третье место? Кому оно нужно? Оно тебе нужно, что у тебя в

жизни меняется от того, что ты или третий, или пятый, или седьмой? Ничего абсолютно. Понимание рынка, я прошу прощения, когда у нас последний рейтинг у нас было очень большое, ну, как бы такое, я впервые видел. Я говорю: "Витя, ты делаешь серьезнейшую ошибку". В рейтингах, которые выкинули, идет он третий, значит, восьмой Гриша (Суркис – Ред.).

Остаемся втроем с Витей, он соглашается. Я выхожу, ну, думаю, ну все, убедили, все нормально, поехали дальше. Проходит минут пять, вот это вот срочно, немедленно. Но куда срочно? Что изменится? Поэтому наша тактика всяческая, мы Гришу пытаемся убедить в одном, Игоря (Плужникова – Ред.) я уговорил. Мы с Игорем совместно пришли к этому решению, и пришли к нему. Я говорю: "Игорь, давай так, вот у нас партия нормальная. Значит, я занимаюсь публичной политикой, ты занимаешься бизнесом. Ты уходи больше в бизнес, и не надо тебе больше брать на это. Я буду заниматься публичной политикой для того, что есть какие-то задачи и будем их решать потихоньку, никуда не надо спешить".

КУЧМА: Так во всем мире эти лоббисты в парламенте занимаются политикой, а бизнес он есть бизнес. Поэтому в Закарпатье (вотчина СДПУ(О) – Ред.) довели уже до абсурда, блядь.

ЗИНЧЕНКО: Вот в Закарпатье потому-то я Вите показал следующую схему. Я говорю: "Витя, ты же обрати внимание, задача-то была поставлена правильно: левоцентристская партия, левоцентристская социальная защита. Ну, скажи, где декларация на 6 миллионов?". (Медведчук официально зарегистрировал доход в 6 миллионов гривен – Ред.). У Гриши декларация там вообще мизер.

Сколько вообще можно людей набирать в руководство партии, которое ассоциируется, ну, просто

с супердоходами. В стране, где люди влачат неизвестно какое существование...

КУЧМА: Там это интервью, мне Плющ: "Леонид Данилович, читал ты интервью, блядь, Медведчука?" Я говорю: "Какое?" "Да в "Фактах" он написал, что у него квартира, что ездит отдыхать на Кипр, что у него квартира на Кипре". Ну, на хуя ему эта, блядь, реклама?

ЗИНЧЕНКО: Вообще, чтоб вы знали, руководство партии негативно восприняло это интервью, это от 28 апреля интервью. Все-таки актив партии – здоровые, нормальные люди. У нас, конечно, есть абсолютно "оторванные" люди, но постепенно все лучше и лучше. Я вообще ставки делаю на руководителей ВУЗов – эти грамотные, на интеллигенцию. Но она же, интеллигенция, не может миллионные показывать эти. Значит, ей по-другому нужно работать. И я говорю Вите: "Ну, убери Гришу с первого канала (УТ-1 – Ред.), ну, не надо вот этой вот пары".

КУЧМА: Не надо было в депутаты ему лезть.

ЗИНЧЕНКО: Может быть, может быть. А теперь он в Киеве глава организации нашей. Ну, трудно воспринимается, ну, не может быть такое. Сейчас вот Волков понял, что не надо. Мне кажется, что отрезвление произошло. Вот это ж когда называли "директор парламента" (в период наибольшего влияния – Ред.), ну, никуда не годится, так же нельзя. Это ж не может быть, это не может устраивать никого. Общественное мнение когда-то станет и на вилы вас поднимет. Оно потерпит, потерпит, а потом это закончится трагедией. Значит, ну вон кипрская квартира – это я тоже с вами согласен, это грандиозная ошибка. Ведь задача бизнеса – решать задачи, а не, извините, тащиться от того, что я владею там восьми облэнерго (в то время Медведчук контролировал восемь областных энергокомпаний – Ред.). Ничего же не произошло. Что света больше стало от того, что такой

бизнес? Значит, сейчас мы через Пиховшека стали круто на "1+1". Я говорю: "Меня "1+1" не волнует. Не дай бог, мы еще усилимся на каком-то другом направлении еще и сегодня, поверь, партия уже начнет терять очки. Вместо того, чтобы приобретать, уже начнет терять очки".

КУЧМА: Ну, он (Медведчук – Ред.), наверное, что-то там перекупил на "1+1" и там шпарит, еб твою мать. Я его дернул пока, но он, конечно, врет. Должно быть чувство меры.

ЗИНЧЕНКО: Там "Зеркало недели" написало, что у нас там крупные противоречия между Медведчуком. Я где бы ни был на областных конференциях, везде подчеркиваю, что у нас единство в партии, никаких противоречий нет и так далее. И вам единственное могу сказать, что вот это вот разное понимание будущего рынка – оно есть. И тут ничего не сделаешь, когда мы остаемся один на один, всегда это говорим. Во всем остальном никто нигде не услышит ни одного слова.

Однако не столь глянцевыми являются отношения Кучмы и Зинченко. Президент позволяет Александру Алексеевичу рассказать о проблемах партии, получить советы по борьбе с оппозиционными СМИ. Но Зинченко прекрасно понимает, что у власти очень короткий поводок. И точно также следующий посетитель дивана рассказывает что-нибудь о нем самом. Запись разговора Кучмы с Азаровым в конце августа 2000 года.

АЗАРОВ: Теперь я хотел бы несколько слов сказать по банку "Интерконтинентбанк" (принадлежит Зинченко и Плужникову – Ред.). Значит, с них списали 16 миллионов "живыми" деньгами, с банка, и, значит, возбудили уголовное дело. Вы уже были в отпуске, приходит ко мне Ющенко (пока Зинченко рассказывал Кучме компромат на Ющенко, сам премьер-министр защищал его бизнес – Ред.) и Плужников. Перед этим я все понимал, не отвечал на звонки. Звонит мне Виктор

Ющенко: "Прошу принять Плужникова и Зинченко. Есть разговор". Больше таких разговоров не было. Хорошо, я принимаю Плужникова, Зинченко. Ну, пришли, упали практически на колени: "Мы же с Леонидом Даниловичем, пятое-десятое".

КУЧМА: Хотят государство наебывать за счет этого самого, за счет Леонида Даниловича?!

АЗАРОВ: "Мы верно работали, пятое-десятое".

КУЧМА: Да пошли они на хуй!

АЗАРОВ: Вот. "Мы просим только об одном: деньги, значит - тут и речь не стоит о деньгах. Что мы неправильно списали - вопросов нет, но мы просто просим вас не разваливать банк". Я говорю: "Хлопцы, никто банк не собирается разваливать. Вы работайте нормально". "Вы же понимаете, что если вы "Интерконтинентбанк" "завалите", тогда "Интер" развалится. Мы же работаем через этот банк". Я говорю: "Тогда идите к президенту. Какое он даст указание в этом плане, так я и буду делать, потому что, в принципе, мы к вашему банку относимся нормально. Работайте нормально - нет вопросов".

КУЧМА: Вот именно.

АЗАРОВ: Значит, на этом закончилось. Потом мне агентура доложила, что вот мой разговор якобы вам проинтерпретировали, что они мне предложили вернуть 16 миллионов: восемь - мне, а восемь - им. (Кучма с Азаровым пользуются советами Зинченко об экономическом шантаже СМИ для обеспечения контроля над самим "Интером" - Ред.).

Виктор Янукович

Премьер-министр Украины, бывший губернатор Донецкой области. Один из близких Кучме людей, очень опытный аппаратный работник. Руководит крупнейшей областью Украины, которая располагает мощным промышленным комплексом. Установил в области уникальную систему взаимодействия власти и криминалитета.

В Донецке действуют не столько законы, сколько бандитские "понятия". На сегодняшний день в Донецкой области исполнительная власть не выполнила свыше 300 тысяч судебных решений. Основной финансово-промышленной группой региона является криминальная группировка Рината Ахметова. Неформальные криминальные структуры служат для Януковича инструментом власти так же, как и государственные органы. Криминал выступает противовесом политической оппозиции. В Донецкой области участие в политической оппозиции связано с реальным риском для жизни.

Заказные убийства здесь давно стали частью уклада. Главный стадион Донецка носит имя крупнейшего криминального авторитета Брагина, погибшего в ходе бандитских войн. На парламентских

выборах 2002 года Донецкая область стала единственной, в которой победила "партия власти" "За единую Украину", хотя подавляющее большинство населения в регионе живет ниже черты бедности, и составляет протестный электорат.

Такая "победа" было достигнута за счет беспрецедентных фальсификаций. Янукович первым из губернаторов выступил против политики правительства Ющенко, поскольку повышение прозрачности энергорынка сокращало доходы донецкой группировки. Разговор Кучмы с Януковичем состоялся в июле 2000 года, речь шла о правительственной политике.

ЯНУКОВИЧ: Я с ним *(имеется в виду Ющенко – Ред.)* договорился на встречу, но я не знаю, тоже хочу с вами посоветоваться. Если я с ним не смогу говорить по-нормальному, они же нас загоняют в угол. Я не могу с ним даже корректно говорить. Он ни разу не выполнил своего слова и постоянно меня обманывает. И фактически он нас загоняет в угол. Загоняет, загоняет – не вылезти.

КУЧМА: Он же все время "наезжает", что вот губернаторы, в Донецке, Днепропетровске не платят. *(Кучма специально настраивал против Ющенко губернаторов, поскольку опасался усиления влияния правительства – Ред.)*

ЯНУКОВИЧ: Да что вы! И в июне они уже начали меня качать, и я говорю: "Да пошел ты..."

КУЧМА: С ним говорить бесполезно. Отвечать ничего не надо.

ЯНУКОВИЧ: Ну, сколько раз я с ним встречался, потратил время, он что-то такое рассказывает - рассказывает, потом я в сторону посмотрю – и об этом забыл. Юлия *(вице-премьер Тимошенко была основным противником "донецких", поскольку предлагала реформировать энергетику, и ставила под контроль рынок электроэнергии – Ред.)* ставит перед собой

задачу одну: сейчас сконцентрировать у себя все деньги и, как говорится, через ресурсы отбивать бабки. Значит, Леонид Данилович, мы очень серьезно... Мы же деньги даем здесь, как говорится, мы же даем деньги врагам (так Янукович называет перечисление денег в бюджет, который исполняет правительство! – Ред.). Вот. Понимаете? Мы их усиливаем. Вот. По газу, сейчас уголь, и, главное, что мы же убиваем свою экономику. Мы свою экономику убиваем (у правительства своя экономика, а у "донецких" – своя – Ред.). Вот в чем вопрос. Сколько эти дебаты можно водить? Среди губернаторов нет ни одного человека, среди тех, кто соображает там, кто работает, нет ни одного человека, кто бы сегодня, как говорится, поддерживал... (имеется в виду Ющенко – Ред.).

КУЧМА: Нет.

ЯНУКОВИЧ: По Задикяну мне там звонят...

КУЧМА: Березовский.

ЯНУКОВИЧ: Вот. И там подстрекают брать на себя. Я говорю:

"Боритесь, ну что?" Я говорю: "Что вы мне звоните там?" В принципе, мы встречаемся. Я не имею права их брать и объединять. Я говорю:

"Высказывайте каждый свое мнение. Вы же смотрите, как мы со Швецом, как говорится, боремся? И как только нас "вклепают", кое-кто под столом спрячется. И вам это нравится". Я, правда, предупредил Ющенко в Днепре (Днепропетровске – Ред.), он мне жаловался. Он же меня вызвал к Швецу (губернатор Днепропетровской области – Ред.), и после обеда отозвал меня в сторону и говорит: "Ну, нам надо с тобой определяться". Туда-сюда.

Я говорю: "Виктор Андреевич, я вам скажу такую вещь. Вы прекратите меня унижать. Вы меня унижаете. В мой адрес высказываетесь очень нехорошо. Не надо вам этого делать. Поверьте мне, я вам отвечу, и ответ

будет очень серьезный. Я ни на один миллиметр не подвинусь в сторону того бреда, что вы предлагаете. Вернее, не вы, но то, что вы предлагаете, – это бред". И у меня там информация пробивается, и он своему другу говорит, что меня надо убрать или сломать.

(Фамилия неразборчива – Ред.) – этот же придурок приезжал ко мне и дебаты пытался со мной водить, что надо там найти время подъехать к Ющенко, встретиться в неофициальной обстановке, поговорить. Я ему говорю: "Ты пойми, есть вещи принципиальные, и в принципиальных вещах мы никогда с ним не договоримся. Никогда! Вот. Поэтому нет смысла бодягу заводить". Он: "Ну, я бы мог поспособствовать". Ну, тогда я буду говорить, как есть. Да? Вот. Что энергетические шахты убиваются, электростанции убиваются, уголь заготавливается за счет генерации на дорогом газе, то есть у нас электроэнергия очень дорогая. В принципе, опять же, мы убиваем экономику. *(Спустя два года, очевидно, что политика Ющенко в энергетике была более эффективной, чем политика любого другого правительства – Ред.)*

КУЧМА: Я ему предлагал. Что я ему, не предлагал? Кстати, собирались здесь, сидели. Он дает согласие, но ничего не делает. Ничего. Воют, блядь, с "Нефтегазом", министерствами. Ничего не делает.

ЯНУКОВИЧ: Это катастрофа, работать практически не с кем. Не с кем даже поговорить.

КУЧМА: Ехануров *(на то время первый вице-премьер-министр – Ред.)* же тоже у него.

ЯНУКОВИЧ: Ехануров, как говорят, если своего не было, так лучше, чтобы его не было.

КУЧМА: Да. Пустое место.

ЯНУКОВИЧ: Пустое место, но он делает, создает видимость и потом блокирует там все, забирает на себя документы, ложит себе в сейф, потом прячется. Он

вреда много приносит – Ехануров. Этот, видно, ему говорит, и тот...

КУЧМА: Он бесхребетный. Договорились с ним (Ющенко – Ред.), откровенно говоря, поставить Азарова (*имеется в виду поставить Азарова первым премьер-министром вместо Еханурова* – Ред.). Он дал слово и трижды забрал обратно.

ЯНУКОВИЧ: Болезнь, наверное.

КУЧМА: Азаров был бы там на месте. Он набрался, так сказать, опыта.

ЯНУКОВИЧ: Ну, а стерву, эту (Юлию Тимошенко – Ред.)?

КУЧМА (зевая): Я сейчас ее России подарю. Так чтобы не было вопросов с Международным валютным фондом и так далее, то, конечно, уже бы давно ее отправили. Сегодня никуда не денешься так, как надо. Создали видимость реформаторов, а они ни хуя, ничего не делают вообще.

Далее из рассказа Януковича становится ясно, чем же более всего неприятен ему Ющенко – Кабмин пытался проконтролировать финансовые потоки энергорынка в Донбассе. Янукович ругает экспертов контрольно-ревизионной комиссии Министерства финансов.

ЯНУКОВИЧ: Но этого делать ни в коем случае нельзя, чтобы на районную администрацию вышел эксперт Минфина. Это вообще – изобьют просто власть.

КУЧМА: Это же придумала Юля, блядь.

ЯНУКОВИЧ: Это кошмар! Они просто разобьют власть.

КУЧМА: Они задачу, знаешь, какую поставили?

ЯНУКОВИЧ: Ну, да. Развалить?

КУЧМА: Сволочи! А сейчас посол, блядь. Соединенных Штатов Америки под прессой уже, блядь. Из себя уже там демарши делает, что вот, блядь, Ющенко сделал, а президент, блядь, мешает, не дает,

блядь. А ты, падло, блядь, поехал бы посмотрел в Соединенных Штатах Америки как делают.

ЯНУКОВИЧ: Как бюджет делают. Совершенно верно. Но я "7 дней" (*программа пропрезидентской пропаганды на государственном телеканале УТ-1 – Ред.*) смотрел в воскресенье. Выступал ведущий относительно того, что налоговая говорит, что, дескать, нельзя сейчас снижать налоговое, ну, уменьшать налоги. Вообще – это мое мнение, личное мое мнение – налоговая всегда заинтересована, чтобы были налоги больше. Почему? Потому что налоговая, кроме фискальных функций, она выполняет и свои функции. Тогда на поклон не к кому будет идти, если будут рассчитываться. Может быть, налоговый пресс надо уменьшить?

Важнейший вопрос отношений Кучмы и губернаторов, как обычно – "подарочный". Оцените деликатность предложения Януковича.

ЯНУКОВИЧ: Ну, и последний вопрос. Бильярд вам в Крым смонтировать?

КУЧМА: Да, там хороший бильярд стоит.

ЯНУКОВИЧ: Хороший? Вам нравится тот бильярд?

КУЧМА: А что?

ЯНУКОВИЧ: Да немного денег есть (*не все отобрали Ющенко и Тимошенко – Ред.*).

КУЧМА: Посмотрим.

ЯНУКОВИЧ: Спасибо.

21 ноября 2002 года Виктор Янукович был назначен Кучмой премьер-министром Украины. В тот же день украинские ценные бумаги на мировых биржах потеряли 7-10% своей стоимости. Это реальный рейтинг доверия к Януковичу и его патрону.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Прошу прощения, что в первом томе записей разговоров в кабинете президента не помещены

материалы по многим другим представителям властной элиты. В следующем томе, который я готовлю к печати, наряду с персонажами этой книги, будут приведены высказывания Виктора Медведчука, Виктора Пинчука, Александра Волкова, Владимира Литвина, Михаила Рябца, Юрия Землянского, Вагита Алекперова, Виктора Ющенко, Юлии Тимошенко, Игоря Шарова, Андрея Деркача, Валерия Пустовойтенко, Леонида Кравчука, Юрия Костенко, Ивана Плюща, Александра Карпова.

М. Мельниченко

Издана в 2002 году, размещена в Интернет изданиях "Украинская правда" в 2002 году и Компромат.ру в 2003 году.

Приложение. Владимир Цвиль В центре кассетного скандала. Рассказ очевидца

Материал был размещен в 2004 году в Интернет издании «Главред» (www.glavred.info)

Вместо предисловия

Владимир Цвиль, бывший консул в Мюнхене, бывший помощник Александра Мороза и бывший «охранник» известного Николая Мельниченко, на прошлой неделе возвратил Украину к пресловутому «кассетному скандалу».

В 2004 году вышла книга Цвиля «В центре кассетного скандала. Рассказ очевидца», в которой он описывает неизвестные прежде детали. Разумеется, в собственной интерпретации.

Цвиль сам по себе, как говорят его знакомые, личность неординарная и, вместе с тем, сложная. Известно, например, что Цвиль вывозил Мельниченко в Чехию, но потом «побил с ним горшки». Известно, что у

Цвиля есть полный архив мельниченковских записей, но почему-то ими он никогда не воспользовался. Известно также, что Цвиль – представитель оппозиции – каким-то образом смог стать консулом и заработать награду от председателя СБУ Владимира Радченко. И многое другое известно. Но еще больше есть вопросов. И на часть из них мы старались найти хоть какие-то ответы, позвонив самому Цвилю в Мюнхен...

Владимир Иванович, вашу пресс-конференцию в украинских СМИ уже успели окрестить как “акцию заговорщиков”. Вы соглашаетесь с такой интерпретацией, и какова на самом деле ваша цель?

Моя цель одна: чтобы через книгу Украина узнала всю правду. Эта книга построена на документальных материалах, на личных встречах, и она не имеет какого-то заговорного характера.

А почему книга появляется накануне выборов? Почему она не дожидается, например, ноября, или декабря?

Возможно, и в декабре ее будут читать. Думаю, ее будут читать и через 10 лет. На мой взгляд, она будет более кстати до выборов, так как, некоторые действующие лица исчезнут после выборов, и она не будет настолько актуальной. Мне важно сейчас показать свою позицию, свое отношение к тем политическим лицам, которые занимают должности и являются действующими.

Скажите, почему, в таком случае, вы так долго молчали? Почему книга не появилась, например, год назад? Очевидно, материалы были раньше?

Мне нужно было время, чтобы сделать анализ и определить мою роль в этой истории. То есть, нельзя было начать писать книгу, не дав возможность и Мельниченко, и Морозу определиться именно в

избирательной кампании, которая является определенным экзаменом для этих лиц.

Сейчас мы видим, что окружение Мороза, которое кормится с Банковой, толкает Александра Александровича на выборы, на политическую реформу с целью получения определенных личных выгод, толкает на обман в деле Гонгадзе. Мороз прекрасно знает, кто такой Мельниченко. И за последние 4 года он еще больше понял, кто такой Мельниченко. И Мороз сознательно скрывает правдивую информацию и по требованию окружения идет до конца в “кассетном скандале”, эксплуатируя дело Гонгадзе. Это очень цинично.

Вы заявляли, что были советником Мороза. Лидер социалистов говорит, что никаких у вас с ним отношений не было. Так кем вы приходитесь Александру Александровичу?

Если говорить о советниках, которые зарегистрированы в Верховной Раде, то надо спросить в отделе кадров, осталось ли там подтверждение моих слов. У меня есть документ, где Мороз писал на МИД просьбу для выдачи мне загранпаспорта. Он лично подписался от комитета и там указывает мою должность. С другой стороны, это не имеет никакого значения. Мороз не скрывает, что мы с ним знакомы, и что у нас хорошие отношения, на его взгляд. Что касается большой политики, то здесь хорошие отношения ни при чем...

Когда вы говорите, что окружение Мороза пользуется какими-то услугами АП или с ней связано, что вы имеете в виду? И кого конкретно?

Я об этом откровенно писал в обращении к съезду Социалистической партии. Схема “Мороз против Кучмы” – уже в прошлом. Украина сейчас живет в системе координат “Ющенко-Янукович”, и современный политический расклад всем прекрасно известен.

Сегодня Мороз играет роль Марчука образца 1999 года. И его позиция сегодня – это не что иное, как попытка отобрать голоса у Виктора Ющенко. Это касается и его позиции относительно политической реформы, и решения баллотироваться в президенты. Я повторяюсь, что все эти миллионеры из окружения Мороза, которые кормятся с Банковой, подтолкнули его на поддержку политреформы и на участие в президентских выборах.

Вы делаете очень серьезные обвинения...

Я прекрасно знаю, кто советует Сан Санычу идти до конца, и какие это люди. И все их прекрасно знают. Это и Рудьковский, и Винский, и другие. И что эти люди ориентируются на главу Администрации Президента Медведчука, у меня нет никаких сомнений, так как это всем известно.

Вы перестали верить Морозу? Когда?

Я помогал тем оппозиционным силам, которые были против власти и президента Кучмы, так как это было для меня нормально. Так как я и сегодня остаюсь в оппозиции к действующей власти. Я считаю, что эта власть для государства не сделала ничего, что могла за тот период. Об этом, кстати, сказал даже бывший премьер Кинах. Поэтому я поддерживал Мороза как оппозиционного политика, который наиболее активно выступал против Кучмы, и мне эта его позиция импонировала. Но сейчас это абсолютно не имеет никакого отношения к политической ситуации. Я повторяю, что сейчас схема “Мороз против Кучмы” уже в прошлом.

Тогда кого сейчас из оппозиции вы поддерживаете?

Одного из Викторов.

Благодарю, очень однозначный ответ. Вы говорите, что боролись против власти. Но без контактов с властью вы бы никогда не стали

консулом. Как произошло ваше назначение, и почему потом вас освободили?

Я стал консулом не благодаря власти, а потому, что у меня было соответствующее образование. Я его получил в Дипломатической академии и был в резерве МИД. Но когда я написал заявление, что хочу стать консулом в Мюнхене, так как моя семья к тому времени проживала возле Мюнхена, то буквально за несколько дней это заявление удовлетворили. Я думаю, что это решение было принято на уровне Президента. Почему? Понятно, что не хотели, чтобы Цвиль был в Украине и мешал похоронить “кассетный скандал” и дело Гонгадзе.

В 2002 году дело Гонгадзе спустилось на тормоза. И я спрашивал Мороза, в чем дело, почему ничего не делается? Он тогда мне говорит: надо ждать выборов 2004 года. Тогда мне все стало ясно. Поймите, я вывез в Чехию Мельниченко только потому, что я хотел правды в деле Гонгадзе.

А за что тогда вы награждены грамотой председателя СБУ господина Радченко? За оппозиционность или за какие-то заслуги?

После того, как всплыли в записях Мельниченко сведения о “Кольчугах”, я выступил резко против разглашений таких материалов, поскольку считал, что это относится к государственным секретам. Записи о “Кольчугах” под давлением американцев сделали достоянием гласности Жир и Швец, которым Мельниченко дал часть записей. На мой взгляд, после этого началось беспрецедентное давление на государство. Я был за то, чтобы делать достоянием гласности только те пленки, которые содержат состав преступления, которые касаются внутренней политики Украины, а не других моментов.

Я поделился этой информацией с СБУ, и получил орден. Это может подтвердить Радченко или его

секретарь, если вы у него спросите. Кстати, я не скрывал этого. Получив награду, я рассказал об этом журналистам, в том числе и известному вам Алексею Степуре. То есть я не прятал его в сейф и не ждал лучших времен. Я не тот человек, чтобы скрывать.

Вы не рассказали, почему вас освободили от должности консула?

Сняли потому, что поменялось СБУ. Пришел Смешко – и политика по отношению ко мне со стороны Медведчука и Смешко была иной, они хотели меня видеть в Украине, чтобы я не мог написать своей книжки. Я начал писать книжку еще тогда, когда был консулом. Об этом им стало каким-то образом известно, и они хотели, чтобы я приехал в Украину. Были даже попытки моей депортации в Украину благодаря сотрудничеству Германии и Украины на высочайшем уровне. Переговоры вел в то время и министр Грищенко. Служба безопасности вела переговоры с немецкой службой безопасности. Это все мне известно, это все зафиксировано в документах.

Простите, но все это выглядит немного странно. Неужели в Украине нельзя писать книжку? У нас чуть ли не каждую неделю выходят “разоблачительные” книги...

Здесь, за границей, поверьте мне, работает голова не так, как в Украине. Потому что там сегодня гаишник заберет права, потом отключат телефон, потом кто-то еще что-то скажет. Проблем не оберешься. Я не говорю, что в Украине худший климат, или воздух. Просто в мегаполисе, таком, как Киев, книжку писать нелегко, так как будут отвлекать и будут всегда мешать.

В своих интервью вы часто даете характеристики председателям СБУ, начиная от Марчука, и заканчивая Смешко. Откуда вы черпаете свою информацию?

В Германии у меня здесь под рукой есть генерал Кравченко, который консультирует меня. У меня есть много других людей в СБУ, знакомых. Это основной источник информации. Я не записываю никого там, в СБУ.

Вы можете припомнить, когда у вас закрались какие-то сомнения относительно Мельниченко?

У меня не было разрыва с Мельниченко, так как мы с ним никогда не были спаяны. Вы должны понимать: я вывез Мельниченко, потому что об этом попросил Мороз. Я это сделал ради Мороза. У меня была задача – чтобы Мельниченко остался жив и здоров. Если бы с ним, не дай Бог, что-то произошло, мы бы потом не могли ничего объяснить. Позднее Рудьковский, который тогда ездил в Чехию тайно, деморализовал Мельниченко тем, что я якобы сотрудничаю с СБУ, и что Цвиль сдаст координаты. Игра была страшная, опасная, неблагородная и неразумная.

Что касается Мельниченко, то он никогда не хотел быть самостоятельным политическим игроком, он не хотел даже публичности. Он до сих пор хочет быть офицером, потому что я вижу, как он встречается с представителями СБУ, и как он себя хорошо чувствует в этой компании, как в своей тарелке. То есть его бросили фактически в свободное плавание, и он себя искал, как мог. Это было выгодно власти, чтобы Мельниченко показал, кто он есть на самом деле. Нельзя было поручать этот корабль Мельниченко, если он никогда не учился на капитана и по природе не является капитаном...

Откуда информация, с кем общается Мельниченко, если у вас с ним разошлись пути? В аннотациях к книжке вы писали, что Мельниченко недавно в Баден-Бадене общался с Левочкиным и Ляшко. Кто вам об этом сказал? Левочкин? Ляшко? Мельниченко?

Я же с Мельниченко там был. Даже сфотографировал их, когда они встречались, и слушал разговор. Все встречи, которые Мельниченко имел в Европе, происходили благодаря моим друзьям, или мне. То есть, мы помогали Мельниченко, сколько могли. Но когда он дошел до того, что начал продавать Левочкину и Ляшко записи, это уже перешло все границы.

Он решил тупо скрывать правдивую информацию после исчезновения Гонгадзе. Мне хорошо известно, какие записи есть, а каких нет. Он сказал тогда, когда его толкнул на это Мороз, что у него есть запись, когда докладывают Кучме на третий день после исчезновения Гонгадзе, что он мертвый. А это неправда. Такой записи у него нет, так как ему не давали эти записи. Вы поймите, я не могу согласиться с тем враньем, которое имеет место. И если начинаются спекуляции над горькой судьбой Гонгадзе, я, например, под этим никогда не подпишусь.

Ситуация выглядит так, что, критикуя действия Мороза и Мельниченко, вы “отбеливаете” президента. Вам так не кажется?

Я никогда не стремился отбеливать Кучму. Я никогда не защищал его, когда он был президентом. Но что касается будущего Украины без Кучмы, то хотелось бы избежать “варианта Лазаренко”. Сейчас оказывается, что будто бы все плохое в Украине – дело рук Павла, и что он – заказчик всех резонансных преступлений. После смены власти, которая состоится вследствие выборов президента, возможно, кто-то захочет повесить все на Кучму. Какой Виктор это сделает, не имеет значения. Хотелось бы избежать такого подхода. Украина для меня была с Кучмой и без Кучмы.

Где сейчас пленки с записями разговоров в кабинете президента после 16 сентября, то есть после исчезновения Гонгадзе? Ведь в них может

быть реакция Кучмы на исчезновение Гонгадзе, на то, как силовые структуры расследовали это дело. И многое оказалось бы более ясным.

Весь архив записей, которые вывез Мельниченко, есть в Европе.

В Европе? Это у кого конкретно - у вас, или у кого-то другого? Кто распоряжается архивом?

Я не один распорядитель этого архива.

Есть ли на пленках реакция Кучмы после 16 сентября? И будет ли эта реакция отображена в книжке, которую вы пишете?

Абсолютно. Информация, которая у нас есть, близка к тому, что Кучма не знал, что Гонгадзе мертв. Единственное, что не оглашен разговор Кучмы с Кравченко, который Николай обещал. Предполагается, что, например, Кучма мог Литвина, Волкова, Деркача обманывать, что он не знает о Гонгадзе, а с Кравченко говорить другое. Но тогда пусть скажет Кравченко или Кучма. Так как из того, что предано огласке Жиром, видно, что Кучма не знал. Остается еще разговор с Кравченко. Николай говорит, что у него есть такой разговор, и что он хочет его в суде показать. Мы не можем ждать суда. Надо говорить до суда. Есть досудебное следствие, оно легитимно, оно важно, и под давлением журналистов, общественности последуют более активные действия и прокуратуры, и досудебного следствия. Я думаю, что на сегодняшний день Николай действует неадекватно, он действует под заказ определенных политических сил.

Как так произошло, что архив начал множиться, делиться?

Он не множится и не делится. Есть архив целостный, и есть группа лиц, которая может прийти к какому-либо решению, только проголосовав вместе. Это три человека. Я не могу сказать, что архив мой личный, или архив принадлежит кому-то из моих компаньонов.

Если принимаются решения единодушно – значит, что-то делается. Если не принимается – архив остается дальше в банке. Сегодня все копии этого архива есть и у Мельниченко, поэтому у него есть возможность сделать достоянием гласности все. Предавать огласке пленки – это не мое дело, и я этого никогда не делал.

То есть, в число этих трех людей Мельниченко не входит?

Не входит, нет. Теперь уже не входит.

Вы утверждаете в своей книжке, что соучастников записи в кабинете Президента было несколько. Почему эта информация раньше не всплывала на поверхность? Очевидно, что это был бы существенный аргумент для власти, тогда бы версия о патриоте-одиночке сразу бы отпала, как и о цифровом диктофоне...

Власти не выгодно сегодня говорить правду о кассетном скандале. По одной из версий, кабинет записывался по заданию самого Кучмы. Представляете, президент мог сам собирать компромат на людей, которые бывают в его кабинете. Для того, чтобы об этом узнать, надо, чтобы заговорил или Мельниченко, или его соратники, которых мы знаем и называем в книжке. Никогда об этом не скажет власть, так как ей не выгодно об этом говорить.

А что касается самих записей, их расшифровки, то в этом не заинтересован никто.

Вы убеждены, что все пленки, которые вывез Мельниченко, и часть которых находится у вас, не монтированные?

Они в таком виде, в котором они были переписаны на диск. Относительно того, что нет монтажа в разговорах, это так. Позднее Мельниченко вырезал некоторые куски для того, чтобы выбросить упоминания об определенных лицах. Это было сделано по заказу тех же политиков. Этого он сначала не делал. Он начал это

делать через полтора месяца после первого выступления на радио “Свобода”, когда активно включились политики в кассетный скандал.

Несколько месяцев назад в интервью “Главреду” Александр Жир сказал, что записи Мельниченко еще задолго до “кассетного скандала” слушались на одной из футбольных баз. Известно ли, что кто-то кроме Мороза владел информацией, которая записывалась в кабинете Президента?

Марчук владел такой информацией, а, возможно, еще кто-то. Если Мельниченко не хочет об этом говорить, то надо встретиться с теми его компаньонами, с которыми он делал записи – и они скажут. Мельниченко может даже и не знать, кому эти записи попадали, так как он не один был. Я его понимаю, почему на некоторые вопросы он не может ответить – так как он не ориентируется, не разбирается.

То есть изначально предполагается, что это был просто коммерческий продукт, который продавался заинтересованным лицам?

Нельзя однозначно так утверждать. Этот продукт, я думаю, был довольно опасным делом, которое не должно иметь место в любом государстве. Это уникальный случай, такая себе трагикомедия. Если бы, скажем, в Германии даже оппозиция знала, что записывается кабинет канцлера Шредера, и об этом не рассказала, то народ эту политическую силу просто уничтожил бы. Так как кабинет главы государства – это не собственность президента, это не офис какого-либо бизнесмена. Это народная собственность.

В свое время Мельниченко очень хорошо говорил о Марчуке...

Если вы прочитаете книгу, там написано, как Мельниченко думал, и как происходила эволюция его мышления с того времени и до сегодняшнего дня.

Дает ли книжка окончательный ответ на вопрос, который интересует, безусловно, всех: кто все-таки “накручивал” Президента, и кто приносил в кабинет распечатки “Украинской правды”?

Да, ответ дается, и здесь никаких проблем нет. Я думаю, что можно и сегодня сказать, кто натравливал Президента на Гонгадзе, и кто приносил эти распечатки. Это Деркач. Есть возможность это проследить в записях, даже если часть их выбросить. Там видно, что Деркач приносит и говорит, что Гонгадзе такой-сякой. Вы хорошо знаете мышление Кучмы, который не верит в независимых журналистов, и который спрашивает, на чьи деньги Георгий работает, кто за этим стоит? Тогда еще Бродский сотрудничал с эсдэками (может, и сейчас сотрудничает с ними?). И Деркач говорит, что это – Бродский. Он через Гонгадзе травил Кучму на эсдэков.

Однозначно шло накручивание президента в окружении. Шла борьба за доступ “к телу”.

Когда появится окончательный вариант книги, и на каком языке он выйдет?

Он уже есть, только он сейчас редактируется. Книга выйдет на русском, английском и немецком.

Где вы планируете распространять эту книгу? Уверены ли вы, что она дойдет до украинского читателя?

Она дойдет, так как уже есть предложения от серьезных издательских фирм, которые хотят выкупить книгу, и на этом сделать бизнес. Предлагаются большие деньги за эту книгу. Не менее ста тысяч.

Есть ли у вас лично какие-то политические амбиции и планы, которые вы хотите преследовать после того, как книга станет бестселлером?

Я вам хочу сказать, что у меня сейчас нет никаких политических амбиций. И, чтобы вы поняли, мое дело –

издать книгу, где будет изложена правда. Больше ничего. Морозу просто нечего противопоставить.

Что делал на вашей презентации бывший генерал Кравченко, а также народный депутат Шишкин?

Шишкин был приглашен на конференцию как представитель оппозиционных сил, как мой профессор, преподаватель в академии. Это человек, которого я хорошо знаю. А Кравченко проявил большой интерес к книге, которую я уже почти написал, когда мы встретились в марте в этом году. Он с удовольствием прочитал рукопись, и даже в какой-то мере приобщился к книге как эксперт, как консультант, и попросил меня, чтобы написать послесловие или предисловие.

Я его об этом не просил, это его инициатива. Он занимает такую гражданскую позицию, старается быть честным и выйти из ситуации, которая сложилась вокруг него, достойно. Дай Бог ему счастья и удачи.

После истории с Мельниченко, вы верите, что Кравченко тоже является одиночкой, который хочет одного - искать правду?

То, что Кравченко – одиночка, у меня нет сомнения, так как о Кравченко, его историю в Германии я знаю все. Мы же вместе работали, только я в консульстве, а он – в посольстве. Для меня его поступок был известен, прогнозируем, понятен. Я еще с ним разговаривал относительно событий в Берлине, когда он там был. Если вы мне верите, то я действительно хочу сказать, что он это сделал на собственное усмотрение, и никто за ним не стоял.

Ваша версия: кто был заказчиком “кассетного скандала”?

Если люди, о которых я упоминаю в книге, дадут показания, можно будет знать точно, как начались записи, был ли кто-то их заказчиком, или это было

случайно. Но то, что записи использовала Россия, а позднее Америка, сомнений нет.

Отрывки из книги. Часть 1.

Глава 1

Я посещал Мороза в Карловых Варах несколько раз. Мы вместе обедали, гуляли в лесу, играли в шахматы, рассуждали о политике и жизни. Кучму мы по-прежнему считали своим главным противником и были убеждены, что именно он тормозит развитие Украины. Мороз откровенно называл президента преступником и прогнозировал, что существующий режим вскоре будет свергнут. Меня поразила его уверенность. Ведь с момента выборов прошло лишь два месяца, и впереди у Кучмы было пять лет президентства.

По завершении пребывания в Карловых Варах я, Мороз и Сильченко отправились на моем автомобиле в Киев. По дороге у нас была запланирована остановка на ужин и ночлег вблизи Остравы. Там, в загородном отеле-ресторане нас принимал мой близкий друг и компаньон Владимир Болданюк. У нас был совместный бизнес в Чехии, и мы, по мере возможностей, помогали СПУ. Так, специально к президентским выборам мы профинансировали издание книги Мороза. Это была его проза, воспоминания о жизни, родственниках и друзьях, о пройденном к тому времени пути в политике.

Отдых лидера СПУ в Чехии продолжался более трех недель и обошелся нам с Болданюком в 15 тысяч долларов. Скорее всего, именно тогда, убедившись в

моей преданности, связях за рубежом и финансовых возможностях, Мороз решил доверить мне исполнение тайного плана, связанного с переправкой майора и его записей за границу.

После короткого новогоднего перерыва политическая жизнь Украины забурлила с новой силой. В январе-феврале 2000 года в Верховной Раде происходило то, что подконтрольная власти пресса называла “бархатной революцией”, а Мороз расценивал как конец парламентаризма и очередной шаг к узурпации власти окружением Кучмы. Было понятно, что впереди нас ждет тяжелая борьба за выживание. Фактически СПУ и ее лидер оказались выброшены на обочину большой политики.

Именно в это время Мороз впервые упомянул о каком-то своем знакомом, нуждавшемся в лечении ребенка. Речь шла о четырехлетней девочке с врожденным пороком сердца, которой требовалась операция за рубежом – в Канаде или США. Мороз сказал, что очень рассчитывает на мои связи и поддержку украинской диаспоры. Он попросил меня приложить все усилия, поскольку этот человек чрезвычайно близок к нему. Несколько раз Мороз напоминал о своей просьбе и, вскоре, свел меня с майором Мельниченко.

Мое знакомство с охранником президента состоялось ранней весной 2000 года. В то время я не представлял, кто он такой и чем занимается. Мне приходилось выполнять разные поручения лидера социалистов, и я не интересовался, чем вызвано его участие в этом вопросе. Предполагал, что это просто его близкий друг.

Мельниченко лично позвонил мне на мобильный, и я предложил ему подойти в гостиницу «Национальная». В моей собственной квартире на Январского Восстания тогда начинался ремонт, и я временно проживал в

номере депутата Степана Хмары. Однако мой собеседник попросил встретиться чуть подальше – в парке, у памятника Ватутину. На свидание со мной Мельниченко пришел очень возбужденным. Он был одет в куртку с капюшоном, натянутым на голову. Очевидно, боялся, что его могут узнать. Поздоровавшись, сразу же предложил мне прогуляться по аллеям парка. На ходу майор рассказал, что его дочери Лесе требуется квалифицированное медицинское обследование и, вероятно, операция на сердце. Это можно сделать лишь за рубежом. Жена не хочет ехать туда сама и требует, чтобы отец присутствовал во время лечения ребенка. Но ситуация усложняется из-за места его работы – у него могут возникнуть проблемы с выездом из Украины.

Откровенно говоря, я тогда пропустил эту деталь мимо внимания. Меня не интересовала персона Мельниченко и его место работы. Хотя я допускал, что, возможно, он имеет какое-то отношение к службе государственной охраны или СБУ. Я часто посещал Верховную Раду, другие государственные учреждения и лицо майора показалось мне знакомым. Однако я не придавал этому никакого значения. Меня беспокоило совсем другое. Осознавая, что речь идет о лечении стоимостью в десятки тысяч долларов, я прекрасно понимал, что вряд ли кто-то согласится оплатить это. Больных с врожденным пороком сердца очень много, и не понятно, почему особая помощь должна быть предоставлена именно ребенку Мельниченко.

Я спросил Мельниченко, имеет ли он какие-то собственные средства на операцию. Майор ответил, что скопил немного денег – несколько тысяч долларов, но этого явно не достаточно. Поэтому нужно искать дополнительное финансирование, и он очень надеется на мои и Мороза возможности. Я пообещал ему что-то придумать, хоть и не представлял реально, чем именно я смогу помочь.

С момента нашего первого знакомства и до времени выезда за границу в конце ноября 2000 года мы виделись с Мельниченко пять или шесть раз. По телефону его дело не обсуждали – только назначали место и время встречи. Каждый раз Мельниченко пытался узнать, удалось ли мне договориться о его отъезде за границу. Это предусматривало приглашение, визу и финансирование лечения. Я пояснял, что получить визу не является проблемой. Предварительно нужно найти спонсоров для лечения ребенка, а это крайне нелегкое дело и требует времени.

Однако в действительности разговоры о необходимости операции для дочери Мельниченко были выдумкой. С тех пор прошло уже четыре года и мне не известно о том, что Леся получала какое-то специальное лечение.

Постепенно Мороз рассказал мне, что Мельниченко раньше работал на посту, который, якобы связан с доступом к государственным секретам и на него распространяются ограничения. Поэтому все нужно сделать без лишнего шума – чтобы никто об этом не узнал. Иначе его с семьей не выпустят из Украины, и это очень повредит ребенку.

Последний раз мы виделись с майором в июне 2000 года, а затем последовал перерыв до осени. Мороз вернулся к этому вопросу в сентябре, вскоре после того, как таинственно исчез журналист Георгий Гонгадзе. Откровенно говоря, я не был посвящен в происходящие вокруг этого события, поскольку проводил много времени за границей – в Германии и Чехии.

Глава 2.

10 ноября 2000 года странная заметка о найденном в Тараще трупe появилась на первой странице газеты «Сегодня». После этого Мороза начали беспокоить журналисты из «Украинской Правды». События развивались по наихудшему сценарию.

Наконец – это было приблизительно 11 или 12 ноября – Мороз вызвал меня и поставил вопрос ребром:

– Неужели, Владимир Иванович, так сложно выполнить то, что я прошу? Уже прошло полгода, а вы ничего не предприняли и только затягиваете это дело! Я настаиваю, чтобы вы занялись этим сейчас и немедленно. Мельниченко и его семье необходимо срочно покинуть Украину.

Я ответил:

– Хорошо, Александр Александрович. Если это так важно для вас, я сделаю это.

Вскоре после этого разговора я встретился с Мельниченко у своего дома на улице Январского восстания и забрал у него документы. Я сразу обратил внимание, что загранпаспорт майора был оформлен совсем недавно – 2 ноября. Паспорта Лилии и Леси были выданы всего на несколько дней раньше. Таким образом, все предыдущие переговоры о выезде за границу, которые продолжались более полугода, были беспредметными. В то время ни Мельниченко, ни его жена и дочь еще не имели загранпаспортов. Очевидно, цель нашего знакомства была иная: Мельниченко хотел лично убедиться, что существует человек, который обеспечит ему убежище где-то за пределами Украины. А также необходимое финансирование. Этим человеком волею обстоятельств стал я, Владимир Цвиль.

Получив паспорта, я позвонил в Оставу Болданюку и заверил его, что готов профинансировать проживание гостей из Украины и лечение их ребенка. В течение дня мой компаньон сделал приглашение в Чехию для семьи Мельниченко в полном составе – Мыкола, его жена Лиля и дочь Леся. Я попросил Болданюка выслать документы на факс в рабочем кабинете Мороза в Верховной Раде. Это был наиболее простой и надежный, на мой взгляд, вариант. У меня дома факса не было, а пользоваться услугами знакомых не хотелось.

Поздно вечером в тот день мне неожиданно позвонил Мороз и попросил о немедленной встрече. Как оказалось, ему только что сообщили о получении факса из Чехии. Мороз выглядел очень озабоченным:

– Что вы наделали, Владимир Иванович, что вы наделали! Как вы могли отправить это приглашение на мой факс? Неужели вы не понимаете, что там у меня все прослушивается?! В СБУ и Администрации президента могут об этом узнать!

Я не понимал, что так перепугало Мороза, и поинтересовался:

– А что в этом плохого, Александр Александрович? Ну и пусть себе слушают, какая нам разница? Неужели мы делаем что-то противозаконное?

– Ладно, не будем на эту тему больше говорить, – ответил Мороз, – держите этот факс и оформляйте визу как можно быстрее. Но делайте все так, чтобы никто ничего не знал!

Сделав паузу и призадумавшись, он добавил:

– Вы понимаете, дело даже не в ребенке – с лечением можно повременить. Мельниченко едет за границу потому, что... Короче, Владимир Иванович, я очень заинтересован, чтобы они выехали срочно. Должен вам сказать, что Мельниченко является носителем очень важной информации. Он – свидетель серьезного преступления власти и это связано с делом

журналиста Гонгадзе. Поэтому необходимо отправить его за границу.

Глава 3.

Мы двигались той же дорогой, по которой в январе я, Мороз и Сильченко возвращались с отдыха в Карловых Варах. Однако сейчас наш путь был в обратном направлении – в Оставу. Мы проезжали Жешув, Тарнув, Краков и Катовице. Маленькая Леся тяжело переносила дорогу и скоро разнервничалась. Она все время плакала, а Лиля с Николаем не могли ее успокоить. Девочка, кажется, чувствовала, что родители едут не на отдых, и не на курорт, а наоборот – обрекают себя на трудности и лишения в незнакомой стране. В этот момент я впервые почувствовал, что от нашего груза исходит какая-то нехорошая аура.

До границы Чехии мы ехали более пяти часов. По дороге я позвонил Болданюку. Мы заранее условились, что он заберет гостей еще на польской территории. В Чехию я не собирался – у меня даже не было действующей визы. Поэтому рассчитывал сразу же вернуться назад в Украину.

Когда я познакомил майора с Болданюком, Мельниченко вкратце представился ему, объяснил цель своего визита и дальнейший план действий. Он сообщил, что месяц назад уволился из службы охраны Кучмы и везет с собой особо ценный груз – сотни часов тайных записей разговоров президента. На них содержится информация о множестве государственных преступлений, в частности об убийстве журналиста Гонгадзе. Теперь, когда Мельниченко выехал за границу, Мороз собирается обнародовать эти сведения. Из-за этого, по словам майора, в Украине изменится политическая ситуация и лидер социалистов придет к власти. Мельниченко был твердо убежден, что его

пребывание в Чехии продлится не более двух недель. После этого он героем вернется в Украину.

Любопытной была реакция Болданюка. Казалось, что признание майора его совсем не смутило. Он давно имел дело с украинцами и привык к разным неожиданностям. У Болданюка была большая родня в Украине и, общаясь с нами, он убедился: если договариваешься с украинцем об одном, на деле часто выходит совсем другое.

Поразмыслив, мой компаньон рассудил так: раз он уже дал свое согласие и пригласил человека, то он выполнит свое обещание. Пусть майор въезжает в Чехию и устраивает лечение своей дочери, а украинские политики пусть в это время разберутся, что делать с этим всем. Таким было решение Болданюка.

Глава 4.

После пресс-конференции Мороза стало понятно – в Украине начинается серьезный политический скандал. В том, что Мельниченко действительно тайно записывал президента, сомневаться уже не приходилось. Главным подтверждением этому стала паника, которая воцарилась на Банковой после заявления и пресс-конференции Мороза.

Вечером Мороз рассказал мне, что Юлия Мостовая и Слава Пиховшек вскоре после состоявшейся пресс-конференции прорвались в здание Администрации президента. Ведущие украинские журналисты были обычными гостями на Банковой и неоднократно лично общались с фигурантами записей Мельниченко. На этот раз перед ними предстал полностью потерянный Владимир Литвин. Глава администрации президента находился в шоковом состоянии – он сидел за столом, обхватив руками голову, и готов был вот-вот заплакать. Обращаясь к знакомым журналистам он запричитал:

– Это не я, честное слово. Я не убивал и не знаю, кто это сделал. Я здесь ни при чем, я только докладывал ему и передавал его распоряжения!

Однако через некоторое время Литвин все-таки взял себя в руки и сделал заявление для прессы. Характеризуя поступок лидера СПУ он сказал: “Было время и тяжелее, но более подлого ещё не было”. Глава администрации президента пообещал подать на Мороза в суд и потребовать от него 33 гривны компенсации за причиненный моральный ущерб. Литвин имел ввиду библейскую притчу о тридцати сребрениках, но от волнения перепутал цифру с возрастом распятого Христа. В любом случае выбранная аналогия была неудачной – Мороз никогда не был учеником Кучмы и не

присягал ему на верность, как Иуда Христу. Заявление Литвина показывали в вечерних новостях – глава администрации президента представлял собой весьма жалкое зрелище.

На следующий день Мороз намекнул, что в его распоряжении есть и другие доказательства. В беседе с журналистами он сообщил о существовании видеозаписи, которая подтверждает правдивость его обвинений в адрес Кучмы. Придет время, – пообещал Мороз, – и все будет сделано как нужно.

Я знал (об этом рассказал мне сам Мельниченко), что на руках у Мороза находилась видеокассета с записью обращения майора к народу Украины. Он заявлял там о своей причастности к прослушиванию кабинета президента и сообщал, что по собственной инициативе передал компрометирующие материалы в распоряжение лидера социалистов. Эту видеозапись сделал Шибко, а текст, который майор зачитал перед камерой, был заранее подготовлен лидером социалистов.

Было понятно, что Мороз старался сохранить в тайне свои тесные связи с Мельниченко. Это было несложно сделать, ведь кроме меня в курс происходящего были посвящены только Шибко и Мендусь. Вместе с Морозом они отработали легенду, которая затем неоднократно излагалась в интервью лидера социалистов. Мороз убеждал всех, что впервые познакомился с Мельниченко только в середине октября текущего года – уже после исчезновения Георгия Гонгадзе. Якобы майор самостоятельно вышел на него и предложил прослушать записи, указывающие на причастность к этому делу президента Кучмы. Я понимал, что эта версия не соответствует действительности, однако поначалу не придавал этому значения. В конце концов, какая разница, когда на самом деле Мельниченко начал носить записи Морозу? –

размышлял тогда я, – что это меняет, если они являются настоящими? И так думал далеко не я один.

После начала разразившегося политического скандала, Мороз действовал неторопливо, согласно какому-то известному плану. Казалось, ему доставляло удовольствие издеваться над Кучмой, играя с ним, как кошка с пойманной мышью. Мороз выдавал компромат постепенно, по порциям, не раскрывая сразу всех своих козырей. Так, 4 декабря газета «Грани» опубликовала обращение “офицера СБУ”, передавшего аудиозапись Морозу. Фамилия Мельниченко при этом не указывалась – его выход на публичную авансцену скандала намеренно затягивался.

Расчет лидера социалистов был верным – Кучма и его окружение постепенно запутывались в своем вранье. Поначалу президент заявил, что никогда не слышал о журналисте Гонгадзе. Потом власти начали отрицать возможность прослушивания кабинета президента и даже существование майора Мельниченко.

Казалось, сама власть в эти дни делала все возможное, чтобы подыграть Морозу. А он, в свою очередь, сполна возвращал ей долг за “криворожский теракт”. Месть лидера социалистов Кучме удалась на славу.

Впрочем, растерянность на Банковой продолжалась недолго. Буквально через неделю там оправились от удара. Полным ходом заработал антикризисный штаб. Депутаты, представлявшие провластный блок, и зависимые от власти журналисты, старались выгородить президента, заявляя что он не мог “заказать” Гонгадзе. Дескать, аудиозапись Мороза – подделка. На выручку Кучме поспешили разнообразные политтехнологи. Лидера СПУ обвиняли в том, что он спекулирует на смерти журналиста, зарабатывая на этом политические дивиденды.

Однако, кроме штатных глашатаев Банковой были и те, кто искренне сомневался в правдивости записей Мельниченко. Настолько невероятной казалась история с прослушиванием президента и жестоким убийством журналиста.

Был ли сам Мороз уверен, что Кучма заказывал убийство Гонгадзе? Я не знаю. В любом случае, после обнаружения обезглавленного тела в Тараще, он был обречен стать рупором скандала. И Мороз с удовольствием воспользовался возможностью рассчитаться с президентом.

После обнародования записей Мельниченко, он повел планомерное наступление на президента, добиваясь его отставки. Обе стороны конфликта начали позиционные бои.

Глава 5.

Германия, февраль 2004 г.

...Ещё в Страсбурге Мельниченко попросил меня организовать ему встречу с начальником президентской охраны Владимиром Ляшко. Он напоминал мне об этом постоянно, по несколько раз в день. Стремление Мельниченко контактировать с кем-либо из украинцев, будь-то политики, журналисты или представители СБУ, я всегда приветствовал. Как ни наивно это звучит, я верил, что подобные встречи идут на пользу и ему, и Украине. И на этот раз я пообещал выполнить его просьбу.

Накануне прилета делегации из Украины мы отправились машиной в Берлин. Нас было трое – я, майор и переводчик Андрей Захаркив. По дороге мы узнали, что визиту Кучмы предшествовал неприятный сюрприз. Накануне по радио «Немецкая Волна» выступил генерал Кравченко – офицер безопасности посольства Украины в Германии. Он заявил, что получал от нового руководства СБУ инструкции по слежке за представителями украинской оппозиции. Главным пострадавшим от разоблачений украинского разведчика стал, как ни странно, не Кучма, а Мельниченко. Его визит в Берлин представлялся теперь абсолютно бессмысленным – все внимание прессы сосредоточилось на персоне Кравченко. Майор крайне болезненно отреагировал на появление конкурента:

– Это невозможно. Какая-то провокация. За ним стоит БНД!

Мельниченко постоянно чудилось что за всеми кто-то стоит. В отличие от него самого и Ельяшкевича. Они были вне подозрений.

...В Берлине мы остановились втроем в арендованных апартаментах по адресу Кроненштрассе, 43. Это была трехкомнатная квартира со всем необходимым для проживания и работы – кухня, телефон, Интернет.

19 февраля в столицу Германии прибыл Кучма и разместился со своей свитой в «Хилтоне». Потом Мельниченко соврал «Украинской Правде» о том, что жил в одном отеле с президентом. Этим он стремился придать большее значение собственной персоне. В действительности же от нашего дома до «Хилтона» было три минуты ходьбы пешком.

Безопасность украинского президента в Берлине обеспечивали совместно украинская и немецкая стороны. Тем не менее, вход в гостиницу оставался свободным, ведь помимо Кучмы там останавливались и другие посетители. Вечером мы вместе с Миколой беспрепятственно зашли в «Хилтон». Мельниченко сразу же удалился в дальний угол холла. Там стояли столики, которые обслуживались официантом из бара. Вокруг прогуливались члены нашей делегации – мэр Киева Омельченко, начальник протокола Георгий Чернявский и несколько министров. Омельченко и Кирпа разглядывали дорогие галстуки и рубашки в гостиничном бутике.

Я позвонил из рецепции в номер Ляшко. Он оказался на месте и вскоре спустился в холл. Начальник президентской охраны был в хорошем настроении и заявил, что “будет рад видеть Миколу”. Вместе с ним мы направились к столику, где майора уже нашли журналисты – девушка из BBC и корреспондент «Украинской Правды» Сергей Лещенко. Я попросил их дать возможность побеседовать Мельниченко и Ляшко с глазу на глаз и, вскоре они остались наедине.

А дальше началось самое интересное. Буквально через минуту у них за столиком появился какой-то

незнакомый человек. Я сперва предположил, что он имеет какое-то отношение к украинским спецслужбам. Новый собеседник активно подключился к разговору и вскоре полностью взял инициативу в свои руки. Мельниченко не возражал, казалось, он был заранее готов к такому повороту событий. Мне стало любопытно, что происходит, ведь, по сути, я был организатором этой встречи – и я подсел к ним. Оказалось, что неожиданным участником беседы с майором стал Сергей Левочкин – главный помощник президента. Разговор протекал очень живо и интересно. Левочкин активно прессинговал Мельниченко. Складывалось впечатление, что он пытался добиться от него какого-то задуманного результата, согласия на какой-то серьезный поступок. При этом он оскорблял майора, называл недоумком, и предателем. Однако затем вдруг резко менял тон и начинал говорить ему всяческие любезности. Так продолжалось до тех пор, пока я не попытался изменить тему беседы и начал расспрашивать помощника Кучмы о подробностях новогоднего лечения президента в Германии. Однако Левочкин демонстративно ушел от ответа на вопрос. Он лишь заметил, что в Баден-Бадене собрались недостойные его внимания люди, а сам он с группой друзей летал на горнолыжный курорт во Францию. Похвастался тем, что неплохо провел время, не испытывая недостатка в средствах. Помощник президента не бедный человек и может позволить себе различные развлечения. “А мы тоже недавно в Альпах отдыхали”, – успел вставить Мельниченко.

Затем разговор вернулся к кассетному скандалу и записям, сделанным в кабинете президента. Левочкин откровенно заявил, что было бы неплохо их вернуть в Украину и “прекратить всю эту никому не нужную трескотню”. Он убеждал Мельниченко в том, что его время прошло, и эти записи уже никого не интересуют

ни в Украине, ни за границей. В какой-то момент Мельниченко обменялся с собеседниками номерами своих мобильных.

Так мы просидели вместе почти весь вечер. Я пил немного – две-три рюмочки виски, Мельниченко – еще меньше. А вот Ляшко пропускал одну стопку за другой – по моим подсчетам он заказал не меньше пятнадцати порций золотой текилы. Левочкин употреблял исключительно Jonnie Walker Blue Label – самый дорогой сорт виски из имевшихся в баре. Он тоже изрядно выпил. Когда пришло время рассчитываться, Ляшко вытянул из кармана горку смятых купюр и заплатил за всех.

Прощаясь, Левочкин пообещал, что непременно доложит о состоявшемся разговоре Кучме. Мельниченко выглядел удовлетворенным встречей, хотя я не мог понять, почему. Однако вскоре все прояснилось. Оказалось, что, связавшись позднее с помощником Кучмы, майор самостоятельно договорился с ним о продаже всех тайных записей, которые были вывезены из Украины в конце 2000 года. Об этом я узнал всего через несколько дней.

Отрывки из книги. Часть 2. Под прицелом спецслужб

Уже после начала кассетного скандала я вернулся в Украину для того, чтобы отвезти в Киев Иванку. Жене требовалось оформить новую визу. В ходе поездки я подвергся допросу в львовском управлении СБУ, а когда вернулся в Штарнберг, был вызван на беседу в криминальную полицию. Немцы возбудили уголовное дело по факту якобы незаконного пребывания Мельниченко в Германии. Одновременно на меня начали выходить сотрудники БНД и СБУ. Всех интересовал ответ на вопрос: где находится майор Мельниченко и его записи?

После того, как грянул скандал, СБУ и Генпрокуратура занялись расследованием дела о прослушивании кабинета Президента. В первую очередь компетентные органы старались выяснить, куда скрылся Мельниченко. Изучив документы с пунктов перехода государственной границы, сотрудники львовского СБУ быстро заподозрили, что я имел к этому отношение. Дело в том, что, сопровождая майора за рубеж, я дважды пересекал пункт пропуска «Шегини» – выехал из Украины и вернулся назад. В СБУ знали, что я был активным членом соцпартии и помощником Мороза. Связав эти факты, они пришли к

выводу, что это я организовал выезд Мельниченко. И, следовательно, знаю его настоящее местонахождение.

Позже я узнал, что меня “вычислил” Верховский из управления СБУ в Львовской области. Он затем поднялся на этом деле, перешел на службу в Киев, повысился в звании.

СБУ также установило, что в Киеве я неоднократно звонил майору в период, предшествующий его отъезду. Соответствующая информация выявилась при проверке звонков на мобильный телефон Мельниченко. Кстати, это стало лишним подтверждением того, что я не знал об истинной цели его выезда из Украины.

Итак, довольно быстро о том, что я причастен к побегу бывшего охранника Кучмы, стало известно компетентным органам. Они, во что бы то ни стало, стремились установить местонахождение Мельниченко. Разумеется, СБУ и Генпрокуратура были заинтересованы найти и допросить меня. После признаний Мельниченко в Польше и заявления Мороза в Верховной Раде я был внутренне готов к неприятностям. На случай, если меня арестуют, я решил придерживаться простой тактики: не врать, но и всей правды не говорить. В тот момент мне казалось, что это будет оптимальное решение.

9 декабря 2000 года я должен был отвезти в Украину Иванку и Татьянку. У Иванки в это время закончился срок действия немецкой визы, а новую визу для студентов Украинского свободного университета ставили только в Киеве. Мы выехали из Штарнберга всей семьей. Дорога лежала через Австрию и Венгрию на Чоп.

Поначалу я не собирался заезжать в Украину. Предполагал расстаться с женой и младшей дочерью не пересекая границы – чтобы кто-то из знакомых забрал их там. Однако мы очень быстро преодолели путь до Чопа, и я решился самостоятельно довести семью в

Ивано-Франковск, к моим родителям. В конце концов, думал я, мою жену также могут задержать и допросить. И поэтому будет лучше, если я поеду с ней. Затем я планировал возвратиться в Германию вместе с Ганнусей.

На границе нас задержали. Это случилось ровно в полночь. Нашу машину – на этот раз это был маленький «Ровер» Иванки – направили отдельно от основного потока транспорта. Пограничники долго проверяли документы, забрали наши паспорта, бегали с ними куда-то и звонили по телефонам. Наконец, через полтора часа, разрешили ехать дальше, но мы сразу же заметили, что нас сопровождает какая-то машина. Она ехала за нами всю дорогу до Ивано-Франковска. Ощущать за собой слежку на безлюдной дороге, в горах, ночью было крайне неприятно.

Под утро мы приехали в Ивано-Франковск. Там я оставил маленькую Татьянку своим родителям, немного поспал и вместе с Иванкой и Ганнусей выехал во Львов. Слежка за нами не прекращалась.

Во Львове нас, наконец, задержали. При въезде в город, на улице Зеленой, нас окружили несколько милицейских машин. Подполковник ГАИ предложил мне выйти из автомобиля и предъявить документы. Милиционеры догадывались, что дело чрезвычайной важности: вокруг нас собралось несколько экипажей ГАИ из разных концов Львова. На дороге быстро образовалась пробка. И в это время появились двое молодых людей в спортивных костюмах. Это были сотрудники СБУ – Верховский (так я с ним впервые познакомился) и какой-то кавказец. Было воскресенье и, судя по одежде, их вызвали прямо из дома. Спецслужбисты быстро разогнали милицию и сопроводили нас в областное управление. Туда же, во двор управления СБУ, я был вынужден загнать нашу

машину. Так мы с женой оказались внутри самого грозного сооружения во Львове.

Пройдя по лабиринту из коридоров, мы оказались в каком-то кабинете. На стене там висел большой портрет Кучмы, а на деревянном столе стояло несколько старых телефонных аппаратов и печатная машинка. Сотрудники СБУ суетились – видно, что у них не было согласованного плана действий. Вдруг раздался телефонный звонок: “Цвиля на выход!” Я предположил, что меня сейчас повезут в Киев. Однако у проходной управления стояли два сержанта ГАИ. Они предложили мне подписать протокол задержания, со словами:

– Знаем мы эту контору. Завтра с вами что-то случится, а мы будем отвечать.

В протоколе указывалось, что меня и мою машину отконвоировали в СБУ. Это обнадеживало. Я понял, что бесследно мы уже не пропадем.

На допросе мы с Иванкой ничего не рассказали о Мельниченко. Жена действительно не знала ни майора, ни событий вокруг него. А я доказывал, что ездил за холодильником в Жешув и предъявил свои таможенные декларации и накладные. Я вел себя спокойно, понимая, что по большому счету не совершал никакого правонарушения.

Допрос продолжался около четырех часов. Нужно отдать должное сотрудникам СБУ: выслушав наши с женой объяснения, они разрешили мне покинуть Украину. Благодаря этому, Ганнуся смогла пойти на следующий день в гимназию. Хотя я не исключал и других вариантов: меня вполне могли задержать. Предвидя проблемы, я заранее сообщил в Киев о ведущейся за нами слежке. Во время задержания за меня хлопотал Степан Хмара.

Вернувшись в Штарнберг, я лишний раз убедился в том, что Львов – город разведок и агентов. В Германии

уже было известно, что моя машина была остановлена во Львове и попала во двор СБУ. Поэтому меня побеспокоил сотрудник контрразведки – федерального ведомства по защите конституции Германии. Мне сразу же был задан вопрос:

– Что делала машина со штарнбергскими номерами на территории украинской спецслужбы?

Я подтвердил факт моего задержания и допроса в СБУ, не скрывая, что дело касается скандала с обнародованием записей Мельниченко. Сообщил, что СБУ подозревает меня в причастности к вывозу майора из Украины. Также заверил – и это было правдой – что здесь, в Германии этого человека нет. Однако мои неприятности только начинались. Вскоре мною заинтересовалась криминальная полиция.

Первая беседа с полицейскими состоялась в кабинете ректора Украинского свободного университета. Я не владел в нужной мере немецким языком, поэтому пригласил переводчика. Это была легендарная личность – восьмидесятилетний профессор Иво Полулях. В свое время он был призван в дивизию «Галичина», но дезертировал оттуда по идеологическим соображениям. Был лично знаком с Бандерой и Шухевичем. Иво не только переводил, но и угощал нас кофе с коньяком, при этом рассказывая анекдоты.

В разговоре с полицией я еще раз объяснил, что майора в Германии нет. Однако, несмотря на это, прокурором Баварии было возбуждено уголовное дело по факту якобы моего содействия незаконному въезду Мельниченко на территорию Германии. Вскоре пришла официальная повестка на допрос – вызывал комиссар полиции Сабарай. Это было неприятно. Раньше у меня не было проблем с немецкими правоохранительными органами.

На этот раз моим переводчиком стала Ганнуся. Тогда она училась всего четвертый месяц в

штарнбергской гимназии. Поведение моей дочери и её перевод находились в центре внимания полицейских. Комический оттенок происходящему добавлял следующий факт: высокопоставленный полицейский, который руководил допросом, был по происхождению курдом. В его кабинете висел большой портрет курдского лидера Оджалана. С помощью моей десятилетней дочери он искренне пытался вникнуть во все хитросплетения дела Гонгадзе и тайного прослушивания украинского президента. Эта история показалась ему очень запутанной.

Со временем дело против меня было закрыто – за отсутствием доказательств пребывания майора на территории Германии. Я понял, что настоящая причина моих допросов была иная – немцев также интересовало местонахождение Мельниченко.

Слухи о том, что майор прячется где-то в Баварии, совершенно не соответствовали действительности и причиняли мне огромные неудобства. Однако их упорно распространяли мои многочисленные знакомые в Германии и Украине.

Незадолго до Нового 2001 года, ко мне на улице в Мюнхене подошел какой-то человек, поздоровался на чистом русском языке, показал удостоверение немецкой разведки и предложил побеседовать.

– А в чем собственно дело? – спросил я.

– Мы хотели бы получить доступ к Мельниченко, – заявил он в ответ. – Мы в курсе происходящего. Знаем, что это вы организовывали его выезд из Украины и поддерживаете с ним постоянный контакт. Немецкое государство интересуется его записи.

– А что именно? – уточнил я.

– Информация о прослушивании зарубежных посольств и, в первую очередь, посольства Германии. Агентура СБУ за рубежом и прочая важная информация.

Я объяснил представителю спецслужбы, что содействую контактам Мельниченко лишь с политиками и журналистами. И действительно, в то время я передал письмо депутату бундестага Гансу-Юргену Доссу, пытаясь привлечь его внимание к расследованию дела Гонгадзе и судьбе Мельниченко. Досс, с его слов, обратился с официальным запросом в посольство Украины в Берлине. Однако там заявили, что такого человека, как Мельниченко вообще не существует и что это все провокация.

Вообще мне показалось, что мой собеседник был не из БНД, а из ФСБ – настолько хорошим был его русский. Тем не менее, мы встречались еще пару раз. Я не упускал возможности пообедать за его счет в ресторане. При этом собеседник пугал меня, предупреждая, что на меня готовится покушение. Говорил, что мою машину могут взорвать, и советовал пользоваться общественным транспортом. В конце концов, он предложил мне деньги за доступ к Мельниченко и назвал сумму в 100 тысяч. В какой валюте – не уточнялось.

Забавно, что через несколько месяцев уже Владимир Радченко предлагал мне 100 тысяч за записи Мельниченко. В долларах. Речь шла об официальной сделке, средства для которой могли быть выделены из бюджета СБУ. У меня сложилось впечатление, что спецслужбы сговорились между собой и называли одну и ту же цифру. В ответ мы с Болданюком в шутку условились, что записи стоят пять миллионов. От этой суммы мы никогда не отступали, считая, что торг в данной ситуации неуместен.

С начала кассетного скандала в Киеве предпринимали отчаянные попытки найти Мельниченко. Для этого постоянно прослушивались телефоны лидера Соцпартии и его окружения. Очевидно, СБУ удалось перехватить мой разговор с

Морозом, предшествующий встрече Мельниченко с делегацией парламентской комиссии. Договариваясь со мной, лидер социалистов позвонил в Штарнберг и попросил: “Нужно отвезти больного к врачам”. Больным был Мыкола, а врачами – народные депутаты Жир, Головатый и Шишкин. На основе этого разговора, в Киеве предположили, что Мыкола находится в Баварии и живет у меня дома.

Вскоре СБУ направила в Германию своих лучших агентов – генералов Анатолия Шияна и Валерия Кравченко. Разведчики должны были определить местонахождение Мельниченко и установить с ним личный контакт. С этой целью они специально прибыли в Штарнберг. Некоторое время сотрудники СБУ наблюдали за моим домом и, убедившись, что Мельниченко здесь нет, попробовали начать со мной переговоры. Однако им не удалось войти ко мне в доверие, и они возвратились в Киев. Верховский потом рассказал мне, что, отчитываясь перед центром, генералы сообщили: “Мельниченко в Штарнберге нет. А с Цвилем договориться невозможно”. Но на этом попытки СБУ связаться со мной не закончились.

Через несколько дней ко мне в Штарнберг позвонил сам Верховский. Он сообщил, что служба располагает информацией о возможном покушении на Мельниченко. Эта опасность якобы исходит от криминалитета. Верховский предложил мне срочно встретиться с ним в Будапеште – у него не было шенгенской визы. Сказал, что вместе с ним прилетит генерал СБУ. Я ответил, что подумаю над его предложением.

Верховский повел себя во Львове поджентельменски, отпустив меня с Ганнусей в Штарнберг. И я был очень признателен ему. Этот поступок, в первую очередь, повлиял на мое дальнейшее отношение к СБУ. Хотя, скорее всего, соответствующее решение принимал не сам

Верховский, а кто-то в Киеве. Тем не менее, я решил принять его предложение.

Взвесив все доводы за и против, я пришел к выводу, что поступаю верно. В конце концов, рассудил я, события вокруг Мельниченко являются делом особой важности и находятся в сфере прямой компетенции СБУ. Деркачу я не доверял, но надеялся, что в службе есть профессионалы, которые руководствуются государственными интересами. Мне было любопытно ознакомиться с их позицией. Кроме того, я верил, что СБУ наверняка знает, кто убил Гонгадзе.

Договорившись с Верховским, я сразу же поставил в известность о предстоящей встрече социалистов. Для этого я связался с Шибко.

У СПУ традиционно были тесные связи с коллегами-социалистами в Венгрии. Накануне скандала Мороз со своим помощником дважды посещал Будапешт. Поэтому я попросил Шибко организовать мне там какое-то надежное прикрытие. Я помнил о предупреждении БНД и опасался провокаций. Венгрия в то время поддерживала безвизовый режим с Украиной и Россией и была открыта для разных сомнительных элементов.

Шибко выполнил мою просьбу. В Будапеште меня встретили двое бывших сотрудников венгерских спецслужб. Под их охраной я отправился на условленную встречу.

Сотрудники СБУ ждали меня в ресторане. Первым делом Верховский представил мне Степана – он оказался высокопоставленным генералом из Киева. Постепенно завязалась беседа. Вскоре, убедившись, что мне ничего не угрожает, венгры оставили нас наедине. Уходя, они сказали, что оставляют меня в кругу друзей.

И действительно наше общение было весьма теплым. Выяснилось, что собрались земляки – все были родом из Прикарпатья. Я – из Калушского района, Степан – из Коломыи, а Верховский – из областного

центра. Выпив за знакомство, мы приступили к деловым переговорам.

Как и ожидалось, Верховского и Степана, в первую очередь, интересовало местонахождение Мельниченко. Они предложили установить с ним прямой контакт на случай, если у СБУ появится какая-то срочная информация. Убеждали, что жизнь Мельниченко в опасности и это очень беспокоит Киев, поскольку, случись неладное, подозрения падут на службу. Мои собеседники заявили, что уполномочены вести переговоры от имени Леонида Деркача.

Я пояснил, что прямым выходом на Мельниченко обладает Мороз, и предложил им свести главу СБУ напрямую с лидером социалистов. Если они договорятся между собой, подчеркнул я, то сообщу сведения о местонахождении майора и его контактный телефон. Я немедленно дозвонился Морозу и сообщил о поступившем предложении. Он согласился переговорить с Деркачем. Сотрудникам СБУ, в свою очередь, связаться с шефом не удалось. Его мобильный не отвечал. На этом и разошлись.

Как выяснилось, у председателя СБУ были в тот момент более важные дела. Опозоренный историей с прослушиванием кабинета Президента, Деркач полетел в Москву на празднование юбилея Службы Внешней Разведки России. И в то время, когда его подчиненные пытались договориться о выходе на Мельниченко, их шеф пил шампанское в Москве.

Отправившись на встречу в Будапешт, я оставил десятилетнюю дочь одну в Штарнберге. У меня заканчивались наличные деньги и я, если честно, рассчитывал, что дорожные затраты компенсируют гости из Киева. Но не тут то было. Сотрудники СБУ вылетели в Венгрию в спешке, без командировочных. Степан и Верховский поклялись, что у них на двоих осталось сто долларов. Поэтому мне пришлось

заплатить за ужин. И это было большой ошибкой – денег у меня едва хватало на бензин.

Назад в Германию я ехал ночью. Чтобы сэкономить горючее, постоянно выключал мотор и катился на нейтральной передаче.

Боже мой, злился я. Что это за спецслужба? Приехать за границу без денег? С кем я связался?

Я не успевал к утру домой, как обещал дочери. Вдобавок ко всему закончилась зарядка на мобильном. Поэтому я останавливался у каждой заправки и звонил Ганнусе, чтобы разбудить ее в школу. В конце концов, до Штарнберга я еле добрался – моя машина остановилась в 200 метрах от дома. Пришлось ее толкать.

Так я стал "агентом" СБУ. О моих контактах со спецслужбой стало известно в Киеве, ведь я ничего не скрывал ни от Мороза, ни от Шибко. Несмотря на это, социалисты зачислили меня в разряд неблагонадежных...

Отрывки из книги. Часть 3.

На пути в Америку

Глава 1. Первое интервью.

Разразившийся в Украине скандал породил массу вопросов к майору Мельниченко. Однако Мороз старался оградить его от журналистов. Убедившись в этом, мы с Болданюком решили самостоятельно свести Мыколу с прессой. Во время новогодних праздников состоялись два прямых эфира Мельниченко на Радио «Свобода». Там Мыкола заявил, что ему не известна судьба Гонгадзе и предположил, что журналист остается в живых. Вслед за этим Мороз предпринял попытку усилить контроль над Мельниченко. С этой целью в Чехию специально отправился Рудьковский. Он забрал у майора паспорта и пообещал, что все его проблемы будут решаться в Киеве.

Несмотря на отчаянные попытки власти замять скандал, Морозу постепенно удалось раскачать ситуацию. Это случилось незадолго до новогодних праздников. 19 декабря у здания Верховной Рады состоялся массовый митинг, а на Майдане Незалежности появился палаточный городок. Акция протеста проходила под лозунгом: «Кучма, где Гонгадзе?». Большой вклад в дело популяризации записей Мельниченко вносила социалистическая пресса. В первую очередь ставилось ударение на подлинности обнародованных разговоров президента. “Записи настоящие! Экспертиза докажет! Кучма заказал Гонгадзе!” – лейтмотивом звучало в статьях журналистов. Особенно ценилось умение как можно изобретательнее оскорбить Кучму. Вне конкуренции здесь была лучшая подруга Мендуся – журналистка

«Граней» Татьяна Коробова. В окружении Мороза прекрасно знали о болезненном отношении президента к личным оскорблениям, и подобное творчество всячески поощрялось.

Обсуждение содержания разговоров Кучмы о Гонгадзе на какое-то время отвлекало внимание от Мельниченко. Однако вскоре стало ясно, что бывший охранник президента является главной фигурой в этой запутанной истории. Ему следовало адресовать многие важные вопросы: почему Мельниченко, зная о грозящей Гонгадзе опасности, не предупредил журналиста? В чем причина гнева президента по отношению к журналисту? И самое главное – какова судьба Гонгадзе? Эти вопросы волновали всю Украину. Казалось, что нужная информация содержится в записях и Мельниченко знает на них ответы.

Журналисты начали уговаривать Мороза связать их с охранником президента для интервью. Однако лидер социалистов отказывал, аргументируя это соображениями безопасности. В действительности же, Мороз не хотел сводить Мельниченко с прессой. На это были две веские причины. Во-первых, он стремился удержать монополию на майора и исходящие от него разоблачения. Во-вторых, опасался, что у журналистов могут возникнуть “ненужные” вопросы. Например, о политиках, которые давно знали о прослушивании президента. По-видимому, Мороз не был до конца уверен в Мыколе, и поэтому молчание майора его вполне устраивало.

Попытки добиться каких-то признаний от Мельниченко объявлялись социалистами происками политтехнологов, направленными на поддержку Кучмы. Вокруг этого умело нагнетался психоз: дескать, Мельниченко могут найти, заслав к нему агента под видом журналиста. Постепенно журналисты убедились, что помощи от Мороза ждать бессмысленно.

Тем не менее, безмолвие Мельниченко вызывало все больше вопросов в Украине. И, как следствие, дополнительные козыри получали те, кто сомневался в искренности его поступка.

Я чувствовал, что эту информационную блокаду необходимо прорвать, не считаясь с мнением лидера социалистов. О желании самого Мельниченко говорить не приходилось. Выезжая из Украины, он совершенно не собирался становиться публичной фигурой. Громкий скандал, развившийся вокруг его записей, настолько испугал его, что Микола был попросту неспособен принимать самостоятельные решения. Кроме Мороза майор слушался только нас с Болданюком. И мы решили, что ему необходимо лично встречаться с прессой. Так возникла идея интервью Мельниченко для радио «Свобода».

Решающую роль в таком выборе сыграл фактор личного знакомства. Я хорошо знал корреспондентку украинской редакции радио «Свобода» в Варшаве **Ганну Стецив**. В свое время она редактировала книги Степана Хмары и Александра Мороза. Поэтому я решил именно ей доверить взять первое интервью у Мельниченко.

Нужно отдать должное Ганне – она без колебаний приняла мое предложение. Журналистка не испугалась проблем, которые могли возникнуть у ее мужа – он работал в украинском посольстве в Польше. Более того, согласившись на встречу с Мельниченко, Ганна даже не знала, куда в результате попадет. А фантазии тогда ходили самые разные. Кто-то говорил, что его держат на военной базе НАТО, кто-то – в руках российских спецслужб.

В действительности Мельниченко встретился с Ганной Стецив на окраине Праги. Это случилось 30 декабря 2000 года – накануне Нового Года.

Специально для встречи с журналисткой Болданюк привез Мыколу из Остравы в особняк, принадлежащий «Union Leasing» вблизи чешской столицы. Эта небольшая вилла находилась в красивом парке на берегу Влтавы. Мельниченко охраняли пару знакомых Болданюка. Они были здоровые парни и вполне походили на секьюрити.

Договорившись со мной, Ганна вылетела в Прагу из Варшавы самолетом. На следующий день, я встретил ее в условленном месте в центре чешской столицы. Мы взяли такси и поехали к месту предполагаемой встречи с Мельниченко. Было необходимо убедиться, что журналистка не привела за собой хвост. Поэтому за нами наблюдал из своей машины один из друзей Болданюка. Удостоверившись, что слежки нет, он поехал на виллу.

Мы остановились в полукилометре от места, где нас ожидал Мельниченко. Это был парк – почти лес. Я заплатил таксисту наперед и попросил подождать на этом месте час-полтора. Было уже темно, и водитель мог подумать, что я замышляю что-то неладное. Поэтому, выходя из машины, я специально приобнял Ганну, продемонстрировав, что у меня другие планы.

Оставшееся расстояние мы преодолели пешком – шли проселочными дорогами, огородами. Была зима, грязь. А Ганна, как раз в эту поездку надела свои самые дорогие туфли, которые обошлись ей в 400 долларов. Потом она жаловалась, что после интервью с майором их пришлось выкинуть.

На вилле я познакомил Ганну с Мельниченко. Журналистка чувствовала себя довольно скованно. Она таки опасалась, что друзья Болданюка, присутствовавшие при встрече были представителями спецслужб. Мельниченко тоже выглядел не лучшим образом – от многочасового сидения за компьютером его зрачки были расширены как у наркомана.

Майор оказался слабо подготовленным к общению с журналисткой. Тем более, к интервью в прямом эфире. Это и неудивительно. Ведь Мыкола не предполагал, что ему придется стать публичной фигурой, и не готовился к такой роли. Тем не менее, появление живого Мельниченко в эфире на Радио «Свобода» произвело огромный эффект. После этого стало понятно, что кассетный скандал – это надолго.

Свое интервью майор давал по мобильному телефону Ганны. Один из вопросов касался судьбы Гонгадзе:

“Вы говорили, что если бы вернуть время назад, то действовали бы раньше. Вы имеете в виду, что опередили бы тех, кто убрал Гонгадзе?”

На это Мельниченко ответил:

“Ну, убрали Георгия, убили его или нет, у меня такой информации нет. А ускорило формирование моего мнения дело Гонгадзе. Когда я увидел жену, маленьких детей, то если бы я знал правду о том, где Георгий и что с ним, то я бы хотел помочь. Я все-таки считаю, что Георгий живой. Они хотели сломить его волю и показать, что он должен много денег, прежде всего тем структурам, на которые работал.

У меня нет доказательств того, что он жив, но и нет доказательств того, что его убили. У меня есть доказательства того, что его заказал президент Кучма и есть доказательства того, что президент очень беспокоился о судьбе Гонгадзе после его исчезновения”.

Я хорошо запомнил эти слова. Фактически Мельниченко подтверждал, что Кучме была не известна судьба журналиста. И даже верил, что Гонгадзе до сих пор жив. В этот момент – и я готов это утверждать с уверенностью – на Мыколу никто не давил. И не инструктировал его, предлагая зачитать текст по бумажке – как в видеозаписи, сделанной в Киеве

Шибко. Вывод о том, что судьба Гонгадзе неизвестна, майор сделал самостоятельно, на основании прослушивания разговоров президента.

Тем временем, в Украине разворачивалась малоприятная история, связанная с идентификацией таращанского тела.

Прокуратура по-прежнему допускала, что Гонгадзе где-то скрывается, и настаивала на продолжении его поисков. В доказательство приводились свидетельства очевидцев, якобы видевших журналиста после его исчезновения. Однако эти аргументы не воспринимались ни родственниками Гонгадзе, ни его коллегами. Все были убеждены, что в Тараще было найдено тело именно Георгия, и этот факт намеренно скрывается от общественности. В честные результаты официальной украинской экспертизы никто не верил.

14 декабря с трибуны Верховной Рады Головатый заявил: Генпрокуратура никогда не признает, что труп, найденный в Тараще, принадлежит основателю «Украинской Правды». «Потому что похороны этого тела будут не похороны Гонгадзе – это будут похороны президентства Кучмы», – подчеркнул он.

Чтобы доказать принадлежность таращанского тела Гонгадзе депутаты решили провести собственную экспертизу. Этим занялся Головатый. Необходимый материал он получил от Алены Притулы. Как известно, посетив морг в Тараще, журналисты взяли оттуда небольшие фрагменты показанного им трупа. Эти разложившиеся останки Головатый привез в Германию в конце декабря. Проведение экспертизы было доверено мюнхенской лаборатории «Генедия».

Результаты исследования стали известны через месяц – в конце января. На основе анализа материалов ДНК немцы пришли к выводу, что таращанское тело не принадлежит Гонгадзе.

Это был шок. Ведь экспертиза, проведенная по заказу Генпрокуратуры Украины, уже установила обратное. Сам Генпрокурор Украины Потебенько заявил с трибуны, что с вероятностью 99,6% Гонгадзе нет в живых.

Это очень запутало историю. Предполагалось, что все будет с точностью до наоборот. Результатам мюнхенской экспертизы до сих пор не существует никакого логического объяснения, кроме одного – кто-то умышленно подменил доставшиеся Алене Притуле останки на пути в Мюнхен.

Головатый утверждал, что оплатил расходы на проведение экспертизы «Генедия» самостоятельно. В действительности же, финансирование для этого предоставил Мыкола Рудьковский. А его старый знакомый, земляк из Чернигова, Игорь Стельмах помогал Головатому в организационных вопросах.

Сам Рудьковский также объявился в это время в Мюнхене. Он рассчитывал отсюда попасть в Чехию и лично встретиться с майором. Ни со мной, ни с Болданюком помощник Мороза предварительно не связывался. Это было демонстративной позицией. Он пытался подчеркнуть, что Мельниченко совершенно самостоятелен.

В действительности же у Мыколы практически не было денег, а о его быте и безопасности ежедневно заботился Болданюк. Сначала он заплатил за санаторий, потом снимал ему за свой счет квартиры, покупал еду, телефонные карточки, принадлежности к компьютеру. Возил его на своих машинах, просил своих знакомых охранять его.

Чешской визы у Рудьковского не было, однако он хорошо знал немецкий язык и поэтому решил попасть в Чехию, проскочив туда на автомобиле с немецкими номерам. С этой целью помощник Мороза брал напрокат

машины в Мюнхене и пробовал проехать через различные пункты пропуска на границе с Чехией.

Вскоре ему это удалось.

С Мельниченко он встречался в городе Оломоуц. Майор специально дважды приезжал туда из Остравы. Договариваясь с Миколой, Рудковский представлялся посыльным от Мороза. Мельниченко до этого не знал Рудковского и предполагал, что по телефону с ним разговаривает посредник, а на встречу приедет сам Мороз или Шибко.

Болданюк не препятствовал их планам. Наоборот: по просьбе Миколы он предоставил ему машину и сопровождение.

Во время встречи с майором, Рудковский забрал паспорта Миколы, Лили и Леси и пообещал, что об их будущем позаботятся “серьезные люди” в Киеве.

Это было гениальное решение. Отдав паспорта, Мельниченко оказался в полной зависимости от Мороза.

Глава 2. Брошенный в Чехии.

В конце февраля 2001 года были оглашены результаты независимой экспертизы записей Мельниченко. Формулировки Института свободной прессы в Вене оказались весьма расплывчатыми. После этого Мельниченко, наконец, понял, что дороги назад в Украину для него нет. Однако он по-прежнему рассчитывал на помощь Мороза. Но время шло, а социалисты ничего не предпринимали. Мороз продолжал предрекать отставку Кучмы, а будущее майора оставалось неясным. Мельниченко надеялся на лидера социалистов до последнего. Наконец, волевое решение приняла его жена Лиля. Она заявила, что Мороз использовал их и бросил на произвол судьбы. После этого майор самостоятельно задумался о своем будущем.

За годы нашего знакомства, Болданюк постоянно интересовался украинской политикой, регулярно читал прессу. Ему было стыдно за то, что Украина остается коррумпированной и отсталой страной. Будучи по происхождению украинцем он болезненно воспринимал это. Посещая Украину, Болданюк всегда возмущался порядками, царящими у нас на границе и на дорогах:

– Того, что происходит в Украине, нет ни в одной европейской стране. Даже в России и Белоруссии, – подчеркивал он.

Болданюк хотел, чтобы что-то изменилось к лучшему и, ради этого, был готов внести посильный вклад. Именно поэтому он поддерживал Мороза на выборах 1999 года и согласился помочь ему с Мельниченко.

Познакомившись с Мельниченко, Болданюк на некоторое время увлекся кассетным скандалом. Тем

более что Микола клятвенно обещал задержаться у него не более чем на пару недель. Как и все нормальные люди Болданюк был возмущен историей с исчезновением Гонгадзе. Поначалу он верил в Мороза и очень надеялся на работу парламентской следственной комиссии. Ему казалось, что в Киеве серьезно займутся Мельниченко и его записями. И вскоре обязательно последуют какие-то выводы, а за ними и перемены в Украине.

К моей встрече в Будапеште с сотрудниками СБУ, Болданюк отнесся отрицательно. Ему показалось, что меня хотят “подставить” или использовать. Мы в то время старались не говорить по телефону, а пользовались электронной почтой. После моей поездки в Будапешт, Болданюк написал мне:

“Ты серьезно думаешь, что это нормально, чтобы за тобой прилетала группа из СБУ? И что якобы они, честные люди, которые знают о коррупции и бандитизме верхушки, но ничего не могут против этого сделать? Ты веришь, что они передавали тебе какую-то серьезную информацию? Информация, которую ты мне сообщил – это херня. Это была провокация с их стороны – чтобы выяснить, что ты с этой информацией делаешь, с кем говоришь, с кем встречаешься, кому звонишь”.

Однако мой компаньон был неглупый человек. Вскоре он понял, что события в Украине развиваются не по плану Мороза. В переписке между собой мы называли лидера социалистов Профессором:

“По-моему, огромный шанс, который имела Украина, с каждым днем уменьшается. Этот взгляд исходит, возможно, из того, что я не знаю настоящие цели и планы Профессора”.

Со временем выводы Болданюка стали еще более категоричными. Он понял, что Мороз попросту использовал и меня и его в своих целях.

“Володя, потому что ММ с нами не играет в открытую (или под страхом, инструкциями от Профессора и т. д.) я предлагаю, чтобы ты готовился на самый худший вариант – с ММ нельзя дальше сотрудничать, это очень большая игра и ты, к сожалению, не можешь иметь на эту игру никакого влияния. Они тебя (и меня, но для меня это не важно) только использовали для услуг, к которым мы были нужны”.

Вскоре Болданюк окончательно раскусил политику социалистов. Идея Мороза заключалась в том, чтобы мы с Болданюком прятали Мельниченко, а политическое руководство майором осуществлялось из Киева. То есть, нести ответственность за жизнь Мыколы должны были мы, а пользоваться его записями – Мороз и Рудьковский. Естественно, такая постановка вопроса была для нас неприемлемой.

Болданюк возражал: если Мельниченко хочет вести сотрудничество напрямую с Морозом и Рудьковским, то пускай они сами его охраняют и несут ответственность и за его жизнь, и за его быт.

Однако социалистов вполне устраивала сложившаяся ситуация. Мороз понимал, что Мельниченко был абсолютно беспомощен и Болданюк просто не сможет его бросить исходя из своих человеческих качеств. Тем более что паспорта Мыколы и его семьи лежали в Киеве.

Такова была исходная позиция в борьбе за влияние на майора. Поначалу в ней участвовали мы с Болданюком, Мороз и Рудьковский. Затем к этому активно подключились американские журналисты. Попытки выхода на Мельниченко представителей спецслужб Болданюк решительно пресекал – это была принципиальная позиция.

На первых порах пребывания в Чехии Мельниченко целиком и полностью доверял Морозу. И в этом он

оставался настоящим охранником или телохранителем. Ментальность охранника весьма специфическая. Она проявляется в особом способе мышления, отсутствии привычки к анализу происходящего. Ему не нужно думать и принимать стратегические решения. Главное – это преданность. Именно так вышколили Мельниченко. И измена своему патрону, которую он совершил, являлась в этой системе ценностей наибольшим преступлением.

Свое предательство Кучмы Мыкола старался компенсировать привязанностью к Морозу. Ему было невозможно доказать, что действия лидера СПУ неправильны. Как ни пытались мы переубедить Мельниченко, объясняя, что Мороз не учитывает ни его, ни наши интересы, Мельниченко продолжал ему слепо верить.

А Мороз, в свою очередь, искусно манипулировал майором. Он поддерживал его в уверенности, что Мыкола вот-вот вернется в Украину. Для этого, в своих публичных заявлениях Мороз, постоянно предрекал отставку президента. Хотя ему уже никто в Украине не верил. Всем было ясно, что Кучма будет стоять до конца.

Со временем и Мыколе стало понятно, что никакой смены власти в Украине не произойдет. Кучме пришлось основательно перетасовать свое окружение, однако он постепенно выходил из кассетного скандала.

Из-за этого Мельниченко впал в глубокую депрессию. Его преданность Морозу входила в явное противоречие с пониманием того, что главный социалист обманул и использовал его.

Тем временем, из Киева Мыколу продолжали заверять в том, что позаботятся о его будущем. Паспорта Мельниченко попали Шибко, и он хлопотал об организации для майора визы в США.

Идея заключалась в том, чтобы майор попал в Америку по обычному приглашению, временно. Скажем, прочесть лекцию в каком-то университете или выступить перед журналистами. Это казалось идеальным решением. О политическом убежище в США речь не шла. Социалисты понимали, что это будет воспринято в Украине крайне негативно. После прямых эфиров Мельниченко на «Свободе» и так слишком много говорили о западном следе в кассетном скандале.

В конце февраля 2001 года Мороз отправился с визитом в США. Предполагалось решить вопрос с приглашениями для Мельниченко. Для этого Шибко специально повез за океан паспорта майора. Однако у него ничего не получилось. Американцы прекрасно понимали, что семья Мельниченко нуждается в политическом убежище и не собирались открывать ему гостевые визы.

В Америке Мороз провел собственную пресс-конференцию, появился в программе CNN и в очередной раз пообещал, что Кучму вот-вот сбросят.

После провала попыток устроить поездку майора в США Мороз решил, что тот должен как можно дольше оставаться под крылом у Болданюка – пусть и в нелегальном статусе. При этом из Киева нам все время обещали, что нужно ждать, что майору вот-вот оформят какие-то визы. В действительности же, с документами Мельниченко уже ничего не делали.

Поняв эту игру, Болданюк начал выходить из себя. Он пытался объяснить Мыколе реальную ситуацию. Настаивал, что тот должен начать самостоятельно заботиться о своем будущем. Однако, вместо того, чтобы слушаться Болданюка, майор строил новые иллюзии.

Теперь Микола возлагал огромные надежды на результаты экспертизы его аудиозаписей в Вене. Ему казалось, что признание их аутентичности будет

означать победу над Кучмой и, как следствие, его возвращение в Украину.

Однако, выводы экспертизы, проведенной венским Институтом свободной прессы по заказу парламентской комиссии, были неопределенными. Однозначного ответа экспертиза не дала, ограничившись констатацией: “Сложно поверить в то, что такое огромное количество документальных доказательств могло быть смонтировано или сфальсифицировано”. Остальные формулировки были еще более расплывчатыми.

Узнав о таком вердикте, Мельниченко очень расстроился. Он посчитал, что экспертизу провалили депутаты. После этого он, наконец, понял, что дороги назад в Украину у него нет.

Тем не менее, Мельниченко по-прежнему надеялся, что Мороз каким-то образом определит его судьбу.

Так продолжалось до тех пор, пока в дело не вмешалась Лиля. Она первой поняла, что Мороз всего лишь использовал Мыколу в своих целях и не собирается им помогать. Лиля заявила, что никогда этого не простит лидеру социалистов.

Болданюк писал мне:

“Между ММ и ЛМ ведется строгая борьба за мнение на Профессора, дальнейшие шаги и т.д. ЛМ уже открыто говорит, что Профессор виноват, что он всех использовал и никак никому не помог (ни им, ни вам) – и она это ему никогда не забудет. ММ пробует бороться, но аргументов у него нет”.

Жена Мыколы еще при первом с ней знакомстве произвела впечатление умной и волевой женщины. У нее было высшее образование – она окончила медицинский институт. Лиля всегда была хорошей хозяйкой, верной женой. Рядом с Мыколой она чувствовала себя на своем месте. Довольно странно, размышлял я, почему она согласилась на столь

рискованную авантюру? И понял так, что она была вовсе не против выехать за границу. Жизнь в Украине и материальное положение семьи ее не устраивали. Ей казалось, что за рубежом она сможет устроиться намного лучше.

Лиля еще в Киеве знала о том, чем занимается ее муж. Она была в курсе, с кем он работает и с кем общается. Лично участвовала в переговорах с Морозом перед отъездом из Украины. Но при этом Лиля всегда старалась показать, что Микола совершенно самостоятельный. Она делала вид, что только он принимает решения, а она ни во что не вмешивается и ничего не понимает в этой истории. Однако, в действительности, Лиля вместе с Миколой училась работать на компьютере, слушала записи. Она писала за него письма, консультировала его по разным вопросам. Ее мнение всегда имело для мужа решающее значение.

В конце концов, именно Лиля сумела поколебать веру Миколы в Мороза. Под ее влиянием он серьезно призадумался о своем будущем.

Отрывки из книги. Часть 4.

Глава 1. В объятиях «Свободы»

Срок действия чешских виз Мельниченко и его семьи истекал 23 февраля 2001 года. Убедившись, наконец, в том, что Мороз устранился от ответственности за его судьбу, Микола начал переговоры о предоставлении ему убежища на Западе. В этом майору содействовала целая группа лиц: сотрудники радиостанции «Свобода» Купчинский, Народецкий, Халупа и Крушельницкий, и шеф московского бюро газеты «Нью-Йорк Таймс» Патрик Тайлер. Все они при этом рассчитывали получить доступ к его записям и использовать их в своих профессиональных интересах. Журналисты были уверены в том, что, помогая Миколу, они делают большое дело для Украины.

Со временем вопрос “что делать с Мельниченко?” стал центральным для нас с Болданюком. Нас уже не интересовали ни его записи, не заботило, с кем он работает в Киеве. И даже не волновало, чем закончится кассетный скандал. Все это отошло на второй план. Главное было избежать ответственности за жизнь Мельниченко. Чтобы он в результате этой бурной истории остался живым и здоровым.

С самого начала пребывания Мельниченко в Чехии, мы помнили о существовании дня «х», до которого необходимо было определиться с его будущим. Это было 23 февраля 2001 года – день, когда заканчивался срок действия чешских виз майора и его семьи. Остаться в Остраве на нелегальном положении было опасно – это могло стать формальным поводом для его

депортации из страны. Власти Чехии прекрасно знали о том, что Мельниченко находится на их территории. Пересекая границу, он заполнил миграционную карту, в которой указал, кто, когда и на какой срок пригласил его сюда.

Правда, мониторинговый комитет ПАСЕ постановил рекомендовать странам-членам Совета Европы не выдавать Мельниченко Украине, если ее официальные власти будут обращаться с подобным требованием. Фактически это означало пожелание, при необходимости, предоставить ему политическое убежище.

В крайнем случае, думали мы с Болданюком, Мельниченко может остаться в Чехии, обратившись с просьбой об убежище к правительству этой страны.

Однако вскоре в дело активно вмешались американцы. Именно их настойчивость привела, в конечном итоге, к тому, что Мельниченко отправился за океан.

В конце января 2001 года я принял решение открыть от имени Мельниченко электронный почтовый ящик. Сам Микола не пользовался Интернет и вообще слабо представлял себе, что это такое. Пользоваться электронной почтой его научил Болданюк. Благодаря нам Мельниченко получил возможность переписываться. Он писал свои письма от руки на листе бумаге, потом Лиля набирала текст в компьютер, а отправлял его Болданюк.

Зная пароль почтового ящика майора, я имел доступ ко всей его корреспонденции. При этом я сохранял всю переписку: распечатывал все письма, адресованные Миколу или написанные им, и складывал их в архив. Я делал это по нескольким причинам.

Во-первых, на случай если бы вдруг что-то случилось с Мельниченко, чтобы не обвинили в происшедшем нас с Болданюком. Во-вторых, я сам не

чувствовал себя в достаточной безопасности. И, кроме того, хотелось сохранить эти документы на будущее. Теперь они помогли мне восстановить ход событий с хронологической точностью.

Почтовый ящик mykolamelnychenko@hotmail.com был открыт мною 25 января 2001 года. Первым делом я сообщил этот адрес сотрудникам Радио «Свобода» в Праге. Они сразу же забросали майора приветствиями. Журналисты выражали свое восхищение его поступком, старались поддержать и приободрить Мыколу.

Затем начали приходить просьбы о встрече с Мельниченко от корреспондента газеты «Нью-Йорк Таймс» Патрика Тайлера. Первое его письмо мне переправил Роман Купчинский. Потом мы уже переписывались напрямую.

Именно Патрику Тайлеру – тогдашнему шефу московского корпункта «Нью-Йорк Таймс» принадлежала ключевая инициатива в деле обретения Мельниченко убежища в США.

Обратившись с просьбой об интервью, журналист сразу же поставил Мыколу в известность о своих переговорах с послом США в Украине Карлосом Паскуалем.

“13 февраля 2001 г.

П.Тайлер – Мельниченко

Тема: киев

Я в Киеве. Спрашивал американского посла сегодня о том, получите ли вы предложение о политическом убежище”.

Еще не познакомившись с самим майором, американский корреспондент, похоже, лучше самого Мельниченко знал, что тому сейчас нужно. Это стало для нас откровением: на то время Мыкола не думал о получении убежища в США и все еще надеялся на помощь Мороза.

Тем не менее, Тайлер постоянно отмечал в своих статьях желание Мельниченко просить помощи на Западе. Одновременно интересовался у Паскуаля, почему американцы до сих пор не предоставили майору политического убежища. Обо всем этом Патрик писал Мельниченко.

“18 февраля 2001 г.

П.Тайлер – Мельниченко

Тема: легальный статус

Я написал в «Нью-Йорк Таймс», что нужно уделить внимание вашему легальному статусу. Надеюсь, что это поможет. Я также спрашивал американского посла в Киеве, почему вам пока не предоставили политическое убежище. Надеюсь, скоро ваш статус будет прояснен”.

Заявляя о намерении майора обрести убежище на Западе, журналист «Нью-Йорк таймс» явно старался повлиять на принятие соответствующего решения. Поначалу причина такой заинтересованности Патрика Тайлера была мне не понятна. Однако, познакомившись с американцем лично, я узнал об одной удивительной истории из его прошлого. После этого мне стали понятны его действия.

До того, как стать шефом московского бюро «Нью-Йорк таймс» Патрик работал корреспондентом этой газеты в Китае. Во время событий 1989 года на площади Тяньаньмэнь он спас одного высокопоставленного китайца. Это был коммунист-реформатор из верхушки КПК. После жестокого подавления студенческих выступлений ему угрожал расстрел. Тогда журналист спрятал его в американском посольстве в Пекине, а потом тайно вывез на самолете в Норвегию. С тех пор Патрик считал, что это его крест – помогать всем гонимым.

Узнав об украинском кассетном скандале, Патрик решил, что Мыколу тоже нужно спасти. Помогая ему, он, разумеется, рассчитывал получить доступ к записям

Кучмы. Патрик верил, что там содержатся свидетельства огромного количества преступлений.

Ту же самую цель преследовали журналисты «Свободы» – они постоянно предлагали майору всяческое содействие в обмен на записи.

23 февраля 2001 года состоялась очередная встреча Мыколы с зарубежной прессой. Поначалу предполагалось, что он даст эксклюзивное интервью для газеты «Нью-Йорк Таймс». С этой целью Тайлер специально прилетел из Москвы в Прагу. Первым делом, еще до посещения Мельниченко, он встретился с сотрудниками украинской редакции «Свободы».

Корреспондент «Нью-Йорк Таймс» не владел украинским языком, а русский понимал плохо. Зная об этом, журналисты «Свободы» начали просить меня взять их с собой. После двух прямых эфиров Мельниченко на Радио «Свобода» они буквально рвались к нему еще и еще. Больше всех просился Аскольд Крушельницкий:

– Володя, ну, можно, я с вами поеду?! Я ничего не буду делать – я только постою рядом, посмотрю. Может, нужно будет что-то перевести Патрику. Я не буду брать интервью!

В конце концов, я не устоял перед уговорами и взял с собой Аскольда и его жену Ирину Халупу. Так еще одними участниками встречи с майором стали журналисты Радио «Свобода».

Мы собрались на окраине Острavy в ресторане гостиницы «Олимп», в отдельном охотничьем зале. Этот отель принадлежал фирме, в которой работал Болданюк. В тот день ресторан специально закрыли для посетителей, и мы оказались там одни среди шкур животных. Через некоторое время появился Мельниченко. Отправляясь на встречу с журналистами, он надел длинный плащ, очки и женский парик. Кто и зачем посоветовал ему эту клоунаду, было загадкой.

Болданюк рассказывал, что за время пребывания в Чехии Микола еще несколько раз пользовался этим нарядом.

Мы вместе просидели пять часов. Избранная форма общения оказалась для майора более удачной, чем выступление в прямом эфире. Микола сумел расслабиться, даже выпил с нами вина. По ходу беседы он проникся симпатией к собеседникам – особенно к Аскольду Крушельницкому. Естественно, он, в первую очередь, говорил о записях – рассказывал журналистам, что интересного ему удалось в них отыскать.

Другой темой наших разговоров было определение будущего Мельниченко и его семьи. Ведь действие его визы в Чехию закончилось именно в этот день. Расставался с журналистами Микола уже в статусе нелегала – его теперь мог остановить и задержать первый встречный полицейский.

Журналисты, в свою очередь, разъясняли майору, что подразумевает собой политическое убежище в западных странах и в чем заключается процедура его получения. А также предлагали собственную помощь для того, чтобы установить необходимый контакт в посольствах США и Великобритании. Само собой – не бескорыстно. Патрик Тайлер и журналисты «Свободы» не только не скрывали, но и всячески подчеркивали свое желание заполучить его записи.

Разумеется, они собирались использовать их в политических целях, чтобы усилить давление на Кучму. Как свойственно всем представителям Запада, они были искренне уверены, что намного лучше нас, украинцев, разбираются в ситуации. Им казалось, что кассетный скандал представляет уникальный шанс избавиться от коррумпированной власти в Украине. И для этого будет достаточно обнародовать имеющиеся у Миколы записи.

По результатам состоявшейся встречи, уже через три дня, 26 февраля Патрик опубликовал большую

статью в «Нью-Йорк таймс». В ней он изображал Мельниченко одиночкой-альтруистом, решившим положить конец коррупции в Украине, и сравнивал его с Дон Кихотом.

Тайлер сообщал, что Мельниченко упорно работает над расшифровкой своих записей и рассчитывает при этом на помощь Запада:

“Мельниченко сказал, что во вторник истекает срок его легального пребывания в стране, где он прячется, и что ему хотелось бы просить помощи у США или Великобритании защитить его самого и его семью на время пока он закончит свою работу”.

Несмотря на клятвенные обещания не конкурировать с «Нью-Йорк таймс», Крушельницкий таки сумел проинтервьюировать Мельниченко. Так майор еще раз появился в эфире украинской «Свободы». Правда, на этот раз уже в записи. Микола заявил радиослушателям:

“Я не обращался ни к одной стране с просьбой о политическом убежище, потому что считаю, что все таки ситуация в Украине должна измениться к лучшему и Кучма должен уйти. А к власти должны прийти демократические силы. Почему я должен просить политического убежища, кого я должен бояться – Кучму? Пусть он меня боится. Если я попрошу о политическом убежище в какой-то стране, то это сразу же вызовет неправильную реакцию”.

Однако для западной публики журналисты выдавали прямо противоположную информацию. В своей статье от 28 февраля 2001 года в газете «Дейли Телеграф» Крушельницкий писал:

“Сейчас Мельниченко признаёт, что он обеспокоен за свою семью. Он думает, что нужно три месяца, чтобы расшифровать все записи. “Мне нужна защита”, – говорит он – “я доверяю Британии, и был бы в безопасности там”.

Публикации Тайлера и Крушельницкого были частью кампании, призванной привлечь внимание к судьбе Мельниченко на Западе. Параллельно журналисты проводили переговоры с официальными представителями США и Великобритании. Конкретные предложения не заставили себя долго ждать.

"2 марта 2001 г.

П.Тайлер – М.Мельниченко

Посольство США послало мне имя и номер телефона человека, с которым вы можете контактировать, если хотите обсудить ваш легальный статус. Кто-то звонил Володе с этой информацией?"

"2 марта 2001 г.

П.Тайлер – В.Цвилю

Я надеюсь, что вы получили телефонный звонок с именем человека из посольства США, чтобы Микола мог позвонить, если он хочет обсудить его статус".

Крушельницкий, в свою очередь, договорился, что в британском посольстве в Праге звонка Микола тоже будет ждать специальный человек. Об этом в письме на имя Мельниченко сообщала Ирина Халупа. Она подчеркнула, что в Лондоне очень заинтересованы в оказании помощи майору.

"2 марта 2001 г.

И.Халупа – М.Мельниченко

Привет Вам! Аскольд звонил в Лондоне, и, соответственно, они очень заинтересованы вам посодействовать и как-то вас обеспечить.

Свяжитесь с британским посольством в Праге. Телефон 02-57 530 278 между 10 и 12 часами утром. Трубку возьмет оператор, вам нужно будет попросить пани Юдит Гарднер. Она в курсе и будет ждать вашего звонка. Пани Гарднер работала в киевском посольстве, она владеет украинским или русским и будет ждать вашего звонка. Аскольд вернется из Праги в воскресенье. Если вам потребуется его помощь,

свяжитесь с ним по e-майл askire@aol.com или звоните по мобильному 0606 551 066. Приветствую вас сердечно и желаю успехов и хорошего настроения. Ирина.

Забыла вам в первом сообщении сказать, что, звоня в британское посольство нужно использовать фамилию Остапенко. Так договорился Аскольд. Извиняюсь за рассеянность, переживаю и очень устала. Салют, Ирина”.

Таким образом, у Микола оказалось сразу два варианта: обращаться за убежищем к США или Великобритании. Болданюк не вмешивался в происходящее и предоставил право выбора самому Мельниченко. При этом мой друг настаивал лишь на том, чтобы Микола, наконец, определился с планами на будущее. Болданюк подчеркивал: нужно оставить все иллюзии и понимать, что он никогда уже не вернется в Украину.

Первоначально Микола склонялся к тому, чтобы уехать в Великобританию. Все-таки, рассуждал он, это – Европа и оттуда будет относительно недалеко до Украины. Однако, пообщавшись с англичанами, он отказался от первоначального намерения. Что смутило майора, мне не известно. После этого Микола выбрал Америку. Это случилось уже после того, как Патрик Тайлер провел все предварительные переговоры. Приняв такое решение, Мельниченко обратился к журналисту с официальным заявлением:

“7 марта 2001 г.

М.Мельниченко – П.Тайлеру

Уважаемый Патрик!

В связи с тем, что результаты экспертизы и политическая ситуация на Украине не дают мне надежду на скорое возвращение на Родину, а товарищи с украинской стороны не решили мой вопрос (человек, который должен был привезти выездные документы не вышел на связь, и я остался без документов и в

нелегальном статусе), поэтому я прошу Вашей помощи. Прошу провести Вас переговоры с компетентными людьми заокеанской стороны о возможности пребывания меня и моей семьи в вашей стране в легальном положении, позволяющем работать и учиться и обеспечение нашей безопасности. Прошу чтобы данная акция не получила огласки во избежание нежелательного политического резонанса на Украине.

С уважением, Мельниченко Н.И."

Однако для того, чтобы предпринять конкретные шаги в этом направлении, Мельниченко требовались документы. Паспортов у них с Лилей по-прежнему не было – они оставались в Киеве у социалистов.

Глава 2. Детектор лжи.

Вместо того чтобы реально уяснить свое положение и искать из него выход, Мельниченко продолжал жить иллюзиями. Он напоминал утопающего, который, спасаясь, хватается за соломинку. Мыколе по-прежнему казалось, что какие-то специальные процедуры могут подтвердить его правоту и заставить Кучму уйти в отставку. Поначалу он рассчитывал, что ему поможет экспертиза записей в Вене. Потом, начал требовать у нас с Болданюком организовать ему самому проверку на детекторе лжи.

Еще в Чехии я заметил одну характерную черту Мыколы. Если он вбил себе что-то в голову – бороться с этим было практически невозможно.

Желание подвергнуть себя тесту на детекторе лжи появилось у Мельниченко давно. Я даже не знаю, кто подсунул ему эту идею. Изначально майор очень слабо представлял себе эту процедуру. Тем не менее, он выставлял ее в качестве условия для встреч с западными журналистами. Договариваясь с Патриком Тайлером, он потребовал, чтобы корреспондент привез ему детектор лжи.

– Я не буду отвечать на его вопросы, если он не привезет детектор! – заявил он мне с Болданюком.

Корреспондент «Нью-Йорк Таймс» очень удивился этому. Он впервые за свою журналистскую карьеру сталкивался с такой проблемой. До этого никто из интервьюируемых не требовал проверять себя на полиграфе.

Постепенно мысль о необходимости публичного теста на детекторе лжи превратилась у Мельниченко в навязчивую идею. Он упоминал об этом в каждом разговоре со мной. Настаивал: ищи в Германии, проси в

Америке. Майор убедил себя в том, что прохождение такой процедуры расставит все точки над «і», и, наконец, весь мир поверит в правоту его обвинений против Кучмы.

Поддавшись на эти уговоры, я нашел в Германии какую-то фирму, специализирующуюся на подобных услугах. Но они потребовали у меня подробную историю болезни клиента, его правдивый анамнез. Немцы интересовались: нормально ли в свое время проходили роды майора, какие болезни он перенес в детстве, не было ли у него травм головы. Как врач, я понимал правомерность этих вопросов и обратился за разъяснениями к Мельниченко. И вскоре получил от него ответ по электронной почте. Майор признался:

“В 1985 году во время прохождения срочной службы у меня было сотрясение головного мозга с длительной потерей сознания и явлениями ретроградной амнезии. В дальнейшем, при прохождении медицинских комиссий это мною скрывалось”.

Кроме этого Мыкола поставил ряд условий:

“Считаю, что основной целью данного теста является подтверждение подлинности записей, опровержение работы на иностранные спецслужбы, подтверждение участия Кучмы в разговорах, содержащих противозаконные аспекты.

Считаю недопустимым на сегодняшний день задавать политизированные вопросы (например, когда я познакомился с тем или иным политиком, было ли финансирование со стороны и др.)”.

Доказать Мыколе, что проверка на полиграфе подразумевает выяснение тех вопросов, где тестируемый начинает лгать, было невозможно.

Тема детектора лжи в очередной раз всплыла при подготовке интервью Мельниченко для американской телекомпании CBS.

Я передал телевизионщикам просьбу майора. Начались переговоры. Мы долго уламывали американцев, однако те отказались привозить ради Мыколы из США целую лабораторию. Они объяснили, что не собираются делать каких-то политических выводов из этой истории и убеждать телезрителей в чьей-то правоте. Журналисты говорили, что они вообще хотят показать американцам, что существует страна Украина, в которой такая история возможна.

Это казалось им невероятным: чтобы по приказу президента отрезали голову журналисту, а охранник этого президента два года записывал все его разговоры для личной коллекции. Да еще и диктофоном из-под дивана. Такого не было ни в одной стране мира за всю историю цивилизации. Рассказом об украинском кассетном скандале американцы собирались удивить свою многомиллионную аудиторию.

Готовясь к съемкам, они попросили Мыколу переодеться в какую-то специальную одежду, чтобы показать, как он маскируется, когда выходит на улицу. Планировали также снимать его с семьей дома, в горах. Но Мельниченко категорически отказался – он видел себя совсем в иной роли. Он согласился позировать только перед компьютером с записями. И говорить только о политике. Майор представлял себя патриотом, который томится в вынужденном изгнании и стремится вернуться на Родину.

Встреча Мельниченко со съемочной группой CBS состоялась на одной из местных телестудий в Острове. Болданюк предварительно договорился, что там никого не будет целый день. Американцы приехали в Чехию большой командой – шесть человек. Корреспондент по имени Стив Крофт, два продюсера, оператор, звукооператор и переводчик. Помимо них при съемках присутствовали Народецкий, Халупа и Крушельницкий.

В центре внимания всей этой большой группы был Мельниченко.

В своем интервью Мыкола заявил, что работал в одиночку и не поддерживал контактов с политическими противниками Кучмы. Майор также не стал упоминать про цифровой диктофон под диваном, теперь уже объяснив, что способ осуществления записей – его личный секрет.

Сообщая мне о состоявшихся съемках, Болданюк рассказывал:

“Американцев интересовало от него:

– дайте нам информацию!

– как (точно) – как вы это сделали (это интересует нас намного больше, чем то, что вы говорите о Кучме или про других!!!)

Мельниченко, по моему мнению, говорил спокойно и умно. В нескольких случаях эмоционально, со слезами. Но я думаю, что они увидели нормального, сильного человека, никакого не шпиона, супермена (как им может быть, хотелось). Если они так понимают – не знаю. Меньше всех понимал тот корреспондент Стив”.

В результате, американцы рассказали в эфире, что Мельниченко требует совместной проверки на детекторе лжи себя и Кучмы.

Отрывки из книги. Часть 5.

Глава 1. Последние дни в Европе

Социалисты вернули документы Мельниченко лишь после того, как Болданюк пригрозил избавиться от майора. Окончательно убедившись в том, что в Украине никого не волнует его судьба, Мельниченко уступил давлению журналистов «Свободы» и «Нью-Йорк Таймс» и начал предпринимать конкретные шаги для получения убежища в США. 10 апреля специально к Мельниченко приехали сотрудники ЦРУ, которые тщательно расспрашивали о его записях. Было ясно, что для предоставления ему статуса беженца требуется специальное политическое решение. Американские журналисты начали намеренно распространять слухи о покушении на майора. После этого, соответствующее решение было принято в Белом Доме. 15 апреля 2001 года Мельниченко отправился на самолете в Америку.

Когда Болданюк окончательно убедился в том, что в Украине никого не интересует судьба Мельниченко, он прислал мне длинное письмо. Во-первых, он заявил:

“Всё на востоке сегодня проходит точно так, как я говорил, и наибольшим победителем из этого будет Москва”.

Во-вторых, потребовал, чтобы Мороз лично привез ему документы Мельниченко:

“Если эти умные люди, которым он доверяет, волнуются о его жизни (этому я не верю – они бы работали иначе) хотят, чтобы мы и дальше решали их проблемы, пусть лично Профессор приедет в Прагу или Вену и привезет нам их документы и выяснит нам все, что надо. Ни с кем другим я разговаривать не буду”.

Болданюк предупредил, что собирается вывезти майора из Чехии и оставить его в ближайшей гостинице на территории Польши:

“Что касается нашего друга, то я для него уже ничего не могу сделать и на будущей неделе я его завезу в любую гостиницу (где скажет). Для меня эта история закончена. Дальше говорить не о чем”.

Лишь после того, как мой друг пригрозил бросить Мельниченко на произвол судьбы, Мороз, наконец, вернул его документы. Их привезла из Варшавы, откликнувшись на мою просьбу, Ганна Стецев. За рулем автомобиля был ее сын. По дороге они очень торопились, попали в аварию и разбили свою новую машину. Слава Богу, никто не пострадал, но оставшуюся часть пути пришлось преодолевать на такси. Я встретил ее на польско-немецкой границе с цветами.

Это все, что Ганна “заработала” на кассетном скандале...

Ганна рассказала мне, что паспорта Мыколы, Лили и Леси привез с собой в Польшу депутат-социалист Николаенко. Она встретила с ним на какой-то пресс-конференции. В те дни Польшу наводнили украинские политики – в городке Казимеш-Дольный Кучму принимал президент Квасьневский, а накануне этого визита, в Варшаве, собрался форум украинской оппозиции.

Депутат отдал документы не сразу. Он начал заигрывать с журналисткой:

– А что мне за это будет? А кто ты такая? А Мельниченко тебе кто?

Социалисту казалось, что, возвращая паспорта Мельниченко, он делает большое одолжение для Ганны лично. Как будто, это не были паспорта семьи Мельниченко, с которыми за два месяца ничего не сделала команда Мороза.

Получив документы майора, Болданюк принял окончательное решение: Мыкола будет обращаться за политическим убежищем к правительствам западных стран. Он писал мне:

“Профессору позвони и можешь ему сказать, что мы ему дякуем за то, как прекрасно нас всех использовал, обманул и предал. Безопасность ММ мы начали решать по-своему, несмотря, что это будет в его “личных” интересах (посольство с помощью Патрика и Радио «Свобода»). Об интересах Украины не надо говорить – их никто точно не знает, и ими не занимаются. Если Профессор не согласен, пусть он (как уже несколько раз сказали) возьмет на себя ответственность за жизни этих людей – но не через неделю, месяц – сегодня или завтра!!! Это всё, что мы можем для него сделать.

Ты на себя теперь не бери никакую важную роль – героев в этой войне не будет (будут только предатели, проигравшие и ничего не понимающие). И не пробуй нам теперь помогать”.

После этого Болданюк повез майора в американское посольство. Ему опять пришлось просить своих друзей сопровождать Мыколу в качестве охраны. О предполагаемом приезде Мельниченко в Прагу было известно «Свободе» и Патрику Тайлеру. Американский журналист прилетел в Чехию, чтобы еще раз проинтервьюировать майора. Кроме того, Патрик вместе с журналистами «Свободы» собирался обсудить проект написания книги о Мельниченко и его записях. Однако Болданюк отказал всем журналистам. Он заявил так: никаких переговоров, никаких эфиров, никаких интервью. Все должны решать только один вопрос: обеспечение безопасности для Мыколы и его будущее.

Болданюк даже надеялся, что журналисты наймут для Мыколы профессиональную охрану. Однако никто из американцев не собирался тратить на это свои деньги.

Первый визит Мельниченко в посольство США оказался неудачным. Несмотря на все предварительные звонки и договоренности, к майору там отнеслись как к рядовому посетителю. В посольстве начали требовать от него разные справки, в том числе – об отсутствии судимости и состоянии здоровья. Мыколе объяснили, что предоставление статуса политического беженца – это длительная бюрократическая процедура, которая может затянуться на несколько месяцев.

Болданюк характеризовал эту ситуацию так:

“Все оказалось сложнее, чем мы думали, но всё ещё раз меня убедило, что я прав – это очень великая игра и есть много непонятного”.

Безрезультатный поход Мыколы в американское посольство продемонстрировал, что для предоставления ему убежища в США требуется специальное решение. Впрочем, это было и так понятно.

Ведь, по сути, американцы совершенно не знали, кто такой Мельниченко. Он не был ни известным диссидентом, ни правозащитником, ни литератором. Наоборот, Мыкола был самой таинственной личностью в скандале, связанном с прослушиванием президента Украины. Американцы не представляли, на кого он работал, кто за ним стоит, откуда он взял свои записи. В этом всем нужно было разбираться. И тогда к Мыколе специально приехали люди из ЦРУ.

Собеседование с Мельниченко проводили сотрудники, работавшие в американском посольстве в Праге. Для встречи с майором три человека – Джон Борис, Алекс Мейрович и Кейс Эдвинс специально приехали в загородную резиденцию «Union Leasing». Они задавали Мыколе самые разные вопросы. В том числе, о записях разговоров украинского президента и их происхождении. Мельниченко сообщил им о том, что к осуществлению записей в кабинете Кучмы был причастен некто Савченко. По словам Мыколы, он его

лично “завербовал” для этих целей. Мельниченко также сообщил о моей роли в организации его выезда из Украины. Он предупредил, что семьям Савченко и Цвиля также может потребоваться защита американцев.

После собеседования с сотрудниками ЦРУ Мыкола вернулся в Остраву. Теперь от него уже ничего больше не зависело и оставалось только ждать решения, которое примут американцы.

И такое решение было принято после того, как американские журналисты продемонстрировали, что существует угроза для жизни Мельниченко. С этой целью они специально разыграли спектакль с “покушением” на них в центре Праги.

Об этом мне стало известно от Александра Народецкого. Он как-то приезжал в Мюнхен на отдых со своей семьей. Встретившись со мной, он похвастался:

– Если бы мы с Патриком тогда не сблефовали, то американцы бы еще долго думали, нужен ли им Мельниченко!

После этого он рассказал мне такую историю:

Он вместе с Патриком ехал по Праге на своем автомобиле. Внезапно у машины спустило колесо. Журналисты посчитали, что кто-то пробил его специально. Когда они остановились посмотреть, что произошло, то рядом припарковалась машина с неизвестными. Тогда Народецкий и Патрик закрылись в своем автомобиле и начали по телефону звать на помощь. В первую очередь, они позвонили в американское посольство. Сообщив о “нападении”, журналисты подчеркнули, что связывают этот инцидент с событиями вокруг Мельниченко.

Позднее журналисты еще раз связались с посольством, заявив, что на майора тоже состоялось покушение. Дескать, какие-то неизвестные люди вломились в только что оставленную им квартиру в Остраве. По мнению американцев, это были агенты

российских спецслужб. В действительности, эта история была выдумкой.

Вдобавок, журналисты заявили, что Мельниченко, оставшись без средств к существованию, вступил в переговоры с каким-то олигархом о возвращении своих записей в Украину. А этот олигарх, якобы немедленно сообщил о местонахождении Мельниченко СБУ. Эта дезинформация распространялась со ссылкой на Мороза.

Слухи о реальной опасности, которая будто бы угрожает Миколе и его записям, молниеносно распространились среди всех, интересующихся кассетным скандалом. После этого, необходимое политическое решение было принято на самом высоком уровне в Вашингтоне. Это произошло 12 апреля 2001 года.

Американцы не стали скрывать новости от украинской стороны. Утром 13 апреля в Госдепартамент США был вызван посол Украины Константин Грищенко. Ему было официально заявлено, что Соединенные Штаты Америки решили предоставить убежище для майора Мельниченко и его семьи.

На следующий день украинский МИД распространил свой пресс-релиз. В нем говорилось, что США приютили у себя Мельниченко – человека, в отношении которого Генпрокуратура Украины ведет уголовное дело по поводу превышения служебных полномочий и разглашения государственной тайны. Решение властей США было расценено как крайне недружественный акт по отношению к Украине.

Об этом сенсационном событии немедленно заговорили средства массовой информации.

О предоставлении майору убежища в США я узнал из «Украинской Правды». Это было на Пасху – в воскресенье, 15 апреля 2001 года. Я был в Мюнхене. Возвращаясь с праздничной службы в церкви, я зашел в

Интернет-кафе и прочитал там главную новость. Это сообщение, в первую очередь означало, что с наших плеч спала тяжкая ноша. Мельниченко жив, его больше не нужно прятать, охранять и нести ответственность за его жизнь.

Именно в эту минуту позвонил на мобильный Верховский:

– Христос Воскрес! – поприветствовал его я.

– Ну что, Владимир Иванович, добились, наконец, своего? – заявил он в ответ серьезным голосом.

– Во-первых, сегодня большой праздник, – напомнил я, – А во-вторых, если вы считаете, что я лично уговорил Госдепартамент США, то мне приятно, что вы столь высоко цените мою персону. А если честно, то я очень рад, что нам уже не нужно отвечать за него.

Дальше Верховский разъяснил мне, какие негативные последствия для Украины принесет отъезд майора в Америку.

СБУ занимало тогда очень интересную позицию: их ничто не устраивало. Они не могли возвратить Мельниченко в Украину и, в то же время, были недовольны тем, что он летит в США.

Оптимальным развитием событий для них стало бы, если бы Мельниченко с его записями засыпало где-то в Татрах снегом. И чтобы все на этом закончилось. Это мы с Болданюком поняли давно.

Мороз тоже придерживался подобного мнения. Однажды, в разговоре со мной он проговорился:

– Думаю, Владимир Иванович, что Мельниченко уже сделал свое дело.

– В смысле? – не понял я, – Он что, вам больше не нужен?

– Было бы лучше, если бы он не вмешивался в политику.

– То есть – вас устроит, если его не станет? – продолжал уточнять я.

– Ну, воспитание и мораль не дают мне права даже предполагать такое.

Это был социалистический гуманизм в сочетании с сугубо прагматическим материализмом. В Бога Мороз не верил.

Мельниченко был ему совершенно не нужен. Интересовали только его записи. Идеальным вариантом для социалистов было бы, если бы Мельниченко вдруг не стало. Соответственно, в этом можно было бы обвинить власть. А его записями в дальнейшем распоряжаться самостоятельно, из штаб-квартиры на Воровского.

Интересно, что решение предоставить Мельниченко убежище в США, было принято еще в то время, когда он находился в Чехии. Оно застало Мыколу, Лилю и Лесю по дороге из Остравы в Прагу.

Спустя несколько дней после первого неудачного посещения Праги, Болданюк опять повез майора в американское посольство. На этот раз сам Мельниченко убедил его, что вопрос о предоставлении им с Лилей убежища в США решен. Это ему пообещал лично глава Радио «Свобода» Роман Купчинский. Поэтому Мельниченко собрал все свои вещи и выехал в Прагу вместе с женой и дочерью.

Прощание Мельниченко с Болданюком, так много сделавшим для него, состоялось на окраине чешской столицы. Там, на какой-то автозаправке их встретили на своем «Мерседесе» Роман Купчинский и Александр Народецкий. Журналисты пересадили Мыколу, Лилю и Лесю в свою машину, перегрузили их багаж. С этой минуты Болданюк не видел Мельниченко почти три года – до конца января 2004 года.

Свою последнюю ночь в Европе Мельниченко провел в резиденции посла США в Чехии – она в тот момент пустовала. На следующее утро Мыкола, Лиля и Лесья улетели в Америку. По дороге в аэропорт их уже

сопровождали американские морские пехотинцы –
охрана посольства США.

Глава 2. Моравская сказка

О том, что не только Александр Мороз, но и Евгений Марчук давно знали о ведущемся прослушивании кабинета президента, Мельниченко признался еще в Чехии. Тогда у Мыколы случались минуты откровения, и он делился воспоминаниями с Болданюком и Иванкой. Майор рассказывал, что на первых порах поставлял свою информацию Марчуку и лишь после выборов 1999 года стал сотрудничать с Морозом. Кроме того, Мыкола упоминал о своих знакомых в Киеве, которые помогали ему работать над записями.

Выехав за границу, Мыкола и Лиля в один день потеряли всех своих друзей и знакомых. После этого, самыми близкими людьми для них стали Иванка и Болданюк. Они искренне старались поддержать своих гостей, понимая как нелегко им сейчас.

По вечерам, когда маленькая Леся засыпала, а майор устав сидеть в наушниках за компьютером, отдыхал, Иванка и Болданюк приходили в гости к семье Мельниченко. Они собирались на маленькой кухне, и пили чай при свечах (в целях безопасности). О насущных проблемах старались не говорить. Во время чаепития Лиля молчала, а Мыкола, удовлетворяя любопытство Болданюка и Иванки, рассказывал о своей нелегкой судьбе. При этом он загадочно улыбался и был похож на дедушку, рассказывающего сказку детям. Это была моравская сказка от Мыколы Мельниченко.

Сложно сказать, сколько в откровениях Мыколы было правды, а сколько выдумки. Он часто путался в своих объяснениях и противоречил сам себе. Иногда он говорил, что делал свои записи диктофоном из-под дивана, иногда намекал, что использовал более сложную аппаратуру. Временами упоминал о своих

сообщниках, а временами подчеркивал, что работал один. Порой заявлял, что принимал решения самостоятельно, порой признавал, что советовался с друзьями.

О начальном периоде прослушивания президента Мельниченко упоминал скупое. Он лишь намекал, что давным-давно, еще во времена премьера Павла Лазаренко была поставлена задача: организовать прослушивание кабинета президента Украины. Микола не уточнял, был ли это официальный приказ, исходящий от руководства Управления госохраны или СБУ, или же чья-то незаконная инициатива. Эксперимент прошел успешно, однако со временем, по каким-то причинам его прекратили.

А потом, якобы, никто не хотел этим заниматься. Хотя техническая возможность осуществлять запись разговоров в главном кабинете страны осталась. И через некоторое время об этом донесли Марчуку.

На этом месте Микола обычно запинался. Было не ясно, кто именно принял такое решение, и кто конкретно ходил к Марчуку. По главной версии, это был сам Мельниченко.

Еще раньше, убедившись в том, что Кучма – бандит, майор начал самостоятельно записывать его преступные разговоры. Одновременно Микола искал себе надежного союзника среди политиков. После того, как Украину покинул Лазаренко, наиболее серьезным из оппонентов президента ему показался Евгений Марчук. Майор знал, что Кучма больше всего его ненавидел и боялся.

Миколу постоянно контролировали коллеги по работе и сотрудники СБУ. Однако, несмотря на все трудности, ему удалось тайно встретиться с Марчуком. Мельниченко рассказал ему про свое занятие и Марчук, якобы, согласился с ним сотрудничать. После этого Микола начал носить свои записи Евгению

Кирилловичу, рассчитывая на его скорый приход к власти. Дело было незадолго до президентских выборов, на которых Марчук выступал одним из главных противников Кучмы.

Однако во второй тур вышли Кучма и Симоненко, а Евгений Кириллович проиграл. Тогда Кучма, победа которого уже не вызывала сомнений, поставил Марчука главой Совета национальной безопасности и обороны Украины.

О результатах голосования и назначении Марчука Мельниченко узнал в Ялте. В это время он отдыхал там вместе с женой и дочерью. Переизбрание Кучмы на второй срок стало для Микола шоком. Он искренне верил Евгению Кирилловичу и надеялся на его победу.

После выборов Марчук также отправился в Крым. Там, за три дня до второго тура голосования, он встретился с Мельниченко. Это было в два часа ночи в одном из номеров санатория СБУ «Черноморец». Свидетелем этого разговора был охранник Марчука Павел Потеряйко, который таинственно скончался от отравления осенью 2001 года.

В беседе с новоназначенным секретарем СНБОУ Мельниченко выразил свое возмущение фальсификацией результатов выборов. Этот вывод, якобы, следовал из содержания его записей. Охранник президента заявил, что готов собственноручно арестовать Кучму в рабочем кабинете и передать его правосудию. Требовалось лишь согласие на это Марчука. Однако тот отказался принять революционную идею Микола, аргументируя это тем, что его не поддержит парламент. На этом они разошлись.

После переизбрания Кучмы на второй срок, для Микола настали тяжелые времена. Его руководителя и товарища выдвинули на повышение. Самому Мельниченко удалось сохранить должность исключительно благодаря хитрости и интригам. Он

остался совсем один. Для того чтобы продолжить деятельность по документации Кучмы, Миколе требовалась поддержка.

В начале 2000 года он предпринял новую попытку договориться с Марчуком. Для этого он позвонил секретарю Совбеза по правительственной связи (так называемая “сотка”) и попросил о встрече. Однако ответа от Марчука не последовало – он отказался от дальнейшего сотрудничества с майором.

Так Мельниченко, наконец, пришел к выводу, что Марчук всего лишь использовал его информацию в собственных целях. И, как он выражался, “забыл, что есть такой бандит Кучма”. Мельниченко вспоминал, что когда встречал Марчука в коридорах на Банковой, тот прятал от него глаза. Ведь тогда, осенью, все было в его руках, – возмущался майор.

Разочаровавшись в Марчуке, Микола решил выйти на Мороза. Он объяснял это так: если прослушать все разговоры президента, то там на всех политиков есть компромат, и лишь один Мороз совершенно “чистый”.

Договорившись с лидером социалистов, Микола возобновил прослушивание кабинета Кучмы. Начиная с февраля 2000 года, он использовал для этого новую, более современную технику. Это был цифровой диктофон «Тошиба». Каждое утро Мельниченко заходил в кабинет президента и засовывал его под диван, а вечером – забирал к себе домой.

Микола не успевал самостоятельно обрабатывать получаемую информацию. Он лишь осуществлял записи – слушать их не хватало времени. В этом ему помогала жена и знакомые, которых он специально завербовал.

Одного из соратников Миколы звали Семен. Этот человек знал о том, что майор прослушивает президента, и имел доступ к его записям. Вероятно, он обрабатывал и систематизировал их по ходу процесса. Был и еще один человек в их группе. Его звали Андрей.

Увлечение Мыколы было не только опасным, но и требовало значительных затрат. Для его диктофона постоянно требовались новые батарейки, карточки. На все это нужны были деньги.

Однако, как выяснилось, у “чистого” Мороза не было средств, чтобы компенсировать необходимые расходы. Поэтому Мыкола был вынужден обращаться за помощью к другим лицам. Он поступал так не корысти ради, а исключительно в интересах дела.

Летом 2000 года Мельниченко пошел к Игорю Бакаю. О чем они говорили, и сообщал ли Мельниченко ему о своем занятии доподлинно неизвестно. Однако в результате этой встречи майор раздобыл несколько тысяч долларов. Получив деньги, Мыкола поехал отдыхать в Крым. Он отправился туда на машине вместе с женой, дочкой и тещей. Компанию в поездке им составлял Алексей Нестеренко. В Крыму они пробыли две недели, снимали квартиру в частном секторе. Купались в море и заодно ремонтировали машину Мыколы, которая сломалась по дороге на Юг.

Из отпуска Мельниченко возвратился 8 августа, а президент – 23-го. Началась осень. Вскоре таинственно и необъяснимо пропал журналист Георгий Гонгадзе.

Когда Мыкола увидел по телевизору его жену Мирославу и маленьких дочерей-близнецов, это “ускорило формирование его позиции”.

Соратники Мельниченко знали, что тот работает с Морозом. Вскоре после исчезновения Гонгадзе они собрались вместе и прослушали разговоры Кучмы, где тот “заказывал” журналиста. Посоветовавшись, они постановили, что Мыкола должен идти с этой информацией ко всем знакомым политикам и требовать от них, чтобы ее обнародовали. Для этого ему дали обычную магнитофонную кассету. Прослушивание Кучмы было решено на этом окончить, а всем скрыться за границей – пока не произойдет революция.

Мельниченко вручил Морозу кассету с разговорами Кучмы о Гонгадзе в свой день рождения – 18 октября 2000 года.

Поверив, что лидер социалистов обязательно обнародует полученную информацию, Мыкола начал готовиться к отъезду в Чехию. Сначала он уволился с работы (рапорт ему помог написать друг), потом оформил своей семье загранпаспорта в ОВИРе на Троещине. В этом ему помогали знакомые сотрудники СБУ, которых Мыкола использовал “втемную”.

Семен покинул Украину несколько раньше – 6 ноября 2000 года. Он отправился в Португалию, где уже длительное время находилась его жена Светлана. Она выехала в эту страну на заработки и осталась там. Перед отъездом из Украины напарник Мыколы позвонил Морозу. Мельниченко беспокоился за друга: Семен уезжал за границу по обычной туристической визе, и ему могла потребоваться помощь в легализации своего статуса. Поэтому Мыкола просил Мороза взять его под свое покровительство. Однако главный социалист рассудил, что Украине вполне достаточно иметь одного героя и решил, что Семен должен оставаться в тени – его не нужно засвечивать публично.

В Чехии Мыкола переживал за своего напарника. По-прежнему просил у Мороза помочь ему, писал своему другу письма. Это постоянно не давало ему покоя.

Благодаря помощи Мельниченко, Мороз был хорошо информирован о происходящем в высших эшелонах власти. Еще летом 2000 года журналисты и депутаты заметили, что глава СПУ проявляет удивительную, как для оппозиционного деятеля, осведомленность. Об этом свидетельствовали его выступления в Раде.

Впрочем, в то время записи разговоров в главном кабинете страны уже вовсю гуляли по Киеву. Казалось, об этом не знал только ленивый. И Деркач с Кучмой.

Однажды Мыкола рассказал историю о том, как СБУ устроила внеплановую проверку кабинета Кучмы на прослушивание. И только чудо спасло тогда Мыколу и его цифровой диктофон.

Мельниченко пришел в тот день на Банковую рано утром. Как обычно, проверил кабинет президента и положил диктофон под диван. После этого он отпросился у своего начальника Владимира Ляшко на больничный. Получив согласие, Мыкола спустился на первый этаж, вышел на улицу и направился к своей машине, которая стояла недалеко от здания администрации президента. Он уже сел за руль и завел мотор, как вдруг увидел: по Банковой быстро идут люди в строгих костюмах. Их было много, человек двадцать. Заметив Мыколу, они направились к нему:

- Ты куда собрался?
- А что случилось? - спросил испуганный Мыкола.
- Идем с нами, поможешь! Нужно срочно проверить кабинет "первого". Без тебя будет сложно.

Это были сотрудники департамента по охране информации СБУ. Они собирались исследовать кабинет Кучмы по подозрению на прослушивание. Ноги у Мельниченко подкосились. Он не знал, что делать и как себя вести. Ведь его диктофон в то время работал под диваном.

Однако Мыкола сумел взять себя в руки. Вместе с сотрудниками СБУ он возвратился в здание администрации, зашел в кабинет Кучмы и стал показывать, что там и как. При этом, выбрав удачный момент, он сумел вытащить свой диктофон из-под дивана. Ему удалось это сделать так, что присутствующие ничего не заметили. В результате, проверка закончилась ничем.

Но если бы он успел уехать, вспоминал майор, то сотрудники СБУ обязательно бы обнаружили его устройство. И тогда бы ему пришел конец. Мыкола

говорил, что в тот день его спас Бог. В ту самую минуту, когда он случайно обернулся за рулем своей машины и увидел приближающихся сотрудников СБУ.

Вечером, прослушав запись на своем диктофоне, Мыкола выяснил причину срочной проверки. Это была команда президента. Утром Кучма перезвонил Деркачу и приказал:

– А ну, блядь, пришли быстро своих! Пусть все проверят! Идет утечка информации. Вчера мне один человек, с которым я здесь говорил один на один, рассказывает, что об этом уже знают.

Кучма и Деркач слушали всех своих врагов, но очень обиделись, когда оказалось, что их тоже прослушивают. Это показалось им нечестным.

Отрывки из книги. Часть 6.

В интерьере скандала

Глава 1. Отставка народного правительства

Сразу же после отъезда Мельниченко за океан, Верховная Рада отправила в отставку правительство Виктора Ющенко. На этом активная фаза кассетного скандала завершилась. Подводя предварительные итоги этой истории, приходилось признать: от публичной дискредитации Кучмы максимальную выгоду извлекли Россия и близкие к ней олигархические кланы в Украине. Укрепил свои позиции “морального политика” Александр Мороз. Однако, Украина, как государство, и ее народ оказались в проигрыше. Кроме того, зашло в глухой тупик расследование дела Гонгадзе. Обнародованные Миколой записи разговоров президента не давали окончательного ответа на вопрос, кто был истинным заказчиком убийства журналиста.

Отъезд Мельниченко за океан вызвал громкий политический резонанс в Украине. Эта новость была воспринята, в первую очередь, как явное доказательство американского участия в кассетном скандале. Подливало масла в огонь и то, что США одновременно объявили о предоставлении убежища

Мирославе Гонгадзе – вдове Георгия. Теперь все стало ясно, – рассуждали в Киеве, – за прослушиванием кабинета президента и последующим политическим кризисом стоят спецслужбы США. Иначе бы Мельниченко никогда не попал за океан. Ведь это означало резкое осложнение, и без того ухудшившихся в результате кассетного скандала, украинско - американских отношений. Инициатором этого стал Вашингтон. Газета «Зеркало Недели» в те дни писала:

“Очевидно, что предоставлять Мельниченко убежище было не совсем умно сейчас и не совсем честно в отношении Украины вообще”.

Даже те, кто всегда поддерживал политику США, признавали: за океаном собираются использовать Мельниченко, чтобы оказывать давление на Украину и ее президента. Иного объяснения происшедшему не существовало. Впрочем, сами американцы оправдывались: дескать, компетентная структура США – а именно, Служба миграции и натурализации – приняла свое решение на основании обычной в таких случаях процедуры, заботясь исключительно о безопасности майора и его семьи. Однако это объяснение было рассчитано на недалеких.

Случай с охранником украинского президента являлся неординарным, и решение о предоставлении ему убежища принималось на самом высоком уровне – в Государственном департаменте США.

Согласно американскому миграционному законодательству, о политическом убежище можно просить, лишь находясь на территории США. Строго говоря, Мельниченко получил статус не политического иммигранта, а беженца – прошение об этом можно подавать, находясь в третьей стране. Однако для того, чтобы его удовлетворили, существует условие: страна, откуда бежит проситель, должна быть внесена в особый список, который ежегодно утверждает Госдепартамент

США. Украина в этом списке не значилась. И только в исключительных случаях Служба миграции и натурализации запрашивает отдельный вердикт Госдепартамента США – то есть, принимается политическое решение. Именно это и произошло при рассмотрении прошения Мельниченко.

Понимая это, Юлия Мостовая старалась выгородить американского посла в Украине Карлоса Паскуалья:

“У редакции есть некоторые основания для того, чтобы предположить, что окончательное решение по Мельниченко и уж точно время оглашения этого решения могли не быть согласованы с посольством США в Украине. Если бы это происходило, то Карлосу Паскуалью элементарно удалось бы объяснить, что сейчас не время оглашать подобное решение. То есть абсолютно не время”.

Однако “редакция” «Зеркала Недели» ошибалась. Предоставление Мельниченко статуса беженца в США не стало неожиданностью для американского посла. Карлос Паскуаль прекрасно знал о намерениях Мельниченко перебраться за океан. Более того, он непосредственно содействовал в этом майору. Спустя три года после событий апреля 2001-го об этом проговорился Патрик Тайлер. За это время корреспондент «Нью-Йорк Таймс» утратил всякий интерес к Украине и нашему кассетному скандалу. Поэтому, отвечая на вопрос одного из своих коллег, Патрик честно признался: человеком, который передал контактные телефоны для Мельниченко в Праге, был Карлос Паскуаль.

“Посол в Киеве передал одному из моих коллег в Москве имя человека из консульского отдела в посольстве в Праге, и дальше один из моих штатных сотрудников передал его Мельниченко”.

Сразу же после отъезда Микола за океан, в Украине отправили в отставку правительство Виктора Ющенко.

Ради этого в парламенте объединились пропрезидентские фракции, олигархи и коммунисты. Совместными усилиями они объявили Кабинету министров вотум недоверия. Это решение представлялось труднообъяснимым и неуместным.

За время работы Ющенко в Кабмине жизнь простых людей в Украине улучшилась. Его правительство полностью рассчиталось с долгами по зарплате, пенсионерам выплатили пенсии. Кроме того, сам премьер-министр был молодым и приятным человеком. Он нравился народу – в Украине давно истосковались за доверием к власти. Сторонники Виктора Ющенко называли его правительство народным.

24 и 26 апреля 2001 года перед Верховной Радой собирались многотысячные митинги в поддержку Ющенко. Инициатором этих акций были правые национал- демократические силы. Им удалось собрать в поддержку народного правительства миллионы подписей по всей Украины. Мороз в этом не участвовал. Он не мог простить Ющенко помощи, оказанной им Кучме, во время зимнего кризиса.

В те дни в Киеве стояла прекрасная солнечная погода. Весна была ранней. На деревьях уже распустились листья и вот-вот должны были зацвести каштаны. Однако демонстрантам у Верховной Рады казалось, что Украина находится на грани конца Света, и что апокалипсис наступит с отставкой действующего Кабинета министров.

Сначала митингующие пытались не допустить рассмотрения вопроса о недоверии правительству в отсутствии самого премьера. Ющенко в тот день находился с визитом в Греции. Оттуда он назвал происходящее в парламенте: *“попыткой изменить выбор Украины, курс реформ президента Кучмы”*.

Президент мог спасти правительство Ющенко от отставки, но не стал этого делать. Кучма

демонстративно устранился от процесса и отдал решение на суд парламента. А там уже сформировалось антиправительственное коммуно-олигархическое большинство.

Возглавляли наступление на Ющенко коммунисты. Именно фракция Петра Симоненко инициировала рассмотрение в Верховной Раде отчета правительства и поставила вопрос о вынесении ему вотума недоверия. Лидер коммунистов, выступая в парламенте, заявил:

“Оценку персонально Ющенко, как неудовлетворительную, парламент уже дал и эту оценку подтверждает сама жизнь обездоленного народа”.

За отставку правительства в парламенте проголосовали 26 апреля 2001 года – ровно в пятнадцатую годовщину аварии в Чернобыле. Зловещим выглядело и другое совпадение: это решение было принято перевесом в тринадцать голосов. Сторонникам Ющенко показалось, что в тот день в Украине восторжествовали силы зла. И этому было простое объяснение.

Новость о заокеанском убежище для Мельниченко настроила против правительства несколько десятков колеблющихся депутатов. «Зеркало Недели» признавало:

“Произошедшее оказалось достаточно действенной (что подтвердило голосование в парламенте) провокацией против премьера”.

Покинув парламент, Ющенко выступил перед демонстрантами и пообещал им, что непременно вернется в большую политику. Впоследствии он сдержал свое слово.

Отставкой народного правительства Украины завершилась первая, самая горячая фаза кассетного скандала. После этого затихли акции протеста, прекратились критические публикации о Кучме в

западной прессе. Требовать его ухода стало бессмысленным. Ведь теперь, в случае отставки президента, Ющенко уже не мог автоматически стать исполняющим его обязанности.

Одним из самых активных защитников народного правительства был мой старый приятель Михайло Ратушный, в то время – депутат Верховной Рады, член фракции УНР. Во время обсуждения отставки Ющенко, он успевал везде – и на площади, где бушевал митинг, и в зале заседаний. Ратушный блокировал трибуну, защищая ее от коммунистов, и спас жизнь депутата Лилии Григорович, которая попыталась устроить акт самосожжения. В конце концов, Медведчук поставил на голосование вопрос, и Ратушного удалили на пять дней из парламента.

После этого Михайло отправился в Мюнхен. Там мы случайно встретились в библиотеке Украинского свободного университета. Когда я работал за компьютером, Ратушный незаметно подкрался сзади и схватил меня за плечи. Этой неожиданной встрече он обрадовался так, как будто поймал самого Мельниченко. По этому поводу мы пошли в ресторан. В одном из самых дорогих мест Мюнхена Михайло выпил за мой счет три литра пива и съел три больших бублика. Обсуждали политику. Михайло убеждал меня, что Украина из-за Мельниченко только пострадала, что из всей этой истории выиграли Россия и олигархи. Мне было нечего ему возразить. В этом действительно заключались главные результаты кассетного скандала для Украины.

Кучма в отставку не ушел, однако оказался полностью дискредитированным. Дорога на Запад для украинского президента была закрыта. Построенная Кучмой система противовесов во внешней и внутренней политике разрушилась как карточный домик. Такие

изменения, в первую очередь, устраивали Россию и украинских олигархов. Особенно, некоторых из них.

Все кадровые перестановки в период кассетного скандала были на руку объединенным социал-демократам. Из власти были последовательно удалены Юлия Тимошенко, Леонид Деркач, Юрий Кравченко. Эти совершенно разные и противоположные политические фигуры объединяло одно – все они были злейшими врагами эсдеков. Финалом в этом процессе явилась отставка Виктора Ющенко. Это был настоящий триумф Медведчука и его СДПУ(о). Именно с апреля 2001 года политическое противостояние в Украине оформилось по линии Медведчук – Ющенко. Схема “Мороз против Кучмы” уходила в прошлое, как ни пытался лидер социалистов представить себя главным борцом с режимом.

Впрочем, последствия кассетного скандала, в некоторой степени, благоприятствовали Морозу. Обнародовав записи Мельниченко, он подтвердил свое реноме “морального политика”. Соцпартия получила прекрасную исходную позицию для следующих парламентских выборов. Кроме того, можно было бесконечно требовать “правды” в деле Гонгадзе под лозунгом “Расследование исчезновения Гонгадзе невозможно, пока у власти находится Кучма”.

Почему это произошло? Кто стоял за всем этим? – задавал я себе вопросы. Быть может, и убийство Гонгадзе, и появление майора с его записями были частью какой-то единой спецоперации, призванной увести Украину в сферу влияния Москвы? Или, возможно, филигранным планом эсдеков, которые сумели расправиться со своими политическими конкурентами руками Кучмы?

Кто убил Гонгадзе? На кого работал Мельниченко? Как связаны между собой тайные записи из кабинета президента и исчезновение журналиста? Чтобы найти

ответы на эти вопросы требовалось, прежде всего, желание самого Мыколы. Он мог рассказать, кто из политиков пользовался его записями, и кто надоумил его идти к Морозу. Однако чувствовалось, что эта правда Мыколе была не нужна. Морозу тоже. Их обоих вполне устраивала сложившаяся ситуация.

Но шанс узнать правду оставался.

Улетая в США, Мельниченко оставил весь архив своих записей в Чехии.

Глава 2. Новые герои.

Когда Мельниченко отправился за океан, я решил, что кассетный скандал для меня окончен. Оставалось неприятное ощущение, что меня использовали втемную в чьей-то непонятной игре. Дорога домой была для меня закрыта, возникли трудности в Германии, испортились отношения с социалистами. В Украине о моем участии в судьбе Мельниченко знали немногие, а о Болданюке – почти никто. Настоящими героями кассетного скандала и друзьями Мельниченко считались его американский покровитель Юрий Литвиненко, советник Мороза Мыкола Рудьковский, директор украинской редакции радио «Свобода» Роман Купчинский и бывший советский разведчик Юрий Шве́ц, обосновавшийся в Вашингтоне. Последние двое очень гордились своей ролью в поддержке Мельниченко и организации его убежища за океаном. Они занимались пропагандой майора в прессе, пытались войти к нему в доверие и получить доступ к его записям.

О том, что архив записей Мельниченко остался в Чехии, я узнал только в августе 2001 года. Вначале Болданюк держал это в секрете даже от меня. Он не желал рисковать из-за этой информации ни собой, ни другими.

После отлета Мыколы в Америку, я решил, что кассетный скандал для меня завершен. Наступило время подводить итоги и делать выводы. Поразмыслив, я понял, что не вынес из этой истории никаких дивидендов. Наоборот, создал себе массу проблем, испортил отношения с друзьями и нажил новых врагов.

Во-первых, я не мог возвратиться в Украину. И, соответственно, утратил все возможности для бизнеса там. С человеком, который вывез за границу Мельниченко, никто не хотел связываться. На предполагаемой дипломатической карьере можно было поставить жирный крест.

Во-вторых, у меня возникли проблемы в Германии. Я попал в поле зрения немецких спецслужб. Продлевать визы моей семье становилось все сложнее и сложнее.

В-третьих, испортились мои отношения с Морозом и СПУ. Я больше не мог воспринимать его как "морального политика".

В-четвертых, я опасался СБУ. Там считали, что это я убедил Мыколу отправиться за океан.

В-пятых, возникли проблемы в отношениях с Болданюком. Это меня волновало больше всего. Раньше мой друг регулярно приезжал во Львов, навещая своих родственников. Он вел деловые переговоры, стремился завязать бизнес в Украине. Теперь он отказался от этих визитов. Я чувствовал, что крепко подставил своего компаньона. Наши отношения похолодели. После того, как Мыкола уехал в Америку, Болданюк отказывался разговаривать со мной на тему кассетного скандала. В основном мы обсуждали наши бизнес-дела и семейные радости и горести.

Проанализировав ситуацию, я принял решение похоронить для себя кассетный скандал. Тем более, что уже появились новые герои, которые изо всех сил поддерживали Мельниченко и вели яростную борьбу за его записи.

В начале мая 2001 года я узнал, что Мороз собирается приехать в Германию. В Берлине планировался съезд Партии европейских социалистов, куда специально пригласили делегацию соцпартии Украины.

Посетить Берлин мне предложил Шибко. Он чувствовал, что я не доволен тем, как со мной обошлись в ходе кассетного скандала. Помощник Мороза надеялся, что в Берлине мы сможем спокойно поговорить и выяснить наши отношения.

Готовясь к встрече с социалистами, я собрал все относящиеся к кассетному скандалу документы: переписку майора по электронной почте, его рукописные расшифровки, фотографии. Я рассчитывал передать это все на хранение в Киев. Возможно, думал я, мой архив пригодится тем, кто будет писать историю кассетного скандала.

Поездка в Берлин окончательно изменила мое отношение к Морозу и его команде.

Лидер социалистов, как обычно, был со мной приветлив и любезен, приглашал на завтраки и обеды. Однако откровенных разговоров избегал. Мне же, наоборот, хотелось, наконец, прояснить ситуацию. Я думал, что теперь, когда Мельниченко находится в безопасном месте, мы можем спокойно проанализировать происшедшее, сделать необходимые выводы и выработать план действий на будущее. Вскоре я убедился, что Морозу не собирается ничего объяснять и отвечать на мои вопросы. Он был в каких-то своих мыслях, раздумьях. Лидер социалистов смирился с тем, что его план свержения Кучмы провалился. Он не предвидел, что Мыкола со своими записями окажется в Америке, и просто не знал, что теперь делать. Когда я понял, что Мороз не желает обсуждать кассетную тематику, я просто передал ему подготовленные документы. В ответ он поблагодарил меня. После этого я нашел Шибко и спросил:

– Ну и зачем шеф меня сюда пригласил?

– Да нет, все нормально, – оправдывался Шибко, – он очень хотел тебя видеть. Просто сегодня он сильно устал.

В действительности же, мое приглашение в Берлин было инициативой Шибко. Он делал это не ради Мороза. Ему лично было неудобно передо мной за события последних месяцев. Однако к Шибко у меня не было претензий, ведь это Мороз, а не он просил меня помочь Мельниченко. Я лишь поинтересовался, чем была вызвана задержка документов Мыколы в Киеве. На это Шибко махнул рукой и сказал:

– Это все шеф!

Подразумевалось, что вся ситуация с паспортами была специально спланирована Морозом. Ему требовался контроль над Мельниченко, чтобы тот не совершал необдуманных действий.

Впрочем, Шибко, как и Морозу, было в Берлине не до меня. Они уделяли первоочередное внимание гостю из США – Юрию Литвиненко. Это был новый генеральный спонсор соцпартии и, одновременно, покровитель Мельниченко. Попав в Америку, Мыкола немедленно оказался под его плотной опекой.

В Америке, как известно, Социнтерна нет. Соответственно у СПУ там не было товарищей по братским партиям. Чтобы опереться на кого-то в США Морозу требовались верные люди. Таким человеком стал бывший киевлянин Юрий Литвиненко, который представлялся бизнесменом из Нью-Йорка. Именно он профинансировал поездку в США Мороза и Шибко в начале марта 2001 года. Кто познакомил его с Морозом, мне было неизвестно.

Юрий Литвиненко был весьма неординарной личностью. В советское время он работал начальником управления торговли спорттоварами в Киеве. Говорили, что еще тогда он как-то пересекался с Григорием Суркисом. Затем, по номенклатурной линии, его перевели в Узбекистан – уже в качестве министра торговли. После распада Союза следы Литвиненко затерялись – в Украине он объявился в середине

девяностых, а затем отправился в США. Отъезд был связан с тем, что украинская прокуратура завела на Литвиненко уголовное дело. Он, якобы, мошенническим путем завладел суммой в 500 тысяч долларов. За хищение в особо крупных размерах ему светило до пятнадцати лет лишения свободы. Однако Литвиненко скрылся от следствия в Америке. Ему, очевидно, удалось убедить Мороза, что уголовное дело против него было сфабриковано по политическим мотивам.

В мае Литвиненко прилетел в Берлин, чтобы поддержать там делегацию украинских социалистов. Он совершенно не вписывался в атмосферу солидного мероприятия – бегал по залу потный, неаккуратный. От напряжения у него высунулась из-за пояса рубашка, и был виден висящий живот.

Литвиненко занялся опекой Мыколы в довольно непростой момент в своей жизни. Находясь в Штатах, он продолжал заниматься бизнесом и успел “кинуть” нью-йоркскую компанию «IBE Trade». Сделка между ними касалась приватизации химического комбината в Болгарии. Литвиненко, взявшись помогать американцам, сумел присвоить себе контрольный пакет акций предприятия. После этого экс-киевлянина затаскали по судам. В мае 2001 года суд Нью-Йорка принял решение по тяжбе «IBE Trade» против Литвиненко. Вердикт гласил: Литвиненко своими действиями нанес компании материальный ущерб в размере 11 миллионов долларов и должен вернуть эту сумму. Отказ выполнить судебное решение угрожал тюрьмой. Активное участие в судьбе майора не помогло Литвиненко избежать наказания. Спустя полгода, в декабре 2001 года он отправился в федеральную тюрьму.

По случайному совпадению, в это время я находился в Штатах. Узнав о решении суда, Мельниченко приписал это проискам президента Украины. Дескать, рука Кучмы

достигает берегов Потомака и карает всех, кто помогает Мыколе. Чтобы доказать это, майор специально пригласил меня в тюрьму, на свидание с Литвиненко. Это было в последний день моего визита, как раз накануне отлета. Я отказывался и объяснял, что у меня через три часа самолет. Мыкола, в ответ, бурно протестовал, объясняя всю важность намеченной встречи. В конце концов, мне удалось настоять на своем, и мы расстались. Мыкола направился в тюрьму к своему спонсору, а я взял такси и поехал в аэропорт.

С тех пор, как Мороз в 1998 году пустился в самостоятельное политическое плавание, ему постоянно требовалась материальная поддержка. Большая политика в Украине немыслима без денег и этот фактор послужил главной причиной его дальнейших трансформаций. Мороз совершенно искренне критиковал власть, уйдя с поста спикера Верховной Рады. Однако со временем он попал в зависимость от тех, кто финансировал социалистическую партию и уже не принадлежал самому себе. Это хорошо знали на Банковой и понимали: чтобы воздействовать на политику лидера СПУ, достаточно договориться с его окружением.

Мыкола Рудьковский стал в Украине одним из главных героев кассетного скандала. Во время этих событий он еще более приблизился к Морозу и возвысился в партийной иерархии. Не будучи ранее членом партии, Рудьковский стал председателем областной организации СПУ в Чернигове, а через полгода был избран депутатом Верховной Рады. Теперь уже мало кто вспоминает, что кассетный скандал он встретил в статусе помощника депутата-социалиста Валентины Семенюк.

Во время приезда Рудьковского в Чехию в январе 2001 года произошел любопытный эпизод. Болданюк попросил отвезти Мыколу на свидание с гонцом от

Мороза президента компании «Union Leasing» Ивоша Острожного. Со своим шефом Болданюк поддерживал приятельские отношения – они дружили со студенческих лет. Рудьковский приехал в Чехию за записями и демонстративно не интересовался теми, кто помогает там Мельниченко. Он принял моравского миллионера и депутата горсовета Остравы за простого шофера и не стал с ним знакомиться. В ресторан он отправился вдвоем с Миколой, а чех остался ждать их в машине. Пообедав, Рудьковский пригласил президента компании «Union Leasing» рассчитаться за них. Гость из Украины сослался на отсутствие местных денег.

17 января 2001 года Рудьковский привез в Киев два компакт-диска с записями из кабинета президента. Прокуратура устроила в его квартире обыск, после чего он оказался в центре внимания прессы. Именно Рудьковскому приписали финансирование кассетного скандала и фальсификацию разговоров Кучмы. Дело в том, что в привезенных из Чехии записях действительно содержался монтаж. Едва научившись работать на компьютере, Микола наворотил такого, что эксперты в Киеве взялись за голову. Он вырезал из своих записей отдельные фрагменты, переставлял их местами, при этом путал даты. Места монтажных склеек он то отмечал, то забывал об этом. Это дало повод генпрокуратуре заявить о фальсификации приписываемых Кучме высказываний о Гонгадзе. Против Миколы было возбуждено уголовное дело – его обвинили в превышении служебных полномочий и клевете в адрес высших государственных деятелей Украины. По этому делу Рудьковский числился подозреваемым и дал подписку о невыезде. Тем не менее, он преспокойно уехал в Германию.

Когда мы собрались в Берлине на съезде социалистов, Рудьковский находился в одной из больниц Мюнхена. Об этом я узнал от Мороза. Он

говорил, что Рудьковского выпустили из Украины с ведома прокурора города Киева Гайсинского. Прощаясь, Мороз неожиданно попросил меня провести своего советника. Он аккуратно написал адрес и телефоны Рудьковского на бумажке. Я не понимал, зачем Морозу это понадобилось, ведь я не скрывал своего негативного отношения к Рудьковскому. Наверное, Мороз и вправду принимал меня за агента СБУ и рассчитывал, что я проинформирую Владимирскую о том, что Рудьковский действительно болен.

Расставшись с социалистами, я целую ночь гулял по Берлину. Пытаясь отвлечься от дурных мыслей, зашел в казино. После этого сел за руль и уехал в Мюнхен. На следующий день я вместе с Иванкой посетил клинику «Арабелла». Там я впервые с начала кассетного скандала увидел Рудьковского. Он выкатился к нам навстречу в инвалидной коляске и пожаловался, что болен какой-то неизлечимой болезнью.

Еще одним активным бойцом кассетного фронта стал Юрий Шве́ц – бывший сотрудник резидентуры Первого главного управления КГБ СССР в Вашингтоне. Во время учебы в разведшколе КГБ он был сокурсником Владимира Путина. После начала перестройки Шве́ц разругался с начальством, вернулся в Москву и написал документальную книгу о своей шпионской карьере. Затем он обратился с просьбой о получении политического убежища в США. Американцы без проблем приютили у себя бывшего разведчика и его семью. Это произошло в 1993 году. Попав за океан, Шве́ц поселился в пригороде Вашингтона и устроился работать консультантом Службы миграции и натурализации США.

Семь лет спустя советский шпион внезапно обнаружил в себе украинскую кровь и рьяно проникся кассетным скандалом. В числе других, Шве́ц хлопотал о получении для Мельниченко статуса беженца в США и

был абсолютно уверен, что играет ведущую роль в этом процессе. Об этом он сообщал в письме на имя Мыколы от 11 апреля 2001 года:

“Меня зовут Юрий Шве́ц. Я бывший сотрудник внешней разведки КГБ (ПГУ). В настоящее время проживаю в Вашингтоне, где представляю интересы Григория Омельченко и Анатолия Ермака. По их просьбе на прошлой неделе я получил для Вас гарантии того, что госдепартамент готов предоставить Вам политическое убежище. Это сообщение я передал для Вас через Омельченко в прошлый четверг. С этим они пошли к Морозу, и Мороз обещал передать его Вам”.

Швец, обладая нужными связями, принял деятельное участие в провокации, которая послужила поводом для предоставления майору убежища в США. Срочно спасайте Мельниченко и его записи, – убеждал он, звоня во все инстанции. Шведу удалось добраться до чиновников Госдепартамента США и ведущих американских сенаторов. Он инструктировал майора:

“Вы должны немедленно покинуть место, где вы сейчас проживаете. Немедленно идите в ближайшее американское посольство. Скажите, кто Вы и просите убежища. Не покидайте посольство, ни под каким предлогом. Оставайтесь там, пока не получите убежища. Скажите, что Госдепартамент США заверил Вас, что Вам предоставят убежище. Это сделал от имени Госдепартамента сотрудник украинского отдела Edward Tuskenis. Его телефон в Вашингтоне (202) 647-6799; факс (202) 647-3506; email: tuskeniser@state.gov. Мы также получили заверения от сенатора Richard Lugar (его помощник Ken Mayers – тел. (202) 224-2814) и сенатора Carl Levine (помощник Jeremy Hekhuis (202) 224-6222). Если возникнут проблемы, звоните в любое время.

Действуйте немедленно. Безопасность в США Вам гарантирована. Дай только Бог Вам сюда добраться.

Желаю успеха, Юрий Шве́ц”.

После прибытия Мыколы в Америку, Шве́ц начал всячески набиваться к нему в друзья и партнеры. С этой целью он забросал «Украинскую Правду» многочисленными статьями под псевдонимом Петр Лютый. В них он, ссылаясь на записи Мельниченко, трубил о скором крахе “преступного режима” и неминуемом суде над Кучмой. Однако майор сразу же невзлюбил Шве́ца. Тот не скрывал своего желания руководить Мыколой, а ему это не нравилось.

Главным конкурентом Шве́ца в борьбе за Мыколу являлся директор украинской «Свободы» Роман Купчинский. Это была легендарная личность. Ветеран войны во Вьетнаме, бывший сотрудник ЦРУ, Купчинский принадлежал к небольшой группе украинской диаспоры, которая органически не переваривала Кучму и считала его единственным злом в Украине. Роман имел большие заслуги перед США, считал себя отличным аналитиком и верил, что может принимать стратегические решения по отношению к Украине.

Купчинский был убежден, что кассетный скандал и обнародование записей Мельниченко приведут к отставке Кучмы – достаточно только надавить на него, как следует. С подачи Романа выпуски украинской «Свободы» представляли собой целенаправленную антипрезидентскую пропаганду. Журналисты в Праге искренне считали, что помогают этим Украине и способствуют ее демократизации. Чтобы усилить натиск на Кучму, «Свободе» были нужны Мыкола и его записи.

Во время кассетного скандала «Свобода» представлялась мне паутиной, в которую обязательно, рано или поздно, попадет мотылек Мельниченко. Ему просто было некуда деваться от настойчивого внимания американских журналистов. Купчинский, как жирный паук сидел в центре этой паутины и координировал

действия подчиненных. При этом он не выпускал из рук бутылку с виски.

Купчинский, как и Шве́ц, считал, что он лично добился для Мико́лы убежища в США. По его словам, об этом похлопотал генеральный директор Радио «Свобода»:

“По моей просьбе мой босс Том Дайн вмешался в американское посольство в Чехии, и дело было сделано”.

Вскоре после того, как Мельниченко оказался за океаном, а Ющенко лишился поста премьер-министра Украины, Купчинского уволили с поста директора украинской службы «Свободы». Он возвратился в Америку и на первых порах занялся оздоровлением своего организма. При этом он продолжал поддерживать связь с майором, не теряя надежд поквитаться с Кучмой. Дальнейшая пропаганда Мико́лы и его записей стала для Романа делом личного престижа. В отличие от Шве́ца, которого Мельниченко сразу же возненавидел, Купчинского майор более-менее терпел и прислушивался к его советам.

Глава 3. Майор и журналисты.

История взаимоотношений майора Мельниченко с прессой могла бы послужить темой отдельной книги. Вначале Мыкола принимал корреспондентов за агентов и боялся встречаться с ними. Однако, со временем, он привык к их постоянному интересу, и это ему понравилось. Почувствовав значимость собственной персоны, майор закапризничал. В дальнейшем, согласование интервью с ним представляло собой длительную и изнурительную процедуру, которую выдерживали единицы. Так, как майор вел себя с журналистами, не позволяли себе даже звезды кино и шоу-бизнеса, не говоря уже о политиках. В конце концов, его причуды надоели даже тем, кто с самого начала пропагандировал кассетный скандал. Сегодня Мельниченко практически не общается с прессой.

Когда я первый раз гостил у майора в Америке, ему домой беспрерывно звонил Роман Купчинский. Он умолял Мыколу встретиться с телевизионной группой BBC. Британцы снимали большой документальный фильм о деле Гонгадзе и специально ради майора прилетели в Америку. Купчинский обещал деньги, предлагал разные услуги, но Мельниченко категорически отказывался.

– Пошел он нахер! – объяснял мне свою позицию майор. – Он никогда не платит. Только обещает все время!

Я возражал:

– Ну, подожди, Мыкола! Ведь «Свобода» помогла тебе выехать в Америку.

– Да ерунда это все, – заявил в ответ Мельниченко, – это вы с Болданюком все сделали. Я теперь уже разобрался.

В конце концов, Купчинскому удалось уговорить Мыколу дать интервью BBC. Это произошло в самом начале 2002 года. Ради этого телевизионная группа повторно прилетела в Америку. Прежде чем согласиться на съемки, майор семь раз встречался с продюсером по имени Эва Эварт. Ей пришлось из-за этого провести в Нью-Йорке все рождественские праздники. Организовать интервью с Мельниченко оказалось гораздо сложнее, чем с главой колумбийского наркокартеля, прячущимся в джунглях от правительственных войск и агентов ФБР – предыдущим героем ее репортажа.

В начале кассетного скандала Мыкола боялся и подозревал всех без исключения журналистов. Мороз убедил его, что среди них могут быть агенты и убийцы. Нам с Болданюком приходилось заставлять Мыколу, чтобы он согласился на встречи с радио «Свобода» и «Нью-Йорк Таймс». Переломным моментом в отношении Мельниченко к прессе, а также в оценке собственной значимости стал приезд в Оставу американского телевидения CBS. При подготовке к съемкам майору очень понравился процесс уговоров: постоянные звонки из Америки, послания по электронной почте, официальные письма в красивых конвертах для “Mr. Melnychenko”. Мыколу просили, убеждали, буквально умоляли дать интервью. Обещали, что после этого о нем заговорит весь мир. Во время интервью, как минимум десять человек, включая Болданюка, окружали майора и уделяли ему исключительное внимание. Большие камеры, море света, специальная аппаратура звукозаписи – такого Мыколе и не снилось. Почувствовав значение собственной персоны,

Мельниченко, в дальнейшем, вел себя с прессой как самая капризная дива эстрады.

Согласование интервью с Миколой представляло собой длительную и изнурительную (а подчас и унижительную) процедуру, которую выдерживали единицы. Первым и необходимым условием для встречи с майором было личное доверие к журналисту самого Мельниченко. Прежде чем согласиться на интервью, Микола выяснял, какова будет общая направленность репортажа о кассетном скандале, не собираются ли его намеренно дискредитировать. Если у Мельниченко появлялись малейшие сомнения в лояльности журналиста, он отказывал в интервью, аргументируя это соображениями типа “еще не время”, “это может навредить”. Того, кто собирался задавать ему неудобные вопросы повторно, Мельниченко зачислял в список недоброжелателей.

Решившись дать интервью, Микола начинал тщательно к нему готовиться. Он всегда хотел иметь список вопросов заранее, чтобы посоветоваться, как на них отвечать. Консультантами майора становились те люди, от которых майор в тот момент материально зависел, а также его жена Лиля. Главным советчиком Миколы был Роман Купчинский.

Шеф украинской «Свободы» давно старался монополизировать право на связь с Мельниченко. Еще в Чехии, в поисках майора в редакцию украинской «Свободы» обращалось множество журналистов. Однако Купчинский тщательно фильтровал эту корреспонденцию – напрямую со мной связывались единицы. Со временем я узнал, что с просьбой об интервью с Мельниченко к Купчинскому обращался Первый немецкий телеканал ARD. Это было как раз в то время, когда я испытывал трудности в Германии. Контакт с немецким телевидением мог помочь мне, но Купчинский скрыл эту информацию.

В Америке Купчинский продолжил исполнять роль пресс-секретаря Мельниченко. Он сводил Мыколу с журналистами, достойными, по его мнению, внимания и предохранял от недоброжелателей. Именно Купчинский познакомил майора с Аленой Притулой. Это произошло спустя год с начала кассетного скандала.

За это время «Украинская Правда» стала главным информационным ресурсом в украинском Интернет. После исчезновения Гонгадзе Алена Притула продолжила его дело. Она зарекомендовала себя не только талантливым журналистом, но и прекрасным менеджером. Редакция «Украинской Правды» состояла всего из нескольких человек; они теснились в одной маленькой комнате, и, тем не менее, успевали оперативно следить за новостями.

Поначалу майор не доверял «Украинской Правде». Еще во время его пребывания в Чехии, Притула обратилась к нему с письмом.

“Я не только близкий Георгию человек, я журналист, поэтому позволю себе несколько вопросов, которые меня просто мучают:

Во-первых, почему все-таки вы не предупредили Георгия о грозящей ему опасности?

Когда и почему вы приняли решение обнародовать пленки?

Действительно ли ваша дочь серьезно больна и вам необходимы были деньги?

Встречались ли вы с представителями украинских или, например, российских спецслужб?

Или может они просто пытались или вышли с вами на контакт?

Уточните, пожалуйста, хоть примерно, сколько часов записей у вас есть, и с какого периода вы начали писать?

Готовы ли вы предоставить оригиналы записей для зарубежной экспертизы?

Чувствуете ли вы себя в безопасности сейчас?

Собираетесь ли вы воспользоваться предложением Парламентской Ассамблеи Совета Европы о предоставлении вам политического убежища??

Заранее благодарна за ответы. Держитесь!"

В части из этих вопросов Мыкола заподозрил что-то неладное и решил не отвечать.

Познакомившись с Притулой лично, Мельниченко изменил свое мнение об «Украинской Правде». В свою очередь, Алена трепетно отнеслась к Мыколе, увидев его полную беспомощность. Ей показалось, что он абсолютно наивен, и она поверила в его альтруизм. С тех пор между майором и бывшей подругой Гонгадзе установились теплые отношения. Мыкола регулярно звонил в Киев, присылал письма, делился своими планами. В свою очередь, «Украинская Правда» возвела Мельниченко в ранг крупного политика и серьезного источника новостей. Все заявления Мыколы и его пресс-конференции неизменно перепечатывались в полном объеме. В ответ, Мельниченко дал несколько больших интервью Притуле и даже не обижался на некоторые ее каверзные вопросы.

Общаясь с Аленой, Мыкола утверждал, что все свободное время проводит, прослушивая доселе неизвестные записи президента. Обещал, что вот-вот обнародует информацию, которая окончательно поставит Кучму на колени. Однако время шло, а никаких сенсационных сведений он не сообщал. Вместо этого Мыкола стал вмешиваться в творческий процесс и критиковать журналистов за некоторые публикации. Постепенно такое поведение Притуле надоело и майором начал заниматься ее заместитель Сергей Лещенко. Однако и он вскоре устал от Мыколы. Сейчас, когда Мельниченко звонит в «Украинскую правду», там никто не хочет с ним говорить. Несмотря на это, «Украинская Правда» не может позволить себе обидеть

майора. Алена Притула и ее коллеги зависят от американской помощи и опасаются, что критика в адрес Мельниченко вызовет недовольство Госдепартамента США.

Журналисты не зря с самого начала кассетного скандала стремились к майору. Казалось, что Микола поможет прояснить неизвестные детали в деле Гонгадзе. Многие в этой истории оставались непонятным. В частности, была не ясна причина гнева Кучмы по отношению к Гонгадзе. Ведь журналист не писал ничего такого, что могло бы вызвать столь бурную реакцию.

Наиболее острыми материалами «Украинской Правды» в то время были перепечатки статей журналиста Олега Ельцова с российского Интернет-сайта «ФЛБ». Об этом, кстати, знали на Банковой и параллельно с Гонгадзе интересовались Ельцовым. Кучма думал, что журналисты работают одной командой. Однако это было не так – Олег был едва знаком с Георгием, а перепечатки его статей были инициативой «Украинской Правды». Гонгадзе и Притула постоянно мониторили Интернет, выискивая и собирая все интересное об Украине.

В день исчезновения Гонгадзе за Ельцовым велось наружное наблюдение, а накануне неизвестные угрожали ему по телефону. После появления записей Мельниченко Олег понял, что эти события были непосредственно связаны с разговорами в кабинете президента Украины.

Летом 2001 года, заручившись поддержкой нужных людей, Ельцов отправился в Штаты. Он рассчитывал встретиться с Мельниченко и выяснить целый ряд вопросов, касающихся его записей и возможной их связи с убийством Гонгадзе.

Ельцов получил билет в Вашингтон и заверения, что о месте и времени встречи ему сообщат дополнительно.

Прибыв в американскую столицу, журналист остановился у своих друзей и стал ждать. Однако ожидание затянулось: Мельниченко не объявлялся, а звонки в Украину к “связным” были безрезультатными. Прошло десять дней. В последнюю ночь перед возвращением домой, кто-то оставил Ельцову на автоответчик сообщение: знакомство с майором состоится завтра в полдень у входа в фешенебельный отель в Нью-Йорке. Время назначенной встречи совпадало с вылетом самолета Ельцова из Вашингтона. В руках у журналиста был билет с фиксированной датой и последние сто долларов. Поразмыслив, Ельцов “плюнул” на встречу с Мельниченко и полетел домой. Олег был деловым и конкретным человеком. Именно поэтому он не сработался с Миколой.

Вскоре после поездки за океан Ельцов основал собственный Интернет-сайт «Украина Криминальная». Олег имел давние и широкие связи в спецслужбах, милиции и криминалитете. В частности, он дружил с бывшим сотрудником Управления по борьбе с организованной преступностью МВД Украины Игорем Гончаровым. Это была загадочная личность. Гончаров живо интересовался политикой, критиковал начальников силовых структур и называл себя “человеком Марчука”. Он давно помогал Ельцову, подбрасывая журналисту занимательную информацию и документы.

О том, что за Гонгадзе действительно следила милиция, Ельцов знал еще в самом начале кассетного скандала. Ему сообщил об этом Гончаров. Экс-убоповец даже назвал сотрудников МВД, занимавшихся наружным наблюдением за Гонгадзе. Газета «Грани» в январе 2001 года опубликовала их фамилии. Авторем статьи был Олег Ельцов. Однако эта информация не заинтересовала ни депутатов из парламентской

следственной комиссии, ни “ведущую” прессу, постоянно требующую расследовать дело Гонгадзе.

Ведущей украинской газетой во время кассетного скандала считалась «Зеркало Недели», а ведущей украинской журналисткой – ее редактор Юлия Мостовая. Статьи этой журналистки представляли собой настоящие литературные произведения. В них случались сложноподчиненные предложения, в которых насчитывалось до пятнадцати запятых. Читая эти тексты, украинские политики чувствовали себя полными ничтожествами. Поэтому Мостовую уважали и боялись. Даже Кучма.

На пятый день после исчезновения Гонгадзе Мостовая лично выступила с трибуны Верховной Рады и потребовала создать для расследования происшедшего специальную парламентскую комиссию.

После обнародования записей Мельниченко ведущая журналистка Украины стала главным консультантом по кассетному скандалу для американцев. Она буквально не вылезала из посольства США, встречаясь с Карлосом Паскуалем. Журналистка ежедневно докладывала послу все слухи, циркулирующие вокруг кассетного скандала. Их беседы происходили в “холодильнике” – комнате в посольстве, специально защищенной от прослушивания. В центре внимания сторон был вопрос: что выиграет или потеряет от этой истории каждый отдельный украинский политик или олигарх, и как к этому стоит относиться американцам. Посол также интересовался, кто стоит за кассетным скандалом и почему убили Гонгадзе.

Мельниченко поначалу ничего не знал о «Зеркале Недели». О существовании самой влиятельной украинской газеты ему рассказали уже в Америке. Начав читать статьи Мостовой, Микола совершенно ничего не понимал в них. Он просто не знал

большинства слов, которые использовала журналистка. Тем не менее, майор мечтал об интервью в «Зеркале Неделе». Он ждал, что его попросят об этом. Но Мостовая не просила. Она прекрасно знала цену Мельниченко и понимала, что не услышит от него того, что надо. Ей нужно было подтвердить, что Паскуаль – выдающийся дипломат, последовательно выступающий за улучшение американо-украинских отношений, а за прослушиванием Кучмы стоял Медведчук.

В первую годовщину кассетного скандала «Зеркало Недели» посвятило этому событию несколько материалов. Мостовая взяла пространное интервью у Мороза и написала огромную передовицу с философскими размышлениями на тему – кому это было выгодно и что принесло в результате. Ни одного нового факта или сенсационной подробности, проливающей свет на убийство Гонгадзе и записи Мельниченко, там не сообщалось.

Именно в это время в Киеве работала съемочная группа BBC – та самая, которая позднее встретилась в Америке с майором. Для лучшего понимания ситуации корреспондент BBC Том Манголд решил побеседовать в “холодильнике” с Карлосом Паскуалем. Из этой встречи он вынес англоязычный перевод передовицы «Зеркала Недели». Посол США порекомендовал ее прочитать, подчеркнув, что это – лучшее журналистское расследование кассетного скандала. Ознакомившись со статьей, британец возмутился:

– Если это – максимум, чего узнала ваша пресса за год после убийства своего коллеги, то журналисты в этой стране действительно заслуживают обезглавливания.

Правда, спустя пару лет «Зеркало Недели» исправилось. Газета начала печатать огромные статьи, посвященные расследованию дела Гонгадзе. Эти публикации были целиком и полностью основаны на

“сливе” документов из Прокуратуры. И, в частности, протоколов допросов покойного Игоря Гончарова.

О том, что еще в январе 2001 года можно было, при желании, найти его живым, «Зеркало Недели» умалчивает.

Отрывки из книги. Часть 7.

Глава 1. Генерал, который предсказал кассетный скандал

По странному, почти мистическому стечению обстоятельств все действующие лица кассетного скандала были как-то связаны с Евгением Марчуком. Секретарь СНБО Украины был знаком с Гонгадзе и Мельниченко, давно дружил с Купчинским. Один из близких помощников Марчука профинансировал создание «Украинской Правды». Таинственный Игорь Гончаров, который опекал журналиста Ельцова, также называл себя “человеком Марчука”. Наверное, мы с Болданюком были единственными участниками этих событий, которые не были знакомы с Евгением Кирилловичем. Чтобы восполнить этот пробел, я предпринял попытку познакомиться с ним и подружиться. Это произошло в начале февраля 2001 года – уже в разгар кассетного скандала.

В начале ноября 2000 года, спустя пару дней после страшной находки в тарашанском лесу, Ельцов связался с Гончаровым по пейджеру и попросил его о встрече. На “стрелку” экс-убоовец пришел помятым и очень уставшим. Он был одет так, словно только что вернулся из похода – полувоенные ботинки, заводская роба, явно требующая стирки. Гончаров сообщил, что возвратился из Тарашчи, и заверил Ельцова, что найденный в лесу обезглавленный труп принадлежит Георгию Гонгадзе. Причину своего интереса к этой истории Гончаров объяснил так:

Когда исчез Гонгадзе, Марчук решил выяснить, что случилось и по чьей вине. Он доверил разобраться в ситуации людям со стороны – бывшим офицерам ФСБ. Гончаров работал вместе с россиянами и исполнял у них роль координатора-связного. Чтобы прояснить ситуацию вокруг обнаружения обезглавленного трупа, его направили в Таращу. Побывав на месте событий, Гончаров убедился, что там действительно нашли тело Гонгадзе.

Из каких соображений экс-убоновец пришел к этому выводу, оставалось загадкой. Известно, что к эксперту Воротынцеву он не обращался и в морг, чтобы осмотреть найденный труп, не заходил. Тем не менее, Гончаров точно знал: журналиста Гонгадзе убили “орлы Кравченко” (при участии бандитов Волкова и Киселя), а перезахоронили его обезглавленный труп уже сотрудники СБУ, то есть – люди Деркача. Эта версия, излагаемая, в свою очередь, устами “человека Марчука” показалась Ельцову очень правдоподобной. Он всецело доверял Гончарову и считал его надежным источником информации.

Игорь Гончаров действительно знал Марчука и работал в его предвыборном штабе в 1999 году. Более того, навещал секретаря СНБОУ в госпитале СБУ, куда тот попал после автомобильной аварии. В это же самое время – весной 2000 года – другой знакомый Марчука познакомился с Гонгадзе и предложил ему профинансировать создание «Украинской Правды». Журналисты называли его Петровичем и ассоциировали с человеком, о котором упоминалось в прессе:

“В Украине есть люди, заинтересованные, используя некогда совместную работу в КГБ, наладить более тесные взаимоотношения с новым российским руководством. Например, Евгений Марчук. Еще до президентских выборов Москву посетила небольшая группа его бывших сослуживцев и сторонников во главе

с господином Владимиром Макиенко. Путин их не принял, но попытки – не пытки, и, очевидно, они будут продолжаться, поскольку для Евгения Марчука Россия – это, пожалуй, единственный шанс получить сектор собственной значимости”. («Зеркало Недели», 22 – 28 апреля 2000 года)

Руку Марчука в кассетном скандале усматривали многие. Даже Мороз в кулуарных беседах намекал, что именно Евгений Кириллович организовал прослушивание кабинета президента. Правда, заявить об этом публично лидер социалистов, по известным причинам, не решался. Что касается Мельниченко, то еще во время первых эфиров на «Свободе» журналисты отметили его благосклонное отношение к действующему секретарю СНБОУ. Впрочем, все это было на уровне догадок и слухов.

Единственным человеком, который открыто говорил о причастности Марчука к разразившемуся политическому кризису, был бывший начальник военной разведки Украины Александр Скипальский:

“Кассетный скандал является составной частью стратегической игры, которая выгодна Москве. На мой взгляд, за спиной Мельниченко стоят профессионалы, причем такие, чьи приказы он не просто выполняет, а которым полностью доверяет. Кто ему может обеспечить стопроцентную безопасность во время пребывания за границей? Только спецслужба. Я не буду говорить, нужно ли верить известным записям. Это, на мой взгляд, не является дилеммой. Но если бы мы сейчас узнали, кто руководит Мельниченко, многие отказались бы быть пешкой в чужой игре. Моя версия – это Евгений Марчук, исполняющий роль главного дирижера “кассетного скандала” в Украине”. («Україна молода» 22 февраля 2001 года).

Опытный разведчик ошибался, по крайней мере, в одном: за Мельниченко, после его отъезда в Чехию, уже

никто не стоял. Предположить, что люди, которые прячут Мельниченко, как-то связаны с Марчуком, было резонно. Однако, в действительности, это было не так.

Стыдно признаться, но я не был лично знаком с Евгением Кирилловичем. Моя жена Иванка тоже. Под подозрением оставался Болданюк. На эту тему у нас состоялся серьезный разговор, но мой друг побожился, что никогда не видел Марчука. После этого я пришел к выводу, что мне обязательно нужно познакомиться с секретарем СНБОУ. И вскоре для этого представился удобный случай.

По уникальному стечению обстоятельств, в самый разгар кассетного скандала Марчук собрался с визитом в Мюнхен. Целью его приезда было участие в конференции по международной безопасности, которая открывалась в столице Баварии 4 февраля 2001 года. В это время Мельниченко сидел в Острове без документов и все еще искренне надеялся вернуться в Украину.

Готовясь к предстоящей встрече, я перечитал ряд интервью Марчука, посвященных кассетному скандалу. Одно из них он дал 17 декабря 2000 года первому каналу украинского телевидения. Секретарь СНБОУ уверенно приписал политический кризис в стране проискам оппозиции и встал на защиту Кучмы.

“Видно, что всей этой акцией руководит или какая-нибудь группа людей, или какой-то координационный центр. И видно это достаточно хорошо – по целям, по мишеням. Прежде всего, это Президент и большинство в парламенте. Кроме этого избраны для удара фигуры главы Администрации, руководителя МВД и Генерального прокурора. Потом там вставляют в текст фамилии других людей из окружения Президента, которых надо поссорить между собой и внести напряжение. Проще, правоохранительные органы и дальше круг политических фигур, которые есть открытыми сторонниками Президента.

Это все выстроено так, чтобы одних заблокировать, других дискредитировать, а третьих, я имею в виду политических сторонников президента, поставить в двузначное такое положение, а проще – перессорить всех между собой...”

Похоже, секретарь СНБОУ, как никто другой, знал, о чем говорил. И здесь я был полностью согласен с его оценками. Однако дальше он, как и Скипальский, заблуждался:

“Операция, которую проводят, действительно дорого стоит как в прямом, так и в физическом понимании этого слова. Если этот офицер вывезен за границу, это не простое дело! Нужны большие деньги, чтобы содержать его там, обеспечивать членов его семьи. Его же там кто-то сопровождает. Для этого необходимо иметь контакты с органами власти. Нужны деньги, чтобы заказывать публикации в газетах в европейских странах. Это тоже стоит недешево”.

Прочитав это, я подумал: неужели Марчук говорит искренне и действительно не знает о том, кто вывез Мельниченко за границу и где он находится? Ну, тогда он не секретарь Совета безопасности, а бригадир колхозных трактористов. Честно говоря, я отказывался в это верить. Болданюк тоже считал, что местонахождение Мельниченко, можно было, при желании, установить за один день. Для этого требовалось просто проверить номера моего джипа: он был зарегистрирован на имя супруги моего друга Павлины.

Мое знакомство с секретарем СНБОУ состоялось в Украинском свободном университете. Марчук приехал туда вместе с министром иностранных дел Украины Зленко, чтобы вручить награды видным представителям диаспоры. Ректор университета Лео Рудницкий был награжден орденом Ярослава Мудрого, а бывший редактор бандеровской газеты «Шлях Перемоги»

Владимир Леник – орденом «За заслуги». Государственные награды вручались от имени президента Украины Кучмы. После торжественной церемонии состоялся фуршет, в ходе которого присутствующие свободно общались между собой и с гостями из Киева. Разговаривая с Рудницким, я пошутил:

– Ваш орден, наверное, войдет в историю. Он будет последним за время президентства Кучмы.

В то время я еще по инерции верил Морозу и ждал скорой отставки президента. Но я ошибался, не зная реальной ситуации в Украине.

Затем я представился Марчуку и предложил ему прогуляться. Вместе с моей дочкой Ганнусей мы вышли из здания университета на улицу. Марчук первым делом поинтересовался, сколько девочке лет, и сколько она знает языков. Ганнуса сообщила, что в свои десять лет знает украинский, русский, чешский, польский, немецкий и учит английский. После этого я обратился к секретарю СНБОУ:

– Евгений Кириллович, я читал ваши заявления для прессы. Вы говорите, что это целая операция, что нужно много денег для того, чтобы прятать Мельниченко. Так майор живет здесь поблизости. Можно поговорить с ним по мобильному. И даже встретиться, при желании. Заодно посмотрите, как и на что он живет. Кстати, он к вам прекрасно относится.

В ответ, Марчук улыбнулся и заявил:

– Хорошо, я понял, вас. Но не стоит торопиться, Владимир Иванович. Подождем, посмотрим, как будут развиваться события.

Мне показалось тогда, что Марчук намекает на какие-то близкие перемены в Украине.

Со временем я понял, что кассетный скандал и записи Мельниченко были выгодны Марчуку, так же как и Морозу. Они оба зарабатывали себе на этом

политические дивиденды. Украина переживала глубокий политический кризис, в ходе которого был дискредитирован президент и его окружение, а также подорван авторитет государственных и силовых структур. И в это трудное время секретарь СНБОУ, оставаясь вне зоны критики, спасал престиж Украины на мировой арене. Более того, его кандидатура числилась среди претендентов на замену Ющенко...

На судьбу живого человека по имени Мельниченко Марчуку, как и Морозу, было наплевать. Его также устраивал вариант “снегопада в Татрах”... С учетом давних связей секретаря СНБОУ с Миколой, это стало бы оптимальным развитием событий.

Итак, Марчук до Мюнхена меня не знал. Зато, как выяснилось, давно и с удовольствием общался с Романом Купчинским. Они были хорошо знакомы по Киеву, и продолжали встречаться уже во время кассетного скандала.

23 апреля 2001 года, вскоре после отъезда Миколы за океан, Марчук вновь посетил Европу – на этот раз, Брюссель. Там проходила международная конференция «Украина и Европейский Союз». Среди журналистов присутствующих на мероприятии был Роман Купчинский. Он специально приехал из Праги, чтобы повидать секретаря СНБОУ. Подробности этой встречи впоследствии поделился на Интернет-форуме «Майдан» брюссельский корреспондент «Свободы» Славко Волинский:

“Два дня Марчук и Купчинский свободно попивали виски и о чем-то совещались. Наконец мы собрались втроем: в уютном маленьком кафе на территории штаб-квартиры НАТО. Купчинский настаивал на том, чтобы в Украине закрыли уголовное дело против Мельниченко. Марчук предложил нам заключить договоренность о “долговременном сотрудничестве”. Подразумевалось, что мы с Купчинским с помощью радио «Свобода» и

других доступных средств массовой информации будем активно дискредитировать Кучму и Деркачей. А также – следить за западной прессой и не распространять появляющуюся там негативную информацию о Марчуке. Наоборот, формировать его позитивный образ. Марчук пообещал, что оплатит нашу работу. Вскоре из Киева прибыл гонец с первой партией дискет: материалы о турийском судебном процессе, компромат на Кучму, Деркача, Пустовойтенко. Вот кто был тогда в кругу его врагов”.

Несмотря на дружбу и сотрудничество с Купчинским, Марчук в своих публичных выступлениях констатировал “информационную экспансию со стороны других государств на Украину” и даже “психологическую войну”. Утверждал, что некоторые журналисты не столько освещают события в Украине, сколько ведут политическую, пропагандистскую работу на стороне одной из конфликтующих сторон. Евгений Кириллович негодовал:

– Применение записей Мельниченко во внутривнутриполитической борьбе я еще могу объяснить. Но использовать их как повод для внешней атаки на Украину, которую развязали некоторые средства массовой информации, неприемлемо!

Марчук был прав, говоря о недопустимости использования записей Мельниченко иностранцами. И это наглядно показал дальнейший скандал вокруг «Кольчуги».

Впрочем, выступать в роли пророка Евгению Кирилловичу было не впервые. Еще в 1998 году, будучи депутатом Верховной Рады, он предвидел грядущий кассетный скандал и с точностью до деталей предсказал его сценарий: компрометация государственного политика на основе тайно зафиксированной эмоциональной угрозы.

Оказалось, что появление майора Мельниченко с его записями было закономерным – служба госохраны в Украине имела право осуществлять негласный контроль, в том числе и за ведущими политиками страны. В советское время специальные методы по сбору информации использовали всего лишь три структуры. Этим занимались КГБ, МВД, Генпрокуратура, причем техническая сторона была сконцентрирована только в КГБ. В Украине же число таких органов постоянно увеличивалось. К СБУ, МВД и Генпрокуратуре добавились Управление государственной охраны, Национальное бюро расследований. Пытались “пробить” себе это право военная разведка, оперативные подразделения погранвойск и налоговая милиция. И это было чревато неприятностями, о чем давно предупреждал Евгений Кириллович:

“Без четко отработанного механизма гражданского контроля над силовыми структурами это может быть применено в политических целях, тем более на фоне начавшейся предвыборной борьбы”.

Дальше Марчук рассуждал о том, что тайно записанные разговоры граждан (в том числе политиков), содержащие эмоциональные угрозы, могут быть определенным образом использованы теми, кто их тайно записывает.

“Например, если какой-то политик на митинге резко высказался в адрес, скажем, Президента и в публичном выступлении прозвучала открытая угроза, это противоправное деяние должно расследоваться, как положено. Но политическая фразеология такова, что оперативный работник может ее, потом интерпретировать по-своему. Этого не должно быть, но это может быть...”

В советские времена, если было зафиксировано, что некий гражданин высказывал угрозу в адрес Брежнева, это моментально проверялось. И тотчас выяснялись два

обстоятельства – в какой ситуации он это сказал (то ли выпивши, то ли поссорившись с каким-то начальником, то ли это психически нездоровый человек), то есть насколько это было осознанно. А второе – зафиксированы ли хоть малейшие признаки приготовления. Если первое обстоятельство оперативно "просвечивало", что человека "довели", но он никогда и не думал об этом, и приготовлений не было, то с таким гражданином проводили беседу, и на этом все заканчивалось..."

В Украине такой оперативной проверкой уже не занимались. Хотя о факте зафиксированных угроз становилось известно слишком многим компетентным органам. Еще в начале 1998 года экс-глава СБУ подозревал, что "накопление" подобной информации может привести к политическим скандалам.

"У политиков есть соблазн использовать правоохранительные структуры, чтобы добыть определенную негативную информацию для ее дальнейшего использования в политической борьбе. Отмечу, что подобные устремления были характерны и в других странах, к примеру, тот же Уотергейт".

(«Киевские ведомости». 11 февраля 1998 года)

Итак, Евгений Кириллович Марчук предупреждал о кассетном скандале, но к его мнению не прислушались. А в одиночку он не сумел его предотвратить...

Высказываясь о кассетном скандале в прессе, секретарь СНБОУ постоянно подчеркивал: невозможно представить, чтобы Мельниченко действовал в одиночку. Я часто задумывался над смыслом этих слов. Марчук, очевидно, подразумевал, что Микола был членом группы, занимающейся прослушиванием президента, и действовал в чьих-то интересах. Тогда в чьих?

Быть может, размышлял я, прослушивание кабинета президента организовал не Марчук, а совсем другие

люди? А Мельниченко тоже пришел к нему по собственной инициативе, так же, как и к Морозу? Может, Марчук лишь пользовался информацией от Мыколы и не доверял ему до конца, подозревая, что майора кто-то подослал? В конце концов, думал я, все возможно – ведь и сам я познакомился с Марчуком по личной инициативе. Он меня к себе не звал.

Странная благосклонность Мельниченко к Марчуку объяснялась просто. Секретарь СНБОУ предполагал, что майор мог проникнуться к нему уважением, прослушивая свои записи. Кучма действительно никогда не любил Марчука. Он постоянно ругал его заочно в своем кабинете, называя самым коррумпированным человеком в Украине.

В дружбе Марчука с директором украинской «Свободы» также не было ничего удивительного. В Украине ведущие журналисты традиционно тесно общаются с политиками и обслуживают их на коммерческой основе. Привлечь на свою сторону американскую радиостанцию было несомненным личным достижением Евгения Кирилловича. Это, по слухам, обошлось всего в 500 долларов, которые он однажды одолжил в Киеве Купчинскому.

Таинственный экс-убоповец Игорь Гончаров также был знаком с Марчуком. Однако об их сотрудничестве в деле Гонгадзе известно, в основном, со слов самого Гончарова. Не исключено, что он намеренно врал. Ведь в показаниях экс-убоповца Генпрокуратуре утверждалось, что он дружил с Гонгадзе и лично его финансировал. Более того – сотрудничал с самим майором Мельниченко. Однако, ни Притула, ни Мыкола, в глаза не видели этого человека. Поэтому и его рассказы о деловом партнерстве с Марчуком могли быть крайне преувеличены. Кто знает, может, Гончаров работал напрямую с ФСБ, и лишь называл себя человеком Евгения Кирилловича? Ведь

предприниматель по прозвищу Петрович, который профинансировал создание «Украинской Правды», признавался, что работает не столько на Марчука, сколько напрямую с Россией.

Быть может, думал я, Марчука тоже использовали втемную в игре более серьезных сил. И нити, ведущие к настоящим режиссерам кассетного скандала, тянутся, как и предполагал Скипальский, в Москву? А сам Евгений Кириллович всего лишь предвидел неприятности, старался их предупредить, а когда не вышло – работал над минимизацией негативных последствий кассетного скандала для Украины?...

Глава 2. Возвращение в Украину.

В конце августа 2001 года я впервые с начала кассетного скандала собрался в Украину. Я сопровождал группу немецких детей, которые автобусом направлялись на отдых в украинские Карпаты. По дороге, в Польше у меня состоялась встреча и серьезный разговор с Болданюком. Так я, наконец, узнал, что Мельниченко, улетаая в Штаты, оставил все свои записи на хранение моему другу. При въезде в Украину не обошлось без проблем: меня продержали на границе в «Шегинях» три часа и лишь по команде из Киева пропустили. Позже я узнал, что так распорядился новый шеф СБУ Владимир Радченко.

Находясь в Германии, я постоянно думал о возвращении в Украину. Там оставались мои родители, знакомые, друзья и, наконец, множество дел, которые требовали моего личного участия. В Киеве и Львове у меня был бизнес, недвижимость. Помогая Мельниченко по просьбе Мороза, я совершенно не рассчитывал, что почти год не смогу посещать Украину. Мысли о поездке домой не покидали меня ни на минуту со времени начала кассетного скандала.

Я собрался приехать в Украину в августе 2001 года. Раньше я не мог сделать этого по объективной причине: условия моей действующей визы подразумевали постоянное пребывание в Германии. Если бы я выехал из страны, мне пришлось бы делать себе новое приглашение и оформлять иной тип визы. Рисковать семьей было нельзя: Иванка работала, а Ганнуся продолжала учиться в гимназии.

Для того чтобы вернуться в Украину, я придумал особый проект: отдых немецких детей в украинских Карпатах. Мою идею поддержали общественная организация Баварско-украинский Форум, Министерство внутренних дел Германии и Министерство социальной политики Баварии. Для осуществления задуманного совместными усилиями удалось найти 40 тысяч немецких марок. Больше половины из этих денег были мои. Я также договорился о приеме делегации в Украине – детей готовились встретить на базе «Тисовец» в Славском. Немцы, в свою очередь, согласовали все необходимые формальности через свое посольство в Украине.

Агитировать баварцев на эту поездку было нелегко, и, тем не менее, нам это удалось. На отдых собралось более сорока детей. Они впервые ехали в Украину, и их родители очень беспокоились. Им казалось, что Украина – бедная страна, где свирепствуют различные болезни, инфекции и туда нужно обязательно брать питьевую воду. Я старался убедить их, что это неправда. Чтобы продемонстрировать это на личном примере я взял с собой в поездку Татьянку и Ганнусю. Иванка осталась в Штарнберге.

О том, что я собираюсь в Украину, знал Болданюк. Перед отъездом он позвонил и пообещал встретиться со мной по дороге. Мой друг предупредил, что состоится важный разговор.

Из Мюнхена мы выехали на автобусе, вместе с детьми. По пути планировалась остановка на ночлег в окрестностях польского городка Дембица. Там расположена спортивно-тренировочная база сборных команд Польши по футболу. Один из моих партнеров по бизнесу являлся ее совладельцем и согласился принять нашу группу. Условия были прекрасными: дети разместились в номерах, покушали, искупались в бассейне и пошли спать. Поздно вечером, из Остравы

приехал Болданюк. Мы встретились с ним в кафе, а затем долго гуляли по лесу.

Мой друг заявил:

– Я знаю, Володя, что мы оба в этой истории совершали ошибки. Но изначальной ошибкой было то, что мы доверились Морозу, который просто использовал нас всех и забыл. Меня, тебя и Мыколу с семьей. Лично для меня это уже не имеет значения – я обеспеченный человек и мое будущее не зависит от Украины. Однако я понимаю твою ситуацию – ты стал заложником этой истории, и твоя судьба зависит от дальнейших действий Мыколы. Поэтому я хочу тебе сообщить важную информацию. Может это пригодиться тебе, может – кому-то в Украине. Знай: все компакт-диски, которые ты привез вместе с Мельниченко в Остраву, остались у меня.

Болданюк сообщил, что такое решение Мыкола принял самостоятельно, перед отъездом за океан. Он предполагал, что в Америке ЦРУ или другие структуры отберут у него записи, и решил этого избежать. Майор договорился с Болданюком, что он сначала выяснит, какая ситуация в Штатах и оценит, можно ли там нормально работать. А записи пока останутся у человека, которому он всецело доверяет. Болданюк, в ответ поставил Мыколе условие. Он потребовал, чтобы в дальнейшем архивом его записей распоряжались трое: Болданюк, Мельниченко и Цвиль. Мой друг также посоветовал Мыколе определиться в Штатах со своими источниками финансирования и в отношениях с украинскими политиками. После этого можно будет вернуться к архиву, который остался в Европе, пообещал он.

По опыту общения с Мыколой, Болданюк давно пришел к выводу: доверять майору и рассчитывать на его здравые самостоятельные решения бессмысленно. Поэтому мой друг, фактически, стал главным

распорядителем архива тайных записей Кучмы. Официальные структуры Украины не проявляли никакого интереса к этим записям, а ее политики продемонстрировали лишь только желание использовать их в своих личных целях. В этих условиях у чешского бизнесмена не оставалось иного выбора, кроме как лично хранить государственные секреты нашей страны. До августа 2001 года об этом знали только Болданюк и Мыкола, а с момента нашей встречи в Дембице в их тайну был посвящен я.

Переночевав в Польше, мы отправились дальше. Подъезжая к украинской границе, я очень волновался: это было мое первое возвращение на Родину с начала кассетного скандала. Того, что происходит в Украине, я до конца не понимал. Ориентироваться по информации из Интернет было тяжело. В основном я читал «Украинскую Правду», которая говорила о преступном режиме Кучмы, единственным честным борцом против которого был майор Мельниченко. Если это соответствует действительности, думал я, то меня тотчас должны арестовать, как его главного сообщника.

Границу, как обычно, пересекали в «Шегинях»...

Когда автобус подъехал к украинской пограничной заставе, у детей и сопровождающих собрали паспорта на проверку. Среди этих документов был и мой паспорт. Однако процедура контроля затянулась. Вскоре стало понятно, что нас задержали: пограничники завернули наш автобус в сторону и попросили водителя ждать.

Прошло два часа. Наша сопровождающая фрау Шеффер Айхенляуб – вице-президент Баварско-украинского форума – забеспокоилась. Она начала протестовать, объясняя, что поездка была согласована немецкой стороной заблаговременно, на самом высоком уровне. Пригрозила позвонить в Киев послу. После этого пограничники предложили пропустить автобус с

детьми, при условии, что Владимир Цвиль останется здесь – до получения соответствующих инструкций.

– Цвиль выступает гарантом нашей поездки в Украину, – заявила в ответ немка, – именно он профинансировал эту поездку и убедил родителей отправить в Украину своих детей. Без него мы никуда не поедem и развернемся назад.

Пограничники предложили еще немного подождать. Была суббота и, по-видимому, требовалось время чтобы “наверху” приняли решение. Через час в «Шегинях» появились люди в штатском и вскоре нам позволили ехать дальше. Так состоялось мое возвращение в Украину. Позже я узнал, что тогда в Киеве, на даче нашли Владимира Радченко, и он скомандовал: пропускайте Цвиля, я беру это на себя.

С назначением на пост председателя СБУ Владимира Радченко произошел коренной перелом в моих отношениях с украинской спецслужбой. Прежде всего, я благодарен ему за то, что впервые с начала кассетного скандала благополучно приехал в Украину.

Владимир Иванович Радченко считался настоящим государственнымником. Когда на основе украинского КГБ образовалась СБУ, он одним из первых принял присягу на верность народу Украины. Известно, что его уход с поста главы СБУ в 1999 году объяснялся нежеланием втягивать службу в политические игры накануне президентских выборов. В отличие от своего предшественника, Леонид Деркач занимался этим с энтузиазмом. Однако карьера бывшего особиста из «Южмаша» бесславно завершилась в ходе кассетного скандала, и службу опять возглавил Радченко.

Возвратившись на Владимирскую, Радченко провозгласил курс на деполитизацию СБУ. Он искренне стремился к тому, чтобы все процессы в Украине совершались в соответствии с конституцией и действующим законодательством. Вдобавок, Радченко

заявил, что расследовать убийство Гонгадзе – дело чести всех правоохранительных органов Украины. И это было самое главное.

Я верил, что именно СБУ способна установить и наказать убийц журналиста, кто бы они не были – “орлы Кравченко”, “голуби Деркача” или “друзья из ФСБ Марчука”. Еще во время своей первой встречи с Верховским и Степаном я убеждал их: ищите убийц Гонгадзе и тогда можно будет договориться с Мельниченко. Однако во времена Деркача служба этим не интересовалась.

Вскоре после отлета в Америку Мельниченко я еще раз встретился с Верховским и Степаном. Сотрудники СБУ приехали в Мюнхен, чтобы взять у меня официальные показания по делу Гонгадзе для генпрокуратуры Украины. Эта процедура состоялась на территории украинского консульства в Мюнхене, и я дал ответы на все поставленные вопросы. Верховский лично записывал мои показания.

– Мы прекрасно знаем, что вы непричастны к исчезновению Гонгадзе, – объяснял он, – дело в формальности.

– А кто тогда причастен? – поинтересовался я.

На это сотрудники СБУ заявили, что расследованием дела Гонгадзе занимается Генеральная прокуратура.

Мельниченко также симпатизировал новому главе службы. Целью Мыколы всегда была борьба с коррупцией в Украине, а СБУ была призвана этим заниматься по законодательству. Майор искренне верил в службу и надеялся, что именно она выступит катализатором перемен в Украине. Ему казалось, что СБУ должен возглавить серьезный человек, который железной рукой разберется с Кучмой и олигархами и, наконец, наведет порядок в Украине. Таким человеком в его представлении был Владимир Радченко.

Перед тем, как покинуть Чехию, Мельниченко обратился к председателю СБУ с открытым письмом, в котором призвал его разобраться в безобразиях, творящихся в Украине. Со своей стороны Микола пообещал хранить государственную тайну. Он написал это письмо буквально накануне вылета в США.

Микола рассказывал мне, что его самолет в аэропорту Кеннеди в Нью-Йорке ждали сотрудники ФБР. Они встретили майора прямо у трапа и потребовали немедленно отдать все записи. В ответ он заявил, что не желает разглашать государственные секреты Украины, и поэтому спрятал их в надежном месте в Европе. Американцы были в шоке, утверждал Мельниченко.

Глава 3. СБУ: в борьбе за записи Мельниченко.

После отъезда Мельниченко за границу развернулась яростная борьба за его записи. Прежде всего, за право распространять разговоры Кучмы боролись украинские социалисты и американские журналисты. Официальная Украина при этом бездействовала. Лишь с возвращением на пост главы СБУ Владимира Радченко структура с улицы Владимирской заинтересовалась фонотекой Мельниченко. В сентябре 2001 года, познакомившись лично с шефом СБУ, я услышал, что Радченко хочет знать содержание записей Мыколы. В мае 2002 года состоялось несколько раундов переговоров Болданюка с зампредом СБУ Шатковским. После этого мой друг начал передавать в Киев копии с компакт-дисков, которые составляли архив майора Мельниченко.

С начала кассетного скандала, когда стало ясно, что сотни часов записей разговоров президента – не миф, и действительно вывезены за границу его бывшим охранником, за компакт-диски Мыколы развернулась нешуточная борьба. Ими старались завладеть все кто угодно: мафиозные кланы, политики, корреспонденты и иностранные спецслужбы. Наибольшую активность проявляли журналисты радио «Свобода» и социалист Рудьковский. Они буквально осаждали Мыколу, убеждая его распространить через них свои записи. Однако майор, отказывался делиться информацией, которая, кроме прочего, содержала государственную тайну Украины. В этом его поддерживали мы с Болданюком.

За четыре с половиною месяца пребывания в Чехии, Мельниченко выпустил в свет всего два компакт-диска с записями разговоров Кучмы. Он отдал их 15 января 2001 года Рудьковскому. Через помощника Мороза эти материалы попали на радио «Свобода», в Генпрокуратуру Украины и парламентскую следственную комиссию, которая, в свою очередь, передала их на экспертизу в венский Институт свободной прессы. А уже оттуда записи Микола получили журналисты.

Так записи разговоров Кучмы пошли гулять по миру. А заодно с ними – государственные секреты Украины. Официальные украинские структуры долгое время не интересовались судьбой архива Микола. Ситуация изменилась лишь с приходом на пост главы СБУ Владимира Радченко.

Попав впервые с начала кассетного скандала в Украину, я провел там больше месяца. Заходил в Раду, общался со знакомыми политиками, прежде всего, с Морозом и другими социалистами. Говорили о разном – кроме Микола и его записях. Нежелание обсуждать кассетную тематику было у нас взаимным. После произошедшего я не доверял им, а они, в свою очередь, опасались меня.

Именно в кулуарах парламента состоялось мое первое знакомство с Радченко.

Я встретил шефа спецслужбы в коридоре, когда он выходил после заседания бюджетного комитета Верховной Рады. Представившись, я пошутил:

– С вас, Владимир Иванович, бутылка! За то, что вы стали председателем СБУ.

– Почему? – удивился он.

– Ну, как? Если бы не кассетный скандал, вас бы не назначили! Все поменялось из-за Мельниченко.

– Ну, хорошо, – отмахнулся Радченко, – не будем здесь говорить на эту тему. Если есть желание,

подходите на Владимирскую.

Прощаясь, шеф СБУ успел пожаловаться на парламентариев:

- Нахера мне такая работа, чтобы выпрашивать у Турчинова деньги на службу?

Как настоящий опер, Радченко повел себя очень грамотно. Он сделал вид, что в нашем общении, в первую очередь, заинтересован я сам.

Спустя пару дней председатель СБУ принял меня в своем рабочем кабинете на Владимирской. Прослушивания Радченко не боялся и мы сразу же приступили к деловому разговору. Прежде всего, его интересовало, какой объем информации Мельниченко мог забрать с собой в Штаты.

Как выяснилось, Мыкола перехитрил всех: и Болданюка, и американцев. На самом деле, он увез с собой в Америку часть записей на жестком диске своего компьютера. Отправляясь на самолете в Америку, Мыкола спрятал винчестер среди своих личных вещей и агенты ФБР его не нашли.

Записи Кучмы очутились в компьютере Мыколы уже в Чехии - раньше он был пуст. А все компакт-диски, которые привез майор, с самого первого дня хранились у Болданюка. Волнуясь за свою жизнь, Мельниченко попросил моего друга спрятать их в надежном месте: на случай, если с ним что-то произойдет, чтобы эта информация осталась для народа Украины.

Болданюк держал компакт-диски Мыколы в сейфе в одном из остравских банков. Занимаясь расшифровками, Мыкола ежедневно работал со своим архивом. По его просьбе Болданюк находил нужные диски и передавал ему для работы. Потом они возвращались в банк. По ходу дела Мыкола копировал записи на свой компьютер и, улетев в Америку, увез туда достаточное количество информации. Это очень беспокоило главу СБУ.

Радченко не исключал возможных фальсификаций с записями Мельниченко. По его мнению, на радио «Свобода» манипулировали с записями, добавляя или удаляя оттуда нужные, по их мнению, фразы собеседников. В дальнейшем этим активно увлекался Шве́ц. В отличие от Мы́колы он превосходно владел необходимыми компьютерными программами и не испытывал никаких угрызений совести от таких трюков. Еще легче было исказить смысл разговоров при их расшифровке.

Глава СБУ утверждал, что расшифровки, которые распространяла «Свобода» и социалисты были безбожно перевраны.

– Я знаю Кучму. Он, конечно, ругается, но не столько же. Они там сразу же тыкают матюки, если что-то плохо слышно!

Шеф СБУ чувствовал, что Мы́колу вот-вот возьмут в оборот американцы, и понимал, чем это может угрожать Украине. Поэтому спецслужба хотела знать содержание его записей. Нужно было выяснить, какие государственные секреты могут попасть в чужие руки.

Суммируя вышесказанное, Радченко заявил: служба нуждается в информации, которая поможет вести переговоры с зарубежными странами с целью минимизировать последствия кассетного скандала. После этого, он сформулировал предложение: СБУ готова выкупить находящийся у Болданюка архив Мельниченко. Деньги предлагалось взять из государственного бюджета – 100 тысяч долларов.

Выслушав Радченко, я заметил, что самостоятельно не могу принять решение. На это требовалось, в первую очередь, согласие Мы́колы. Поэтому мне нужно было полететь в Америку и встретиться с ним.

Вскоре глава СБУ организовал мне приглашение в Штаты и выдал на дорогу две тысячи долларов. Так я

впервые в своей жизни очутился в Нью-Йорке и встретил вместе с Миколой рассвет на Манхеттене.

Мельниченко поначалу верил что, попав в Америку, станет героем украинской диаспоры и окажется в центре внимания различных влиятельных организаций: от ФБР до Госдепартамента США. Так ему обещали журналисты «Свободы», «Нью-Йорк Таймс» и CBS. Однако во время своей поездки я убедился, что вместо славы и денег Мельниченко окружают неприятности. Угодил в тюрьму его опекун Литвиненко, а Министерство Юстиции США официально требовало от него отдать все свои записи. Адвокаты Лазаренко убедили высокие инстанции “потрусить” майора, рассчитывая, что это поможет их клиенту. Микола не хотел, чтобы его записи попали в руки американцев, и искал выход из ситуации. Поэтому мое предложение о сотрудничестве с СБУ пришлось весьма кстати.

В Нью-Йорке Микола передал мне личное послание для Радченко. Он выразил свою готовность сотрудничать с СБУ в целях укрепления государственной безопасности Украины. Это письмо Мельниченко написал на цветной ксерокопии своего паспорта – с целью доказать, что пишет действительно он сам. Вдобавок майор побеседовал с главой СБУ по телефону. Я набрал номер мобильного Радченко и передал трубку Миколу. Он начал долго и сбивчиво клясться шефу СБУ в своей верности Украине. В ответ ему Радченко приказал:

– Микола, никому не доверяй!

И это было правильно. Вокруг Мельниченко крутилось много подозрительных личностей, готовых использовать его записи в собственных целях. Это были Швец, Жир, Купчинский и другие.

Теперь я понимаю, что команда, отданная генералом Радченко майору Мельниченко, оказалась действенной. Это был верный ход: Микола оставался в

душе охранником и ждал, чтобы им руководил достойный начальник. Со времени разговора с главой СБУ, он не получал более конкретной команды, и поэтому по-прежнему никому не доверяет.

Зная о том, что представляет собой окружение Мыколы в Америке, я не стал уточнять, в чем именно будет заключаться наше сотрудничество с СБУ. Хотя он наверняка догадывался, что речь пойдет о записях.

После поездки в Америку, оставалось договориться с Болданюком.

Мой друг изначально скептически относился к попыткам сотрудничества с СБУ. Он не доверял украинской спецслужбе и не верил в ее эффективность – это наглядно продемонстрировали события вокруг Мыколы. Тем не менее, Болданюк согласился по моей просьбе встретиться с заместителем председателя СБУ Петром Шатковским.

Во время беседы с Радченко, я предложил главе СБУ лично убедить Болданюка в необходимости вернуть записи Мыколы в Украину. Однако Радченко, как человек осторожный, порекомендовал вести переговоры своему заместителю.

Петр Шатковский был верным помощником шефа СБУ и пользовался его безграничным доверием. В службе он одновременно курировал разведку и контрразведку. Ни в одной другой стране такого нет: эти структуры выполняют противоположные функции: разведка ищет друзей, контрразведка – врагов. Но для Радченко это не имело значения – он полностью полагался на своего заместителя.

Взявшись за кассетный скандал, Шатковский не спешил предпринимать активные действия. Он объяснил мне, что поездку в Чехию нужно тщательно подготовить и, в целях конспирации, совместить с каким-нибудь официальным визитом в эту страну украинской делегации. В конечном итоге, заместитель

главы СБУ встретился с Болданюком уже после того, как в Америке была обнародована запись разговора, в котором Кучма говорит о продаже в Ирак «Кольчуг». Их первые переговоры состоялись 8 мая 2002 года в Кракове.

Шатковский отправился в поездку на машине и самостоятельно добрался до границы с Польшей. Там его встретил посол Украины Никоненко и повез в Краков, где их уже ждал я. Вначале мы совершили экскурсию по центру города, посетили королевский замок Вавель. Затем втроем гуляли по военному кладбищу: польские спецслужбы должны были знать, что зампред СБУ ищет могилу своего дяди, который погиб, освобождая Польшу во время Второй Мировой войны. Вечером в Краков приехал Болданюк.

Познакомившись с Шатковским, мой друг поинтересовался:

– Зачем вы сюда приехали, и кто вас прислал? Какой мне смысл отдавать вам записи? Что вы сделаете с ними?

Гость из Киева заверил, что действует с санкции главы СБУ и представляет интересы спецслужбы, которая в соответствии с законодательными актами борется с коррупцией и осуществляет сбор информации, представляющей интерес с точки зрения государственной безопасности Украины. Шатковский объяснил, что хочет получить копии записей Мельниченко с целью проверить их на наличие государственной тайны. В первую очередь – запись разговора президента о «Кольчугах».

Выслушав его, Болданюк согласился найти интересующий СБУ компакт-диск. Однако никаких дальнейших гарантий мой друг не предоставил и предложил Шатковскому встретиться повторно, в Чехии.

В тот вечер я передал зампреду СБУ два компакт-диска, с записями разговоров президента от 10 июля 2000 года, где Кучма говорил о «Кольчугах». Получив записи, Шатковский обрадовался, что ему будет чем отчитаться за командировку перед начальством.

Во второй раз Шатковский приехал к Болданюку в Оставу. Они встретились в том самом ресторане, где мы принимали Мороза в январе 2000 года после его отдыха в Карловых Варах. Зампред СБУ предложил Болданюку передать все записи Мыколы в распоряжение службы в обмен на материальное вознаграждение. Была названа цена: 100 – 150 тысяч долларов США. Это предложение Болданюк назвал смешным. Он заявил, что Шатковский должен понимать: иные структуры готовы заплатить за записи Мыколы совсем другие деньги. В ответ, Шатковский извинился за столь низкую цену, но предупредил, что большим СБУ не располагает.

Болданюк пояснил свою позицию: записи, которые находятся под его контролем, не будут предметом бизнеса, и он гарантирует, что государственные секреты Украины не попадут в чужие руки. Против возвращения записей Мельниченко на родину, мой друг не возражал:

– Я уже отдал вам два компакт-диска. Покажите, что с этим сделано полезного для Украины.

Шатковский заверил, что полученная запись о «Кольчуге» помогает предотвратить возможные внешнеполитические осложнения для Украины. СБУ по собственной инициативе провела переговоры со спецслужбами западных стран и разъяснила, что намерение продать «Кольчуги» в Ирак не сопровождалось конкретными действиями.

Третья встреча Болданюка с зампредом СБУ состоялась в Южной Моравии. Мой друг пригласил Шатковского посетить главный регион виноделия в

Чехии, чтобы продемонстрировать свои собственные винные склады. Компанию в этой поездке нам составили друзья и знакомые Болданюка. Сначала мы долго сидели в подвале и дегустировали разные сорта вин. Поздно вечером друзья Болданюка разъехались, я ушел спать, а Болданюк и Петр, оставшись одни, продолжили свои переговоры. В тот вечер мой друг перешел с зампредом СБУ на "ты". Они говорили о судьбах Украины и о борьбе с коррупцией.

Шатковский убеждал моего друга, что его деятельность является инициативой группы патриотов, которые преследуют единственную цель: защитить Украину от вреда, который будет нанесен, если компакт-диски Мыколы попадут в плохие руки. Доказательства многочисленных преступлений, которые зафиксированы там, могут быть расследованы позже – пока Украина к этому не готова. Хотя он, Шатковский, лично готов бороться с коррупцией уже сейчас.

В ответ Болданюк предложил:

– Петр, давай завтра вместе сядем в мою машину и поедем в Киев. Спрячем все твои удостоверения и спецталоны. И ты убедишься, что по дороге нас остановят десять раз и придется платить деньги. Если ты арестуешь хотя бы одного из гаишников, то внесешь свой вклад в борьбу с коррупцией в Украине. Тогда я отдам тебе все диски Мыколы!

– Дело службы не в том, чтобы арестовывать гаишников, – развел руками Шатковский, – это функции прокуратуры, судов. Наше дело – собирать информацию и анализировать ее!

Болданюк возразил:

– Ну, это ты можешь говорить слушателям академии СБУ, а не мне. В Украине уже зашло так далеко, что нужно предпринимать радикальные меры, чтобы

навести порядок! И эти меры должны исходить от таких людей как вы с Радченко.

– Ну, знаешь, Володя! – сказал на это Шатковский. – О чем ты говоришь? Если откровенно, то я сегодня не доверяю даже своим коллегам в центральном аппарате СБУ. А ты говоришь обо всем государстве...

В конце концов, Болданюк согласился предоставить СБУ копии записей Мыколы. Мой друг надеялся, что служба когда-то использует их в борьбе против коррупции в Украине.

Попрощались мы рано утром. Закончив переговоры с Болданюком, Шатковский отправился в Прагу – на рабочую встречу с коллегами из спецслужбы Чехии.

Постепенно Болданюк передавал в Киев все больше и больше дисков с записями разговоров Кучмы. За ними в Оставу периодически приезжали посланцы от Шатковского. Они отчитывались в том, что полезного служба сделала для Украины за минувший период, сколько преступлений раскрыла и сколько предотвратила...

После этого, Болданюк вручал им новые диски.

Отрывки из книги. Часть 8.

Часть пятая. Кольчуга для Украины

Глава 1. Игры с диктофоном.

Мельниченко знал о существовании записи разговора Кучмы о «Кольчугах» еще в Чехии. Однако тогда Болданюку удалось отговорить его от обнародования этой информации. «Кольчужный» скандал разразился намного позже. Как и предсказывал Радченко, Микола не смог противостоять давлению американцев. В начале марта 2002 года в странной автомобильной аварии погиб директор «Укрспецэкспорта» Валерий Малев. После этого, запись его разговора с Кучмой была обнародована в Интернет. «Кольчуга» стала главной темой кассетного скандала и полностью затмила дело Гонгадзе. Активное участие в раскрутке «кольчужного» скандала принимали глава парламентской следственной комиссии Александр Жир и его заокеанский партнер Швец. Не отставали от них и Мельниченко с Купчинским.

Когда Мельниченко торжественно пообещал хранить государственные секреты Украины, Радченко ему не поверил. Глава СБУ знал, что майор не сможет долго противостоять давлению американцев и продолжение кассетного скандала неминуемо. Спустя год после отъезда Мельниченко из Чехии, в Интернет вновь появились расшифровки разговоров Кучмы.

Запись разговора о «Кольчуге» была у Микола еще в Острове. Вскоре после своего приезда, майор рассказал об этом Болданюку и сообщил, что собирается ее обнародовать. Откуда он узнал о

«Кольчуге» – непонятно. В то время Мыкола еще слабо разбирался в собственных записях. Однако мой друг сумел доказать, что эта информация относится к государственным секретам Украины. Тогда майор отказался от своего намерения. Об этом не узнали ни Мороз, ни Рудьковский, ни журналисты «Свободы» и «Нью-Йорк Таймс».

Попав в Америку, Мыкола по-прежнему не упоминал о «Кольчуге». К обнародованию этой записи его подтолкнули чрезвычайные обстоятельства.

С тех пор, как Мельниченко покинул Чехию, мы поддерживали связь по телефону. Майор регулярно звонил мне в Штарнберг. Иногда я сам набирал его номер в Нью-Йорке. Из этих разговоров я примерно представлял себе суть происходящего за океаном.

Мыкола сообщал, что сотрудничает с новым председателем парламентской следственной комиссии Александром Жиром. Он возглавил комиссию после того, как летом 2001 года сложил свои полномочия Лавринович. В новом статусе Жир сразу же развил бурную деятельность и зачастил в Штаты. Убедившись, что Мельниченко не торопится обнародовать имеющиеся у него записи, Жир решил активизировать этот процесс. О том, что весь архив записей остался в Чехии, глава парламентской комиссии не знал. Поэтому он сосредоточился на разработке майора. При этом Жир допустил серьезную ошибку. Его главным помощником и доверенным лицом в Штатах стал Швец, которого, в свою очередь, совершенно не переносил Мыкола.

Пытаясь реализовать себя в кассетном скандале, Швец предпринимал разнообразные ходы. В начале марта 2001 года он пригласил в США Григория Омельченко и Александра Жира. Спонсором визита депутатов выступала вашингтонская организация «The International Center», которая объединяет в своих рядах отставных сотрудников американских спецслужб.

Познакомившись во время этой поездки, Жир и Швец быстро сошлись друг с другом. Между двумя бывшими комитетчиками установились дружеские, доверительные отношения. Прилетая потом в Штаты, Жир всегда останавливался у Швеца дома. Там они вместе работали, выпивали и ловили рыбу в пруду.

Общаясь с Жиром, майор постоянно жаловался мне, что не доверяет ему из-за Швеца. Мыкола утверждал, что тот постоянно склоняет его к обнародованию новых записей. В том числе и таких, которые содержат государственную тайну Украины. Поэтому все свои телефонные переговоры со Швецом майор тайно записывал на диктофон.

– Коля! Давай, давай, давай! Ну, чего ты там тянешь? – пищал Швец в трубку противным голоском. – Короче, мы валим Кучму или нет? Давай быстренько все расшифруем и обнародуем! Давай, Коля, ну че ты, в самом деле?

Уговоры длились часами. Швец давил на Мыколу, доказывал ему, что он абсолютно ничего не понимает в политике и не разбирается в своих записях. И если бы его, Швеца, воля, то он бы за неделю перевернул Украину.

Зная о том, что Мельниченко испытывает материальные трудности, Жир и Швец предложили выкупить у него часть записей. Суммы и спонсоры при этом назывались различные, как американские, так и украинские. Все это, естественно, аргументировалось благой целью – свержением Кучмы.

Деньги требовались также на проведение очередной экспертизы записей Мыколы. Как известно, ни венская, ни голландская экспертизы не смогли дать стопроцентную гарантию их подлинности. Поэтому требовалась новая экспертиза, которая бы, наконец, однозначно подтвердила аутентичность записанных разговоров Кучмы. Об этом давно хлопотал Купчинский.

Выбор Романа пал на эксперта Брюса Кенига, хорошо известного в Америке участием в громких судебных процессах. В последний раз он засветился в ходе знаменитого Моникагейта. Кениг и его фирма «ВЕК ТЕК» засвидетельствовали подлинность магнитофонных записей разговоров между Моникой Левински и ее близкой знакомой Линдой Трип. Когда практикантка Белого Дома рассказывала о своей любовной связи с Биллом Клинтоном, ее подруга тайно фиксировала эти откровения на магнитофон. Обнародование этих записей привело к известному скандалу, опозорившему американского президента.

В украинском кассетном скандале также фигурировали тайные записи. Общим между Кучмагейтом и Моникагейтом было и то, что они оба сопровождались утечкой вещественных доказательств из кабинета главы государства.

Постоянной заботой Мыколы было улучшение качества звучания своих записей. Ему казалось, что существуют специальные технологии, способные трансформировать записанное им бормотание на внятную членораздельную речь. Дескать, для этого нужно всего лишь очистить записи от шумов. С этой проблемой майор также обратился к «ВЕК ТЕК». Эксперт Кениг, сообразив, что от него требуется, и, оценив уровень компьютерной грамотности Мельниченко, почувствовал выгоду в сотрудничестве. Он сообщил, что согласен помочь Мыколе, и даже назвал цену – приблизительно 500 долларов за минуту записи. То есть, для обработки разговоров Кучмы за один рабочий день требовалось 240 тысяч долларов, а для всего архива Мельниченко – порядка 20 миллионов. Правда, Кениг честно предупреждал, что задуманная процедура вряд ли принесет ожидаемый эффект, поскольку уровень сигнала на записях майора был одинаков с уровнем шумов.

В действительности же, чтобы улучшить звук, Мыколе, нужно было научиться правильно пользоваться теми программами, которые уже были в его компьютере. И купить себе хорошие колонки.

Финансировать экспертизу «ВЕК ТЕК» начал еще Литвиненко. Когда он угодил в тюрьму, процесс остановился из-за отсутствия средств. Бесплатно бороться с неизвестным ему Кучмой Кениг не хотел. Необходимые средства вскоре удалось раздобыть Жиру.

Экспертизы записей, сделанных в кабинете президента Украины, проводились по заказу парламентской следственной комиссии. Швец по просьбе Жира лично курировал процесс, завязав при этом тесное знакомство с Брюсом Кенигом.

Взявшись за работу, американец предупредил клиентов, что настаивает на предоставлении оригиналов – цифрового диктофона и чипов. Такой аппаратуры у Мельниченко при отъезде из Украины не было. Все это появилось уже в Америке. Когда я узнал, что на экспертизу в «ВЕК ТЕК» попал тот самый цифровой диктофон, который лежал под диваном у Кучмы, я поинтересовался у Мыколы:

– А откуда у тебя взялся диктофон?

Майор промолчал. Тайна раскрылась позже, когда он поссорился с Жиром и Швецом.

Чтобы изобразить “оригинальное записывающее устройство” Мельниченко раздобыл нужную модель диктофона «Тошиба» и самостоятельно ее усовершенствовал. Он вскрыл корпус диктофона, кое-что там перепаял и пристроил к нему дистанционное управление. Теперь диктофоном можно было пользоваться на расстоянии: кнопка записи была постоянно включена, а питание от батареек включалось и выключалось радиосигналом. Так был сконструирован

“оригинальный прибор”, которым из-под дивана записывали Кучму.

В дальнейшем, подлежащие экспертизе фрагменты специально переписывались на «Тошибу» из компьютера Мельниченко. Очень просто: по проводу, через выход для наушников. Так появлялись “оригинальные записи”, которые попадали в «ВЕК ТЕК». Правда, при этом возник один казус: чипы, которые использовал Микола, были куплены в Америке и произведены в 2001 году. В то время как разговоры Кучмы, записанные на них, происходили годом раньше. Впрочем, этот нюанс американского эксперта не смутил, и он засвидетельствовал их аутентичность.

Оглашение результатов экспертиз «ВЕК ТЕК», было специально приурочено к финалу парламентской избирательной кампании в Украине. Для этого Жир и Мельниченко совместно появились в прямом эфире на радио «Свобода». Признание подлинности записей Мельниченко стало главным достижением Александра Жира в бытность главой парламентской комиссии.

Успех в проведении экспертизы «ВЕК ТЕК» обнадежил Миколу. После этого, он уступил напору Швеца и Жира и продал им часть своих записей. Осуществив сделку, стороны договорились о молчании. Жир публично заявил, что раздобыл новую порцию компромата где-то в Украине, независимо от Мельниченко. Майор, в свою очередь, воздержался от комментариев.

Завладев компакт-дисками с записями Кучмы, Жир и Швец первым делом сдали их в ФБР. Произошло то, чему так долго и искренне сопротивлялся Мельниченко – государственные секреты Украины попали в руки американцев. Узнав об этом, Микола окончательно разругался с Жиром и Швецом. Правда, от активных боевых действий стороны сдерживал взаимный компромат. Жиру удалось взять у майора расписку,

подтверждающую факт продажи им своих записей. Мыкола, в свою очередь, хранил тайные записи всех своих переговоров с Жиром и Швецом. Там звучали все их пикантные коммерческие предложения, а главное – назывались заинтересованные лица и структуры, от имени которых предлагались деньги.

В январе 2002 года в интервью для телекомпании BBC Мельниченко заявил, что посланцы от какого-то близкого к Кучме олигарха пытаются выкупить у него записи. Мыколе предлагали за них круглую сумму – 15 миллионов долларов. С тех пор майор неоднократно повторял эту историю разным собеседникам. Выступая перед британским телевидением, Мельниченко также предупредил, что у него есть какая-то запись об Ираке, и он вот-вот ее обнародует. О чем конкретно идет речь, Мыкола не уточнял. Корреспондент BBC Том Манголд сначала предположил, что Кучма продавал Саддаму ракеты, способные нести ядерные боеголовки. Однако в окончательной версии телефильма прозвучала информация о поставке в Ирак «Кольчуг».

Запись разговора Кучмы с Малевым о «Кольчугах» я впервые услышал в Интернет. Содержание их беседы напомнило мне сцену из советской кинокомедии «Иван Васильевич меняет профессию». Когда самозванец, сидя на царском троне, милостиво уступил шведскому послу “кемскую волость”.

Президент Украины обсуждал сделку с Саддамом всего полторы минуты. За это время Кучма впервые в жизни узнал о «Кольчугах» и “санкционировал” их продажу в Ирак. Инициатором проекта был глава «Укрспецэкспорта». Чтобы реализовать задуманное, Малев рассчитывал провести спецоперацию: «Кольчуга» должна была поступить в Ирак тайно, в ящиках из-под КрАЗов, при содействии Леонида Деркача.

– Ну что, посмотрим внимательно, а? – спросил, изложив свой план, Малев.

– Харашо! – ответил ему Кучма.

Разговор президента Украины с главой «Укрспецэкспорта» состоялся 10 июля 2000 года. Полтора года спустя, 6 марта 2002 года Валерий Малев разбился в странной автомобильной аварии. Запись разговора о «Кольчугах» была предана огласке сразу же после этого печального события.

В Украине верили в несчастный характер смерти главы «Укрспецэкспорта». Правда, знающие люди говорили о каком-то финансовом конфликте, который возник между Малевым и одной из украинских олигархических групп. Между тем, в Америке старались представить ситуацию таким образом, как будто “преступный режим” расправился с Малевым, узнав о существовании записи его разговора с Кучмой.

Кампанией по раскрутке “кольчужного” скандала занимались Швец и Купчинский. Они завладели соответствующей записью, расшифровали ее, и стали рекламировать эту информацию, используя свои связи в Вашингтоне. Особенно усердствовал Швец. Для него не существовало никаких преград – он был готов “мочить” Кучму любыми методами. Государственные секреты Украины его совершенно не заботили. Наоборот, он искренне гордился тем, что сдал полученные от майора записи в ФБР.

Мыкола также не устоял перед искушением и принял личное участие в “кольчужном” скандале. 21 мая 2002 года состоялась его пресс-конференция в штаб-квартире радио «Свобода». Мельниченко появился перед журналистами в окружении Брюса Кенига и Романа Купчинского. Рассказывая о «Кольчугах», майор заявил, что впервые раскрывает настоящую причину ненависти Кучмы к Гонгадзе. Оказалось, что журналист писал статьи о торговле оружием, и это очень не нравилось людям на Банковой. Эту мысль Мыколе

подсказал Купчинский. Он решил, что связать тему «Кольчуг» с делом Гонгадзе будет отличной идеей.

На самом деле, Гонгадзе никогда не интересовался торговлей оружием. Однако, «Украинская Правда», подробно сообщив о пресс-конференции майора, никак не прокомментировала эту ложь. Зато выделила жирным шрифтом еще одно утверждение Мыколы: *“У меня есть записи, подтверждающие, что Кучма знал, что Гонгадзе уже мертвый. Я заявляю, что в смерти Гонгадзе виноват Кучма, Кравченко, Деркач и Литвин. На суде я предоставляю доказательства, касающиеся смерти Гонгадзе”*. Правда, на это никто в Украине не обратил внимания. Дело Гонгадзе выглядело теперь сущим пустяком по сравнению с «Кольчугами». Это казалось верным шансом снять Кучму.

Глава 2. Знакомство с Президентом.

К осени 2002 года расстановка политических сил в Украине кардинально изменилась. Вернувшись в политику, Виктор Ющенко сформировал блок «Наша Украина» и победил с ним на парламентских выборах. Однако воспользоваться плодами своего успеха экс-премьер не сумел: борьба за руководящие посты в Раде была проиграна. Так стало ясно, что никаких изменений в Украине до президентских выборов уже не произойдет, и Кучма останется у власти еще на два года. Именно в это время состоялось мое личное знакомство с украинским президентом. Это случилось 16 сентября 2002 года - во вторую годовщину исчезновения Гонгадзе и накануне нового, “кольчужного” витка кассетного скандала. Мельниченко одобрил мои действия. Оказалось, что он давно вынашивал планы выйти на Кучму. К такому выводу Микола пришел после неудачного сотрудничества с Жиром.

Виктор Ющенко, как и обещал, вернулся в большую политику. Он возглавил Блок «Наша Украина» и развернул активную предвыборную кампанию. На выборах в парламент, которые состоялись в марте 2002 года, его блок стал главной оппозиционной силой.

Микола тоже шел в депутаты. Мороз зачислил его пятнадцатым номером в список социалистов. Правда, Центризбирком отказал Мельниченко в регистрации, аргументируя это тем, что он уже давно не живет в Украине. Защищая майора, социалисты подали на Центризбирком в Европейский суд по правам человека.

Интересы Микола взялся представлять депутат Головатый.

Кучма и его команда с Банковой чинили всяческие препятствия свободному волеизъявлению народа. Несмотря на это, убедительную победу на выборах в Верховную Раду одержал Блок Виктора Ющенко. По результатам голосования Украина впервые в истории оказалась поделенной не на Запад и Восток, а на Север и Юг. «Наша Украина» победила во многих центральных областях – Житомирской, Винницкой, Киевской. Кроме того, избиратели активно проголосовали и за другие оппозиционные силы – Блок Юлии Тимошенко (БЮТ) и Соцпартию.

Однако, победив на выборах, Виктор Ющенко и его союзники потерпели чувствительное поражение в парламенте. Им не удалось договориться с коммунистами и провести своих людей к руководству Верховной Рады. Все ключевые посты захватили более искусные в кулуарных играх пропрезидентские силы. Председателем Верховной Рады стал Владимир Литвин – один из участников разговоров на Банковой, в которых обсуждался журналист Гонгадзе.

После фиаско в стенах парламента борьбу за демократию было решено перенести на улицы. Дополнительным стимулом к протестам явилось назначение на пост главы администрации президента Виктора Медведчука. После этого Виктор Ющенко окончательно определился в своем отношении к Леониду Кучме.

Сначала общенародную акцию «Восстань Украина» задумали провести Мороз, Тимошенко и коммунисты. Ющенко примкнул к ним в последний момент, образовав так называемую оппозиционную антикучмовскую “четверку”. Вскоре началась жаркая политическая осень.

16 сентября 2002 года в центре Киева прошли несколько демонстраций, которые завершились массовым митингом на Европейской площади. Большинство из собравшихся там были коммунисты – пенсионеры с красными флагами и портретами Ленина. Тем не менее, зарубежная пресса называла эту манифестацию демократической. В резолюции митинга, которую подписали Ющенко, Тимошенко, Мороз и Симоненко говорилось: *“Мы настаиваем: Леонид Кучма – у вас нет иного пути, кроме как покаяться перед народом Украины и немедленно уйти с поста президента”*.

После митинга его участники двинулись на Банковую, и развернули перед зданием администрации президента палаточный городок. Осадой рабочей резиденции Кучмы руководила Юлия Тимошенко, а обороной – Виктор Медведчук. Самого Кучмы в Украине в тот день не было. Он отправился с визитом в Зальцбург, где открывался второй Европейский экономический форум.

Проведение в Зальцбурге представительного собрания политиков и бизнесменов планировалось давно. Было заранее известно, что туда приглашена делегация из Украины. Однако то, что ее возглавит сам президент, выяснилось буквально за неделю до открытия Форума. Вероятно, это решение диктовалось стремлением не провоцировать напряженность в Киеве. Сами же оппозиционеры заявили, что Кучма испугался их и специально сбежал в Австрию.

Я тоже собирался в Зальцбург. Приглашение посетить второй Европейский экономический форум мне прислала известная фирма «Ауди», в которой работал знакомый немец. Он задумал делать бизнес в Украине и рассчитывал встретиться на Форуме с деловыми людьми. Так мне представился уникальный шанс познакомиться с президентом Украины.

Необходимо подчеркнуть: Кучма для меня был человеком, который волею обстоятельств (и вопреки моим стараниям) оставался легитимным руководителем государства. Со всеми своими недостатками и пороками, известными из записей Мельниченко: руганью матом, угрозами в адрес Гонгадзе и готовностью отправить «Кольчуги» Саддаму. Будучи непосредственным участником кассетного скандала, я, тем не менее, всегда переживал, когда об Украине на Западе плохо писали на основе этих событий. Ведь разоблачения Мельниченко бросили тень не только на Кучму, но и на всю страну. Однако наших оппозиционных политиков это не беспокоило.

Раньше мне приходилось быть свидетелем выступлений за рубежом лидера социалистов. Мороз обычно выступал с призывами: не делайте никаких инвестиций в Украину, не поддерживайте этот режим, эту преступную власть. Вот когда мы, оппозиция, придем к власти, тогда будете давать инвестиции. Слушая лидера социалистов, иностранцы искренне удивлялись: причем здесь старая власть, новая власть. Ведь существует государство, законодательные гарантии для инвестиций. При чем тут персональный состав власти? Подобные заявления демонстрировали узкий кругозор Мороза, низкий уровень его политической культуры. Он совершенно не понимал, что такие высказывания не воспринимаются на Западе. И это стало еще одной причиной моего разочарования в Морозе. Поэтому, когда Кучма отправился с визитом в Австрию, я искренне переживал за его успех. Тем более что это был его первый визит на Запад после длительной изоляции из-за кассетного скандала.

От Штарнберга до Зальцбурга всего пару часов езды на машине. Тем не менее, я решил выехать заранее и переночевать в гостинице. Это было необходимо, чтобы прочувствовать атмосферу Форума.

Поселяясь в отеле «Goldener Hirsch», я сразу же услышал русскую речь. Оказалось, что тут разместились российская делегация, которую возглавлял советник Путина Андрей Илларионов.

В день открытия Форума Кучма выступил перед его участниками с речью. Я присутствовал при этом выступлении, и оно меня впечатлило.

Кучма находился в отличной форме; его речь была эмоциональной, изобиловала красочными выражениями и метафорами. Он обвинял европейских политиков и бизнесменов в том, что они намеренно и безосновательно игнорируют Украину. Утверждал, что никаких препятствий для прихода в страну западных инвестиций не существует. Поведение украинского президента можно было назвать вызывающим – он явно выделялся на фоне других ораторов и чем-то напоминал мне Никиту Хрущева в ООН. Казалось, Кучма вот-вот снимет свою туфлю и постучит ею по трибуне.

Вечером я ужинал вместе с россиянами. Комментарии наших “стратегических партнеров” были самые доброжелательные – они признавали, что украинский президент произвел в Зальцбурге неизгладимое впечатление. – Ну, ваш Кучма, дает! – восхищались русские, – мы никогда не думали, что он такой смелый, что так откровенно может врезать по Западу!

Обсуждая события на форуме и вечную тему российско-украинских отношений, мы просидели до четырех часов утра. На следующий день состоялось мое личное знакомство с Кучмой.

Идея встретиться с президентом возникла спонтанно – перед поездкой в Зальцбург я этого не планировал. Окончательное решение познакомиться с Кучмой я принял, засыпая после застолья с россиянами. С утра я тщательно побрился, надел свежую рубашку и направился к гостинице, где проживала украинская

делегация. Там я нашел начальника службы протокола президента Георгия Чернявского и попросил его передать “папе”, что хочу выпить с ним чашку кофе. Добавил, что готов зайти в номер к президенту немедленно.

Голова у меня тогда болела страшно. Ночь в беседах с россиянами не прошла бесследно. Я давно отвык употреблять водку в таких количествах, как это принято в России. Перед тем, как выйти из гостиницы я выпил четыре таблетки аспирина. Несмотря на это, я едва дышал и чувствовал, что почти умираю.

Чернявский через пять минут спустился вниз и сказал, что уже поздно принимать меня в номере, но президент обязательно побеседует со мной перед отъездом в аэропорт. В это время вся украинская делегация собралась в холле отеля, попивая, кто чай, кто кофе, кто коньяк. Обсуждались последние новости из Киева. Как выяснилось, ночью Медведчук сумел разобраться с палаточным городком и освободил подъезд к Банковой. Жертв не было. Все ждали Кучму и знали, что “папа” вот-вот выйдет из номера. С его появлением все были готовы сесть в машины и погнать в аэропорт. Вскоре у лифта выстроилась охрана, и я понял, что сейчас покажется президент. По внешнему виду Кучмы было видно, что он чувствует себя отвратительно: лицо президента Украины было полностью опухшим. Наверное, он тоже пил всю ночь, решил я.

Начальник службы протокола представил меня Кучме и провел нас к выходу. На улице мы начали разговаривать, прогуливаясь перед отелем. Охрана оставила нас с президентом наедине. За нами с интересом наблюдала вся украинская делегация. Все удивились, что Кучма вместо того, чтобы сесть в машину, завел беседу с неизвестным человеком, и решили, что я очень важная персона. Поэтому личный

фотограф президента решил запечатлеть нас для истории и сделал несколько снимков на свой и мой фотоаппараты.

Мне показалось, что Кучма был настроен на долгий разговор – ему явно хотелось познакомиться со мной поближе. Однако, понимая, что нас ждет вся делегация, я сам предложил перенести нашу беседу: – Леонид Данилович, мы с вами тут не сможем нормально пообщаться. Вы спешите, тем более, и мне, и вам сейчас нездоровится. Давайте, я приеду в Украину и там мы встретимся еще раз.

Кучма быстро согласился: – Хорошо, договорились. Только не завтра. Завтра я не могу с вами встретиться – лечу в Одессу. Давайте, послезавтра.

Так состоялось мое знакомство с президентом. Я понял, что Кучме это интересно, и он готов общаться со мной напрямую. Наверняка президент уже наводил справки и знал о моей роли в кассетном скандале.

Встретившись с Кучмой и договорившись с ним о дальнейших контактах, я оказался в непростой ситуации. Узнав об этом, Мороз и Мельниченко могли решить, что я иду на сговор с президентом. Однако я вовсе не собирался договариваться с Кучмой про нейтрализацию Мыколы. Мои контакты с президентом, так же как и с СБУ, были подчинены одной цели: не допустить, чтобы Мельниченко и его записями воспользовались силы, которые используют эту ситуацию, чтобы позорить Украину, и зарабатывают себе на этом деньги и сомнительную популярность. Я не собирался скрывать этого от Мыколы и вскоре сообщил ему о своем знакомстве с президентом. Как выяснилось, мои переживания были напрасны: майор благословил мои неформальные контакты с Кучмой. Мыкола заявил мне, что только президент Украины способен принять решение о будущем его записей.

Перелом в отношении Мельниченко к Кучме произошел под влиянием от общения со Швецом и Жиром. Цинизм, с которым он при этом столкнулся, окончательно и бесповоротно изменил мировоззрение майора. Мыкола понял, что все без исключения его лишь используют и обманывают, чтобы заработать себе миллионы на его записях.

Заполучив записи разговоров украинского президента, Жир и Швец организовали их расшифровку и распространение. Для этого был специально создан Интернет-сайт «5-й Элемент». С сентября 2002 года там ежедневно появлялись новые материалы. Швец сопровождал расшифровки разговоров Кучмы собственными ядовитыми комментариями. Параллельно он поливал грязью Мельниченко, называя его агентом Медведчука, который вышел из-под контроля.

Мыкола, в ответ на это, назвал имя гонца, который пытался подкупить его от имени украинского олигарха. Этим человеком был Александр Жир. Мыкола утверждал, что глава парламентской следственной комиссии действовал в интересах Виктора Пинчука. Попытка подкупа состоялась осенью 2001 года. Обещая деньги, Жир призывал Мыколу дать честные свидетельства о прослушивании кабинета президента и возможной связи между этим и убийством Гонгадзе. Жир убеждал майора честно во всем признаться и заверял, что это пойдет на пользу не Кучме, а Ющенко. Об этих переговорах Мыкола рассказал в ходе своей пресс-конференции, которая состоялась в Вашингтоне 23 мая 2002 года: *“Мне сделали два предложения. Первое: деньги, депутатство и прекращения уголовных дел, чтобы я ничего не говорил и отдал записи. И второе: если я от этого откажусь – они дадут информацию о том, что да, записи настоящие, но Гонгадзе убили те люди, организовавшие прослушивание кабинета. Сказали, что убийство свяжут*

с Морозом и некоторыми мафиозными кланами из Москвы. И что это подтвердят спецслужбы Украины, России и Америки”.

Жалуясь на Жира, Мельниченко одобрил мои переговоры с Кучмой. Майор решил, что Пинчук ненадежный посредник, и его можно обмануть. Поэтому, рассудил Мыкола, только сам президент может позаботиться о будущем его записей.

В дальнейшем, изо всех сил “поливая” Кучму публично, Мельниченко не оставлял надежды договориться с украинским президентом.

Глава 3. Прогулка в Конча-Заспе.

Мое сотрудничество с СБУ в деле возвращения записей Мельниченко в Украину было отмечено специальной наградой спецслужбы. Радченко и Шатковский вручили мне официальную благодарность от имени главы СБУ и знак «За заслуги». Вскоре после знакомства с Кучмой в Зальцбурге, я приехал в Киев для новой встречи с президентом. Совместная прогулка и обстоятельная беседа с Кучмой состоялась рано утром на даче в Конча-Заспе. Это произошло 20 сентября 2002 года. Мы разговаривали, в основном, о кассетном скандале и ролях в нем известных украинских политиков. Я агитировал президента сделать ставку на Радченко, как на своего возможного преемника, и пытался убедить его изменить свое отношение к Тимошенко.

Со времени начала “кольчужного” скандала, я не сомневался, что поступаю правильно, сотрудничая с СБУ, в ситуации, когда возникла реальная угроза государственным интересам Украины. После успешных переговоров Болданюка с Шатковским я получил официальную награду от главы СБУ – почетную грамоту «За выдающийся личный вклад в дело укрепления государственной безопасности Украины». Награждение стало для меня неожиданностью. Казалось, руководство службы приняло такое решение экспромтом, желая преподнести мне приятный сюрприз.

Почетную грамоту мне вручали Радченко и Шатковский. Для этого мы втроем собрались в кабинете шефа СБУ. Он лично накрыл стол. Речей и тостов не

было – просто выпили, закусили и разошлись. Все прекрасно понимали, почему и зачем я получил эту награду.

С тех пор, приезжая в Киев, я не упускал возможности зайти к своим друзьям на Владимирскую. Руководители СБУ неизменно тепло принимали меня в своих служебных кабинетах. У Радченко под выпивку всегда была отличная закуска – оливки, икра, балычок. Шатковский только наливал – съестного он на работе не держал. Поэтому, всякий раз после беседы с ним я просился на прием к главе спецслужбы:

– Мне нужно на минутку к Владимиру Ивановичу!

Это был верный шанс хорошо закусить.

Правда, иногда шеф СБУ бывал наглым и вел себя, как опер, который пытается взять собеседника на испуг. Однажды, встречая меня, Радченко с ходу заявил: – Ну что, Володя, с Юлей спишь?

Я, не задумываясь, парировал:

– Спокойно, Владимир Иванович! Что это за провокации на государственном уровне? Вам, по-моему, хорошо известно мое личное дело – у меня любимая жена и двое детей.

Радченко не ожидал такого отпора, смутился и сразу же перешел на “вы”:

– Я вам расскажу такую историю. Звонит Тимошенко мне как-то в восемь вечера и говорит таким ангельским голоском: Владимир Иванович, я вас приглашаю к себе на ужин. А я ей отвечаю – Юля Владимировна, вы знаете, такое неудачное совпадение – моя жена сегодня, как обычно, тоже приготовила мне ужин. И я уже спешу к ней домой.

Обычно при встречах с председателем СБУ я просил его: Владимир Иванович, не трогайте Юлю! На это Радченко непременно возражал, что ее делами занимается не СБУ, а генпрокуратура и добавлял:

- Да она тратит на бензин для своих машин больше, чем бюджетное финансирование автопарка СБУ!

Казалось, Радченко ревновал свою структуру к партии Тимошенко.

Несмотря на компанейское расположение ко мне главы СБУ, я прекрасно понимал - наше общение продиктовано суровой необходимостью. Отношение ко мне Радченко я бы сформулировал так: он не доверял мне до конца, но старался дружить. И я понимал его поведение. Заниматься записями Мельниченко было неблагодарной работой и, казалось, шеф СБУ не планировал извлечь из нее личной выгоды. Он руководствовался желанием минимизировать негативные последствия для Украины от вывоза за рубеж разговоров Кучмы. Поэтому глава украинской спецслужбы всегда принимал меня в своем кабинете и выставлял коньяк.

Под впечатлением от встреч с Радченко, я часто размышлял - а что было бы, если бы в конце 2000 года украинские политики действовали исключительно в правовом поле. Как бы тогда сложилась судьба кассетного скандала?

По идее, события могли развиваться так. По требованию следствия, президент на время расследования дела Гонгадзе отстраняется от власти. Временным исполняющим его обязанности становится премьер-министр Виктор Ющенко. Мельниченко возвращается в Украину под гарантии собственной безопасности со стороны СБУ и генпрокуратуры. Майор не только предоставляет в распоряжение следствия все свои записи, но и честно свидетельствует о механизме прослушивания кабинета президента. Следствие устанавливает круг лиц, получавших записи разговоров президента от Мыколы и его соратников. Морозу и другим потребителям информации от Мельниченко приходится во всем признаться. Среди прочих,

отрабатывается версия, что убийство Гонгадзе было совершено под обнародование записей разговоров Кучмы. Мельниченко, как важного свидетеля, оправдывают, или же он отделяется символическим наказанием. Ему не требуется политическое убежище на Западе. США лишены возможности эксплуатировать тему майора и его записей, а Россия, в свою очередь, пользоваться плодами неуклюжего давления американцев на Кучму.

Убийство Гонгадзе раскрывается по свежим следам. Вероятно, выясняется, что президент не был прямым заказчиком убийства журналиста, а лишь пострадал из-за своих угроз и ругательств. Торжествует Конституция и законы Украины. Кучма либо уходит в отставку, не опасаясь необоснованного преследования, либо возвращается к исполнению своих обязанностей менее уязвимым к внешнему давлению.

Скорее всего, через некоторое время назначаются внеочередные президентские выборы. У Кучмы нет иного выбора, кроме как позаботиться о стабильности в государстве и, заодно, о своем будущем. Миссию консолидации общества, в условиях противоборства олигархов и оппозиции, вполне мог выполнить незапятнанный, во всем осведомленный генерал СБУ Владимир Радченко. Тем более что рядом был свежий пример России, где, под влиянием мифа про всемогущую руку КГБ, возшла звезда Владимира Путина. Радченко вполне мог стать Путиным для украинского избирателя. А кассетный скандал – тем, чем для России была вторая чеченская война.

В результате бурного политического кризиса, который потряс Украину в конце 2000 года, Радченко вполне мог стать и премьером и президентом Украины. Его уважали и олигархи, и оппозиционные лидеры. Виктор Ющенко всегда стремился быть на вторых ролях

в политике, и его вполне удовлетворила бы роль премьер-министра.

Сразу же после знакомства с Кучмой в Австрии, я отправился в Украину. Попав в Киев, первым делом зашел на Владимирскую. Глава СБУ тепло встретил меня и предложил на выбор французский или украинский коньяк. Я предпочел украинский. Выпив рюмку, я показал Радченко свою фотографию с Кучмой в Зальцбурге и заявил: “первый ждет меня”. Кучма не уточнил, с кем мне нужно договариваться о новой встрече. Обычно на президента Украины “выходили” через главу администрации Медведчука или главного помощника Левочкина. Однако я считал естественным действовать через председателя СБУ.

Радченко сразу понял, что от него требуется. Нужно отдать ему должное – он никогда не стремился меня контролировать или как-то влиять на мои поступки. Шеф СБУ отлично понимал, что это невозможно и был готов к любым сюрпризам с моей стороны. В свою очередь, я совершенно не скрывал от него своих планов.

Вечером мне позвонил Шатковский и предупредил, что рано утром меня заберет машина, и мы вместе с Радченко поедem к президенту. Кучма назначил мне встречу в Конча-Заспе. Очевидно, он не хотел, чтобы об этом знали в администрации. В семь утра президент совершал утреннюю прогулку, и мы с шефом СБУ должны были к нему присоединиться.

Радченко – премьер, Радченко – модерный Пиночет, украинский Путин, – повторял я про себя, пока наша машина ехала в Конча-Заспу. В предстоящем разговоре я хотел предложить Кучме сделать ставку на шефа СБУ, как на своего возможного преемника. Радченко, в свою очередь предупреждал меня:

– Вы можете договариваться с президентом о чем угодно, однако помните: записи Мельниченко

представляют большую значимость в плане сбережения государственных секретов Украины. И это прерогатива службы.

Кажется, председатель СБУ думал, что я попытаюсь продать Кучме записи Мельниченко.

Приехав в Кончу-Заспу, мы оставили машину на парковке и направились к даче пешком.

Навстречу вышел Кучма с охраной. Было ровно семь утра.

– Идем с нами! – приказал президент председателю СБУ.

– Да нет, Леонид Данилович, – махнул рукой Радченко, – Я не могу. У меня колено болит.

Приближаясь к даче президента, я заметил, что мой попутчик внезапно захромал. Началась прогулка с президентом. Мы вдвоем ходили вокруг дачи сорок минут, наматывая один круг за другим. Как и прогнозировал Радченко, Кучма сразу же стал предлагать мне деньги.

– Гроши треба? – осведомился он, как только мы удалились на безопасное расстояние.

– Да нет, Леонид Данилович, государство о нас не забывает, – ответил я, намекая на свое сотрудничество с СБУ, – пока что денег хватает, чтобы работать.

Разговор с президентом был обстоятельным, однако беспорядочным: мы перескакивали с одной темы на другую, говорили одновременно обо всем, и ни о чем конкретно. В центре нашей беседы, естественно, был кассетный скандал. Обсуждали поведение политиков, вовлеченных в эти события – Марчука, Юлю, Ющенко. Говорили об их ролях, позициях, поступках. Кучма откровенно признавался, что никогда не доверял Марчуку, а Ющенко, по его мнению, не способен руководить страной, и это очень опасно для будущего Украины. Я, в свою очередь, хотел помирить Кучму с Юлей, однако быстро убедился, что это невозможно. У

меня сложилось впечатление, что деньги и политика здесь не причем – между ними глубокая личная неприязнь. Мороза мы не упоминали вообще. Обсуждать его было бы некорректно с моей стороны. Президент чувствовал это и не пробовал завести разговор о лидере социалистов.

Примерно на восьмом круге речь зашла о Радченко, и я изложил президенту свои мысли о шефе СБУ.

– Он трус! – прокомментировал мою идею Кучма, – Я ему предлагал быть премьером, но Володя – трус. Вы это сами видели.

Так президент поставил крест на моих планах сделать из Радченко преемника.

Излагая свои соображения по поводу Радченко и Юли, я искренне желал спасти Кучму от дезинформации, которой его питают иные источники. Дезинформации, которая постоянно его окружает и, в первую очередь, угрожает самому президенту. Это, кстати, убедительно продемонстрировал кассетный скандал. Я искренне желал, чтобы президент Украины не был зависим от Запада, России и от своего окружения, и чтобы он руководствовался в своих поступках исключительно интересами Украины и ее народа.

Несмотря на вполне дружеский характер нашей беседы, чувствовалось, что Кучма не договаривал до конца. Казалось, президент ждал от меня какое-то важное предложение, но так и не услышал его. Попрощавшись, Кучма пообещал поддерживать со мной прямой контакт.

Вскоре после того, как я покинул Конча-Заспу, мне позвонила Юля и довольно ехидно осведомилась:

– Ну, как, Владимир Иванович, договорились о чем-то? Там Пинчук и Медведчук уже смеются над вами.

Спустя несколько дней у меня возникла необходимость еще в одной личной встрече с

президентом – американцы выдвинули Украине официальные обвинения в продаже «Кольчуг» в Ирак.

Отрывки из книги. Часть 9.

Глава 1. Тест на «Кольчугу»

Официальные обвинения, адресованные Украине по поводу «Кольчуг», прозвучали в конце сентября 2002 года. В это время в Киеве продолжались уличные выступления оппозиции «Восстань Украина», а в Европе понимали, что американцы готовят интервенцию в Ирак. Выступая перед журналистами, спикер Госдепартамента США заявил, что официальный Вашингтон считает запись о «Кольчугах» подлинной. При этом американцы ссылались на исследование оригинального записывающего устройства и оригинала записи разговора Кучмы. Так разразился “кольчужный” скандал. Как выяснилось, украинская оппозиция не собиралась защищать страну и ее президента от выдвинутых обвинений. В Киеве решили, что американцы сделали такое заявление, чтобы поддержать их в борьбе с Кучмой.

Несмотря на все усилия СБУ, предпринятые для прояснения ситуации с возможной продажей «Кольчуг» в Ирак, избежать международного скандала не удалось. Как и прогнозировал Радченко, американцы не преминули воспользоваться записями Микола в собственных политических целях. Хотя изначально они категорически отkreщивались от подобных планов. После отъезда майора в Америку посол Паскуаль публично заверял через «Зеркало Недели»:

“США не намерены эксплуатировать ситуацию с Мельниченко в политическом плане и присутствие Мельниченко в США вообще никак не сказывается на ситуации с пленками”.

Последующее развитие событий продемонстрировало невысокую цену этих обещаний. Правда, официальный Вашингтон прореагировал на появление записи с «Кольчугами» не сразу. Американцы долгое время заявляли, что свидетельств нарушения Украиной санкций ООН не существует. И лишь 24 сентября 2002 года, вскоре после того, как в Киеве начались выступления оппозиции «Восстань Украина», спикер Госдепартамента США Ричард Баучер сделал официальное заявление:

“Мы только что закончили анализ записи от июля 2000 года, предоставленной бывшим охранником президента Украины Миколой Мельниченко. На одном из отрывков слышно, как президент Украины Леонид Кучма одобряет продажу систем раннего предупреждения «Кольчуга» в Ирак, и мы верим, что эта запись подлинная”.

На этом основании США приостановили финансовую помощь Украине и предупредили, что будут тщательно выяснять – попали ли в результате «Кольчуги» в Ирак, или нет. Так начался “кольчужный” скандал.

Для беспокойства по поводу сотрудничества Украины с Ираком у американцев имелись веские причины. Бывший глава СБУ Украины Леонид Деркач действительно затевал сомнительные проекты с врагами США и убеждал Кучму в целесообразности их осуществления. Утверждалось, что это сулит украинской экономике многомиллиардные поступления. В мае и июне 2000 года по приглашению Деркача Украину посещали высокопоставленные делегации Ирана и Ирака. Спустя два месяца сам Кучма встречался с президентом Ирана Хаттами и вице-президентом Ирака Тариком Азизом в рамках проведения Саммита Тысячелетия ООН в Нью-Йорке. Наконец, уже в разгар кассетного скандала, в феврале 2001 года двухдневный визит в Иран совершил премьер-министр Виктор

Ющенко. В Украине в тот период считали, что нужно брать пример с Москвы и не слишком оглядываться на Вашингтон при осуществлении прибыльных сделок. К такому выводу подталкивал опыт так называемого “бушерского” контракта. В 1998 году под давлением США была отменена запланированная поставка украинской турбины для атомной электростанции в Бушере (Иран). На этом Украина потеряла десятки миллионов долларов, а выгодный контракт преспокойно выполнили россияне.

Однако в результате все попытки Украины затеять бизнес с Ираном и Ираком завершились бесславно. Делать вид, что мы остаемся великой державой, и можем дружить с сомнительными режимами вопреки желанию Запада, было опасной иллюзией. После развала СССР Украина стала обычным, рядовым государством и, соответственно, не могла себе такого позволить. Это убедительно продемонстрировал скандал вокруг возможной продажи в Ирак радиолокационной системы «Кольчуга».

Обвиняя Украину, США декларировали заботу о безопасности американских и британских пилотов в небе над Ираком. Однако такое объяснение выглядело неубедительным.

Намерение компании «Укрспецэкспорт» продать четыре «Кольчуги» в Иорданию (именно об иорданском посреднике упоминал в разговоре с Кучмой Малев) не являлось особым секретом. Об этом открыто сообщалось в прессе. Еще в апреле 2000 года газета «Зеркало Недели» писала о том, что «Укрспецэкспорт» близок к заключению сделки. Кстати, журналисты предупреждали о том, что избранный в Иордании посредник ненадежен. Однако никакой публичной реакции со стороны американцев в то время не последовало. По-видимому, раньше в Вашингтоне не слишком переживали о безопасности своих пилотов,

патрулирующих воздушное пространство над Ираком. Ситуация изменилась спустя два с лишним года, когда Белый Дом принял решение свергнуть Саддама Хусейна.

Показательная кампания обвинений Украины стала одним из элементов пропагандистского обеспечения интервенции в Ирак. Готовясь к войне, США рассчитывали привлечь к антииракской коалиции как можно больше государств. Для этого они использовали политику кнута и пряника. Странам, присоединившимся к коалиции, было обещано участие в послевоенном обустройстве Ирака, тем же, кто отказывался – крупные осложнения в отношениях с Вашингтоном. Серьезность этих намерений наочно продемонстрировала публичная порка Кучмы. В результате, американцам удалось поделить Европу на “старую” и “новую”. В то время, когда ведущие западноевропейские демократии выступили против войны, более зависимые от американцев страны Восточной Европы были вынуждены поддержать Вашингтон и направить своих военнослужащих в Ирак. Однако в Украине заявление Госдепартамента США восприняли, в первую очередь, как давление американцев на Кучму в условиях продолжающихся выступлений оппозиции.

Называя в беседе со мной Радченко трусом, Кучма подразумевал отсутствие у главы СБУ политических амбиций. По этому критерию все окружение президента делилось на трусов и врагов. Врагами были те политики, которые, в отличие от Радченко, стремились к власти, вели интриги и могли угрожать, вследствие этого, президенту. Однако когда оказались под угрозой национальные интересы Украины, Радченко занял самоотверженную и принципиальную позицию. Он отверг обвинения американцев, заявив, что продажа «Кольчуг» в Ирак не состоялось, и не могла состояться. Ради этого глава СБУ даже встретился с иностранным

журналистом – корреспондентом «Файненшл Таймс» Томом Ворнером. Это было первое и единственное интервью Радченко – обычно он избегал и боялся прессы. Подтверждая факт разговора Кучмы с Малевым на тему «Кольчуг», председатель СБУ заявил, что сделка с Ираком не состоялась. Он утверждал, что полностью владеет ситуацией, и украинская спецслужба по этому вопросу нашла полное взаимопонимание с американцами.

Я разговаривал о «Кольчугах», как с Радченко, так и с другими руководителями СБУ. Все они в один голос утверждали: компетентным службам в США известно, что «Кольчуг» в Ираке нет, а обвинения Украины преследуют исключительно политические цели.

Обычно, посещая Владимирскую, я сразу же попадал в кабинет шефа службы. Но однажды у него оказался незапланированный визитер, и мне пришлось ждать в приемной. В это время ко мне подсел какой-то человек. Поначалу я принял его за крутого бизнесмена – дорогой костюм, большая голова, короткая стрижка. Не поздоровавшись и не представившись, он сразу же заговорил со мной о «Кольчугах». За десять минут он прочел целую лекцию на тему существующей в Украине системы контроля над экспортом вооружений. Оказалось, что моим эрудированным собеседником был Александр Сергеевич Макаренко – начальник контрразведки СБУ. Именно он вел переговоры с ЦРУ и полностью владел всей информацией о продажах «Кольчуг» за границу.

Макаренко окончательно убедил меня в правоте позиции Украины. Теперь шумиха, которая раскручивалась вокруг «Кольчуг», казалась мне несправедливостью по отношению, в первую очередь, к профессионалам из СБУ. После этого я принял решение вновь встретиться с Кучмой. Эта идея возникла сразу же, как только американцы заявили о подлинности

записи о «Кольчуге». В Киеве ждали делегацию Госдепартамента США, и я, узнав об этом, хотел подготовить президента к разговору с американцами.

Я собирался лично рассказать Кучме о ситуации с записью о «Кольчугах», и подготовить его к возможному давлению со стороны Вашингтона по другим фактам, которые содержались в записях, переданных в ФБР Жиром и Швецом.

О встрече с Кучмой вновь договаривался Радченко. Он при мне набрал телефон Чернявского и сказал:

– Жора, где там первый? Подойдет человек из Мюнхена. Нужно чтобы он его принял.

– Понял! – сказал в ответ начальник протокола президента.

Чернявскому удалось выполнить просьбу Радченко, хотя это было и нелегко – у Кучмы в те дни было крайне напряженное расписание. До меня президент встречался с российским послом Черномырдиным, а после – принимал делегацию Госдепартамента США во главе с Элизабет Джонс.

Моя третья и последняя встреча с Кучмой состоялась 1 октября 2002 года. Специально для нашего разговора президент покинул свой кабинет и направился в помещение напротив. Этим он несказанно удивил всю свою охрану и протокол. Вероятно, он опасался, что его до сих пор подслушивают.

На этот раз Кучма вел себя очень корректно, по-государственному, и денег не предлагал. Я заверил президента, что любую информацию, которую могут выбросить в США Жир, Швец или Мельниченко, мы всегда сможем проверить. Рассказал ему, что весь архив записей майора находится под контролем Болданюка и, что мы готовы помогать украинской стороне. Если вопрос встанет ребром, то он может полностью на нас рассчитывать. Я предложил ему не реагировать на обвинения американцев, потому что все

можно проверить. Это было главной темой нашего разговора. Кучма, в свою очередь заверил меня, что не помнит детали разговора с Малеевым, а о продаже «Кольчуг» в Ирак впервые узнал из прессы.

Накануне предстоящей встречи я, как обычно, советовался с Юлей. Она попросила меня намекнуть Кучме о том, что против него в США вот-вот будет возбуждено уголовное дело. Таким образом, Юля стремилась напугать Кучму. Это была обычная ее тактика – точнее тактика интриг украинской политической элиты.

Я сказал Кучме об этом в самый последний момент. И был поражен, увидев его реакцию. Возможно, именно этот мой поступок прервал наши дальнейшие контакты. Кучма буквально вышел из себя:

– Что вы мне говорите? Как вы смеете? Прекратите!

Это был неожиданный удар. Я понял, что испортил президенту настроение. Кучма начал убеждать меня в том, что это невозможно.

По информации от разных людей я знал, что Кучма крайне специфический человек, и с ним нужно выбирать особую тактику разговора. Те, кто постоянно общается с президентом, прекрасно знают каким образом и о чем с ним нужно говорить. Юля, несомненно, понимала, что упоминание об уголовном деле в Штатах, способно довести его до бешенства. Наверняка и те люди, которые натравливали Кучму на Гонгадзе, хорошо прогнозировали его реакцию.

Во время кольчужного скандала я очень переживал, что Украину опозорили на весь мир из-за одного «харашо» Кучмы. Мне даже приснился на эту тему сон. Снился Виктор Ющенко – лидер украинской демократической оппозиции, политик, которого поддерживает большинство населения Украины – делающий официальное заявление по поводу «Кольчуг»:

- Во время, когда могла состояться продажа «Кольчуг» в Ирак, я, Виктор Ющенко, исполнял обязанности премьер-министра Украины. Поэтому, я воспринимаю обвинения США на свой счет и, если они справедливы, также несу долю ответственности. Однако компетентные органы Украины утверждают, что продажа «Кольчуг» в Ирак не состоялась. Я полностью доверяю в этом вопросе главе СБУ Владимиру Радченко. В Украине действует система контроля над экспортом оружия, и такая сделка не могла пройти мимо внимания ответственных инстанций. Делать выводы на основании полутораминутной цифровой записи, происхождение которой до конца не известно, недопустимо. Я предлагаю американской стороне прекратить всякие спекуляции на этот счет.

На этом месте я проснулся...

Представить себе Виктора Ющенко, критикующего официальную позицию Госдепартамента США можно было только во сне. Иначе, это был бы не Ющенко, а какой-то другой украинский политик.

Пока Украина оправдывалась перед американцами за «Кольчуги», в Европе развернулось мощное антивоенное движение. Миллионы людей выходили на митинги и демонстрации с протестами против войны в Ираке. Даже у нас, в маленьком Штарнберге, все улицы и дома были завешаны плакатами с призывом: «Нет войне! Мир!». В Германии хорошо понимали, что, так называемые, свидетельства о наличии в Ираке суперсовременных вооружений есть пропаганда, призванная оправдать войну за нефть. Об этом открыто говорила немецкая пресса и политики. Утверждалось, что с такой неприкрытой манипуляцией фактами и откровенной дезинформацией, исходящей от официального Вашингтона, общество не сталкивалось со времен войны во Вьетнаме.

Немецкое телевидение откровенно высмеивало американцев, когда Госсекретарь США Колин Пауэлл, выступая в ООН, в доказательство наличия в Ираке оружия массового поражения, предложил прослушать аудиозапись разговора каких-то двух иракцев.

Однако, Украина – не Германия. В Киеве казалось, что война в Ираке совершенно не касается Украины, а заявление Госдепартамента США о подлинности разговора о «Кольчугах» было воспринято, как поддержка украинской оппозиции. Считалось, что обвинения американцев адресованы персонально Кучме, а сама Украина здесь не причем.

В середине октября 2002 года в Украину прибыла делегация американских и британских военных экспертов. Официальный Вашингтон заявил, что они будут выяснять, попали ли «Кольчуги» в Ирак. В действительности, западные эксперты просто хотели заполучить подробную информацию о характеристиках «Кольчуг», которые являются уникальным продуктом отечественных технологий.

В день приезда в Киев экспертов Тимошенко сообщила на пресс-конференции, что накануне ночью, две «Кольчуги» тайком поступили в Украину из Белоруссии. Они, дескать, нужны Кучме для того, чтобы отчитаться перед инспекцией. Рассказывая об этом, Юлия была похожа на школьницу-ябеду, которая жалуется строгому учителю на соседа по парте.

Во время «кольчужного» скандала я часто задавал себе вопрос: почему Ющенко и Тимошенко не захотели встать на защиту престижа Украины? Ведь таким патриотическим поступком, думал я, они смогли бы заработать дополнительное уважение и голоса избирателей. Кроме того, объединив усилия, оппозиция и президент сумели бы эффективнее противостоять давлению американцев. И, возможно, после этого Украине не пришлось бы посылать в Ирак своих парней.

Однако вместо Ющенко и Тимошенко Украину защищал Медведчук.

Глава администрации президента заявил, что у американцев “оригинального прибора” нет, и не могло быть, а копия цифровой записи всегда может оказаться подделкой. Украинские эксперты, обследовавшие кабинет президента, свидетельствовали, что Кучму записывали не из-под дивана, а другим способом. Кроме того, было заявлено, что в день злополучного разговора о «Кольчугах» Мельниченко вообще отсутствовал на Банковой.

Глава 2. Вокруг “оригинального прибора”.

С тех пор, как Госдепартамент США признал подлинность разговора Кучмы о «Кольчугах», мыколына «Тошиба» стала гордо именоваться “оригинальным записывающим прибором”. Правда, сам “кольчужный” скандал благополучно завершился, как только Украина согласилась отправить в Ирак свой воинский контингент. Тем временем, Микола и его новые партнеры по парламентской следственной комиссии передали в Министерство юстиции США записи разговоров Кучмы о Гонгадзе. Планировалось, что Госдепартамент США официально подтвердит их аутентичность. Однако произошло непредвиденное – 8 апреля 2003 года в Багдаде выстрелом из американского танка был убит украинский телеоператор Тарас Процюк. После этого стало ясно: США не будут выносить на высший уровень дело Гонгадзе.

Заокеанскую экспертизу записи о «Кольчугах» Украина признать отказалась. Американцам было предложено предоставить документальные обоснования своих выводов. В ответ на это, Карлос Паскуаль созвал пресс-конференцию и распространил свое письмо к украинской прессе. Американский посол заявил:

“Эксперты лаборатории электронных исследований ФБР провели тщательный анализ оригиналов записи и оригинального записывающего устройства, предоставленного Николаем Мельниченко. В процессе анализа эксперты из трех агентств правительства

Соединенных Штатов подтвердили, что на записи зафиксирован голос президента Кучмы. Они отметили, что подделка исследуемого диалога является невероятной даже с помощью очень сложной электронной аппаратуры”.

Так в Вашингтоне на высшем государственном уровне признали правоту Мыколы: он делал свои записи обычным диктофоном из-под дивана, и в них нет монтажа. Справедливость восторжествовала. Правда, вскоре выяснилось, что одного-единственного “оригинального устройства” не хватает на всех желающих свести счеты с Кучмой.

В день, когда посол США сделал свое заявление, Швец выставил на сайте «5-й Элемент» фотографию диктофона «Тошиба» и чипа. Сообщалось, что это те самые оригинальный прибор и носитель информации, которые использовались при записи разговора Кучмы с Малевым. Вещественные доказательства были сфотографированы на фоне свежего номера газеты «Вашингтон Пост». Это наглядно демонстрировало, что именно Швец, а не ФБР, в настоящее время владеет имуществом Мыколы. Чип с записью разговора о «Кольчугах» был помещен в пакетик и опечатан наклейкой с автографом эксперта «ВЕК ТЕК». Очевидно, Брюс Кениг и его контора были теми самыми многочисленными “агентствами правительства США”, на которых ссылался Паскуаль. В противном случае, эти “агентства” изучали какой-то другой оригинал.

Увидев фотографию на сайте Швеца, я заинтересовался у майора:

– Неужели, ты отдал Швецу ту самую «Тошибу»?

– Да какую там «Тошибу»! – огрызнулся Мыкола. – Ты ничего не понимаешь. Я могу хоть десять таких «Тошиб» купить и раздать всем желающим.

Как выяснилось, Швец завладел мыколыной «Тошибой» и чипом с записью «Кольчуги» хитростью. Он

просто забрал их из лаборатории ВЕК ТЕК. В ответ на претензии Мыколы, Кениг разводил руками – формально экспертизу заказывала парламентская комиссия, а Швец был заявлен ее официальным представителем.

“Оригинальный прибор” перешел под контроль Швеца, как только стало понятно, что Жир не сможет повторно возглавить парламентскую следственную комиссию. Ему не удалось пройти в депутаты.

Жир всегда называл себя сторонником Виктора Ющенко и активистом Партии Реформы и Порядок. Однако в список Блока «Наша Украина» его не взяли. Жир баллотировался в Верховную Раду самостоятельно, по мажоритарному округу в Никополе. В этом городе, как известно, имел значительные бизнес-интересы Виктор Пинчук. Зять Кучмы обещал председателю парламентской комиссии помощь на выборах в обмен за сотрудничество в деле раскрытия истинной подоплеки кассетного скандала. Пинчуку казалось, что, несмотря на “кольчужный” скандал, Жир рано или поздно “расколет” Мыколу. Однако вскоре олигарх понял, что его “кинули”. Узнав, что купленные за его деньги записи Мельниченко попали в ФБР, Пинчук сделал все возможное, чтобы не пропустить Жири в Раду. В ответ на это, Жир и Швец запустили «5-й Элемент».

В новом составе Верховной Рады главой следственной комиссии стал Григорий Омельченко, а его заместителем – Юрий Луценко. Омельченко давно стремился к участию в кассетном скандале, однако его постоянно опережали более энергичные конкуренты. Он ждал своего часа полтора года и, в результате, его терпение было вознаграждено.

Омельченко долгое время был лидером депутатской группы «Антимафия» и занимался борьбой с коррупцией в Украине. Отставки Кучмы он требовал еще задолго до появления Мыколы и его записей. С этой целью Омельченко собирал и распространял самые

сенсационные документы, свидетельствующие о нарушениях Закона украинскими чиновниками, включая президента и его окружение. Ходили упорные слухи, что разоблачительные материалы ему подбрасывал Марчук. До того, как заняться политикой, Марчук и Омельченко вместе работали в Полтавской области: Марчук – главой областного Управления КГБ, а Омельченко – инспектором МВД по делам несовершеннолетних.

К делу Гонгадзе Омельченко подходил, как следователь из райотдела милиции к расследованию кражи мешка с зерном из колхозного элеватора. Глава парламентской комиссии рассуждал так: состав преступления налицо, существуют формальные доказательства вины президента (записи Мельниченко), значит – Кучма будет сидеть. А выяснением оправдывающих президента обстоятельств пусть занимаются его адвокаты.

Сразу же после своего назначения Омельченко отправился в деловую поездку за океан. Мыкола встретил его в компании нового политического беженца из Украины – Александра Ельяшкевича.

Судьбу бывшего депутата Верховной Рады круто изменили тайные записи из кабинета президента Украины. Ельяшкевич оказался за океаном вскоре после того, как экспертиза «ВЕК ТЕК» сертифицировала фрагмент разговора, в котором Кучма заказывает его избиение. Этот печальный инцидент произошел в феврале 2000 года в Киеве у гостиницы «Москва». Когда Ельяшкевич возвращался из Рады, его подкараулил неизвестный и нанес ему сильный удар в переносицу. Попав в больницу, депутат сразу же заявил, что нападение на него совершено по политическим мотивам.

О том, что Мельниченко записал разговор, доказывающий, что виновником происшедшего был

Кучма, Ельяшкевич узнал от Мендуся еще в январе 2001 года. С тех пор он долго готовил себя к тому, чтобы встретиться с Мыколой и прослушать эту запись. Наконец, мечта Ельяшкевича сбылась. Выяснилось, что, наблюдая по телевизору трансляцию из Верховной Рады и комментируя выступление Ельяшкевича, Кучма однажды произнес:

– От, жид, блядь! Его когда-то ёбнут так, что он не встанет!

По мнению Ельяшкевича, эта фраза свидетельствовала, что Кучма признается в содеянном ранее и готовит на него повторное покушение – на этот раз со смертельным исходом.

Попав под гипноз услышанного, Ельяшкевич утратил всякий интерес к политической деятельности. Он мог говорить только о записи Мыколы. Все свои разговоры Ельяшкевич начинал с того, что его заказал Кучма, и заканчивал тем же. На выборах никто из оппозиционеров не рискнул взять его в свой список – ни Юля, ни Ющенко, ни Мороз. От безысходности Ельяшкевич подал прошение об убежище в США. Он видел свою миссию в том, чтобы устроить судебный процесс над Кучмой в Америке.

Встретившись в Вашингтоне, Омельченко, Мельниченко и Ельяшкевич, устроили совещание и выработали дальнейший план действий. Они решили, что после признания Госдепартаментом США аутентичности записи о «Кольчуге», необходимо добиться аналогичного вывода в отношении разговоров Кучмы о Гонгадзе и Ельяшкевиче. Для этого нужные записи было решено предоставить в официальную американскую структуру – Министерство юстиции США.

Насколько реальной была поставленная цель, судить сложно. Заявляя о подлинности записи о «Кольчугах», Штаты преследовали свои глобальные внешнеполитические цели. «Кольчужный» скандал был

благополучно замят, как только Украина послала в Ирак своих военных. После этого Кучма был прощен и мог вновь свободно появляться на Западе. До тех пор, считали Микола с партнерами, пока не подтвердится подлинность его других преступных разговоров.

Чтобы провести очередную экспертизу требовалось записывающее устройство – то самое, которое забрал из «ВЕК ТЕК» Швец. Зная об этом, Омельченко от имени парламентской следственной комиссии официально обратился к Жиру с просьбой вернуть имущество Микола. Однако Жир и Швец совершенно не собирались отдавать доставшийся им “оригинальный прибор”. Они назвали Омельченко марионеткой Банковой и заявили, что дальнейшие экспертизы записей Мельниченко невозможны без их личного участия.

В качестве компенсации и жеста доброй воли Омельченко получил расшифровки разговоров Кучмы, сделанные для сайта «5-й Элемент». Так появилась книга Мельниченко «На диване у президента Украины» – сборник наиболее преступных разговоров Кучмы. Ее издание профинансировали социалисты. Омельченко, в свою очередь, позаботился о том, чтобы в книге не упоминалась фамилия Марчука. Однако проблема с “оригинальным прибором” оставалась не решена.

Со временем, на поклон к Жиру и Швецу выстроилась целая очередь из желающих добиться правды. Вслед за Омельченко, Мельниченко и Ельяшкевичем, предоставить диктофон для экспертизы Министерства юстиции США умоляли Алена Притула, Мирослава Гонгадзе и даже мать погибшего журналиста Леся.

Мирослава Гонгадзе пожаловалась на поведение Жира самому Виктору Ющенко – для этого они специально встретились в Вашингтоне. Лидер «Нашей Украины» лично пообещал вдове Георгия Гонгадзе

повлиять на Жира. Однако бывший глава парламентской следственной комиссии был неумолим. Он отлично понимал, что, отдав «Тошибу», моментально окажется не у дел. Жир не мог допустить этого, ни при каких обстоятельствах.

Тогда Микола плюнул на все и смастерил еще один «оригинальный прибор». Даже не один, а целых пять. К тому времени выяснилось, что майор записывал не только разговоры в кабинете Кучмы, но и в столовой администрации президента, а также на даче в Конча-Заспе и в сауне...

Когда все необходимые приготовления были закончены, в Америку прилетели Юрий Луценко и Тарас Чорновил. Вместе с Миколой и Ельяшкевичем они отправились в Министерство юстиции США:

“14 марта 2003 г.

Вашингтон

*Мы, заместитель председателя временной следственной комиссии Верховной Рады Украины по расследованию обстоятельств убийства журналиста Георгия Гонгадзе и посягательства на жизнь государственного деятеля Александра Ельяшкевича, Юрий Луценко, член этой комиссии Тарас Чорновил и гражданин Украины Микола Мельниченко в присутствии народного депутата Украины второго и третьего созыва Александра Ельяшкевича по решению комиссии передали Министерству юстиции США в лице заместителя управления по организованной преступности и рэкету Кеннету Лаури и руководителю управления международных операций Михаилу Пищемук десять файлов записей в кабинете президента Украины и **пять предметов записывающих устройств** во временное использование для проведения необходимых экспертиз и исследований.*

*Заместитель Председателя Временной комиссии
н.д. Луценко*

Член комиссии н.д. Чорновил

Мельниченко

Ельяшкевич”

Разумеется, все пять записывающих устройства были “оригинальными” – теми самыми, которыми Мыкола записывал Кучму. Об этом по возвращении из Штатов Луценко и Чорновил с гордостью сообщили на пресс-конференции для украинских журналистов. Жир и Швец с их единственной «Тошибой» были посрамлены. Теперь, оставалось ждать, что, однажды, на брифинге Госдепартамента США прозвучит заявление:

– Мы только что закончили анализ записи от июля 2000 года, предоставленной бывшим охранником президента Украины Николаем Мельниченко. На одном из отрывков слышно, как президент Украины Леонид Кучма приказывает депортировать в Грузию журналиста Гонгадзе и выкинуть его там. Мы верим, что эта запись подлинная. Мы также верим, что Леонид Кучма неоднократно посягался на жизнь государственного деятеля Украины Александра Ельяшкевича.

Такое событие стало бы триумфальным завершением кассетного скандала вообще, и работы парламентской следственной комиссии, в частности. После вмешательства Госдепартамента США никаких сомнений в том, что Гонгадзе заказал Кучма, уже бы не осталось. Выяснить, кто действительно убил журналиста и отрезал ему голову, было бы уже излишним.

Однако спустя несколько недель случилось непредвиденное.

Трагическое событие, повлиявшее на дальнейшее развитие кассетного скандала, произошло в Ираке.

Освобождая Багдад от Саддама, американцы прямой наводкой из танка влупили по гостинице с журналистами. Одним из двух погибших от этого выстрела был украинский телеоператор Тарас Процюк. Кстати, знакомый Мыколы. Теперь уже в прошлом...

На прощание с Тарасом в Киеве собрались практически все украинские журналисты. Среди них были те, которые едва ли не громче самих американцев трубили о “подлинности” «Кольчуг». Первым из политиков, возложившим цветы к гробу с телом погибшего в Ираке журналиста, был Виктор Ющенко.

Американский посол в Украине, который последовательно защищал свободу прессы и права украинских журналистов, оказался в крайне неудобном положении. Карлос Паскуаль выразил глубокое сочувствие семье и родным Тараса Процюка и заверил, что США проведут тщательное расследование причин инцидента. Со временем были оглашены его результаты: выяснилось, что украинский журналист погиб в результате несчастного случая.

После этого стало ясно: официальный Вашингтон не пойдет на политические заявления по делу Гонгадзе. Потому что, если американцы потребуют от Украины расследовать убийство Гонгадзе, то Украина немедленно напомнит Вашингтону об убитом в Багдаде Процюке.

Тем временем, у Швеца закончились купленные у Мыколы записи, и сайт «5-й Элемент» перестал обновляться. В мае 2003 года бывший нардеп и глава следственной комиссии Жир совершил свой последний вояж за океан. Основательно напившись, Жир и Швец по очереди проинтервьюировали друг друга. Они еще раз объявили Мыколу агентом Медведчука и дебилом и подчеркнули, что “вопрос о диктофоне и чипах закрыт” – а без них, дескать, настоящая экспертиза записей Мельниченко невозможна. На этом Интернет-проект «5-

й Элемент», созданный при невольном содействии Виктора Пинчука, завершил свою работу.

На память об участии в кассетном скандале, у Жира со Швецом остался “оригинальный прибор” – та самая перепаянная майором «Тошиба» с дистанционным управлением.

Отрывки из книги. Часть 10.

Часть шестая. Закат цифровой звезды

Глава 1. День Независимости.

Новый, 2003 год я встретил на дипломатической работе – в должности консула Украины в Мюнхене. Это назначение укрепило положение моей семьи в Германии и стало единственной выгодой, которую я извлек из кассетного скандала. Тем временем, в Украине с приходом на пост генпрокурора Святослава Пискуна и арестом Игоря Гончарова началось расследование дела Гонгадзе. Предварительные выводы были доложены президенту. Из-за этого Кучма затеял серию кадровых перестановок: Марчук стал министром обороны, должность секретаря СНБОУ занял Радченко, а СБУ возглавил Игорь Смешко. В августе 2003 года мы всей семьей приехали в Киев, чтобы отпраздновать двенадцатую годовщину Независимости Украины.

С апреля 2001 года наша семья постоянно проживала в Штарнберге. Иванка со временем выучила язык и нашла хорошую работу, а Ганнуся продолжала учебу в гимназии. Украину мы посещали редко. Во время кратковременных поездок на Родину Иванку и меня постоянно сопровождал Верховский. Он круглосуточно находился с нами заботясь о нашей безопасности. В таких условиях возвращаться в Украину было невозможно, а чтобы жить в Германии, приходилось постоянно продлевать визы. Наконец, немцы предложили нам определиться со своим статусом: покинуть Германию или обратиться за

получением политического убежища. Мы с Иванкой всегда связывали свое будущее с Украиной и не собирались отказываться от украинского гражданства. Наилучшим выходом из создавшейся ситуации для меня было устроиться на работу в консульство Украины в Мюнхене.

Я давно числился в резерве МИД – с тех пор, как летом 2000 года закончил Дипломатическую академию в Киеве. Кассетный скандал только отодвинул начало моей дипломатической карьеры.

О желании стать консулом Украины в Мюнхене, я заявил еще при первой беседе с Радченко, когда глава СБУ предлагал 100 тысяч долларов за записи. Спустя год, после встреч с президентом, я написал соответствующее заявление на имя Министра иностранных дел Украины. Принимая его к рассмотрению, Анатолий Зленко предупредил:

– Ну, Владимир Иванович, поймите, что работать консулом не так легко.

В ответ я пошутил:

– Так вы посоветуйтесь с президентом, справлюсь ли я.

Мое назначение консулом Украины в Мюнхене стало единственным ощутимым результатом, который я извлек из участия в кассетном скандале. Приняв такое решение, в Киеве за один день оформили дипломатические паспорта для нашей семьи и передали их в Мюнхен. К исполнению своих обязанностей я приступил 26 ноября 2002 года – ровно два года спустя с того дня, как Украину покинул майор Мельниченко.

Летом 2002 года в Украине, наконец, серьезно занялись расследованием дела Гонгадзе. Это было связано с двумя обстоятельствами – приходом на пост генпрокурора Святослава Пискуна и разоблачением деятельности так называемой банды оборотней. Пискун

был тщеславным человеком, опытным карьеристом и понимал, что, продвинувшись в раскрытии самого резонансного преступления в Украине, он значительно повысит свое реноме и политический вес. Поэтому генпрокурор заставил своих подчиненных рыть землю и копать глубже.

Активизация следствия по делу Гонгадзе совпала с арестом Игоря Гончарова – человека, который дружил с журналистом Ельцовым и утверждал, что работает на Марчука. Его задержали в ходе расследования обстоятельств похищения и убийства киевского банкира Гельфанда. Родственники несчастного хорошо заплатили руководству УБОП МВД Украины и те вышли на след преступников. Оказалось, что похищение банкира организовал Гончаров, а его сообщниками были несколько действующих сотрудников МВД. Двое из них работали в подразделении, которое занималось наружным наблюдением и когда-то осуществляло слежку за Гонгадзе. Сам Гончаров долгое время работал в структурах УБОП – в Киеве и области. Поэтому его с подельниками стали называть бандой оборотней – преступников в погонах.

Выяснилось, что на счету банды Гончарова было как минимум одиннадцать трупов. Зачастую заказные убийства маскировались под вид похищений лиц с целью выкупа. При этом, преступники получали двойное вознаграждение – плату от заказчика и выкуп от семьи потерпевшего. Получив деньги, бандиты убивали похищенных. Этим занимался лично Гончаров: он раздевал несчастных догола, укладывал на землю и душил удавкой. Тела убитых закапывали в поле под Броварами.

После ареста Гончаров попал в распоряжение своих бывших коллег по УБОП. Поначалу он повел себя нагло. Начал хвастаться своими связями в спецслужбах в Киеве и Москве и предупреждал, что его обязательно

выручат друзья. Намекал убоповцам, что, они с ним – одна банда и угрожал разоблачениями. Из-за этого его стали бить.

Гончарова избивали во время допросов так, что он проводил больше времени в больнице, чем в СИЗО. Он долго лечился, находясь в реанимации и, наконец, умер. По слухам, перед смертью к Гончарову приезжал Марчук. Сразу же после кончины экс-убоповца, его адвокат распространил предсмертные записки своего подзащитного.

В своих посланиях к общественности Гончаров называл себя важным свидетелем по делу Гонгадзе. Он утверждал, что был лично знаком с основателем «Украинской Правды» и, одновременно, помогал в работе майору Мельниченко. В убийстве Гонгадзе экс-убоповец обвинил своих сообщников по банде, которые получили соответствующий заказ от министра внутренних дел и президента через посредников в УБОП. Сообщал также, что об этом давно известно человеку с инициалами Е.К.М.

Параллельно с МВД расследованием деятельности банды оборотней занималась генпрокуратура. Подчиненные Пискуна пришли к выводу, что Гончаров был невольным свидетелем похищения Гонгадзе и своевременно сообщил об этом Марчуку. Секретарь СНБОУ сразу же отдал команду монтировать записи. Так, по версии прокуратуры, начался кассетный скандал.

В мае 2003 года Пискун посетил Кучму на отдыхе в Крыму и в неформальной обстановке доложил ему о ходе следствия по делу Гонгадзе. Генпрокурор показал президенту протоколы допросов Гончарова и рассказал о его связях с Марчуком. После этого глава государства затеял крупные кадровые перестановки.

Первым делом Кучма снял Марчука с поста секретаря СНБОУ и перевел его на должность министра

обороны Украины. Фактически Марчук был отправлен в политическую ссылку: ему предстояло заниматься неблагодарной, чреватой всевозможными неприятностями работой. Возглавить военное ведомство в Украине означало то же, что в Советском Союзе – министерство сельского хозяйства. Даже хуже. Выстрел ракетой по жилому дому в Броварах, сбитый российский самолет над Черным морем, ужасная трагедия во время авиашоу во Львове, взрывы на военных складах – такое наследство получил Марчук от предшественников. Разгребая эти завалы, Евгений Кириллович просиживал в кабинете на Воздухофлотском с утра до ночи. Работа забирала у него все силы и энергию – ему стало не до интриг. Основной головной болью для министра обороны стал Ирак.

Украина постепенно расширяла свое участие в войне, которую затеяли американцы. Появились первые убитые и раненые. Все похоронки из Ирака автоматически заносятся на личный счет Марчука и вредили его внутривнутриполитическому имиджу.

Тем временем, летом 2003 года Украину покидал Карлос Паскуаль. С тех пор, как началась война, он перестал критиковать Кучму, вспоминать об “оригинальном приборе” и переживать о безопасности своих летчиков. Перед отъездом на Родину, Паскуаль посетил дачу в Форосе. Кучма вручил дипломату орден «За заслуги» II степени – за выдающийся личный вклад в укрепление американо-украинских отношений.

Вскоре после увольнения секретаря СНБОУ, пост председателя СБУ покинул Владимир Радченко – его президент определил на место Марчука. Переходя на новую работу, Радченко рассчитывал оставить свой кабинет на Владимирской Петру Шатковскому. Так ему пообещал Кучма. Однако спустя неделю президент

передумал. Радченко не умел заниматься кулуарными играми и обмануть его не составляло проблемы.

Во главе СБУ Кучма поставил Игоря Петровича Смешко. Это было довольно рискованное решение. Смешко представлял традиционно конкурирующую с госбезопасностью структуру – военную разведку. В службе не любили военных разведчиков и назначение нового руководителя восприняли в штыки. Однако Медведчук сумел убедить Кучму, что все будет в порядке – нужно только приставить к Смешко пару «своих» заместителей.

Мельниченко всегда симпатизировал Радченко и смена руководства на Владимирской пришлась ему не по душе. Нового главу СБУ Мыкола невзлюбил и почему-то решил, что Смешко хочет его убить. Объяснение этого факта мне не известно – я не знаю кто вбил это в голову Мыколе. Раньше майор относился к Смешко совершенно нормально.

Когда Мыкола делал свои записи в кабинете на Банковой, Смешко возглавлял военную разведку Украины. В беседах с Кучмой он выглядел достойно, объективно докладывал президенту о происходящем в стране и, в конце концов, пострадал. Поддавшись на уговоры Деркача, Кучма убрал его с занимаемой должности. Это случилось в начале сентября 2000 года – накануне исчезновения Гонгадзе. Весь кассетный скандал Смешко провел в почетной ссылке – военным атташе Посольства Украины в Швейцарии. Оттуда он вернулся в Киев только весной 2003 года и был назначен главой Комитета по политике военно-технического сотрудничества и экспортного контроля при президенте. В этом статусе Смешко отправился в рабочую поездку в Вашингтон.

Вскоре после состоявшегося визита, адвокат Мельниченко Скотт Хортон распространил официальное заявление. Он сообщал, что его клиенту угрожает

большая опасность: оказывается, Смешко летал в Америку чтобы договориться об убийстве или похищении Мыколы. Об этом адвоката своевременно предупредили американские чиновники, встречавшиеся с гостем из Украины.

По возвращении из Штатов Смешко был назначен главой СБУ. Для меня лично это означало, что Радченко и Шатковский проиграли.

Чтобы прояснить ситуацию, мне требовалось побывать в Киеве. Поэтому я решил отметить двенадцатую годовщину Независимости Украины на Родине. Я специально хотел показать детям праздничный парад, ведь подрастая, Татьяна и Ганнуса мало знали об Украине. Они только слышали, что Украина является источником постоянных проблем для их родителей.

Свои приглашения на праздничное мероприятие мне уступил лидер социалистов. Мороз принципиально не хотел находиться вблизи Кучмы даже в День Независимости.

Я пошел на Майдан с Ганнусей и занял место немного правее от главной трибуны. Рядом со мной стоял бывший генпрокурор Потебенько с охранником. Иванка и Татьяна наблюдали парад с противоположной стороны Крещатика.

На празднично оформленной трибуне находились Кучма, Янукович, Медведчук, Литвин, Смешко, Пискун, Радченко и другие официальные лица. Годовщина Независимости была не круглой и ее отмечали скромно. Высоких иностранных гостей не приглашали. По той же причине в параде не участвовала военная техника – только личный состав.

Командовал парадом министр обороны Украины Евгений Марчук, а принимал – президент Украины – Верховный Главнокомандующий Леонид Данилович Кучма.

Марчук был гражданским министром и поэтому не носил военную форму. В тот день он одел серо-серебристый костюм, белую рубашку и галстук стального цвета в маленькую сеточку. Светлая одежда очень полнила Евгения Кирилловича и невыгодно подчеркивала некоторые его анатомические особенности. Вначале Марчук на старом советском ЗИЛе объехал строй солдат. Затем вернулся с Крещатика на Майдан, вышел из машины и направился к трибуне.

Министр обороны усердно чеканил шаг, вытягивая вперед носок. Его дорогой галстук развивался на ветру, а задняя часть пиджака смешно оттопыривалась. Присутствующие обратили на это внимание и заулыбались. Промаршировав к трибуне и вытянувшись по стойке смирно, Марчук отдал честь Кучме и отпартовал:

– Шановний Верховний головнокомандуючий! До урочистого параду, присвяченого дванадцятій річниці Незалежності України, військо вишикуване! Дозвольте розпочати парад!

В этот момент присутствующие чуть не попадали со смеху.

Затем Марчук поднялся на трибуну и встал рядом с Кучмой. Министр обороны и Верховный главнокомандующий ослепительно улыбались, позируя перед фотографами и телевизионщиками. Начался парад.

В тот день в Киеве стояла прекрасная солнечная погода. У всех было хорошее, праздничное настроение и я решил поздравить с Днем Независимости своих старых знакомых. Для этого, после завершения торжественного мероприятия я направился к трибуне и, первым делом, увидел Радченко. Поздоровавшись со мной, новый секретарь СНБОУ неожиданно заявил:

– У меня с вами всегда были хорошие отношения, Владимир Иванович. Но я никогда не прощу вам того,

что вы показали мою грамоту журналистам.

Зная о моем открытом характере и о том, что я люблю журналистов, руководители СБУ часто предупреждали меня – будьте осторожнее с прессой. Как выяснилось, не напрасно. Мое общение с журналистами привело к случайности, которая, возможно, стала переломным моментом в кассетном скандале.

В самом начале января 2003 года, в период, когда вся Украина заканчивала праздновать Новый Год и готовилась отмечать Рождество, в Киеве появился Володя Федькив.

Мой двоюродный брат был моим незаменимым помощником. Когда у меня не хватало времени, я доверял ему важные поручения. Федькив прекрасно знал мою семью, был хорошо знаком с Болданюком. В конце ноября 2000 года он встретил во Львове Мельниченко и проводил его на квартиру, где майор провел две ночи перед отъездом в Чехию. Федькив стал последним человеком в Украине, с которым Микола пил водку и играл в подкидного дурака. После начала кассетного скандала Федькив осознал, что оказался лично причастен к вывозу за границу майора Мельниченко и его записей. Он долго мучился и ждал, что к нему придут генпрокуратура, СБУ или корреспонденты.

Попав на праздники в Киев, Федькив напился и решил дать интервью. Для этого он позвонил журналисту Степуре и пригласил его в гости. Визитку с его телефоном он нашел на моем рабочем столе.

Федькив рассказал журналисту все, что он знал о кассетном скандале. Даже больше. Он отдал ему множество документов, которые хранились у меня дома. Это были мои письма, дневники, документы Соцпартии, расшифровки, написанные рукой Мельниченко, корреспонденция с почтового ящика

mykolamelnychenko@hotmail.com. Наконец, моя личная переписка с Болданюком.

Федькив вручил эти документы журналисту со словами:

– Ты единственный человек, который в этом может разобраться.

Так произошла наибольшая утечка информации за весь период кассетного скандала. Пообщавшись с Федькивым Степура стал разбираться в событиях вокруг майора и его записях лучше, чем СБУ. Он знал даже такие детали, о которых мы с Болданюком успели подзабыть.

Финальным аккордом в серии перестановок, затеянных Кучмой стала отставка генпрокурора Украины. Сосредоточив в своих руках материалы следствия по делу Гонгадзе, Пискун демонстрировал их успешное расследование. И снова верх взяло правило «дворцовых интриг». Чтобы избавиться от неподконтрольного прокурора Медведчук и Смешко убедили Кучму, что тот за границей потратил деньги со специального счета для нужд семей пострадавших военных на нижнее белье для своей возлюбленной. «Папе» не понравились ни рвение прокурора, ни нижнее белье.

Чувствуя, что тучи над ним сгущаются, Пискун арестовал генерала МВД Пукача, который руководил милицейской наружкой и лично приказывал следить за Гонгадзе. Этим поступком Пискун навечно застолбил за собой почетный титул прокурора, которому не позволили добиться правды в деле Гонгадзе. Перед тем, как уйти в отставку, Пискун и его подчиненные успели заявить, что вся милиция Украины – это оборотни.

Глава 2. Контракт с DOORUA.Inc.

В конце 2003 года я повторно посетил Америку. Пообщавшись с Миколой, я убедился, что он находится в сложном положении. Предыдущие проекты по свержению Кучмы оказались безрезультатными и не принесли майору никакой коммерческой выгоды. Однако он, как обычно, продолжал жить иллюзиями и строить новые планы. Убедившись, что в Америке нет достойных компаньонов, Микола обратил свой взор на Европу. Он предложил мне заключить договор о деловом партнерстве. Согласно тексту соглашения, которое сочинил Микола, я обязался стать его генеральным спонсором. Целью нашего сотрудничества провозглашалась борьба с преступным режимом Кучмы.

Мой второй визит в Америку состоялся в конце ноября 2003 года – ровно в третью годовщину кассетного скандала. Я предупредил Миколу, что прилечу не один, а вместе с немецким бизнесменом украинского происхождения. Это был Андрей Захаркив, который, кроме прочих достоинств, прекрасно владел английским языком. По опыту прошлой поездки за океан я понимал, что отправляться к Миколе без переводчика опасно.

На этот раз наш самолет приземлился в Вашингтоне. Со времени предыдущей встречи Микола заметно изменился: поправился, стал выглядеть солиднее и увереннее. Он приехал за нами в аэропорт на собственном автомобиле. Это был маленький (по американским меркам) ярко-красный «Додж». Женская

модель, – отметил я про себя, – наверное Лиля выбирала.

Выехав на автостраду, Мельниченко уверенно занял левую полосу и начал набирать скорость. Еще в аэропорту мы начали болтать, обмениваясь новостями. Мыкола продолжил это занятие за рулем. От радости по случаю моего приезда он забыл обо всем на свете. Разговорившись, он перестал обращать внимание на дорогу и сильно превысил скорость. Я тоже упустил из виду, что в Америке, в отличие от немецких автобанов, действуют жесткие ограничения. Вскоре нас настигла полицейская машина с включенными сиренами и мигалками. От неожиданности Мыкола резко затормозил и, вместо того, чтобы принять к обочине, остановился прямо в левом ряду. За нами сразу же образовалась пробка.

Обыскивая свою машину и карманы в поисках документов, майор заявил:

– Вот так же они спровоцировали Литвиненко. А потом они посадили его в тюрьму. Володя, будьте готовы ко всему!

Отдав документы, он начал что-то объяснять полицейским, но те не поняли его английский. Договориться с дорожным патрулем удалось после вмешательства Андрея. Полиция оформила протокол, выписала Мыколе квитанцию на штраф и мы поехали дальше.

– Ну, это еще не конец, – прокомментировал дорожный инцидент Мельниченко, – они так просто нас не оставят. Будут мешать нашей работе. Вот увидите.

За прошедшие два года Мыкола сменил прописку: он поселился вблизи Вашингтона, в городке Александрия в обычном многоэтажном доме. По рассказам Мыколы я понял, что новая квартира оказалась гораздо просторнее, чем предыдущая, и ее удалось неплохо обставить. Правда, к себе домой он

уже не приглашал, сославшись на то, что в Америке так не принято. Мы встречались в рабочем офисе – его майор специально снял к нашему с Андреем приезду. Мыкола стремился выглядеть перед немецким бизнесменом максимально респектабельно. Я заметил, что у него появилось несколько новых костюмов; каждый день он надевал новую белую рубашку и галстук.

Отправляясь в Штаты, майор сначала думал, что задержится там ненадолго. Он рассчитывал быстро заработать денег и вернуться обратно – купить дом в Чехии и жить там вместе с семьей. Америка на первых порах ему не понравилась. Лишь со временем Мельниченко привык к заокеанской жизни, ощутил ее вкус и старался вести себя как настоящий американец.

Прилетев в Вашингтон, я поинтересовался у майора:
– Ну и с кем ты, Мыкола, сейчас работаешь?

Вместо ответа Мельниченко серьезно заявил:

– Все, Володя. Все записи находятся уже под моим контролем. Это однозначно! Другие люди уже не могут влиять на процесс. Поэтому мы должны заключить важную договоренность.

Я знал, что за время пребывания в Штатах, майор поменял несколько генеральных спонсоров. После Литвиненко наиболее солидным из них был Борис Березовский. Познакомившись с опальным российским олигархом в Лондоне, Мельниченко получил помощь от принадлежащего ему фонда – 50 тысяч долларов. Однако со временем эти деньги закончились, а поиски нового коммерческого партнера затянулись. Оставшись без финансирования, Мыкола был вынужден подрабатывать на стороне: вместе со знакомыми эмигрантами-мексиканцами он занимался сборкой мебели. Об этом он проговорился случайно, жалуюсь мне на жизнь и приглашая к взаимовыгодному сотрудничеству. Мыкола объяснял, что хочет трудиться

по призванию – расшифровывать записи Кучмы и бороться с коррупцией в Украине. Однако, за два с половиной года в Штатах он убедился, что здесь нет надежных компаньонов для его проектов. Разочаровавшись в американцах, Мельниченко решил искать партнеров в Европе и для этого вызвал меня в Вашингтон.

Мыкола рассказал мне, что с недавнего времени он восстановил монополию над записями разговоров Кучмы. Как я понял с его слов, недавно прекратил свое существование какой-то другой архив, который оставался в Киеве и был неподконтрольным майору. Раньше Мыкола очень переживал из-за этого и внимательно следил – не появляются ли где конкуренты.

Разъяснив ситуацию, Мыкола начал убеждать меня:

– Володя, если ты найдешь пару сотен тысяч, то Кучмы завтра не будет. Я знаю что делать. В Америке неважно прав ты, или не прав. Все решает лобби. И это совершенно законно – главное иметь влиятельных адвокатов. А у меня, их целых двенадцать!

По этому поводу мне было предложено заключить контракт. Майор лично сочинил и распечатал текст соглашения. Я представлял интересы Восточно-Европейской инвестиционной компании (это название я придумал на ходу), а фирма Мельниченко называлась DOORUA. Inc. (США).

Согласно тексту договора, я обязался найти для Мельниченко 250 тысяч долларов. За эти деньги он собирался организовать расшифровку записей – тех самых, которые до сих пор хранились у Болданюка. Эту работу Мыкола называл сложным словом “транскрипирование”. Подразумевалось, что я обеспечу все необходимое для творческого процесса – деньги, людей, аппаратуру. Президент DOORUA. Inc. Мельниченко должен был руководить процессом и

давать юридическую оценку фактам, выявленным в ходе исследования разговоров Кучмы. Моя компания, в свою очередь, обязалась рекомендовать наиболее эффективные механизмы по использованию этой информации. Целью нашего сотрудничества провозглашалась борьба с “организованной преступной группировкой в Украине во главе с Кучмой”. Привлекая меня к сотрудничеству, Мельниченко надеялся, наконец, заполучить в свое распоряжение записи, которые хранились у Болданюка. Подписанный контракт был призван продемонстрировать серьезность его намерений и финансовую состоятельность. Иными словами, Микола искренне рассчитывал выкупить у Болданюка свой архив за мои деньги.

Я подписал договор с DOORUA. Inc. по одной-единственной причине – не хотел обижать Мельниченко. Его проекты я давно не воспринимал всерьез. С определенного времени, я не воспринимал всерьез и самого Миколу. Поэтому я никогда не пытался что-то сознательно у майора. О своих делах он всегда рассказывал сам.

Принимая меня в Вашингтоне, Мельниченко хвастался, что ежедневно посещает Госдепартамент США, Министерство Юстиции и ФБР. Когда мы гуляли по столице, он с гордостью показывал мне американские правительственные здания. Со слов Миколы складывалось впечатление, что он работает там главным консультантом по всем украинским вопросам.

До своего отъезда из Украины Микола был весьма ограниченным человеком. Он не читал газет, не смотрел новости по телевидению и совершенно не разбирался в политике. Начав расшифровывать свои записи, майор постоянно путался в именах и фамилиях собеседников президента. Это было одной из причин, по которым он раньше боялся делать публичные заявления. В Америке Миколу пришлось освоить

функции политика, политолога-аналитика и эксперта. И постепенно он вошел в эту роль. Решающая метаморфоза произошла с майором после приезда в США Александра Ельяшкевича.

Очутившись за океаном, Ельяшкевич получил однокомнатную квартирку и начал посещать курсы английского языка для эмигрантов. Единственной отрадой для бывшего депутата Верховной Рады стало общение с Мельниченко – они вместе слушали записи разговоров Кучмы. Ельяшкевич консультировал Мыколу – разъяснял, кто именно говорит, и о чем там идет речь. Вскоре между бывшим охранником президента и оппозиционным нардепом установились дружеские и доверительные отношения. Период, когда майор советовался с разными людьми прошел: Ельяшкевич заменил ему всех сразу. Под его влиянием Мыкола поверил в свои силы и возомнил себя серьезным политическим деятелем. Однажды я в шутку поинтересовался:

– Мыкола, а может Ельяшкевича к тебе специально послали жидо-масоны? Чтобы потом крутить тобой и использовать в своих интересах, превратив в дурачка?

Майор, подумав, ответил:

– С евреями нужно работать. Тут в Штатах ни один вопрос без них не решается. Иначе они могут навредить.

Во время наших встреч в Вашингтоне Мыкола постоянно рассуждал о создании собственной фракции в Верховной Раде. Эта фракция, по его словам, должна быть радикальной, влиятельной и насчитывать в Раде не менее ста депутатов. На выборах планировалось выступить под названием «Блок Мыколы Мельниченко». Сам Мыкола, естественно, был первым номером в списке своего Блока. Его заместителями должны были стать Ельяшкевич и Тарас Чорновил. В десятку, предполагалось также включить адвоката Салова,

судью Василенко, и, возможно, Сергея Головатого. Если он не подведет, отстаивая его права в Европейском суде, делал оговорку Мельниченко. При определенных условиях, намекал он, меня тоже можно будет включить в список.

Говоря о своей фракции в Верховной Раде, майор постоянно сравнивал ее с «Нашей Украиной». Мыкола подчеркивал, что Ющенко весьма слаб в политике – об этом свидетельствовали записи его разговоров с Кучмой. Себя самого Мельниченко видел альтернативной фигурой.

Мой первый визит к Мыколе совпал с прилетом в Нью-Йорк Алены Притулы. Через два года во время второго визита судьбе было угодно свести меня с социалистами. Мороз, Мендусь и Рудьковский прибыли в США практически одновременно со мной. Мельниченко несколько раз предлагал собраться всем вместе и пообедать. Однако я отказывался. Я просто устал тратить деньги: за время наших деловых переговоров и поездок Мыкола ни разу не рассчитался за себя. Пять тысяч долларов разлетелись в никуда за неделю. Перспектива обслуживать еще и Мороза мне не улыбалась. С социалистами я в Вашингтоне не встречался и лишь однажды поговорил с Морозом по телефону.

Услышав о планах партийного строительства, которые вынашивал Мельниченко, Мороз сказал:

– Вы же понимаете, Владимир Иванович, что это полная ерунда. Кому он в Украине нужен, кроме меня? Пока еще...

За годы кассетного скандала Мороз и Мыкола ни разу не критиковали друг друга публично. Со стороны всегда казалось, что между ними существуют особые, доверительные отношения. Однако в действительности лидер социалистов и майор едва переносили друг друга. У них просто не существовало иного выбора:

Мороз был обречен поддерживать Мельниченко, а тот – его. Иначе легенда о моральном политике и героине-одиночке с диктофоном могла с треском провалиться. Майор затаил злобу на Мороза со времени пребывания в Чехии. Вспоминая о том, как социалисты бросили его на произвол судьбы, Мельниченко поделился со мной секретом:

– Знаешь, Володя, одно мое слово – и Мороза грохнут.

Он намекнул, что владеет какой-то информацией, из-за разглашения которой политика физически уничтожат – как какого-то важного свидетеля. Впрочем, я давно понял, что Микола держит Мороза на крючке. И до конца о тайне, которая их объединяет, известно только им двоим.

Приехав в Штаты, лидер социалистов решил обратиться к Мельниченко за записями. Мороз позвонил майору домой и попал на Лилю. Жена Микола выполнила свое обещание, данное еще в Чехии, и заявила:

– Забудьте этот телефон и не звоните сюда. Я вас больше не хочу знать!

После этого в семействе Мельниченко состоялся скандал. Супруга поставила Миколу условие: он должен выбрать – или она, или Мороз. Лилия пригрозила, что если к ним еще раз позвонит глава СПУ, и Микола будет с ним вести переговоры, она соберет вещи и уйдет из дома. В результате, никаких записей Мороз не получил. Майор даже похвастался мне, что тот из-за этого покинул Америку преждевременно, отказавшись от посещения Госдепартамента.

По возвращении в Украину Мороз заявил прессе, что все попытки представить Мельниченко умственно неполноценным являются провокацией. И что он, напротив, лично убедился в том, что майор является

вполне зрелым и адекватным политиком. Именно поэтому его зачислили в избирательный список СПУ.

Помимо старых записей Кучмы, у Мельниченко за годы, проведенные в Штатах, появилась свежая фонотека. Когда я был у него в гостях, он предлагал мне прослушать голоса Купчинского, Швеца, Жира, Омельченко, Мороза, Рудьковского, Шибко и других. Вероятно, Микола слишком буквально воспринял команду Радченко “никому не доверять”. Он подозревал всех без исключения и записывал все свои телефонные переговоры. Хорошо зная Миколу, я совершенно этому не удивлялся.

За время нашего знакомства майор никогда не отвечал мне по телефону сразу. Он всегда предупреждал, что сам наберет мой номер. Перезванивая, он говорил:

– Ну, Володя, теперь я тебя внимательно слушаю!

Я пару раз интересовался, почему он так поступает. Мельниченко пояснял, что звонит мне через Интернет-карточку, чтобы сэкономить мои деньги. Я не верил:

– Ну ладно, записывай, Микола. Мы когда-то будем книжку писать. Поэтому нужно помнить, о чем мы говорили.

Понимая, что меня “документируют”, в разговорах с майором я всегда старался “мочить” Кучму по полной программе. Так продолжалось два года. Поэтому, даже, несмотря на мое назначение консулом, Микола верил, что я убежденный антикучмист. И в этом он не ошибался.

Штопаний. Эту унизительную кличку Мельниченко дал Верховский. Поначалу он называл так майора во время телефонных разговоров – на случай возможного прослушивания. Я протестовал, считая, что говорить так о Мельниченко, даже в третьем лице будет некрасиво. Мы даже поругались по этому поводу. Однако Верховский не слушался и продолжал упорно

называть майора “Штопаным”, навязав эту кличку всему СБУ. Скоро все, кто занимался кассетным скандалом, знали, что Мельниченко это Штопаный. Наконец я смирился и тоже начал автоматически говорить Штопаный, вспоминая Мыколу. Я заметил, что этот эпитет приходил мне на ум тем чаще, чем глупее и противнее становились его поступки.

Глава 3. Баден-Баден: письмо Президенту.

Узнав о том, что Кучма собирается встречать Новый Год в Баден-Бадене, я решил напомнить ему о кассетном скандале. Для этого я написал письмо, адресованное лично президенту. Это был нормальный, рабочий документ, в котором я излагал свои впечатления от общения с Мельниченко. Сообщал, что майор устал от давления американцев, нуждается в деньгах и согласен сотрудничать с официальными представителями Украины. Но, по его мнению, этому препятствует новое руководство СБУ – кто-то сумел настроить Мыколу против Смешко. Я мог рассказать обо всем этом подробнее и надеялся на личную встречу с Кучмой. О нашей поездке в Баден-Баден рассказывает Иванка.

В город-курорт мы отправились на машине всей семьей: я, Володя, Ганнуса и Татьяна. Володя сказал, что мы собираемся поздравить президента Украины с новогодними и рождественскими праздниками. Дело было 26 декабря 2003 года, в день прибытия президента в Германию. Мы думали, что передать письмо для Кучмы не составит проблемы, и рассчитывали в тот же день вернуться обратно.

Приехав в район Баден-Баден, мы нашли гостиницу, где остановилась делегация из Украины. Сразу же выяснилось, что прорваться к Кучме будет непросто. У входа в отель нас встретил расстроенный Сергей Лещенко из «Украинской Правды».

– А ты что тут делаешь? – поинтересовался у него Володя.

– Да так. Хотел интервью у Кучмы взять...

– Ну и что?

– Спросите их, – махнул рукой журналист в направлении отеля.

Вначале Володя рассчитывал передать свое письмо через начальника президентской охраны Владимира Ляшко. Они встретились и долго о чем-то говорили. Я догадалась, что Ляшко был в плохом настроении. Он отказался помочь нам и заявил, что не будет вмешиваться в происходящее. Володя объяснил причину: только что Ляшко передал “наверх” просьбу журналиста «Украинской Правды» об интервью с Кучмой и получил в ответ установку: “выкинуть его нахер”.

– Ну, и что я должен делать? – возмущался Ляшко, – ведь Шварцвальд – это же не черниговский лес. Вокруг – немцы.

Наверное, Кучма уже основательно подзабыл уроки кассетного скандала, подумала я.

После этого мы стали пробовать другие варианты.

Володя нашел Геннадия Белогура – человека, занимавшегося обслуживанием украинской делегации. Он был сотрудником фирмы, которая специализировалась на лечении новых русских и принадлежала Бакаю.

Белогур, к удивлению, благосклонно отнесся к нашей просьбе. Он предложил нам подождать в баре отеля и пообещал, что сейчас попробует что-то предпринять. Володя пояснил, что письмо нужно передать лично в руки президенту или, в крайнем случае, Людмиле Николаевне. Когда Белогур удалился, с нами осталась его жена Лариса. Она рассказала нам о том, какая у них крутая фирма и каких высоких гостей они принимают в Германии. Потом начала жаловаться: как тяжело ей жить на чужбине, и как она скучает по родному Запорожью.

Вскоре вернулся Белогур и заявил:

– Ничего не получится, Владимир Иванович. Здесь никого нет – все уехали в город. Ваше письмо никто не примет.

Очевидно, он успел посоветоваться с начальством. На этом мы вежливо попрощались и разошлись. Стало понятно, что и этот вариант не проходит. Оставался последний шанс – просто зайти в номер к президенту Украины.

По просьбе Володи Ганнуса подошла на рецепцию и поинтересовалась у администратора, где проживает посетитель по фамилии Кучма. В ответ ей дали целый список номеров, в которых разместились “гости мистера Бакая”. Выяснилось также, что сам “мистер Бакай” сейчас в номере.

Было уже совсем поздно. Татьянка стала засыпать, и Володя повел ее в машину. Тем временем, я с Ганнусей направилась в гости к Бакаю. Когда мы постучали в дверь, нам открыла возбужденная Лариса с размытым макияжем на лице. Плача, она схватила меня за плечо и потащила в номер:

– Вы зайдите, расскажите им, что я вас не знаю! Что вы наделали?! Меня теперь увольняют из-за вас с работы. Зайдите, сами им все объясните и убирайтесь отсюда, чтобы я вас не видела!

За дверью мне открылась живописная картина: посреди комнаты в кресле сидел Бакай в халате и шлепанцах. Сзади, держась за спинку кресла, стояла его жена Наташа. Вокруг них расположилась охрана. Рядом сидел на стуле Белогур.

Супруга Бакая начала успокаивать нашу собеседницу по бару:

– Лариса, да перестань ты!

Сам Бакай внимательно осмотрел нас с Ганнусей и неожиданно спросил по-украински:

– А ви звідки самі?

– З Рівного! – ответила я.

– О! То ми з вами земляки! – заметил он и, повернувшись к охранникам, продолжил. – Ну, видите? Я же вам говорил: таких клиентов будет много. Нужно быть начеку!

Потом ко мне обратился один из охранников:

– Ну и что вам нужно?

Я объяснила им цель своего визита:

– У меня письмо к президенту и я хочу вручить его лично.

– Это невозможно.

– Почему невозможно? – Я сейчас открою конверт перед вами и покажу, что там только лист бумаги и фотографии, которые нужно передать президенту. Больше ничего нет.

– Нет! Вы скажите, как вы сюда зашли, кто вас сюда пустил? Расскажите! – потребовал охранник.

Я попыталась объяснить, что мы находимся в Германии и тут другие порядки. Здесь никто никого не пропускает и не проводит. Когда нужно найти кого-то в отеле, то на рецепции предлагают связаться с номером, в котором остановился интересующий посетитель. Кучму спрашивала молодая девушка, и немцы ничего плохого не заподозрили. В это время Лариса опять толкнула меня сзади и запричитала:

– Кто вас сюда звал? Вы мне испортили всю жизнь! Уходите отсюда!

Бакай тоже начал ее успокаивать и одновременно обратился к жене:

– Наташа, а в нас є цукерки для дітей?

Рядом со мной стоял ребенок – четырнадцатилетняя Ганнуса. Наташа смущенно предложила:

– Да вы не волнуйтесь, проходите, присаживайтесь!

Я продолжала стоять у входа в номер. Бакай крутился на кресле, показывая голые волосатые ноги. На меня, в свою очередь, пялилась охрана. Все они были

какие-то небритые, заторможенные и напоминали скорее каких-то крутых, чем секьюрити президента.

Лариса опять потребовала:

– Дайте мне сейчас же это письмо, я его прочитаю!

Я подчеркнула, что это письмо адресовано Кучме.

– Этого не должно быть! Мы должны все знать, иначе с вами сейчас будут разбираться!

Охрана еще раз заявила, что передать письмо президенту нельзя – это противоречит всем инструкциям и установкам.

Вдруг один из охранников шагнул ко мне со словами:

– Говорите, что в письме!

В этот момент я подумала, что сейчас последует нападение. Казалось, еще минута и они скрутят мне руки и отберут письмо. Ганнусе тоже стало страшно. Она отступила назад, к двери и начала скороговоркой повторять по-немецки:

– Мама, мама! Идем отсюда скорее! Это дурдом! Я их боюсь!

Бакай, тем временем, спросил:

– А где ваш муж?

Я ответила, что Володя пошел на улицу с ребенком.

– Пусть он придет сюда!

Белогур, как по команде выскочил из номера и отправился на поиски Володи. В его отсутствие, Бакай, от нечего делать, начал расспрашивать меня. Интересовался, кого я знаю в Ривном, чем занимаюсь в Германии, и как оказалась в Баден-Бадене. Я рассказала, что мы отдыхали по соседству и решили, пользуясь, случаем, передать Кучме свои новогодние и рождественские поздравления. Во время этого рассказа один из охранников широко зевнул и произнес:

– Пойду, ну его на хер, пожру. А то кухню закроют – ничего горячего не останется.

Наконец появился Володя. Увидев, что в номере полно людей, он предложил Бакаю:

– Давайте, выйдем, переговорим вдвоем!

Когда Бакай встал с кресла, охранники нехотя поднялись со своих мест. Однако хозяин повелительно махнул им рукой и пригласил Володю в спальню. Попутно он поинтересовался:

– Я, кажется, вас где-то по телевизору видел. Вы, наверное, политтехнолог?

Пару минут Володя и Бакай беседовали один на один. Кажется, они договорились о том, что им покажут апартаменты, где живет президент. Возвращаясь, Володя строго спросил Бакаю:

– Вы отвечаете за свои слова?

Мы прошли по коридору и подложили письмо под дверь номера, который назвал Бакай. Однако, как выяснилось позже, президента там не было. Кучма вообще в гостинице не останавливался. Апартаменты, на самом деле, принадлежали кому-то другому из “гостей мистера Бакаю”.

В результате, письмо Володи к президенту так и не попало.

Когда Кучма отправился в Германию, в Украине официально сообщили, что он собирается “попить водички и отдохнуть в Баден-Бадене”. Однако, в действительности, президент весь новогодний отпуск занимался лечением. Прибыв в Баден-Баден, он сразу же отправился в клинику «Макс-Грюндиг», а оттуда, после обследования – в одну из больниц города Карлсруэ. Немецкая пресса писала, что Кучму там прооперировали. Эта информация держалась в секрете.

Тем временем, в Украине стали распространяться слухи о кончине президента. На это было несколько причин.

Во-первых, накануне приезда Кучмы в Германию СБУ получило оперативную информацию о готовящемся

на него покушении. Проверкой занимался офицер безопасности Посольства Украины в Берлине генерал Валерий Кравченко. Он обратился к немцам и вскоре удостоверился, что сигнал не нашел подтверждения. Однако это стало поводом для соответствующих разговоров в Баден-Бадене.

Во-вторых, неприятное происшествие случилось во время прогулки президента в Шварцвальде.

В Конча-Заспе Кучма регулярно совершал пешие прогулки. Ходьба успокаивала президента и помогала ему переваривать информацию, которой нагружало окружение. Во время моциона он предпочитал двигаться быстрым шагом, не оглядываясь по сторонам.

После операции в Карлсруэ, Кучма совершал прогулки по лесу, окружавшему «Макс-Грюндиг-Клиник». Однажды, прогуливаясь, президент шагал по тропинке и, как обычно, смотрел себе под ноги. За ним, на некотором расстоянии, перемещалась охрана. В это время местный егерь занимался обходом своих владений. Немец держал в руках охотничью двустволку и совершенно не подозревал, что навстречу движется президент Украины. Кучма шел прямо на егеря. Заметив вооруженного человека, охрана немедленно закрыла своими телами президента. Кучма даже не успел опомниться и поднять голову.

Это происшествие послужило поводом для многочисленных шуток среди отдыхающих в Баден-Бадене. Медведчук смеялся:

– Ну, вот – немцы чуть Кучму не убили! А в Украине опять скажут, что это я все подстроил.

Вскоре об инциденте с егерем услышал Рабинович. Он специально прибыл в Баден-Баден, рассчитывая встретиться там с Кучмой. Олигарх поселился в отеле под вымышленной фамилией Лютиков и стал ждать своего часа. Однако к президенту Рабиновича не подпускали, и он был вынужден кормиться слухами.

Узнав об инциденте с егерем, о несостоявшемся покушении, Рабинович поспешил сообщить об этом в Киев.

Так в Украине начали распространяться слухи о скоропостижной кончине Кучмы.

Отрывки из книги. Часть 11. Глава 1. Мыкола Мельниченко и Владимир Болданюк. Полтора года спустя.

В январе 2004 года Мельниченко прибыл с ответным визитом в Мюнхен. Программа пребывания в Европе была обширной. Планировалось принять участие в нескольких важных мероприятиях. Но главным для Мыколы, как и раньше была встреча с Болданюком. С тех пор, как Мельниченко покинул Чехию в апреле 2001 года, он постоянно стремился встретиться с Володией. Первая встреча состоялась летом 2002 года в Вене. Мыкола попросил моего друга отдать ему записи, но получил отказ. С тех пор Болданюк с майором практически не общались – ни по телефону, ни по электронной почте. В конце января 2004 года, после долгой разлуки, Мельниченко вновь встретился с Болданюком. Для этого мой друг специально приехал из Остравы в Штарнберг.

Во время моего приезда в Вашингтон, мы с Мыколой условились продолжить переговоры о получении 250 тысяч долларов в Германии. Пригласив Мельниченко в Мюнхен, я пообещал устроить ему серию консультаций со знакомыми немецкими бизнесменами – возможно, кто-то из них возьмется профинансировать наш проект. Вскоре появился дополнительный повод для встречи: стало известно, что на 19-20 февраля 2004 года запланирован официальный визит в Берлин президента Украины. Узнав об этом, я сделал вывод, что майор обязательно появится в Европе. Поездки Кучмы на Запад он всегда воспринимал как личный вызов.

Понимая, что интерес к его записям неуклонно падает, Мельниченко был вынужден рекламировать себя самостоятельно. Прежде всего он старался продемонстрировать свое присутствие во время зарубежных визитов Кучмы. Обычно Микола проводил пресс-конференции, устраивал демонстрации и пикеты, напоминая иностранным журналистам о деле Гонгадзе и проданных в Ирак «Кольчугах».

Весной 2001 года, перед отлетом в США, Мельниченко пообещал Болданюку, что обязательно вернется и отблагодарит его. Майор заявил, что мой друг спас ему жизнь и теперь он вечный должник чешского бизнесмена. Володя в ответ отшучивался:

– Микола, сделай лучше то, что ты всегда обещал, измени жизнь в Украине вместе с командой Мороза. Цвиль в это не верит, а мне интересно посмотреть, что у тебя выйдет.

Обосновавшись в Штатах Мельниченко, старался поддерживать постоянную связь с Володией. Поначалу они переписывались через Интернет, используя какие-то пароли и шифры. Со временем Микола начал открыто звонить в Остраву. Рассказывая о своих проектах, он уверял Болданюка, что вскоре заработает миллионы и неизменно просил его передать оставшиеся записи. Он всегда говорил, что там есть много новой информации, которая поможет ему в работе.

В своих посланиях майор анализировал результаты своей деятельности, утверждая, что сумел повысить уровень демократии в Украине. Володя не мог с этим согласиться и возражал Миколу, что тот полностью утратил реальность и живет в какой-то сказке. Болданюк каждое утро начинал с чтения «Украинской Правды» и других изданий, и неплохо ориентировался в событиях в Украине.

После отъезда Мельниченко в США он встретился с Володией летом 2002 в Вене. Мельниченко приехал в

австрийскую столицу из Лондона, за деньги Березовского. Попросив о встрече, Мыкола рассчитывал уговорить моего друга вернуть ему архив записей.

В Вене Болданюк и Мельниченко провели несколько часов, гуляя вместе по городу. Мыкола убеждал моего друга, сколько он уже сделал доброго для Украины. Володя в ответ попросил его конкретно указать, что он сделал. Мой друг считал, что пока не видно никаких результатов, и наоборот – Мыкола только все испортил. По мнению Болданюка, Мыкола и его союзники-политики не сумели правильно распорядиться записями. Поэтому кассетный скандал не принес ничего хорошего Украине. Мыкола продолжал фантазировать и заявлял, что весь прогресс в политической жизни в Украине основан на его деятельности. Майор, как обычно говорил, что самое главное – бомбить Кучму и Кучма тогда уйдет.

Все как всегда закончилось на том, что Болданюк попросил Мыколу показать реальные результаты его работы. Только при этом условии может идти речь о возвращении ему архива. Володя заявил, что по-прежнему не знает на кого, с кем и для чего работает Мыкола и нет никаких гарантий того, что его записи не попадут в плохие руки и не будут использованы против Украины.

На этом Болданюк и Мельниченко расстались.

На следующий день в Вену отправился знакомый Володи по имени Рене – один из тех, кто охранял майора во время проживания в Чехии. Он привез Мыколе несколько копий с дисков и письмо моего друга. Рене встретил Мельниченко в обществе Рудьковского. Прочитав письмо Болданюка, они буквально вышли из себя. Рудьковский заявил, что сейчас вместе в майором отправиться в Остраву и лично выяснит отношения с Болданюком. Рене предупредил, что мой друг их не примет и, в случае визита непрошенных гостей,

обратится в полицию. Тогда Мыкола сочинил ответ Володе и передал его в Оставу. Мельниченко писал, что искренне не понимает причину недоверия к нему.

С этого момента их отношения окончательно похолодели – Болданюку надоело заниматься инструктажем майора.

Со времени встречи в Вене, Болданюк отвечал ему по телефону редко, кассетную тематику не обсуждал вообще, а лишь ограничивался регулярными поздравлениями с праздниками и днями рождения Мыколы, Лили и Леси.

Разлука майора с Болданюком продолжалась до февраля 2004 года. Узнав, что майор собирается в Мюнхен, мой друг решил повидать Мельниченко. Эта встреча должна была стать большим событием для них.

Володя со всей серьезностью относился к предстоящей встрече. Во-первых, ему было любопытно взглянуть на Мыколу. Он предполагал, что мировоззрение Мельниченко наконец изменилось. Надеялся, что майор за прошедшее время интеллектуально возмужал и созрел к серьезному разговору. По-видимому, рассчитывал мой друг из Чехии, можно будет серьезно поговорить с ним о судьбе его архива.

Болданюк приехал в Штарнберг вечером. Он вынес из своей машины костюмы и тщательно отглаженные рубашки. Аккуратно развесил их в своей комнате. Судя по всему, Володя рассчитывал погостить у нас с Иванкой несколько дней.

Иванка специально приготовила для гостей торжественный ужин. Долгожданная встреча Мельниченко и Болданюка состоялась в гостиной, у празднично накрытого стола. Сначала они пожали друг другу руки, потом стали обниматься и даже поцеловались. Затем мои гости начали неторопливую беседу за ужином. Мельниченко изо всех сил старался

выглядеть представительно и пытался продемонстрировать Володе свою солидность. Начал хвастаться своими связями в Америке, рассказывать о каких-то новых фантастических проектах.

Болданюк ожидал от него совсем другого поведения. Он хотел сначала завести разговор о жизни, о семье. Хотел узнать, как живет сейчас Мыкола, как устроилась в Америке Лиля, как растет их дочь Леся. Вместо этого майор изо всех сил старался подчеркнуть собственное высокое реноме за океаном.

– Да я, в Америке, – повторял Мельниченко, – да у нас, в Штатах... Да меня в Госдепартамент каждый день приглашают!

С некоторого момента Болданюк перестал поддерживать разговор с Мыколой. На его реплики отвечал только кивками головы. Было видно, что диалога между ними не получилось.

После ужина мой друг решил прогуляться по улице. Увидев это, майор быстро оделся и устремился вслед за ним. Вероятно, он предположил, что настало время для беседы тет-а-тет и рассчитывал поговорить о судьбе оставленных в Чехии записей. Однако, выйдя из дома, Мельниченко, внезапно заметил машину Болданюка. Это был красивый черный джип «Мерседес» М-серии.

– Новый? – поинтересовался Мельниченко.

– Угу, – кивнул Болданюк.

– У нас в Штатах, кстати, это довольно дешевая машина считается!

Переночевав, наш гость рано утром собрал все свои вещи и перенес обратно в машину. Прощаясь с Иванкой, Болданюк шепнул ей на ухо:

– Если ты можешь все это вынести, терпи! Если не можешь – убегай отсюда в Оставу.

Глава 2. Страсбург: битва за Украину.

Мельниченко решил, что я обязан обеспечить ему поездку на сессию ПАСЕ. Кроме того в Страсбурге находился Европейский Суд, который рассматривал дело Мельниченко против Центризбиркома Украины. Также он потребовал встречи с немецкими бизнесменами.

Как только Болданюк уехал в Остраву, возмущенный майор заявил:

- Все. Едем в Страсбург!
- Зачем? Может быть, отдохнешь с дороги? - спросил я.
- Там начинается сессия ПАСЕ. Мне нужно встретиться с Северинсен!
- Где? В холле или буфете? Она тебя ждет?
- Володя, ты ничего не понимаешь! Поехали в Страсбург!

Мыкола напомнил, что мы подписали с ним контракт в Вашингтоне и наши отношения должны строиться на основе этого документа. Поэтому он решил, что я обязан обеспечить его поездку на сессию ПАСЕ. Кроме того, в Страсбурге находился Европейский суд, который рассматривал дело Мельниченко против Центризбиркома Украины.

Пришлось пообещать Мыколе, что мы обязательно попадем в Страсбург. Но сначала нужно будет уладить мои неотложные дела. На то время я опять занимался бизнесом - моя дипломатическая карьера оказалась непродолжительной. Причина увольнения была банальной - я не сработался с начальством. За годы

свободного плавания на волнах кассетного скандала, я полностью отвык от бюрократии.

Подумав, я решил вместе с майором посетить сессию ПАСЕ. Было интересно – там собирались обсуждать политическую реформу в Украине, предполагались выступления наших представителей. В поездке нас с Миколой сопровождал Андрей Захаркив – он был личным переводчиком майора.

По пути в Страсбург состоялось знакомство Миколы с Россом.

Во время визита в Америку я пообещал свести майора с заслуживающими внимания немецкими бизнесменами. Для начала я решил познакомить Мельниченко с Россом, представив его как серьезного предпринимателя, который работает в Украине с Ринатом и Юлей.

Встреча Мельниченко с футбольным магнатом состоялась у него дома, недалеко от Франкфурта на Майне. Атмосферой встречи была любовь к Украине.

Каждый из них думал, что сможет заработать на другом миллионы, но не представлял как это сделать. И поэтому рассчитывали просто обмануть друг друга. Так думали и Микола и Росс. В результате их деловая встреча завершилась безрезультатно.

Сессия ПАСЕ проходит в Страсбурге совершенно открыто: все желающие могут посещать заседания и наблюдать за ними с балкона. Обеспечивается даже синхронный перевод выступлений на основные европейские языки. Для того чтобы попасть в Дом Совета Европы достаточно предъявить свой паспорт. Мельниченко мне не поверил и решил с вечера заказать себе специальный пропуск. Ему обещал помочь Виталий Шибко.

На следующий день Микола долго спал – продолжалась акклиматизация после перелета через Атлантику. Мы встретились с ним уже на сессии. Майор

с гордостью продемонстрировал свой пропуск. Я удивился:

– Зачем тебе это? Я просто так прошел.

– Да что ты понимаешь, – заявил майор. – Это – специальный пропуск!

Оказавшись внутри здания Совета Европы я первым делом подошел к Симоненко. Мне хотелось прояснить одну важную деталь. Ходили слухи о том, что майор прежде чем обратиться к Морозу, предлагал кассету с записями разговоров Кучмы о Гонгадзе разным политикам. Одним из них был лидер Компартии Украины.

Перед началом прений Симоненко был крайне возбужден:

– Владимир Иванович, вы же понимаете, что если сейчас мы не защитим Украину, то нам конец! Это все равно, что проиграть Великую Отечественную. Мы не имеем права проиграть эту битву.

Внимательно выслушав рассуждения главного коммуниста (он любит много говорить), я перевел разговор на Мельниченко:

– Здесь Мельниченко сегодня будет. Он хочет с вами встретиться.

– Ну, а что мне с ним говорить?

– Так вы же, говорят, с ним встречались тогда – в дождливую погоду.

– Я все могу рассказать! Но пускай сначала Мороз все расскажет, как это было. И вообще пусть он всем этим не спекулирует, потому что рано или поздно этому придет конец.

С этими словами Симоненко поспешил в зал, а я – на балкон. Началось заседание сессии.

Сидя на балконе, я внимательно наблюдал за происходящим. Это был театр одного актера: Головатый против всех. Головатый хорошо знал английский язык, умел грамотно изложить свою мысль и донести ее

аудитории. Кроме того, он давно и основательно изучал систему западной демократии. В этом вопросе он до сих пор – главный эксперт в Украине.

Кроме Головатого из украинских депутатов выделялся Зварич. Он покориł делегатов ассамблеи своим изысканным английским. Начиная свое выступление, он заявил:

– Я родился в Америке и поэтому знаю цену истинной демократии.

Присутствующие сразу же востепенелись: интересно, что это за американец из Украины, который будет учить нас, европейцев, демократии? Это был единственный момент за все выступление Зварича, когда зал оживился. Затем все вновь погрузилось в полудрему. До тех пор, пока слово не дали Петру Симоненко. Перед этим он долго тянул руку вверх, как отличник в школе.

– Хочу официально заявить всем присутствующим, – начал свое выступление лидер коммунистов, – что в Бабином Яру евреев расстреливали не фашисты, а нашисты. Их сегодня представляют в Украине Виктор Ющенко, который рвется к власти.

Его сразу же оборвал председательствующий – президент ассамблеи Совета Европы.

– Извините, но это не по теме!

Однако переводчики уже успели перевести слова Симоненко. Услышав это заявление, зал зашевелился. Все были удивлены. Немецкая делегация, как по команде повернулась к Симоненко. На лицах немцев читался немой вопрос:

– Быть может, не только мы должны выплачивать компенсации за Холокост, но и украинцы тоже?

По ходу прений выступали и другие представители украинской делегации: Костенко, Олийнык, Рыбак. В первом ряду сидели Грищенко, Мартынюк и Задорожный и с умным видом что-то записывали.

Постоянно комментировал все выступления ораторов и оппонировал им депутат Юрий Писаренко – бывший олимпийский чемпион по штанге. Защищая официальную Украину, он бурно опротестовывал все тезисы Головатого. При этом Писаренко полностью вошел в роль и был несказанно доволен, что находится в центре внимания зала. Реагируя на реплики выступавшего, он постоянно возмущался:

– Ну, ё... твою мать!

Переводчики в кабинах хорошо понимали что он имел в виду, но не переводили. У меня сложилось впечатление, что Писаренко был настолько возмущен поведением Головатого, что вот-вот сорвется с места и побежит бить его прямо в зале. Но самое удивительное, что когда был объявлен перерыв, вся украинская делегация была едина. Писаренко в кулуарах прекрасно ладил с Головатым и Зваричем. Симоненко спокойно общался с Костенко. Казалось, что они на самом деле хорошие друзья, а то, что происходит в зале – это просто театр. Только кому он нужен? – думал я.

Обсуждение в Страсбурге украинской политреформы завершилось тем, что депутат Госдумы России Рогозин, подытожил:

– Что мы здесь обсуждаем? Украина еще не определилась, может ей еще царь понадобится!

Мельниченко, в отличие от меня, дебаты на сессии не интересовали. Он занимался тем, что демонстрировал свое присутствие в Страсбурге. Майор стоял на ступеньках вместе с Сергеем Лещенко из «Украинской Правды» и следил – кто из делегатов обращает на него внимание. Ему казалось, что все присутствующие заметили его и собираются к нему подойти. Но когда начался перерыв, таких желающих не оказалось. Майор был никому не нужен. Тогда он сам остановил проходящего Головатого. Как известно, тот занимался делом Мельниченко, которое находилось в

производстве в Европейском суде в Страсбурге. Мельниченко получил убедительное заверение – через два месяца он станет депутатом Верховной Рады.

Когда заседание закончилась и делегаты начали расходиться, мы спустились в буфет. Там мы встретили уставшую Ханну Северинсен, которая решила выпить стакан сока. Пользуясь возможностью, я подзвал Мельниченко, представил майора и они пару минут пообщались через переводчика. Вот это и была вся их долгожданная встреча.

Тем временем, я подошел к Александру Задорожному. Мы были немного знакомы со времени моей учебы в дипломатической академии. Я сказал ему:

– Александр, передайте Виктору Пинчуку, что я хочу встретиться с ним и переговорить. Эта просьба исходит от Мельниченко.

Дело в том, что Мельниченко, после того как поругался с Жиром, постоянно твердил мне: дело можно иметь только с Кучмой. Напрямую. Без посредников. И поэтому я старался вести переговоры с президентом. Однако в последнее время Мельниченко изменил свою точку зрения и заявил, что все решает только Пинчук. Задорожный записал себе мои координаты и пообещал, что обязательно передаст мое сообщение Виктору Пинчуку.

После этого я добавил:

– Я не делаю из этого никакого секрета. Если нужно, вы можете сообщить об этом Медведчуку.

Мой собеседник отмахнулся:

– Он меня не интересуется. И вообще – причем тут Медведчук?

Однако Пинчук не перезвонил мне – ни через неделю, ни через месяц. Со временем, я понял, почему олигарх занял такую позицию: он и так потратил слишком много денег, защищая “папу”. И это не принесло никаких ощутимых результатов.

Летом 2001 года Пинчук заплатил четверть миллиона долларов детективам из частного американского агентства «Кролл». Они специально приехали в Украину, чтобы расследовать дело Гонгадзе. Пообщавшись с украинскими журналистами и посетив кабинет на Банковой, американцы пришли к многозначительному выводу: не существует никаких свидетельств причастности Кучмы к пропаже и убийству журналиста, кроме записей Микола Мельниченко. Которые, в свою очередь, не могли быть сделаны из-под дивана.

Затем олигарх заплатил сто тысяч долларов журналисту Чарльзу Кловверу за съемки документального фильма о кассетном скандале. Американец поработал на совесть. Даже нашел меня в Штарнберге и уговорил дать интервью. Правда, в окончательную версию фильма «Пи-Ар» мой рассказ почему-то не попал. Заранее предполагалось, что бенефисом Кловвера будет интервью с Мельниченко. Журналист прекрасно знал, какие вопросы нужно задавать Миколе, чтобы поставить его перед камерой в неудобное положение. Однако майора выручил Купчинский, заранее предупредив о готовящейся провокации. С Кловвером майор не встречался, как впрочем, и с «Кроллом».

В результате все старания Пинчука добиться «правды» в кассетном скандале, действуя публично, провалились. Сделав соответствующие выводы, олигарх решил прибегнуть к закулисным методам. Для этого он договорился с Жиром. Однако глава парламентской комиссии его кинул...

Сотрудничество с Жиром стало последней попыткой зятя президента Украины вмешаться в кассетный скандал. После этой мутной истории, Пинчук окончательно махнул рукой на это все и не желал более участвовать в переговорах по поводу записей.

Глава 3. Саакашвили, суши и «Колизеум».

Когда я был в Вашингтоне, Мельниченко проинформировал меня о своих тесных связях с Михаилом Саакашвили. Майор фамильярно называл будущего грузинского президента Мишей и утверждал, что это его близкий друг. По словам Мыколы, он лично участвовал в подготовке революции в Грузии и Саакашвили взял власть благодаря его стараниям. Заинтригованный, я поинтересовался:

– А как вы вообще познакомились?

Майор пояснил:

– Миша – это лучший друг моего адвоката. Они в одной конторе работали.

Действительно, во время своего пребывания в США Михаил Саакашвили работал в юридической компании, которую возглавлял Скотт Хортон – действующий адвокат майора.

– Кстати, ты читал мое приветствие грузинскому народу? – вел Мельниченко дальше.

– А что, грузинский народ тебя знает? – удивился я.

– Какая разница? – возмутился майор, – главное, что это пример для Украины. У нас тоже должна быть революция: люди должны выйти на улицу и свергнуть Кучму.

Слушая рассказы Мельниченко о президенте Грузии, я начал верить в то, что они знакомы. Кто знает, рассуждал я, возможно Саакашвили действительно встречался с ним в Штатах и консультировался по каким-то вопросам...

Об этой истории я вспомнил когда, обсуждая предстоящий визит в Европу, майор пожаловался мне

по телефону:

– Ты вечно перебиваешь мне важные планы. У меня личное приглашение от Саакашвили на его инаугурацию. Я должен быть в Грузии.

– Ничего страшного, – парировал я, – полетишь в Тбилиси из Мюнхена. Можешь меня с собой взять.

И вот удивительное стечение обстоятельств: в Страсбурге майор случайно столкнулся с грузинским президентом.

Прибыв в Страсбург и разместившись в отеле, мы первым делом решили прогуляться по городу. Мельниченко, как обычно, был очень надоедливый и я попытался от него оторваться. Проходя по улице, я увидел старинное здание, в котором было полно людей. Оттуда доносилась музыка, и я сообразил, что там происходит прием иностранной делегации. Думаю так: сейчас зайду туда, перекушу, выпью вина, и заодно отдохну от майора.

Я был прилично одет – пиджак, галстук и, поэтому, без проблем попал на фуршет. Как и предполагалось, в зале проходил прием для дипломатов. Страсбург – город политиков и дипломатов, и в этом не было ничего удивительного. Ем, пью вино. Через минут пятнадцать появился Андрей. Он тоже не выдержал и решил скрыться от майора. Чтобы Мыкола не потерялся, я сразу набрал его мобильный:

– Подожди еще немного, сейчас вернемся, – говорю ему.

– Ой, Володя, идите скорее сюда, – прокричал в ответ майор, – тут такое произошло!

Скорее, сейчас я вам все расскажу!

Наспех закончив трапезу, мы с Андреем вернулись на улицу.

– Мыкола, что случилось? – поинтересовался я.

– Меня с Мишей познакомили!

– С каким Мишей? – не понял я.

– С Мишей Саакашвили! Прямо здесь! Он из церкви выходил вместе с женой. Гулял по улице. Охрана была! Он сам ко мне подошел!

Лицо Мыколы светилось от счастья. Как выяснилось, его познакомил с Саакашвили корреспондент «Украинской Правды» Сергей Лещенко. Во время нашего с Андреем отсутствия он опекал майора. Журналист когда-то брал интервью у грузинского президента и Саакашвили узнал его, встретив на улице в Страсбурге. Пользуясь случаем, Лещенко представил ему майора.

Мельниченко родился под Киевом недалеко от Василькова. Этот городок и окрестные села всегда славились своими свиньями. Когда я покупал сало на Владимирском рынке и интересовался откуда продукт, продавцы с гордостью отвечали:

– Из Василькова!

Считалось, что васильковское сало наилучшее на Киевщине.

Во время пребывания в Чехии, Мельниченко постоянно звал меня на “горилку с салом”:

– Владимир Иванович, ну когда вы, наконец, приедете? – интересовался майор по телефону, – сядем за стол вместе, выпьем горилки с салом! Все ждет!

Несмотря на свой восторг от Чехии, местные блюда, которыми его иногда угощал Болданюк, Мыколе не нравились. Поэтому, думал я, любовь к украинской кухне и выпивке майор сохранит навсегда. Даже за океаном. Но не тут то было.

Став американцем, Мельниченко коренным образом изменил свои кулинарные вкусы. Когда я в первый раз посещал Мыколу за океаном, он еще не определился с новыми предпочтениями. Вероятно, растерялся от разнообразия – его дом в Нью-Йорке окружали японские, тайские и латиноамериканские рестораны. Но про горилку с салом он уже не вспоминал.

Во второй приезд в Америку я понял, что выбор был сделан. Новым любимым блюдом Мельниченко стало суши. Мыкола неизменно тянул меня в японские рестораны и предлагал есть сырую рыбу. Изучая меню, он выбирал несколько суши и заказывал себе полную тарелку.

– Вы там, в Европе ничего не понимаете в кухне, – говорил Мельниченко, – я теперь ем только суши!

Оказавшись на время в Германии, Мыкола стал тосковать за любимым блюдом и все время просил отвести его в японский ресторан. Я пытался возражать. Объяснял, что не люблю морскую рыбу и предпочитаю местную, баварскую кухню, поскольку она похожа на украинскую.

– Да что ты понимаешь, – возмущался майор, – ты вообще не разбираешься в еде! Только суши. Вся Америка сейчас ест суши!

В Германии практически все знают английский. Поэтому Мыкола обращался к немцам самостоятельно, практикуя свое американское произношение. Правда, его не всегда понимали и обращались за переводом ко мне. Как правило, я приходил на помощь и выручал майора. Но однажды я попал в трудное положение.

Мы зашли в бир-гартен – по-немецки “пивной сад”. Это типичный баварский ресторан под открытым небом, где немцы пьют пиво литровыми кружками и закусывают сосисками с капустой. Подозвав официанта, Мельниченко попытался ему что-то объяснить. Его, как всегда, не поняли.

– Да они тут английский совсем не знают! – пожаловался майор.

– А что ты сказал? – поинтересовался я.

– Я спросил, есть ли у них в меню суши, – ответил Мыкола.

В Вашингтоне Мельниченко водил меня с Андреем Захаркивым в американскую сауну. Это была его давняя

традиция – проводить там важные переговоры. Майору казалось, что его везде подслушивают. Поэтому он старался говорить о делах только в сауне. Поддавшись на уговоры майора, мы поехали в какой-то банный комплекс вблизи Вашингтона. Сауна там оказалась маленькой – как туалет, по размерам, а бассейн – хуже, чем в любом украинском областном центре. Было полно людей, детей. Стоял шум, гам. Негры плевались прямо в воду. В туалете воняло. Короче, мне, привыкшему к немецкой чистоте и аккуратности, там очень не понравилось.

Когда майор прилетел с ответным визитом в Германию, я решил показать ему немецкую сауну и специально для этого повез его в Аугсбург. Этот город находится недалеко от Мюнхена и славится своей древней историей. Большинство городов в Германии основали еще римляне, и поэтому здесь считается модным оформлять разные заведения в античном стиле.

Комплекс отдыха «Колизеум» в Аугсбурге был спроектирован на манер древнеримских терм – бань, где отдыхали римские патриции. Там было несколько просторных саун, а также – бассейны, гроты, джакузи, массаж. В зале играла приятная современная музыка. Люди наслаждались отдыхом, развалившись на лежаках – точно как в Древнем Риме. Расслабляясь, попивали пиво, закусывали. Все были совершенно голыми. Нужно сказать, что Германия – единственная страна, где в сауну ходят обнаженными и мужчины и женщины. Заходить туда в трусах запрещено. Немцы считают это опасным для гигиены.

Специально для посетителей в «Колизеуме» работали жрицы любви, которые прогуливались по залу и ненавязчиво предлагали свои услуги. Понравившуюся девушку можно было пригласить в комнату отдыха. Сервис стоил всего 50 евро. Иногда интимное общение происходило прямо в зале – это допускалось правилами

и никого не смущало. Все это великолепие резко контрастировало с отдыхом, который майор предлагал в Вашингтоне. Я специально повел его в это место, рассчитывая сбить с Мельниченко его великоамериканскую спесь.

Увидев, что при входе в «Колизеум» люди раздеваются догола, майор смутился, но понял, что отступать уже поздно. Быстро сняв одежду, он устремился в сауну – я еле поспевал за ним. После сауны я нырнул в бассейн, а когда поплавал, выяснилось, что Мыкола куда-то исчез. Я долго искал его по залу и решил, что он уединился где-то в комнате отдыха. Ну что ж, подумал я, ничто человеческое нам не чуждо. Однако, в действительности, майор отправился на массаж.

Массажистка в «Колизеуме», по случайности, оказалась родом из Украины. Ее звали Маша. По ходу процедуры Мыкола разговорился с симпатичной блондинкой. Да так, что вскоре к ней образовалась очередь из посетителей. Обнаружив его на массажном столе, я услышал, как Мыкола увлеченно рассказывал девушке о преступном режиме Кучмы. Несколько голых немцев скромно стояли рядом и ждали, когда клиент, наконец, закончит свой сеанс.

В целом, «Колизеум» Мельниченко очень понравился. Когда мы возвращались домой он согласился, что в Америке такого не увидишь. Это был единственный раз, когда майор признал преимущества Старого света перед Новым.

Глава 4. В кругу друзей.

Встретиться с официальными представителями СБУ было давней мечтой майора Мельниченко. Недаром он заочно соглашался на сотрудничество со службой, писал письма на имя Радченко и обращался во всевозможные инстанции, требуя, наконец, разобраться с его записями. Мыкола всегда стремился к признанию своего уникального статуса в Украине и ради этого был готов к переговорам с представителями “преступного” режима. В начале 2004 года я устроил ему встречу со Степаном и Верховским.

Вскоре после того, как Мыкола прибыл в Мюнхен, я перезвонил в Киев Верховскому:

– Тут Мельниченко ко мне прилетел. Собирается ехать в Страсбург. Вы не желаете к нам присоединиться?

– Хорошо, мы сейчас подумаем! – ответил сотрудник СБУ.

Очевидно, он пошел докладывать о моем предложении начальству. Через пару часов Верховский уже сам набрал мой номер:

– Так что, Владимир Иванович, с ним можно будет встретиться?

– Сто процентов, – говорю, – он давно мечтает с вами познакомиться!

– Вы шутите!

– Гарантирую: он постоянно просит меня об этом, жить не может без вас!

– Ну, хорошо. Мы уже вылетаем!

Верховский вместе со Степаном прибыли в Париж в день открытия сессии ПАСЕ. Оттуда они в сопровождении офицера безопасности нашего

посольства во Франции отправились в Страсбург. Там мы все, как и было условлено, поселились в одном отеле – «Hotel Des Princes».

Пообещав свести Мыколу с сотрудниками СБУ, я призадумался: зачем это все мне нужно? Ну, допустим, рассуждал я, сотрудников СБУ можно понять. Как никак, это – зарубежная командировка. Полагаются суточные в валюте, и, значит, есть шанс привезти подарок семье в Украину – жене духи, детям игрушки. А я зачем сопровождаю Мельниченко и еду к ним навстречу? Ответа так и не нашел.

Официальное знакомство Мельниченко с делегацией СБУ состоялось утром, за завтраком. Взаимные приветствия были теплыми – Мыкола искренне обрадовался тому, что, наконец, попал в круг своих людей. В присутствии сотрудников службы он почувствовал себя деловым человеком: ведь не зря же они специально прилетели к нему из Киева. Усевшись за столом, Мыкола сразу же перешел на “ты”. Он вел себя так, как будто Степан и Верховский – его старые друзья.

– Мыкола, осторожнее, среди нас генералы, – предупредил его я.

– Какая разница! Подумаешь, генералы, – отрубил Мельниченко.

– Как это, какая разница? – удивился я, – ведь ты же майор!

Верховский и Степан были ошарашены фамильярным напором Мельниченко и чувствовали себя неловко. Особенно смущался Верховский. Перед ним, наконец, предстал живьем Штопаний – объект его длительной, трехлетней разработки. Человек, который представлял серьезную угрозу национальной безопасности Украины. Предатель, который подслушивал президента и вывез записи его разговоров

в Америку. Впрочем, Мельниченко сразу же расставил точки над «і»:

– Я ничего не отдавал американцам! Это все ваш пидар-кривоножка Деркач и Жир. Это они сдали записи ФБР. Вот кого нужно судить, а не меня!

С тех пор, как Жир и Швец обманули Мыколу, он люто возненавидел бывшего главу парламентской комиссии. Вдобавок, майор почему-то считал Жира родственником Деркача и думал, что тот действовал с согласия экс-главы СБУ. Гости из Киева пробовали разубедить Мыколу, но тщетно. Я не вмешивался ибо знал: если Мельниченко вдолбил себе что-то в голову, то переубедить его невозможно. Он продолжал проклинать Жира и Деркача, возлагая на них всю ответственность за разглашение государственной тайны Украины. По словам Мельниченко, Жир передал его записи в ФБР официально, по акту. Бывший нардеп даже получил за это от американцев чек на какие-то смешные 32 доллара. Поэтому, по мнению Мельниченко, Жира нужно было привлечь к ответственности как предателя Украины.

Вечером Мельниченко заявил, что готов поделиться со службой записями, которые представляют интерес в плане сохранения государственных секретов Украины. Об этом мы говорили в ресторане, после дня, проведенного на заседании сессии ПАСЕ. Пока мы с майором и Андреем Захаркивым занимались высокой политикой, Верховский и Степан хорошо выспались и совершили легкую прогулку по городу. Очевидно, они приготoвились к серьезному разговору за ужином.

Пили много. Мельниченко никогда не злоупотреблял алкоголем, но тут был особый случай. Захмелев, он завел речь о своем возвращении в Украину. Это была давняя мечта майора. С тех пор, как мы вместе покинули Львов дождливым утром 26 ноября 2000 года, его мучила ностальгия. Мыкола был готов отправиться в

Украину немедленно и просил сотрудников СБУ гарантировать ему обратный выезд. Предложение майора было принято к рассмотрению. Затем Мельниченко предложил Верховскому и Степану заняться совместным прослушиванием его записей.

– У меня есть ноутбук, колонки, давайте слушать!

В Америке, за исключением Ельяшкевича, его записей уже никто не слушал. В лице сотрудников СБУ у Мыколы, наконец, появилась свежая аудитория. Выяснив для себя это, Мыкола сразу же почувствовал себя в своей тарелке.

В ответ на инициативу Мыколы делегация СБУ послушно закивала головами. Я предложил переместиться с этой целью на следующий день ко мне в Штарнберг. Степан и Верховский сразу же согласились.

Потом мы начали петь украинские песни. Заводил Андрей – он всегда, когда напивается, любит демонстрировать свой вокальный талант. Гостям из Киева очень понравился его репертуар. Степан поддержал Андрея и даже смог взять более высокую ноту. Мы пели в ресторане, на улице, в холле гостиницы и в моем номере. Началось всеобщее братание. Верховский пообещал Андрею специальную благодарность от СБУ, а Степан – отдых и гуцулок в Карпатах. Расставшись перед сном, мы условились, что завтра, в 12:00 все вместе выезжаем в Штарнберг, чтобы работать над записями Мельниченко. Правда, засыпая, у меня мелькнула мысль – с утра могут передумать. Интуиция не подвела.

...На следующий день с утра пошел снег. Ровно в 12:00 помятые Степан и Верховский спустились в холл. Они торопились в Париж. В это время у гостиницы припарковался автомобиль офицера безопасности посольства Украины во Франции. Увидев нас с Мыколой, они извинились:

- Мы обязательно прилетим еще раз, встретимся с вами в другом месте. Поработаем серьезно.

Мельниченко искренне рвался в бой, однако сотрудники СБУ рассудили, что их задача в Страсбурге выполнена: рабочий контакт с объектом установлен. Соответственно, будет о чем отчитаться перед "центром", а для прослушивания записей можно выбить отдельную командировку. Весьма разумное решение с их стороны, отметил я. Мы договорились собраться вновь 11 февраля - чтобы отметить мой день рождения.

Прощаясь, Верховский обратил внимание на мою машину - это была BMW седьмой серии с пуленепробиваемыми стеклами:

- Да, Владимир Иванович, красивая у вас машина. Когда же я до такой доработаюсь?

- Ерунда. Это просто железо, - ответил я ему, - главное - здоровье!

Это было правдой. Через пол года, всего на 117 тысячах пробега у моего BMW внезапно застучал двигатель. Машину прямо из сервис-станции отправили на завод в Мюнхен - исправлять дефект за счет производителя.

О повторном визите делегации СБУ Верховский предупредил заранее, подчеркнув, что в Киеве придают большое значение сотрудничеству с Мельниченко. Как и было договорено, мы решили встретиться на мой день рождения.

На 10 февраля был запланирован приезд в Мюнхен председателя Верховной Рады Владимира Литвина. После посещения Страсбурга Мельниченко собирался засветиться во время этого события, тем более что Литвин был одним из фигурантов дела Гонгадзе. Однако спикер парламента перенес свой приезд, сославшись на важные дела в Украине и нежелание дублировать предстоящий официальный визит президента в Германию. Мельниченко остался

удовлетворен таким поворотом событий. Он убедил себя в том, что Литвин просто испугался его присутствия в Мюнхене. Таким образом, его миссия была успешно выполнена. После этого мы отправились в Альпы.

Я рассудил так: для углубленной работы с записями Мыколы нужны надлежащие условия. И самое подходящее место для этого – альпийский горнолыжный курорт.

Мельниченко согласился на новую встречу со спецслужбистами при условии, что ему возместят определенные расходы. На время его отсутствия в Вашингтоне требовался присмотр за Лесей. Лиля каждый день ходила на работу и не могла одной уследить за дочкой. Обычно этим занимался сам Мыкола – возил Лесю на машине в школу, гулял с ней. Вообще, Мельниченко не стремился заработать деньги на СБУ. Он рассуждал так: со службой нужно работать бесплатно, из патриотических соображений. А если брать деньги, то только у олигархов.

Перед отъездом в Альпы майор разобрал мою домашнюю стереосистему, отсоединил оттуда колонки и засунул их в багажник.

Мельниченко не был трусом. Единственными, кого он всегда опасался, были журналисты. Однако по дороге в Альпы Мыкола вдруг забеспокоился: а что если сотрудники СБУ отравят его или убьют? Слава Богу, эти опасения оказались напрасными.

Степан и Верховский привезли мне подарок на День рождения – несколько тысяч долларов в старых купюрах. Эти деньги предназначались для компенсации затрат на Мельниченко.

На этот раз делегация СБУ состояла из трех человек. С Верховским и Степаном приехал какой-то бизнесмен из Ивано-Франковска. Я догадался, что этот человек выступал спонсором этой командировки.

Выяснилось, что в советское время он работал в КГБ, был начальником Степана. Затем, после перестройки его арестовали, выпустили, он плюнул на все и занялся бизнесом.

Мы поселились в отдельном особняке высоко в горах – в Южном Тироле, на границе Италии с Австрией. Выбранное мною место очень понравилось гостям из Киева. Вокруг открывалась живописная панорама Альп; было рукой подать до подъемника горнолыжной трассы. Безопасность также была организована на солидном уровне. Это была наивысшая точка в окрестности – к нам вела одна дорога, которую можно было легко перекрыть. После этого группа захвата могла появиться разве что на вертолетах.

Работой над записями, в основном, занимался Степан. Генерал даже поселился с майором в одном номере: мы решили немного сэкономить деньги. Кровать там была достаточно широкая, и Мельниченко первый предложил Степану разделить с ним ложе. Ему казалось, что так он сможет лучше контролировать генерала. В их комнате была оборудована аудио студия: Мыкола поставил на стул свой ноутбук и присоединил к нему колонки от моей домашней стереосистемы.

По утрам я, бизнесмен и Верховский отправлялись на горнолыжную трассу, а Мельниченко и Степан оставались в коттедже. Они целый день слушали записи, выявляя там государственные секреты. Так в альпийской тишине раздавался до боли знакомый голос обитателя кабинета на Банковой. Вечером мы собирались все вместе. Интересовались, что нового им удалось обнаружить в записях.

Верховский любил кататься на лыжах и не переносил Мыколу. Он пытался это тщательно скрывать, но чувствовалось, что общение с Мельниченко его угнетает.

Бизнесмен из Ивано-Франковска тоже предпочитал горнолыжный спорт и не проявлял интереса к государственным секретам. По ходу дела мы с ним познакомились поближе. Он оказался очень приятным деловым человеком. Мне стало любопытно, что именно подвигло его профинансировать эту командировку:

– СБУ, наверное, твоя крыша? – поинтересовался я.

– Да какая крыша, ты что? – возмутился бизнесмен, – Я плачу только губернатору!

Остальные меня не волнуют. А служба – она сейчас помочь не способна. Может только навредить, если захочет. Поэтому приходится их тоже подкармливать.

Я никогда не видел Мельниченко таким довольным, как в Альпах. В компании Верховского и Степана он просто светился от счастья. Он понял, что его записи по-прежнему кому-то нужны и интересны.

Правда, почувствовав неподдельное внимание к себе, Микола сразу же решил схитрить. По ходу работы Степан попросил его переписать несколько выявленных государственных секретов на отдельный компакт-диск. Ему нужно было как-то отчитаться за командировку в Киеве. Пообещав выполнить его просьбу, Микола отвел меня в сторону и предложил:

– Значит так, Володя, сейчас мы сыграем с ними шутку. Надо чтобы они поехали к тебе в Штарнберг. Засветим их перед БНД, чтобы они уже не отвернулись от этих контактов.

Чтобы заманить сотрудников службы в Германию, майор внезапно заявил, что у него сломался ноутбук. Поэтому, чтобы переписать интересующие Степана фрагменты, нужно было починить его в Мюнхене. Я пытался возразить:

– Не делай глупостей, Микола они достаточно умные люди, чтобы поверить в это.

Однако майор стоял на своем. Было видно, что ему просто не хочется так быстро расставаться со Степаном

и Верховским.

Тем не менее, наше пребывание в Альпах закончилось преждевременно. И виной тому оказался его спонсор. Отдохнуть бизнесмену не удалось. Каждый день, с утра до вечера его мобильный разрывался от телефонных звонков. Оказалось, что дома, в Ивано-Франковске, без главного не могли решить ни один вопрос. Несчастный бизнесмен не выдерживал. Он планировал пробыть с нами в горах неделю, однако уже на четвертый день взмолился:

– Ребята, мне нужно ехать! Пропадаю – ждут дела.

В конце концов, мы собрали свои вещи и поехали ко мне в Штарнберг. Мыкола сумел уговорить бизнесмена задержаться еще на один день. Я остался дома вместе с Верховским и Степаном, а Мельниченко вместе с бизнесменом поехал в Мюнхен – ремонтировать свой ноутбук.

Вскоре майор вернулся и сделал вид, что ему удалось что-то переписать. После этого гости сразу же выехали домой. Мы с Мельниченко решили провести их по пути в Украину.

Вместо автобана, мы поехали на Вену по обычной дороге – через леса и горы. Так настоял Мельниченко. Он хотел продемонстрировать людям из Киева, как мы умеем здесь работать, маскироваться. Степан с Верховским ехали вслед за нами и не понимали, зачем мы свернули с автобана. Они начали сигналить нам сзади фарами, но мы не обращали на это внимания и ехали дальше. Наконец Мельниченко выбрал удобное место и скомандовал остановиться. Это была маленькая парковка для отдыха среди густого леса, который окружал дорогу с обеих сторон. Как назло в этот момент к нам пристроилась какая-то немецкая машина. Майор сказал:

– Ну, вот и слежка.

– Да пошли они на хер! – не выдержал Верховский, – давай диск, не тяни!

Верховский не любил Западную Европу и хотел скорее вернуться домой. Он привык к Украине, ее порядкам и полностью терялся за границей, в цивилизованном мире.

После этого майор демонстративно вытащил диск в конверте и начал дразниться, оттягивая момент его передачи. С этой целью он завел какую-то нелепую беседу. Я взмолился:

– Мыкола, ну уже поздно! Хватит, нужно ехать назад.

Тогда Мельниченко заявил:

– Я отдаю этот диск тебе, Володя. В твои руки. И ты потом подтвердишь, что я лично СБУ ничего не передавал. Это сделал Цвиль!

С этими словами он протянул мне диск, а я торжественно вручил его Степану. На этом мы попрощались...

Отрывки из книги. Часть 12.

Глава 1. Поездка в Берлин

С дня прилета в Мюнхен майор жил у меня дома в Штарнберге и готовился к приезду Кучмы. Я организовал ему встречу с журналистами влиятельной газеты, съемки для телевидения, деловую встречу.

Совместные украинско-немецкие консультации на высшем уровне начинались в Берлине 19 февраля 2000 года. В ожидании приезда Кучмы майор жил у меня дома в Штарнберге. Его любимым занятием было сидеть в Интернет, выискивать там свою фамилию и перечитывать заново публикации, посвященные кассетному скандалу. Мыкола занимал мой ноутбук часами и, в конце концов, сломал там клавишу с буквой “м”. Параллельно он звонил в Америку и долго разговаривал по телефону. Когда я проверил свои телефонные счета, выяснилось, что Мыкола постоянно соединялся с одним и тем же номером в Нью-Йорке. Это был телефон Ельяшкевича – они не могли прожить друг без друга ни дня.

Разговоры Мельниченко с Ельяшкевичем продолжались часами. Один из собеседников подолгу что-то наговаривал, а другой его внимательно слушал. Паузы занимали пятнадцать-двадцать минут. В это время казалось, что Мыкола вот-вот заснет у телефона. Обсуждались перспективы расследования ФБР и Министерством юстиции США покушения на Ельяшкевича. С момента прибытия бывшего депутата в США, Мыкола стал придавать этому эпизоду особое значение. Однажды он откровенно признался прессе:

Дело Гонгадзе не очень легкое, поэтому ключевым моментом к тому, что в Украине будет лучшая жизнь,

станет дело Ельяшкевича.

Прилетев с визитом в Германию, Мельниченко помнил о безопасности и соблюдал необходимые меры предосторожности. Каждый раз, садясь за стол, он внимательно разглядывал содержимое своей тарелки. Следил за тем, какую чашку берет Иванка чтобы налить ему чай. Моей жене это не нравилось и однажды она вышла из себя. Отобрав у него еду, Иванка заявила:

– Все, Мыкола. Сегодня будешь без ужина! Или готовь себе сам.

Вечером мы вместе с Мельниченко ходили гулять к озеру. По дороге майор приценивался к домам богатых немцев и выпытывал их продажную стоимость. При этом всегда просил меня назвать цену в долларах. Ему было лень пересчитывать самому. Наконец я не выдержал:

– Мыкола, запомни, это тебе не Америка и не Украина. Здесь все за евро!

Наконец я понял причину его интереса. Поразмыслив, Мыкола предложил мне основать совместную компанию и заняться строительством американских коттеджей в Баварии. Он подчеркнул, что у них, в США, строят лучше и качественнее, а курс доллара к евро постоянно падает.

Прожив три года в Америке, Мельниченко ощутил вкус больших денег и искренне мечтал разбогатеть. Его мечтой был собственный дом. Ради этого он был готов браться за любые проекты и сотрудничать с кем угодно.

Времена, когда журналисты пытались добиться согласия майора на интервью давно минули. Теперь это все нужно было организовывать. Я был одновременно пи-ар менеджером и пресс-секретарем Мыколы. Кстати, это не предусматривалось нашим контрактом. И тем не менее, в ходе его приезда в Европу я организовал ему ряд встреч с журналистами и политологами.

Сначала я договорился об интервью Мыколы для влиятельной мюнхенской газеты «Зюддойче Цайтунг». На беседу с Мельниченко пришли три журналиста и переводчик.

– Кучма – бандит, его руки по локоть в крови! – заявил им с ходу Мельниченко. – И ваш Шредер, как и любой западный деятель, принимающий украинского президента покрывает себя позором. Он тоже становится бандитом. Вы должны обязательно дать мое заявление! На первую страницу.

Мельниченко очень старался показать себя перед журналистами большим политиком. Он представлял себя украинским Нельсоном Манделой или Аятоллой Хомейни. В общем, разыгрывал роль лидера нации в изгнании. Газетчики поинтересовались:

– А с какими политическими силами вы сотрудничаете в Украине?

– Я работаю со всеми честными людьми! – не моргнув глазом, ответил Мыкола.

После этого мне удалось заинтересовать персоной Мельниченко телевизионщиков из «Немецкой Волны». Они как раз готовили сюжет об Украине, связанный с предстоящим визитом президента.

Собираясь в Берлин, я уже догадывался, что эта поездка имеет для Мыколы исключительное значение. И дело там не ограничится просто демонстрацией собственной персоны. Майор явно замышлял провести какие-то важные переговоры. Ещё в Страсбурге Мельниченко попросил меня организовать ему встречу с начальником президентской охраны Владимиром Ляшко. Он напоминал об этом постоянно, по несколько раз в день.

Сразу же после возвращения с Альп мы, 18 февраля, отправились в Берлин накануне прилета президента Украины. В машине нас было трое – я, майор и Андрей Захаркив. Ехать было далеко – около восьми часов.

Чтобы скоротать время, мы звонили и болтали по телефону.

Сперва я набрал номер мобильного Тимошенко. В машине была открытая связь и голос Юли слышали все пассажиры. Таким образом мы устроили на автобане небольшое совещание и очень тепло пообщались с Юлей. Особенно приятно было Андрею. В завершение нашей конференции я сказал:

– Юлия Владимировна! Какие у вас будут пожелания к Мельниченко? Может дать какую-то интересную запись?

Юля сказала так:

– Ничего мне не нужно от Мыколы, кроме одного. Мыкола, если можно повлияйте на вашего патрона, Мороза, перед выборами. Пусть он не занимается глупостями, не берет деньги у Медведчука. Так и передайте ему. Я знаю, что вы сможете повлиять на него. Потому, что если когда-то скажете правду про него – места Морозу в политике больше не будет.

– Окей, Юля Владимировна. Не волнуйтесь, разберемся! – ответил ей Мыкола. А потом, когда выключилась связь, добавил другим тоном – да ну ее! Она жадная и денег не платит.

Дальше по дороге мы узнали, что приезду Кучмы предшествовал неприятный сюрприз. По радио «Немецкая Волна» выступил генерал Кравченко – офицер безопасности Посольства Украины в Германии. Он заявил, что получал от руководства СБУ инструкции по слежке за представителями украинской оппозиции.

Майор очень болезненно отреагировал на появление конкурента:

– Это невозможно. Какая-то провокация. За ним стоит БНД!

Мельниченко постоянно чудилось что за всеми кто-то стоит. В отличие от него самого и Ельяшкевича. Они были вне подозрений. Разоблачения украинского

разведчика стали ударом для Микола. Его приезд в Берлин представлялся теперь бессмысленным – внимание прессы сосредоточилось исключительно на персоне Кравченко и его заявлениях.

В Берлине мы остановились втроем в арендованных апартаментах по адресу Кроненштрассе, 43. Это была трехкомнатная квартира со всем необходимым для проживания и работы – кухня, телефон, Интернет. Оттуда было три минуты ходьбы пешком до «Хилтона», где разместился со своей свитой Кучма. Потом Мельниченко соврал «Украинской Правде» заявив, что жил в одном отеле с президентом.

Просмотрев утренние газеты и новости по телевизору я окончательно убедился, что визит Кучмы омрачен новым скандалом. Первые страницы газет были украшены фотографиями генерала Кравченко. То же самое было в новостях по телевизору.

С утра я первым делом повез Миколу на встречу с политологом Александром Раром. Они долго о чем то беседовали, потом сфотографировались на память.

Поступок Кравченко был неожиданным для президента. Консультации неоднократно переносились, их давно готовила как украинская так и немецкая сторона. Теперь программа визита президента Украины оказалась на грани срыва. Поэтому, чтобы как-то поддержать украинскую делегацию я решил привести в «Хилтон» Миколу.

Вечером мы с Миколой беспрепятственно зашли в «Хилтон». Вокруг прогуливались члены нашей делегации – мэр Киева Омельченко, начальник протокола Чернявский и несколько министров. Омельченко и Кирпа разглядывали дорогие галстуки и рубашки в гостиничном бутике. Спускались вниз и другие: Табачник, Орел, Левочкин, Белоконь.

Делегация вела себя нервозно. Выступление Кравченко испортило всем настроение. Единственным

невозмутимым оставался Кирпа – он чувствовал себя бесконечно далеким от политики, а в своих качествах организатора и бизнесмена он был абсолютно уверен. На фоне остальных он выглядел солидно и неприступно. Мыкола, который бегал и здоровался со всеми знакомыми, не решился подойти к нему после того, как я поздоровался с Кирпой за руку.

После этого Мельниченко удалился в дальний угол холла. Там стояли столики, которые обслуживал официант из бара.

Я позвонил из рецепции в номер Ляшко. Он оказался на месте и вскоре спустился в холл. Начальник президентской охраны был в хорошем настроении и заявил, что “будет рад видеть Мыколу”. Вместе с ним мы направились к столику, где майора в это время окружили журналисты – девушка из BBC и корреспондент «Украинской правды». Сергей Лещенко вручил майору подарок из Украины – большой кусок сала. Я попросил журналистов дать возможность побеседовать Мельниченко и Ляшко с глазу на глаз и, вскоре, они остались наедине. И тут началось самое интересное.

Буквально через минуту за столиком, где сидели Мыкола и Ляшко появился незнакомый мне человек. Сперва я предположил, что он имеет какое-то отношение к украинским спецслужбам. Новый собеседник активно подключился к разговору и вскоре перехватил инициативу в свои руки. Мельниченко не возражал, казалось, он был заранее готов к такому повороту событий. Мне стало любопытно, что происходит – ведь, по сути, я был организатором этой встречи – и я подсел к ним. Неожиданным участником беседы с майором оказался Сергей Левочкин – главный помощник президента.

Разговор протекал очень живо и интересно. Левочкин активно прессинговал Мельниченко.

Складывалось впечатление, что он пытался добиться от него какого-то задуманного результата, согласия на серьезный поступок. При этом он оскорблял майора, называл недоумком и предателем. Однако затем резко менял тон и начинал говорить ему всяческие любезности. Так продолжалось до тех пор, пока я не попытался изменить тему беседы и начал расспрашивать помощника Кучмы о подробностях новогоднего лечения президента в Германии. Левочкин демонстративно ушел от ответа на вопрос. Он лишь заметил, что в Баден-Бадене собрались недостойные его внимания люди, а сам он с группой друзей летал на горнолыжный курорт во Францию. Похвастался тем, что неплохо провел время, не испытывая недостатка в средствах. А мы тоже недавно в Альпах отдыхали, – успел вставить Мельниченко. Вообще, заметил помощник президента, он не бедный человек и может позволить себе различные развлечения.

Потом мы заговорили о свободе слова. Отзываясь о Сергее Лещенко, мой высокий собеседник отметил:

– Умный парень, но пацан еще.

Наконец, разговор вернулся к кассетному скандалу и записям, сделанным в кабинете президента. Левочкин откровенно заявил, что было бы неплохо их вернуть в Украину и “прекратить всю эту никому не нужную трескотню”. Он убеждал Мельниченко в том, что его время прошло, и эти записи уже никого не интересуют ни в Украине, ни за границей. В какой-то момент Мельниченко обменялся с собеседниками номерами своих мобильных.

Так мы просидели вместе почти весь вечер. Я пил немного – две-три рюмочки виски, Мельниченко – ещё меньше. А вот Ляшко пропускал одну стопку за другой – по моим подсчетам он заказал не меньше пятнадцати порций золотой текилы. Левочкин употреблял исключительно Jonnie Walker Blue Label – самый дорогой

сорт виски из имевшихся в баре. Он тоже изрядно выпил. Когда пришло время рассчитываться, Ляшко вытянул из кармана горку смятых купюр и заплатил за всех.

Прощаясь, Левочкин пообещал, что непременно доложит о состоявшемся разговоре Кучме. Мельниченко выглядел удовлетворенным встречей, хотя я не мог понять почему. Однако вскоре все прояснилось. Оказалось, что, связавшись позднее с помощником Кучмы, майор договорился с ним о продаже всех тайных записей, которые были вывезены из Украины в конце 2000 года. Об этом я узнал всего через несколько дней.

Во время событий в Берлине независимая от Кучмы пресса оказалась в сложном положении. Журналисты буквально разрывались между Мельниченко и Кравченко, не зная кому из них уделить больше внимания. Генерал принимал корреспондентов и давал интервью в офисе «Немецкой волны», Мыкола – в «Хилтоне».

Даже не было времени покушать. Поэтому я, прежде всего, решил накормить журналистов. Для этого накрыл хороший стол. На следующий вечер я пригласил в наши апартаменты журналистов. Кроме Лещенко и девушки из BBC к нам присоединился корреспондент «Украины Молодой».

По лицам журналистов было видно, что Мыкола остается для них человеком-загадкой. И неудивительно, ведь из украинских журналистов допуск к телу майора имели считанные единицы. Каждая личная встреча с майором была для них важным событием. Со стороны Мыкола выглядел вполне респектабельно – одет в хороший костюм с галстуком, пиджак. Журналисты видели, что Мыколу возят на крутой, бронированной машине. Во время пребывания в Берлине с Мельниченко постоянно находился персональный переводчик.

Мыкола говорил загадками, тщательно избегал конкретики, зато с большим пафосом. Особенно когда журналисты включали свои диктофоны. Ничего нового он им не сказал.

На следующий день, в субботу, мы возвращались в Мюнхен.

Глава 2. Вена. Полмиллиона за пиво.

В конце февраля 2004 года в Вену прибыли два «олигарха» - Левочкин и Ляшко. Они привезли с собой полмиллиона долларов для Мельниченко. Торг, однако, не состоялся. Болданюк «пиво» не привез. Майор написал обращение к официальной Украине. Ждет ответа до сих пор.

По дороге в Мюнхен Мельниченко неожиданно сообщил мне, что уже в понедельник ему необходимо быть в Вене. Там у него должна состояться какая-то важная встреча. До поездки в Берлин ничего подобного я от него не слышал. В ответ на мои расспросы майор нехотя объяснил, что должен прибыть в Вену на беседу с одним всесильным олигархом. Этот человек прилетит на собственном самолете специально ради этой встречи. Он не уточнял, откуда этот олигарх, и я предположил, что речь идет о Борисе Березовском. Затем Мельниченко попросил меня срочно набрать телефон Болданюка. По репликам из их разговора я понял, что он просит моего друга прибыть в Вену и захватить с собой «пиво». Так мы называли между собой коллекцию записей, вывезенную мною и Мельниченко из Украины.

Обычно Болданюк не проявлял особого восторга от подобных инициатив, поскольку прекрасно знал майора. Мы давно условились между собой о том, что распоряжаться архивом своих записей Микола может только с нашего ведома и согласия.

В понедельник мы отправились на моей машине в Вену. По дороге майор выглядел спокойным и расслабленным, что для него не характерно. Казалось,

он был заранее уверен в успешном результате предстоящей встречи. Олигарх предложил встретиться в «Grand Hotel». Я порекомендовал Мельниченко, как состоявшемуся американцу, настоять на «Inter Continental». В гостинице майор попросил меня показать фитнес-центр и сауну. Он пояснил, что переговоры будут происходить в сауне, так как собеседники должны расслабиться и, как он выразился, не записывать друг друга. Привычку к предварительному осмотру мест важных встреч Мельниченко выработал за годы работы в охране. После процедуры осмотра мы зарезервировали на вечер сауну и разошлись по номерам отдыхать. До вечера, – попрощался майор.

Вскоре после этого мне позвонил Болданюк и сообщил, что подъезжает к отелю. Я поспешил на улицу, чтобы встретить его. Выходя из гостиницы я посмотрел по сторонам и совершенно случайно увидел в дальнем углу холла майора. Мельниченко сидел в окружении уже знакомых мне по Берлину лиц. Это были Левочким и Ляшко. Оказалось, что они специально прилетели в Вену на встречу с майором. Пока я отдыхал в номере, Мельниченко успел связаться с ними и пригласить для беседы. Очевидно «пиво», затребованное у Болданюка, предназначалось для Левочкина. Все разговоры про олигарха были вымыслом.

Мы предполагали, что запланированная встреча еще впереди, и рассчитывали стать ее непосредственными участниками. Но майор рассудил иначе. Мельниченко и его собеседники были крайне увлечены своим разговором. Судя по всему, там происходил какой-то торг. Было ясно, что Мельниченко прекрасно обходился без нашего участия. От нас с Болданюком требовалось одно – «пиво».

Понаблюдав некоторое время за ними, мы зашли ко мне в номер. Через некоторое время перезвонил майор

и обрадовался, узнав о приезде Болданюка. Поднявшись в номер, он заявил:

– Олигарх вышел со мной на связь и предлагает полмиллиона при условии, что мы все будем молчать. Деньги привез с собой. Вам – 125 тысяч, остальное – мне. Сделку можно осуществить немедленно. Нужны только записи.

Болданюк усмехнулся и ответил, что «пива» в Вене нет, и он не собирается разговаривать с делегацией из Киева. Мой друг, нужно отдать должное его проницательности, заранее предполагал нечто подобное. Он сразу же сообщил мне, что «пиво» осталось в Чехии, и ему интересно будет узнать, зачем оно вдруг срочно понадобилось Мыколе.

В ответ на переданное украинцами коммерческое предложение Болданюк просто рассмеялся в глаза Мельниченко и попросил его вернуться и проводить гостей.

Так Ляшко и Левочкин улетели ни с чем. А у нас потом состоялся трудный и напряженный разговор с майором. Он продолжался всю ночь.

Мельниченко пытался обмануть меня с Болданюком уже не первый раз. Мы знали об этом и неоднократно говорили ему. Но майор всегда пояснял, что не желает нас ставить в затруднительное положение и именно поэтому берет всю инициативу на себя, а также в целях конспирации старается избежать ненужной утечки информации. Кроме того, по его словам, существуют вещи, которые известны лишь ему одному, и он их никому не доверяет.

– Хватит этих фокусов. Давай договариваться всерьез и окончательно, – сказал ему на это Болданюк.

Мы проговорили с Мельниченко до 5 часов утра. Говорили обо всем, что связано с историей кассетного скандала. Вспоминали подробно о том, как начинал Мельниченко, как действовал по ходу развития

событий, что сейчас делает. С кем сотрудничал, какие имел контакты за этот период. Какие делал ошибки. Кому он помог, кому причинил неприятности и неудобства. То есть мы сделали анализ всего произошедшего с момента отъезда майора из Украины.

Во время нашего разговора было заметно, что Мельниченко бесконечно устал от этой истории. Перед ним сидели двое, кто помог ему в трудную минуту, сохранил записи. Те, кому он мог доверять.

Мы заявили ему, что пора со всем этим заканчивать. Так дальше не может продолжаться. Мельниченко к этому времени не имел уже контактов ни с оппозицией, ни с парламентской комиссией. Им манипулировали люди, не имевшие ни малейшего отношения к Украине. Мы предложили ему обратиться официально к украинским властям с тем, чтобы все эти записи отправить на исследование. Должна быть, наконец, дана оценка этому на государственном уровне, поскольку записи не являются собственностью США, Чехии или Германии, а собственностью Украины. Независимо от мотивов, которыми руководствовался Мельниченко, вывозя свой архив. То есть, мы требовали от майора определиться с передачей записей в Украину.

В результате за эту ночь Мельниченко от руки написал доверенность. Этим документом он уполномочил меня вести от его имени переговоры с официальными представителями Украины. Это могли быть Президент, Верховный Совет, Министерство юстиции, Генпрокуратура, СБУ. Мельниченко заявлял, что не желает, чтобы его дальше эксплуатировал кто угодно. Он желал избавиться от давления госслужб США, которые требовали записи под предлогом расследования дела Лазаренко. Майор заявлял, что не хочет, чтобы госсекреты Украины стали известны за рубежом. Он соглашался полностью отойти от этого всего, но хотел знать, какие ему могут быть

предложены гарантии и вознаграждение. Он готов был выслушать предложение украинской стороны. Мельниченко сообщал, что готов передать все записи в обусловленном месте (он предлагал сделать это в Посольстве Украины в Вашингтоне) в распоряжение представителей украинского государства. Чтобы эти компакт-диски были опечатаны под его роспись, чтобы при этом присутствовали его адвокаты и пресса. С целью нераспространения государственных секретов и других данных, которые бы могли повредить Украине. А что касается информации относительно зафиксированных на записях свидетельств преступлений, то это внутреннее дело Украины, и именно украинские компетентные органы должны использовать эти сведения и дать им правовую оценку. Так считал майор.

Единственной оговоркой было то, что он не может изменить свои показания, данные следственной комиссии Верховного Совета Украины по Гонгадзе и Ельяшкевичу. Речь шла исключительно о юридической процедуре.

Я позвонил Верховскому. Спросил его, что делали Левочкин и Ляшко в Вене и кем это санкционировано. Верховский дал понять, что он уже в курсе происходящего. Он сказал, что они со Степаном срочно вылетают в Вену.

Я сделал еще один звонок. На этот раз – секретарю СНБО Украины.

– Не переживайте, Владимир Иванович, – саркастически бросил в ответ Радченко. – Игорь Петрович – государственный человек. Разберется.

Обращение Мыколы Мельниченко к официальной Украине в течение 24 часов лежало на столе «государственного человека».

С того времени прошло 7 месяцев. Официальная Украина по поводу обращения Мельниченко молчит. Два

месяца молчит майор. А государственные секреты Украины из кабинета главы государства продолжают гулять по миру.

notes

[\[1\]](#)

Обвинения в похищении и убийстве известного журналиста Георгия Гонгадзе предъявлены второму президенту Украины Леониду Кучме (в марте 2011 года) и генералу Алексею Пукачу (в 2000—2003 начальник главного управления криминального розыска МВД Украины). Трое исполнителей похищения и убийства Валерий Костенко, Александр Попович и Николай Протасов в 2008 году осуждены и приговорены к длительным срокам заключения.

Имя генерала Алексея Пукача фигурировало в деле о похищении и убийстве известного журналиста Георгия Гонгадзе еще в 2003 году. Пукач был задержан Генеральной прокуратурой Украины, по обвинению в уничтожении документов, свидетельствующих о слежке за Гонгадзе в мае-июле 2000 года. Так же под подозрение следователей попал тот факт, что Пукач в 2003 году по неизвестной причине получил в Киеве новую трехкомнатную квартиру в элитном доме. В ноябре этого же года, Пукач был освобожден под подписку о невыезде, но тут же исчез, и о его местонахождении не было известно 6 лет. Прокуратура объявила его в международный розыск, и в 2005 году заочно предъявила обвинение убийстве Гонгадзе. В 2003—2009 годах о реальном местонахождении Пукача не было известно.

21 июля 2009 года, Пукач был арестован сотрудниками СБУ в селе Молочки Чудновского района Житомирской области, где он последний год тайно

проживал в очень стесненных условиях под именем Петр со своей сожительницей и ее сыном. После ареста, Пукач сразу же был доставлен в Киев, где пребывал в неизвестном месте под круглосуточной охраной спецподразделения СБУ «Альфа». Кто заказчик убийства Гонгадзе — вот главный вопрос, ответ на который следователи хотят услышать от Пукача. Результаты допросов взяли под личный контроль Виктор Ющенко, Юлия Тимошенко, и Юрий Луценко.

На следующий день, 22 июля, заместитель начальника СБУ Василий Грицак заявил, что Пукач готов сотрудничать со следствием: он признал свою причастность к убийству Гонгадзе, пообещал указать на то место, где находится голова Гонгадзе, а также назвал заказчиков, имя которых, в интересах следствия будет держаться в секрете.

Один из инициаторов т.н. «кассетного скандала», Николай Мельниченко заявил, что показания Пукача могут повлиять на привлечение к уголовной ответственности председателя Верховной Рады Украины Владимира Литвина. Охрана Мельниченко и Пукача была усилена.

Тарас Чорновил заявил, что Пукач следил за его отцом в день его гибели, которую Тарас до сих пор считает убийством. В ответ, Генеральный Прокурор Украины Александр Медведько заявил, что его ведомство проверит эти сведения.

24 июля Пукачу официально избрали меру пресечения: содержание под стражей сроком на 2 месяца, а также предъявили обвинения среди которых: убийство Гонгадзе, похищение и избиение Алексея Подольского (украинский журналист и правозащитник), и уничтожение документов.

27 июля 2009 года его адвокат Сергей Осыка сообщил, что Пукач отказался на период предварительного следствия от его услуг в пользу

защитника, предоставляемого государством, что было объяснено его бывшим адвокатом оказанным на Пукача давлением либо потерей адекватности.

По результатам следствия, которое было закончено 6 декабря 2010 года, установлено, что генерал Алексей Пукач, получив приказ от тогдашнего Министра внутренних дел Украины Юрия Кравченко ликвидировать Георгия Гонгадзе, 17 сентября 2000 год совершил это убийство во главе преступной группы состоящей из работников ГУ МВД Украины Валерием Костенко, Александром Поповичем и Николаем Протасовым (в 2008 году первые двое были приговорены судом к 12 годам заключения, третий — к 13 годам).

22 марта 2011 года Генеральной прокуратурой Украины (ГПУ) было возбуждено уголовное дело против второго Президента Украины Леонида Кучмы по подозрению в причастности к убийству журналиста Георгия Гонгадзе и незаконных действий в отношении журналиста Подольского. ГПУ признала вещественными доказательствами скандальные пленки экс-майора Госохраны Николая Мельниченко (по материалам Википедии: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%83%D0%BA%D0%B0%D1%87>).

24 марта 2011 года в ГПУ выдвинули обвинение второму Президенту Украины Леониду Кучме по статье Уголовного кодекса в редакции 1960 года. Следователь по особо важным делам предъявил Кучме обвинение в превышении власти и служебных полномочий, которое привело к гибели журналиста Георгия Гонгадзе. Поскольку в 2000 году действовала редакция УК 1960 года, то и обвинение предъявлено по старому кодексу - статье 166. Применение положений УК относительно сроков давности преступления, согласно

законодательству, является компетенцией исключительно суда.

Леонид Кучма подозревается в превышении власти, незаконных поручениях должностным лицам МВД, которые привели, в последствии, к убийству журналиста Георгия Гонгадзе.

Статья 166 Уголовного кодекса 1960 года называется "Превышение власти или должностных полномочий". Часть 3 этой статьи предусматривает, что превышение власти или должностных полномочий повлекли тяжкие последствия. Санкция статьи – лишение свободы на срок от 5 до 12 лет с лишением права занимать определенные должности. В связи с тем, что преступление было совершено до момента вступления в силу Уголовного кодекса в новой редакции, уголовное дело возбуждается по статьям в редакции УК 1960 года.

[\[2\]](#)

ПЕРВАЯ ЖЕРТВА ПУКАЧА С ПОДРУЧНЫМИ

На именном блоге (<http://opodolski.livejournal.com/>) Алексея Подольского появились сведения из уголовного дела по расследованию гибели экс-главы МВД Украины Юрия Кравченко весной 2005 года. Напомним, что сам Подольский был первой (из известных) жертвой генерала Алексея Пукача (в 2000—2003 начальник главного управления криминального розыска МВД Украины) и его подручных, потому имеет статус потерпевшего и может знакомиться с объединенным делом (туда входят и материалы касательно гибели Кравченко).

Еще до убийства Гонгадзе генерал Алексей Пукач (в 2000—2003 начальник главного управления криминального розыска МВД Украины) и «со товарищи» вывезли Алексея Подольского в лес в Черниговскую область, избили, но оставили в живых (ему мстили за политическую оппозиционную деятельность). Это

произошло в ночь на 10 июня 2000 года. Подольский кое-как добрался до ближайшего поста ГАИ, после чего подал заявление в Прилуцкий райотдел милиции. И уже тогда указал, что напали на него работники милиции, и даже написал, что заказчиками считает Кучму и Кравченко. (По мнению Подольского, именно произошедшее с ним заставило серьезно задуматься об опасности и Георгия Гонгадзе, который после этого и написал свое заявление в ГПУ о слежке). Позже дело о нападении на Подольского прошло через суд, двое подручных Пукача были осуждены, сам генерал был в бегах.

Корреспондент «Сегодня» Александр Корчинский связался с Подольским и попросил его прокомментировать для «Сегодня» подробности гибели Юрия Кравченко.

— Алексей, почему вы решили обнародовать сведения, которые почерпнули из материалов уголовного дела? Не боитесь наказания за разглашение следственной тайны?

— Нас, потерпевших по «делу Гонгадзе», строго предупреждали, что мы до суда не можем разглашать то, что в процессе изучения материалов нам станет известно. Мы этого придерживались. А тем временем некоторые чиновники, юристы не раз оглашали сведения, выдернутые из уголовного дела. Похоже, ГПУ хочет выделить материалы о заказчиках и потом их «похоронить». Как в этой обстановке молчать? К тому же ниже речь пойдет о материалах, по которым есть уже прокурорское решение о закрытии дела, стало быть, которые уже не составляют оперативных и процессуальных секретов. Конкретно — о так называемом «самоубийстве» экс-главы МВД Юрия Кравченко. Кому было выгодно его убить? Конечно, тем, кто «заказал» ему Гонгадзе...

— Какие же новые аргументы в пользу именно убийства, а не самоубийства Кравченко вы нашли в деле?

— Я разбил их на несколько групп.

РУКИ. Экспертизы, отвечая на вопрос, кто стрелял, не утверждают, а допускают, что дважды стрелял сам Кравченко, причем, вероятно, правой рукой. При этом на ней вообще нет следов крови. Эксперты полагают: это потому, что он, мол, левой рукой (залитой кровью) закрывал правую. И на полу под подбородком — огромная лужа крови. Попробуйте накрыть одну руку другой и подставьте под струю воды: останется одна совсем сухой? Причем пистолет, который был в правой руке, залит кровью... Более того, кровь не попала на правую руку даже после второго выстрела, произведенного вплотную к виску. Почему так — эксперты не поясняют.

Далее, на руках после выстрелов обязательно остаются следы пороховых газов. Но о таких следах в деле — ни слова. И следствие, как оказалось, не поставило такой вопрос перед экспертами, хотя наличие пороховых следов было бы веским доказательством, что стрелял Кравченко сам. Вывод напрашивается один: раз на руках нет следов, стрелял кто-то другой, на чьих руках следы и остались.

ПАТРОНЫ И ГИЛЬЗЫ. Известно: если стреляющий находится на месте, то все гильзы попадут примерно в один сектор. Кравченко, судя по следам, стрелял с одного места. Но одна гильза оказалась там, где и должна была быть, а вторая — в другом углу сарая, да еще в корзине для мусора. Эксперты предположили: она, мол, срикошетила от стенки. Но когда в виде эксперимента 9 раз повторили выстрелы Кравченко, то все 9 гильз оказались там, где первая. И ни одна не коснулась стен сарая...

Зато на полу у ног Кравченко найдены два не стреляных патрона, причем ни один не давал осечку. Следствие объясняет это тем, что Кравченко, мол, наверное, механически передергивал затвор перед первым или вторым выстрелом, вот патроны и вылетели... Это смехотворное объяснение, ибо Кравченко был опытным офицером и дергать заряженный пистолет не стал бы. А уж после первого выстрела и жутких ранений — и не смог бы. Тогда откуда патроны?

Но главное, что ни на этих патронах, ни на тех, что остались в магазине и стволе пистолета, ни на гильзах нет ни одного отпечатка пальцев, даже смазанного! Вообще нет! А любой, имевший дело с оружием, знает, что снарядить магазин, зарядить оружие, не оставив отпечатки, невозможно. Разве что работать в перчатках. Но для Кравченко это было ни к чему, ведь на самом оружии его отпечатков полно, значит, он не принимал меры к их отсутствию на патронах. А вот убийца мог об этом позаботиться. Но следствие почему-то на этот факт внимания не обратило.

ЗАПИСКА. Согласно экспертизе, предсмертная записка Кравченко написана шариковой ручкой на листке, вырванном из блокнота. Также эксперты утверждают, что написана она была непосредственно накануне смерти. Кравченко из своего жилища не отлучался с вечера. Однако даже тщательные поиски не дали результата: ни ручки, которой писалась записка, ни блокнота, откуда вырван лист, не нашли. Ответ на эту загадку может быть прост: эти вещи не принадлежали покойному и их унесли с собой убийцы.

И еще. В описании записки фигурируют некие «бурые пятна» на ней. Но никто почему-то их не исследовал. А ведь обычно похожие пятна оставляет кровь. Но если на записке кровь, то версия о самоубийстве рушится (он не мог писать после

выстрелов, да еще засунуть глубоко под одежду, и там не оставить кровавых следов). К тому же в деле нет экспертизы на отпечатки пальцев на записке. Почему ее не делали? Может, потому что знали: отпечатков пальцев Кравченко там нет? И тогда записка противоречит версии самоубийства...

— Это все найденные вами аргументы в пользу убийства Кравченко?

— Есть еще ряд признаков того, что самоубийства не было. Есть свидетели, говорящие, что Кравченко никогда не стал бы стрелять в подбородок (он не раз за подобный выстрел критиковал стрелявшего в себя генерала Кочегарова). Есть психология суицида, не вяжущаяся с личностью экс-министра. Есть и ряд просто физиологических признаков, говорящих о невозможности самоубийства в тех условиях. О них подробно рассказывал автор первой в СССР монографии «Огнестрельные ранения головы» Николай Полищук, занимавший в свое время пост министра здравоохранения Украины (это публиковалось). Напомним главный вывод Полищука: «Возможность того, что это был самострел, должна быть исключена». Аргументов профессор приводит множество и утверждает, что уже после первого ранения Кравченко бы не пришел в себя, чтобы стрелять второй раз. (Алексей Подольский привел в качестве доказательств убийства Кравченко марта 2011 года на программе Шустер LIVE на Первом национальном канале заключение на тот момент министра здравоохранения Украины Николая Полищука, который в СССР был лучшим экспертом по ранениям головы. "Он пишет, что после такого ранения (первого), у Кравченко произошла травматическая ампутация 8-ми зубов, отстрелен нос, язык, переломаны челюсти (верхняя и нижняя) в 4 местах каждая. Любой человек с такими ранениями теряет сознание. Поэтому стрелять второй раз он не

мог. Второй момент: первый рефлекс после такого ранения — человек глотает, хватается ртом воздух. Однако экспертиза не обнаружила ни тканей, ни зубов, ни крови в дыхательных путях. Это говорит о том, что второй выстрел был сделан по бездыханному телу"). Свои выводы Полищук послал в ГПУ, но в деле об этом свидетельств нет. Кто мог отмахнуться от рекомендаций министра? Думается, никак не следователь, а либо генпрокурор, либо, что вероятнее, сам президент (на то время Виктор Ющенко). Кто-то из них, уверен, в итоге и дал следствию политическое указание расследовать именно самоубийство. Ознакомившись с «делом Кравченко», я не имею в этом ни малейших сомнений.

Оригинал

статьи

см.

<http://www.segodnya.ua/interview/14190696.html>

PS. Алексей Подольский привел 25 марта 2011 года на программе Шустер LIVE на Первом национальном канале в качестве доказательств убийства Юрия Кравченко говорил о выводах сделанных Николаем Полищуком, на тот момент министра здравоохранения Украины, который в СССР был лучшим экспертом по ранениям головы. "Он пишет, что после такого ранения (первого), у Кравченко произошла травматическая ампутация 8-ми зубов, отстрелен нос, язык, переломаны челюсти (верхняя и нижняя) в 4 местах каждая. Любой человек с такими ранениями теряет сознание. Поэтому стрелять второй раз он не мог. Второй момент: первый рефлекс после такого ранения — человек глотает, хватается ртом воздух. Однако экспертиза не обнаружила ни тканей, ни зубов, ни крови в дыхательных путях. Это говорит о том, что второй выстрел был сделан по бездыханному телу".

[3]

Валерий Малев, Генеральный директор "Укрспецэкспорта", погиб 6 марта 2002 года в очень

странной автомобильной катастрофе. Когда гендиректор "Укрспецэкспорта" Валерий Малев возвращался из Запорожья в Киев, его автомобиль столкнулся с КамАЗом. Авария произошла в Глобинском районе Полтавской области. По данным правоохранительных органов, столкновение произошло из-за того, что Малев заснул за рулем своего "Ауди".

Тарас Чорновил заявил, что гибель его отца Вячеслава Чорновила и генерального директора "Укрспецэкспорта" Валерия Малева была спланирована одними людьми. Предоставить подтверждение своим словам этих людей сдерживает единственное обстоятельство: отсутствием гарантий их безопасности. По заверению Тараса Черновола, в случае с его отцом "решение" было принято примерно за две недели до убийства, а по Малеву - за 16 часов до ДТП.

В ту эту схему укладывается еще одна трагическая смерть, о которой никто не вспоминает: три года назад в очень схожем ДТП лишился жизни иной непростой человек - первый "хозяин" украинского рынка оружия Борис Марусич. Конкуренты при жизни, Марусич и Малев погибли при весьма схожих обстоятельствах...

Никто точно не знает, что такое оружейный рынок Украины. Даже следственная комиссия Верховной Рады под руководством профессионального спецслужбиста Сергея Синченко, обладая уймой документов, не смогла дать однозначный ответ на этот вопрос. Известно, что существуют три условных рынка: продажи старых советских вооружений со складов МО (легальный и теневой); выпуска и продажи современных вооружений (тоже легальный и теневой), а также научных разработок (официальных и подпольных).

Если бы 6 марта 2002 года Малев не погиб, он, скорее всего, возглавил бы новую структуру, объединяющую три рынка вооружений (новое, старое и создаваемое), плюс банки, плюс российский капитал.

Идея создания этого еще не родившегося монстра под условным названием "Национальная акционерная компания (НАК) "Спецэкспорт" имела как сторонников, так и противников. Ярыми противниками были предприятия ВПК (в первую очередь харьковский танковый завод им. Малышева), имевшие внешнеэкономическую лицензию и давно ненавидевшие "Укрспецэкспорт" с его дочерними фирмами. В числе сторонников - давние друзья Малева россияне (у них изначально действует один концерн "Росвооружение") и отечественный "Укрспецимпэксбанк" (бывший "Банкирский дом"), претендовавший на роль главного банка НАК "Спецэкспорт".

По материалам публикации в интернет издании Украина Криминальная (<http://cripo.com.ua/stati/rub-8/r8-s41.htm>)

[4]

Зинченко, Александр Алексеевич родился 16 апреля 1957 года в семье советского разведчика, организовавшего известный обмен Фрэнсиса Пауэрса на Рудольфа Абея.

С 1983 года работал в комсомольских организациях, в частности в структуре ЦК ВЛКСМ, где был заведующим отделом пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ, затем секретарём ЦК.

В 1996—2003 — член СДПУ(о), с 1998 — первый заместитель председателя СДПУ(о).

Народный депутат Верховной рады Украины III и IV созывов, вице-спикер Верховной рады IV созыва.

Был президентом телеканала «Интер». В 2003 году вышел из СДПУ(о) и отказался от должности руководителя канала.

Осенью 2004 возглавил избирательный штаб Виктора Ющенко на президентских выборах.

Январь — сентябрь 2005 года — государственный секретарь (руководитель Секретариата президента).

Подавал в отставку, обвинив в коррупции ближайшее окружение Виктора Ющенко (Петра Порошенко, Александра Третьякова и др.), чем спровоцировал кризис власти и отставку правительства Юлии Тимошенко.

На парламентских выборах 2006 года возглавлял список Партии патриотических сил Украины (ППСУ), набравшей всего 0,1 % голосов. 3 июля 2006 года Александр Зинченко был исключён из ППСУ.

Октябрь 2006 — назначен советником Виктора Ющенко по вопросам информационной политики.

Президиум совета Народного союза «Наша Украина» (почётным председателем которого является Виктор Ющенко) заявил в связи с этим назначением, что «безответственный политик, который развалил работу государственного секретариата и не справился со своими должностными обязанностями, о чём заявил президент в прошлом году, не имеет морального права давать советы главе государства».

На выборах в Киевский Городской Совет 2008 года занял пост председателя БЮТ в КГС.

В феврале 2009-марте 2010 гг. — Генеральный директор Национального космического агентства Украины.

9 июня 2010 года скончался от онкологического заболевания. Похоронен 11 июня на Байковом кладбище.